

Дин Кунц Холодный огонь

Аннотация

Совершенно необъяснимым образом на протяжении нескольких месяцев в разных уголках США один и тот же человек, неожиданно появляясь, спасает людей за считанные мгновения до неминуемой трагедии. Заинтересованная странными происшествиями начинающая журналистка нападает на след незнакомца. Она решает выяснить, что за могущественная сила помогает бывшему школьному учителю Джиму Айренхарту предотвращать преступления. То, с чем она сталкивается в ходе расследования, буквально ошеломляет ее...

Дин Кунц Холодный огонь

Нику и Вики Пейдж, людям, которые умеют быть добрыми соседями и друзьями — стоит им только этого пожелать — и Дику и Пэт Кэрнал, одним из немногих в Голливуде, кому удастся владеть собственной душой — и всегда принадлежать самим себе.

Благодаря вам моя жизнь стала странной, но зато интересной!

Часть первая Герой, друг

Мир реальный — лишь грезы,
Все в нем — сон, полуложь,
Радость, боль и угроза —
Все иначе, чем ждешь.
Жизнь без цели, без смысла
Не рождается в мир.

Мы находим ту искру,
Что зажег наш кумир...
Или черный рог Смерти
Нас вызывает на пир.
Жизнь, лишенная цели,
Ослепляет, как дождь,
Мы блуждаем в потемках
В сердце холод и дрожь...
Или жаждою смерти
Обагреем свой нож.

«Книга Печалей»

12 августа

Глава 1

Опасность неотвратимо приближалась. Он мог бы это почувствовать еще до происшествия в супермаркете. Во сне его преследовала стая гигантских черных птиц, которые кружились над ним с пронзительным клекотом и неистовым хлопаньем крыльев. Джим Айренхарт бежал по полю, падал и снова бежал, пытаясь спастись от кривых, острых, как скальпель, клювов. Он проснулся весь в поту и долго не мог отдышаться. Затем, чувствуя, что ему не хватает воздуха, шаркающей походкой вышел на балкон. Но к девяти тридцати термометр показывал двадцать восемь градусов. Ощущение удушья, с которым он проснулся, усилилось.

Джим принял холодный душ, побрился и немного пришел в себя.

В пустом холодильнике завалился заплесневелый кусок пирога, цвет которого наводил на мысль о новом, особенно смертельном штамме ботулина, выведенном в лабораторных условиях. Приходилось выбирать: умереть с голоду или открыть дверь и шагнуть в раскаленное августовское пекло.

В знойной синеве калифорнийского неба не видно было ни одной птицы. В отличие от тех бестий, что гнались за ним в ночном кошмаре, все они попрятались в кронах деревьев, и из густой листвы изредка доносился их негромкий щебет. Собаки, поджимая лапы, трусили по тротуару. Никто из случайных прохожих не усомнился бы в том, что на раскаленном бетоне можно поджарить яичницу.

После легкого завтрака во дворике одного из кафе Лагуна-Бич Джим откинулся на спинку стула совершенно обессиленный. По лбу катились крупные капли пота. Один из редких дней на побережье, когда все безжизненно и с океана не дует даже самый слабый ветерок.

Долгожданное спасение от жары он обрел в ближайшем супермаркете. В зале работали кондиционеры, и струи холодного воздуха приятно освежали тело, продувая легкие брюки и тонкую майку.

Джим стоял в кондитерском отделе и разглядывал пачку миндального печенья и шоколадную плитку, решая, какая покупка будет меньшим преступлением против диеты. И в это время начался приступ. Это не был приступ в обычном понимании: никаких конвульсий, судорог, пота или странных звуков. Джим просто повернулся к стоявшей рядом покупательнице и сказал:

— Линия жизни.

Та отступила на шаг и окинула его настороженным взглядом.

— Простите, что вы сказали?

Симпатичная женщина лет тридцати в шортах и короткой блузке. Мужчины на таких заглядываются. Наверное, подумала, он пытается с ней познакомиться.

Хватит, приказал он себе, не бойся!

По телу пробежала дрожь. Кондиционер тут был ни при чем: внутри извивался скользкий, как угорь, холод.

Силы оставили его, ладонь разжалась, и пачка печенья шлепнулась на пол.

Ему было неловко, но он ничего не мог с собой поделать и повторил:

— Линия жизни.

— Извините... я не понимаю, — ответила женщина.

Это случилось с ним уже в десятый раз, но он шепнул:

— Я... сам не понимаю.

Она сжала в руках коробку с ванильными пирожными, точно собиралась швырнуть ее Джиму в лицо и пуститься бежать. Похоже, в голове у нее крутился один из газетных заголовков вроде:

«Кровавая трагедия в супермаркете». Но покупательница была доброй самаритянкой и, несмотря на испуг, решила спросить:

— Вам плохо?

Должно быть, он стал совсем бледный, казалось, вся кровь отхлынула от лица. Ему захотелось успокоить женщину и он попробовал улыбнуться. Вышла гримаса.

— Я, пожалуй, пойду.

Оставив тележку с покупками, Джим неверной походкой пошел к выходу. После прохлады супермаркета жара на улице оглушила, от мгновенной разницы температур у него перехватило дыхание.

Горячий асфальт на автостоянке прилипал к подошвам. Солнечные лучи играли на стеклах, разлетались на тысячи зеркальных осколков, ударяясь о хромированные бамперы и решетки автомобилей.

Он сел за руль и включил кондиционер. Однако это не помогло. И после того, как его «Форд» выехал со стоянки и повернул в сторону Краун-Вэлли-Парк, воздух в салоне машины оставался горячим, как в печке. Джим опустил боковое стекло.

Сначала он не знал, куда едет. Затем возникло неясное чувство, что следует вернуться домой. Это ощущение постепенно усиливалось и переросло в твердую уверенность: ему во что бы то ни стало нужно попасть домой.

Он ехал слишком быстро, шел на рискованный обгон и снова вклинивался в поток машин. Такая езда была не в его привычках. Останови его сейчас полиция, Джим не смог бы объяснить, зачем эта спешка. Он этого и сам не знал.

Казалось, невидимый дирижер управлял каждым его движением точно так же, как он сам управлял автомобилем.

Джим снова приказал себе успокоиться, но страх держал его мертвой хваткой.

Наконец он въехал во двор своего дома в Лагуна-Нигель.

Остроконечные тени пальмовых листьев на ослепительно белой штукатурке были похожи на черные трещины, словно дом высох и раскололся на солнцепеке. Его красная черепичная крыша вздымалась в небо, как пламя.

Солнечные лучи, проникавшие в спальню сквозь затемненные стекла окна, освещали комнату красноватым светом. Медный отблеск лежал на белом покрывале, сливаясь с длинными полосами теней от полузакрытых ставен. Джим включил торшер, открыл шкаф, достал саквояж и только теперь понял, что уезжает и что ему нужно собрать вещи в дорогу. Он уложил на дно саквояжа бритву, зубную пасту, щетку, полотенце и сверху, на всякий случай, две смены одежды. Он не знал, куда едет и на сколько. Его рискованные путешествия или задания, Бог знает, как их назвать, обычно были короткими — два-три дня, не больше.

Джим задержался у шкафа, раздумывая, не забыл ли он чего-нибудь. Впрочем, он рисковал своей жизнью, и каждая поездка могла стать последней. Поэтому пара забытых или лишних вещей не играла никакой роли.

Он захлопнул саквояж и некоторое время смотрел на него в нерешительности, не зная, что делать дальше.

Потом сказал:

— На самолет.

Теперь он был в этом уверен.

Дорога до аэропорта Джон Уэйн, расположенного на юго-восточной окраине Санта-Аны, заняла у него не более получаса. По пути в глаза бросились плакаты с призывом экономить воду — напоминание о том, что, до того как в Южную Калифорнию провели акведуки, здесь была настоящая пустыня. Жители сажали перед новыми белыми зданиями неприхотливые кактусы и траву. Зеленые посадки и чистые нарядные домики сменялись холмами, покрытыми бурой, выжженной солнцем травой. Одна-единственная спичка в дрожащей руке маньяка — и трудно представить, что может произойти.

Поток пассажиров на входе в центральное здание аэропорта не иссякал ни на минуту. Их черные, красные, желтые лица опровергали миф об Апельсиновой Стране, населенной одними протестантами англосаксонского происхождения. В зале говорили на нескольких языках. Джим насчитал четыре, кроме английского, пока шел к табло отправления рейсов Тихоокеанской авиакомпании. Его взгляд скользнул по колонке названий, высвеченных на мониторе, и замер на предпоследнем — Портленд, штат Орегон. Невидимая сила подтолкнула Джима к окошку билетной кассы.

— Рейс на Портленд через двадцать минут. Свободные места еще есть? — обратился он к молодому человеку за стойкой, чье чисто выбритое лицо и аккуратная униформа напомнили ему образцового служащего Диснейленда.

Тот повернулся к экрану компьютера.

— Вам повезло, осталось три места. — Молодой человек взял протянутую ему кредитную карточку и стал оформлять билет.

Джим с удивлением заметил, что уши у него проколоты. Достаточно большие отверстия в мочках говорили о том, что после работы кассир носит тяжелые серьги. Молодой человек вернул кредитную карточку, при этом рукав его рубашки задрался, и Джим успел рассмотреть оскаленную пасть дракона на правом запястье. Яркая цветная татуировка покрывала всю руку. Кожа на костяшках пальцев была сбита, скорее всего в драке. Джим отошел от кассы, размышляя, в каком мире живет этот служащий аэропорта после того, как снимает униформу. Похоже, парень был обычным панком.

Самолет оторвался от земли и стал набирать высоту, уходя к югу. Безжалостное солнце слепило глаза. Затем они повернули на восток, пересекли береговую полосу и повернули на север. Огненный шар в иллюминаторе исчез, и Джим видел только ослепительные блики на воде. Внизу покачивался океан, переливаясь в лучах солнца, как магма, текущая из отверстия в земной коре.

Джим почувствовал, что невольно стискивает зубы, и перевел взгляд на свои руки: побелевшие пальцы сжимали подлокотник кресла — так большая испуганная птица цепляется когтями за ненадежную опору.

Джим попробовал расслабиться.

Полета он не боялся. Но впереди его ждал Портленд, где притаилась смерть, готовая нанести коварный удар.

Глава 2

Журналистка Холли Тори приехала в частную школу на западе Портленда, чтобы взять интервью у учительницы Луизы Тарвол, чью книгу стихов приобрело одно из крупнейших нью-йоркских издательств. Это было событие, достойное внимания в век, когда большинство людей под словом «поэзия» понимает тексты популярных песен и рифмованные строчки телероликов, рекламирующих собачьи консервы, средства от пота или автопокрышки.

В этот летний день школа оказалась почти пустой. Одна из учительниц взялась присмотреть за классом Луизы, а она сама и Холли направились к столику из красного дерева.

Перед тем как усесться на скамейку, Холли провела ладонью по доске и убедилась, что ее белому платью ничто не грозит.

Рядом находилась игровая площадка: слева — гимнастический городок, справа — качели. Было тепло и пахло сосновой хвоей.

— Вы только обратите внимание, какой здесь воздух! Дыши — не надышишься! — Луиза сделала глубокий вдох и прикрыла глаза. — Сразу видно, что мы на краю огромного парка. Чистота, почти не тронутая цивилизацией.

Перед встречей Том Корви, редактор раздела «Досуг и развлечения», поручивший Холли это задание, дал ей прочесть «Шелест кипариса и другие стихи». Окажись книга по-настоящему интересной, Холли была бы счастлива. Она всегда радовалась за других людей, может быть, потому, что ее собственные успехи в журналистике оставались довольно скромными, а чужие удачи вселяли надежду в собственные силы. Но, к сожалению, стихи были скучными и сентиментальными. Они уныло славил красоты дикой природы и выглядели как неудачное подражание Роберту Фросту, к тому же подслащенное опытным редактором, знающим вкусы читающих бабушек.

И тем не менее Холли не собиралась писать разгромную статью. За годы работы ей встречалось слишком много репортеров, готовых из зависти, злобы или ложного чувства превосходства разнести в пух и прах ни в чем не повинного человека. Ее статьям всегда недоставало злости, если только она не писала об особенно гнусных преступниках и политиках. Это и было одной из причин, почему Холли, проработав в трех центральных газетах, в конце концов перебралась в скромное помещение редакции «Портленд пресс».

Тенденциозные статьи зачастую смотрелись ярче, эффектнее, чем беспристрастные, взвешенные репортажи; о них спорили, ими восхищались, и, конечно, газеты, которые их печатали, шли нарасхват. Однако и теперь, даже несмотря на растущее чувство неприязни к Луизе Тарвол и ее стихам, Холли все же не решилась бы на подобный шаг.

— Только в единении с природой, вдали от цивилизации я живу, слышу голоса деревьев, кустарников, рыб...

— Голоса рыб? — Холли едва не рассмеялась.

Луиза нравилась ей внешне: волевая, деятельная женщина тридцати пяти лет. Самой Холли было тридцать три, но выглядела она лет на десять моложе Луизы. Бронзовое обветренное лицо, лучики морщин у глаз и у рта, выгоревшие на солнце волосы выдавали в поэтессе человека, привыкшего большую часть времени проводить на воздухе. Она и одета была очень просто: джинсы, синяя клетчатая рубашка.

— В лесу, даже в грязи, — говорила Луиза, — чистота, сравнимая со стерильностью хирургической клиники.

Она запрокинула голову, подставляя лицо солнечным лучам.

— Чистота природы очищает вашу душу, и в обновленной душе рождается высокое испарение великой поэзии.

— Высокое испарение? — переспросила Холли, словно желая убедиться, что каждое бесценное слово фиксируется на пленке ее диктофона.

— Высокое испарение, — повторила Луиза и улыбнулась.

Она нравилась Холли внешне, но ее внутренний мир вызывал протест. Учительница говорила о себе как о внеземном существе, но в каждом слове чувствовалась фальшь. Ее отношение к миру не было основано на знании или интуиции — это была всего лишь прихоть. И выражала Луиза свои мнения цветисто, но неточно. Говорила много, а слова были пустыми, ничего не значащими.

Холли сама интересовалась экологией, но мысль о том, что они с Луизой сходятся во взглядах, привела ее в смятение. Всегда неприятно открывать, что в единомышленниках у тебя человек, которого считаешь глупцом.

Тут недолго усомниться и в собственной правоте.

Луиза подалась к собеседнице, положила руки на стол.

— Земля — живое существо. Она могла бы говорить с нами, если бы мы были этого

достойны. Отверзлись бы уста скал, растений, воды и заговорили с вами так же свободно, как говорю я.

— Какая удивительная мысль! — отозвалась Холли.

— Люди — это всего лишь вши.

— Простите, кто?

— Вши, кишасшие на живом теле Земли. — Луиза прикрыла глаза.

— Мне это никогда не приходило в голову, — сказала Холли.

— Бог не только в каждой бабочке, Бог — каждая бабочка, каждая птица, каждая живая тварь. Я бы пожертвовала миллионом, нет, десятками миллионов человеческих жизней ради спасения одной невинной семьи кроликов, потому что каждый из этих кроликов — Бог.

Экофашизм, подумала Холли, но вслух сказала:

— Я каждый год жертвую на защиту окружающей среды все, что могу, экология никогда не была мне безразлична, но, вижу, мое сознание еще не достигло таких высот, как ваше, Луиза.

Поэтесса не уловила сарказма. Она наклонилась вперед, и ее рука сжала пальцы Холли.

— Не волнуйтесь, дорогая, к вам это придет. Я чувствую в вас огромный духовный потенциал.

— Помогите мне понять, Луиза... Бог в бабочках и в кроликах, в каждом живом существе, в скалах, земле, воде... но в людях Бога нет?

— Вы абсолютно правы, и виной тому — одно из наших противоестественных свойств.

— Что вы имеете в виду?

— Люди разумны.

Холли даже заморгала от удивления.

— Да, высокая степень разумности противоестественна. Ни одно другое создание природы не обладает этим качеством. Поэтому природа боится нас, а мы подсознательно ненавидим ее и хотим уничтожить. Разум породил прогресс, а прогресс ведет к ядерному оружию, генной инженерии, хаосу и в итоге — всеобщей гибели.

— Но разве не Бог... или, скажем по-другому, не эволюция природы дала нам способность мыслить?

— Случайная мутация. Мы все мутанты, монстры.

— Но тогда, чем менее разумно живое существо... — Тем ближе оно к естественному состоянию, — закончила за нее Луиза.

Холли медленно кивнула, словно размышляя о преимуществах неразумного существования. На самом деле она думала, что со статьей у нее ничего не выйдет. Все, что говорила Луиза Тарвол, было настолько нелепо, что честность не позволила бы ей написать положительную статью. В то же время у Холли не было желания выставить эту женщину на посмешище. Всю жизнь она страдала не из-за холодного цинизма, а из-за доброты. Что может быть печальнее существования закоренелого циника с мягким сострадательным сердцем?

Холли отложила карандаш — он ей все равно не понадобится. Реальный мир не намного разумнее сегодняшней встречи, но единственно, чего ей сейчас хотелось, — это вернуться в него, не видеть этой игровой площадки и не думать о Луизе. Но она еще должна Тому Корви полуторачасовую, на худой конец часовую, магнитофонную запись интервью. Вполне достаточно, чтобы другой репортер написал статью.

— Э даете, Луиза, — обратилась она к собеседнице, — я вот думаю над вашими словами и вижу, что вы, пожалуй, ближе, чем кто-либо, к естественному состоянию.

Та приняла это за комплимент, и лицо ее просияло.

— Деревья — наши сестры, — пылко продолжала поэтесса с воодушевлением человека, обнаружившего в собеседнике благодарного слушателя; она стремилась приоткрыть Холли новую грань своей философии и, похоже, забыла, что люди всего лишь вши. — Могли бы вы своей сестре отрезать руки, рассечь ее плоть и построить дом из частей ее тела? Я уверена, что нет. У вас доброе сердце.

— Конечно, нет, — искренне ответила Холли. — Да и потом, вряд ли городской совет согласится на подобное строительство.

Она могла говорить что угодно. У Луизы не было чувства юмора, обидеть ее было невозможно.

Поэтесса продолжала разглагольствовать, а Холли, изобразив на лице интерес, задумалась о прожитой ею жизни. Она тратила бесценное время в компании идиотов и жуликов, выслушивая их излияния, безуспешно пытаясь обнаружить крупницы смысла в глупых или параноидальных историях.

Ей стало жаль себя. Как и с работой, с личной жизнью тоже не складывалось. Она не пыталась подружиться с женщинами в Портленде, возможно, потому, что в глубине души знала:

«Портленд пресс» — только случайная остановка на ее пути. Опыт общения с мужчинами приводил ее в еще большее уныние, чем репортерская работа. Она надеялась встретить настоящего мужчину, выйти замуж, воспитывать детей, жить счастливой жизнью в кругу семьи; но в последнее время все чаще спрашивала себя: настанет ли когда-нибудь такой день, когда он — добрый, умный, интересный — появится в ее жизни?

Возможно, никогда.

А если кто-то похожий на героя ее мечты и встретится на пути, то его улыбка наверняка окажется маской, скрывающей лицо маньяка — убийцы с циркулярной пилой.

Глава 3

Джим вышел из здания портлендского международного аэропорта и поймал такси. Название таксомоторной компании «Город Роз» на двери машины напомнило ему давно забытые времена хиппи. Однако водитель, чье удостоверение на приборном щитке сообщало о том, что его зовут Фрезьер Тули, объяснил, что Городом Роз называют Портленд. Роз здесь великое множество, и эти цветы считаются символом обновления и возрождения.

Точно так же, добавил он, как нищие на улицах Нью-Йорка — символ загнивания и упадка. В его тоне слышалось обезоруживающее превосходство, как видно, разделяемое многими портлендцами.

Тули, который по виду напоминал итальянского оперного певца — настоящий Лучано Паваротти, не был уверен, что правильно понял пассажира.

— Значит, сначала покатаемся по городу? — переспросил он.

— Да, я хотел бы посмотреть город, а потом уже ехать в гостиницу. Я здесь впервые.

На самом деле Джим не знал, в какой гостинице ему остановиться и когда наступит миг, ради которого он сюда приехал: сегодня вечером или, может быть, завтра. Он надеялся, знание придет к нему, надо только суметь расслабиться. Тули остался доволен таким ответом: клиент заплатит хорошую сумму по счетчику, да и роль гида ему нравилась. И правда, город стоил того, чтобы его посмотреть. Аккуратные старинные домики кирпичной кладки и железобетонные здания девятнадцатого века соседствовали с современными башнями из сверкающего стекла. Портленд утопал в зелени парков, раскинувшихся по всему городу. Шумели фонтаны, и повсюду, куда ни брось взгляд, росли розы. Цветов было меньше, чем в начале лета, но оттенков — не сосчитать.

Не прошло и получаса, как Джима охватило чувство, что отпущенное ему время стремительно сокращается. Он наклонился к водителю и услышал, как его собственный голос произнес:

— Вы знаете школу Мак-Элбери?

— Конечно, — ответил Тули.

— Что это за школа?

— Вы так спросили, что я подумал: вы знаете. Частная начальная школа в западном районе города.

Сердце Джима учащенно забилося.

— Мне нужно туда попасть. Тули нахмурился.

— Что-нибудь случилось?

— Я должен там быть.

Машина затормозила у светофора. Тули бросил взгляд на пассажира.

— Что случилось?

— Мне просто нужно там быть, — голос Джима звучал резко и подавленно.

— Конечно, какие могут быть вопросы! Страх жил в нем с того мгновения, как в супермаркете Джим обратился к женщине со словами: «Линия жизни». Теперь он бился внутри темными волнами, поднимался и гнал к школе Мак-Элбери.

Только бы не опоздать. Он обратился к водителю:

— Я должен быть в школе через пятнадцать минут.

— Что же вы раньше не сказали? Джим хотел ответить: «Я только сейчас узнал», но вместо этого спросил:

— Мы доедем за пятнадцать минут?

— Если очень постараемся.

— Плачу три цены по счетчику.

— Тройную цену?

— Если успеем. — Джим достал из кармана бумажник, извлек из него стодолларовую бумажку и протянул Тули. — Вот, возьмите вперед.

— Это очень важно?

— Вопрос жизни и смерти. Тули окинул его взглядом, ясно говорившим: парень, у тебя не все дома.

— Зеленый свет, — махнул рукой Джим. — Вперед.

Водитель еще больше нахмурился и повернулся к рулю. Проскочив перекресток, они свернули налево, и Тули до отказа выжал педаль акселератора.

Всю дорогу Джим смотрел на часы. Наконец машина притормозила у здания школы. В запасе у него оставалось всего три минуты. Джим заплатил водителю — вышло даже больше чем втрое, рванул ручку двери и выскочил из машины, сжимая в руке саквояж.

Тули высунулся из окна и окликнул его:

— Мне ждать или нет?

— Нет-нет, спасибо, не надо.

Джим захлопнул дверь, повернулся и услышал, как отъехало такси. Его взгляд впился в здание школы, белевшее в тени сосен и старых могучих платанов: большой дом колониальных времен с высокой верандой и двумя одноэтажными крыльями более поздней постройки. Лужайка перед главным входом и игровая площадка, окруженные оградой из остроконечных железных прутьев, занимали всю территорию небольшого квартала.

На крыльце постоянно хлопала дверь. Дети выскакивали из школы и, перепрыгивая через ступеньки, сбегали вниз по лестнице. Смеясь и болтая, они шли по дорожке мимо Джима, держа в руках книги, мольберты, коробки для завтраков, разрисованные картинками из мультфильмов. Через открытую калитку они выходили на улицу и расходились в разные стороны.

Осталось две минуты. Ему не нужно было смотреть на часы. Сердце отбивало два удара в секунду, и он знал время, словно сам был секундной стрелкой.

Солнечные лучи, проникавшие сквозь раскидистые кроны деревьев, рождали удивительную игру света: крохотные блики танцевали на земле, прыгали по лицам детей, переливались в воздухе золотыми нитями волшебного кружева. Казалось, громче ребячий смех — и ярче вспыхивает прозрачная солнечная ткань. Безмятежно спокойный, чудесный летний день.

Но смерть затаилась поблизости.

Теперь он знал: она угрожает одному из детей. Трое учителей на крыльце в безопасности. Катастрофы, в которой могут погибнуть десятки детей, можно не бояться. Взрыва, пожара или падения самолета не произойдет. Только трагедия одной человеческой

жизни. Но как узнать, кто из детей в опасности?

Его взгляд метался по веселым загорелым лицам идущих мимо детей, пытаясь различить на одном из них печать неминуемой смерти. Но их цветущий вид говорил о том, что все они собираются жить вечно.

— Кто же из них? — сказал он вслух, обращаясь не к себе и не к детям, может быть, спрашивая у Бога: кто из них?

Малыши выходили на улицу. Одни шли вверх к перекрестку, другие спускались под гору в сторону соседнего квартала. И там, и там женщины в ярких оранжевых куртках, размахивая красными флажками, собирали детей в небольшие группы и переводили через дорогу. Улица была пустынна, и опасность, что кто-нибудь из детей попадет под машину, казалась маловероятной.

Полторы минуты.

Джим бросил взгляд на два желтых автобуса на школьной стоянке. Похоже, большинство детей из Мак-Элбери жили неподалеку и ходили домой пешком. В автобусы садилось всего несколько школьников. Водители стояли у входа, перешучиваясь с юными пассажирами, которые штурмовали автобус с присущей своему возрасту энергией.

Смерть была рядом.

Всего в нескольких шагах.

Внезапно золотая паутина исчезла, и сквозь яркую филигрань света проступили черные тени: игольчатые тени сосновых ветвей, широкие тени стволов, геометрически ровные тени остроконечных прутьев железной ограды. Никто, кроме Джима, ничего не заметил, зловещая перемена произошла только в его сознании. Теперь каждое пятно могло стать дверью, через которую проникнет смерть.

Одна минута.

Он бешено рванулся к группе школьников, спускающихся под гору, догнал и быстро пошел рядом, заглядывая им в лица и встречая недоуменные взгляды. Джим и сам не знал, каким должен быть знак смерти. Он спешил, саквояж молотил его по ногам.

Пятьдесят секунд.

Тени сгущались, обволакивая, поглощая солнечный свет.

Он остановился, обернулся и посмотрел туда, где улица шла на подъем. Там, на перекрестке, стояла женщина с красным флажком, по ее сигналу дети переходили улицу. Пятеро из них как раз шли по переходу.

Еще несколько малышей приближались к краю тротуара.

Водитель желтого автобуса окликнул его:

— Эй! Что случилось?

Сорок секунд.

Джим бросил саквояж и побежал к перекрестку. Он все еще не знал, что должно произойти и кому из детей угрожает опасность. Невидимая рука, заставившая собрать вещи и вылететь в Портленд, вела его к цели. Стайка ребят брызнула в разные стороны, освобождая дорогу.

Взгляд его был устремлен в одну точку — на перекресток, все остальное расплывалось, становилось черным, и белые полосы перехода надвигались на него, как сцена в темном зале, освещенная лучами прожекторов.

Полминуты.

Две женщины замешкались, уступая ему дорогу. Джим попытался увернуться, но налетел на блондинку в белом летнем платье и чуть не сбил ее с ног. Не теряя ни секунды, он продолжал свой отчаянный бег, чувствуя, как обжигает лицо холодное дыхание смерти.

Добежал до перекрестка, перепрыгнул через бордюр и остановился. Четверо малышей семенили по переходу. Один из них — жертва. Но кто? И что должно произойти?

Двадцать секунд.

Женщина с флажком окинула его непонимающим взглядом. Трое детей уже достигли противоположной стороны улицы, а четвертый ребенок — маленькая рыжеволосая девочка

— немного отстала. На тротуаре дети в безопасности, смерть поджидает свою жертву на дороге. Джим шагнул к маленькой девочке. Девочка удивленно захлопала светлыми ресницами.

Пятнадцать секунд.

Нет, ей ничего не угрожало. Он видел это в ее зеленых глазах.

Теперь вся четверка была на спасительном тротуаре.

Четырнадцать секунд.

Еще четверо детей начали переходить улицу.

Они шли мимо, поглядывая на Джима с опаской. Он знал, что вид у него не из лучших: искаженное ужасом лицо, дикий, загнанный взгляд.

Одиннадцать секунд.

Дорога пустынна. Ни одной машины. Но метрах в ста от перекрестка улица устремлялась вверх и делала крутой поворот. И если какой-нибудь идиот сейчас мчится сюда, утопив в пол педаль акселератора... Эта мысль промелькнула у него в мозгу, и Джим понял, какое орудие выбрала смерть — пьяный водитель.

Восемь секунд.

Надо предупредить детей об опасности. Пусть бегут к спасительному тротуару. Но Джим подавил готовый сорваться крик. А что, если он только испугает детей и подтолкнет обреченного ребенка навстречу смерти?

Семь секунд.

Он прислушался и различил шум мотора. Звук этот стремительно приближался, перерастая в оглушительный рев. Из-за поворота вылетел грузовик. Солнце вспыхнуло на ветровом стекле, и он, казалось, завис в воздухе, как огненная колесница в день Страшного Суда. Это длилось доли мгновения. Передние колеса с пронзительным визгом вспороли асфальт, с лязгом громыхнул кузов.

Пять секунд.

Дети бросились врассыпную. Все, кроме маленького белоголового мальчишки. Он так и остался стоять на дороге, прижимая к груди яркую коробку с завтраком. Широко раскрыв васильковые глаза, он застывшим взглядом смотрел, как вырастает черная громада грузовика, точно знал: это сама неумолимая судьба. Малыш восьми-девяти лет, спасти которого могло только чудо.

Две секунды.

Джим прыгнул под налетающий грузовик... — Ему почудилось, время остановилось, и он, как большая белая птица, медленно парит в воздухе... Сгреб малыша в охапку и, не дотянувшись до края тротуара, скатился к сухой водосточной канаве, засыпанной опавшими листьями. Ужас сковал сознание, и Джим не почувствовал боли от удара о землю, точно не на асфальт упал, а в мягкую глину.

Дикий рев мотора разорвал барабанные перепонки. Страшная тяжесть, как молот, обрушилась на левую ногу, нечеловеческая сила скрутила и сплющила ступню. Боль с хрустом и шипением прожгла бедро, и перед глазами поплыли огненные сполохи на черном небе.

Холли бросилась вслед за мужчиной с намерением хорошенько отчитать грубияна, который толкнул ее и даже не извинился. Но не успела она добежать до перекрестка, как из-за поворота, точно камень, пущенный из гигантской рогатки, вылетел грузовик. Холли застыла на месте.

Рев мотора магическим образом нарушил ход времени. Словно в замедленной киносъемке, она увидела, как незнакомец выхватывает ребенка из-под колес грузовика и прыгает в сторону. Его прыжок был так красив и стремителен, что Холли показалось, будто она наблюдает какой-то сумасшедший уличный балет. Бампер машины все-таки задел мужчину. Холли содрогнулась: в воздухе кувыркался подброшенный ударом ботинок.

Краем глаза она видела, как мужчина и мальчик катятся к тротуару, женщина-регулирующая роняет флажок, красно-серый грузовик круто виляет вправо, налетает на

стоящую машину, заваливается на бок, грохочет вниз по склону, высекая из асфальта снопы желтых и синих искр, — но все это время ее внимание было приковано к черному ботинку, который медленно, очень медленно поднимался в голубом небе, наконец завис — ей показалось, прошла целая вечность — и стал так же медленно опускаться. Холли не могла отвести глаз от этого зрелища, потрясенная жуткой мыслью, что в ботинке оторванная ступня с торчащими осколками кости и кровавыми лохмотьями артерий и вен. Ботинок медленно опускался, еще миг — и упадет на землю. Холли смотрела, завороченная его падением, сдерживая готовый сорваться крик. Ниже, ниже...

Ботинок, а точнее, кроссовка «рибок» плюхнулась в канаву в двух шагах от Холли. Она опустила глаза. Вот так, не в силах отвести взгляда, смотрела на монстра в ночном кошмаре, борясь с отвращением и одновременно испытывая неодолимое желание увидеть то, о чем нельзя даже помыслить... Кроссовка оказалась пустой. Ни оторванной ноги, даже ни капли крови.

Холли проглотила застрявший в горле крик. Почувствовала тошноту и сглотнула слюну. Грузовик перевернулся и замер в нескольких десятках метров ниже по склону. Холли находилась ближе всех к месту происшествия и первой подбежала к мужчине с мальчиком. Ребенок был цел и невредим, если не считать царапины на руке и небольшой ссадины на подбородке. Он даже не плакал.

Холли опустилась перед мальчиком на колени и взяла его за руку.

— Все в порядке, малыш?

Он был ошеломлен случившимся, но вопрос понял и кивнул:

— Да, только руку поцарапал.

Мужчина в белых брюках и синей майке, стянув носок с левой ноги, осторожно ощупывал ступню. Лодыжка была вся красная и распухла. Но ни капли крови, снова удивилась Холли.

Над мальчиком уже хлопотали подросшие учителя, регулировщица, школьник. Но Холли не слышала их возбужденных голосов. Она смотрела на мужчину, который, морщась от боли, продолжал массировать ногу. Он случайно поднял голову. Взгляд ярко-синих глаз был таким холодным, что в первый миг Холли почудилось, что она смотрит в оптические рецепторы машины.

Но незнакомец улыбнулся, и ощущение холода мгновенно исчезло. Холли поразила красота его глаз, синих и чистых, как утреннее небо. Они казались окнами, в которых можно увидеть душу.

Холли не привыкла доверяться первому впечатлению. С кем бы ни сводила ее судьба, с монахиней или главарем мафии, она всегда следовала этому правилу. Поэтому мгновенное чувство симпатии к незнакомцу потрясло ее до глубины души. Слова были первой любовью и ремеслом Холли, но сейчас она словно онемела. Просто стояла и смотрела на него.

— Могло быть хуже, — улыбнулся мужчина, и Холли улыбнулась в ответ.

Глава 4

Холли ждала Джима Айренхарта в коридоре возле мальчишечьей раздевалки. Все дети и учителя наконец разошлись. В здании было тихо, и только со второго этажа доносилось гудение электрического полотера. Пахло мелом, пластилином и сосновой хвоей от дезинфицирующей мастики.

На улице все еще возились рабочие из транспортной компании, пытаясь перевернуть и отбуксировать на стоянку разбитый грузовик. Рядом прохаживались полицейские. Водителя, который оказался пьян, отвезли в больницу, и сейчас врачи занимались его сломанной ногой, ссадинами и ушибами.

Холли собрала все необходимое для будущей статьи: сведения о Билли Дженкинсе — мальчике, который чудом остался жив, описание происшествия, свидетельства очевидцев, полицейский протокол и невнятные извинения водителя, в которых угадывалась пьяная

жалость к себе.

Не хватало только одного, но зато самого важного — информации о герое дня Джиме Айренхарте. Читатели захотят получить мельчайшие подробности, но пока она знала лишь его имя и то, что приехал он из Южной Калифорнии.

Холли не спускала глаз с коричневого саквояжа, стоявшего у двери раздевалки. Ей до смерти хотелось расстегнуть замки и заглянуть внутрь. Сначала она не поняла, откуда такое желание, но потом сообразила — сработал профессиональный навык или врожденное любопытство: человек с дорожным саквояжем на этих тихих улочках сразу привлекал внимание. Звук отворяемой двери заставил Холли виновато вздрогнуть, как будто ее поймали роющейся в чужих вещах. Перед ней стоял Джим. Он причесал свои густые каштановые волосы и постарался отряхнуть грязь с белых брюк. Левый ботинок был порван и измят.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Холли.

— Отлично, — он заметно прихрамывал. — Я ведь просил вас: никаких интервью.

— Я не отниму много времени, — пообещала она.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся он.

— Всего несколько слов, что вам стоит!

— Прошу прощения, но героя из меня не выйдет.

— Но вы спасли ребенку жизнь!

— Вы правы, но... в остальном я ужасно заурядная личность.

Что-то в облике Джима заставляло усомниться в этих словах, хотя Холли затруднялась сказать, в чем секрет его обаяния. Высокий мужчина лет тридцати пяти. Стройный, мускулистый. Джим был хорош собой, но ничто в нем не напоминало голливудскую кинозвезду. Да, синие глаза поражали своей удивительной красотой, но Холли была не из тех, кто теряет голову из-за приятной внешности.

Он взял саквояж и зашагал по коридору, прихрамывая на левую ногу.

— Вам необходимо показаться врачу, — Холли догнала Джима и пошла рядом.

— Пустяки, у меня всего лишь растяжение.

— Все равно это нельзя так оставлять.

— Куплю эластичный бинт в аэропорту или когда приеду домой.

Может быть, ее привлекла его манера держаться. Джим был безукоризненно вежлив, улыбался легко и непринужденно, по виду — настоящий джентльмен со Старого Юга, вот только речь правильная, без малейшего акцента. Несмотря на хромоту, он двигался с удивительным изяществом, и Холли вспомнила балетную легкость его прыжка навстречу мчащемуся грузовику. Грация движений и врожденное благородство в мужчине много значили для Холли, и все-таки главным было нечто иное, то, о чем она смутно догадывалась, но не могла выразить словами.

Они подошли к выходу, и Холли предложила:

— Могу подбросить до аэропорта.

— Я вам очень признателен, но, право, не стоит.

Джим открыл дверь, и они вышли на крыльцо.

— Пешком вы туда не скоро доберетесь.

Он остановился и нахмурился.

— Пожалуй, вы правы... Здесь наверняка где-нибудь есть телефон. Я вызову такси.

— Послушайте, вы меня боитесь, точно я маньяк-убийца! Честное слово, я не держу в машине циркулярную пилу.

Джим посмотрел ей в лицо и улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой.

— Вообще-то вы больше похожи на любителя поохотиться с тупой бритвой.

— Ну что вы! Мы, журналисты, предпочитаем остро отточенное перо. Однако на этой недели на моем счету ни одной жертвы.

— А на прошлой?

— Две. Но обе были несносными рекламными агентами.

— Что ни говори, а все-таки убийство.

— Но при смягчающих вину обстоятельствах.

— Убедили. Ничего не остается, как принять ваше предложение.

Синяя «Тойота» Холли находилась в глубине стоянки, через два ряда от машины, в которую врезался пьяный водитель. Тягач транспортной компании как раз тронулся с места и потащил на буксире злосчастный грузовик. Полицейские садились в патрульную машину. На черном асфальте в лучах полуденного солнца блестели неубранные осколки разбитого стекла.

Некоторое время они ехали молча.

Затем Холли спросила:

— У вас в Портленде друзья?

— Да, еще со студенческих времен.

— Вы у них и остановились?

— Да.

— И они не могли отвезти вас в аэропорт?

— Если бы самолет улетал утром, конечно, отвезли бы, но днем они на работе.

— А... — Холли не нашлась что сказать и замолчала.

Потом обратила его внимание на ярко-желтую цветочную клумбу за железным забором и спросила, знает ли он, что Портленд называют Городом Роз. Он знал.

Тогда после некоторого молчания она предприняла новую попытку:

— У них не работал телефон?

— Простите, не понял?

— Телефон в квартире у ваших друзей, вы могли бы вызвать такси из дома.

— Мне хотелось прогуляться.

— До аэропорта?

— Когда я выходил из дома, ноги у меня были в полном порядке.

— Но до аэропорта очень далеко!

— Мне не привыкать.

— Очень далеко, особенно с саквояжем.

— Он почти пустой. И потом, когда я тренируюсь, то беру в руки гантели, чтобы при ходьбе работали мышцы.

— Я сама люблю ходьбу. — Холли притормозила на красный свет. — Раньше бегала по утрам, но потом стали ныть колени.

— Со мной была та же история, и я бросил бег и перешел на ходьбу. Она дает такую же нагрузку на сердце, если держать хороший темп.

Холли хотелось продлить недолгие минуты этой беседы, и она вела машину совсем медленно. Они оживленно болтали о тренировках и диете. Одна из реплик Джима позволила ей совершенно естественно поинтересоваться именами его друзей в Портленде.

— Нет, — твердо сказал он.

— Что значит — нет?

— Я не скажу вам, как зовут моих друзей. Они тихие славные люди, и мне не хочется, чтобы к ним приставали с глупыми вопросами.

— Благодарю за комплимент, — вспыхнула Холли.

— Я не имел в виду вас, мисс Торн. Просто мне бы не хотелось, чтобы по моей милости их имена замелькали в газетах и для них кончилась спокойная жизнь.

— Многие мечтают увидеть свое имя в газетах.

— Далеко не все.

— Но может быть, им будет приятно рассказать о своем отважном друге.

— Прошу прощения, но... — Он извиняюще улыбнулся.

Она понемногу стала понимать, что так поразило ее в Джиме Айренхарте — его удивительное самообладание.

За два года работы в Лос-Анджелесе Холли приходилось встречать немало мужчин, выдающих себя за образец калифорнийского хладнокровия и уверенности:

«Положись на меня, детка, и ни о чем не думай, я с тобой, и пусть весь мир катится к

чертям». На словах это звучало эффектно, но как только доходило до дела, оказывалось пустым звуком. Иметь безукоризненный загар и подражать голливудскому спокойствию Брюса Виллиса еще не значит быть невозмутимым Брюсом Виллисом. Уверенность в себе приходит с опытом, а с настоящей невозмутимостью нужно родиться, ее можно изображать, но опытный глаз все равно отличит подделку от подлинника. Что касается Джима Айренхарта, то его невозмутимости с избытком хватало на все мужское население маленького штата Род-Айленд. Ни сумасшедшие грузовики, ни вопросы репортера не могли пробить стену его хладнокровного спокойствия. Странное дело, но одно его присутствие вселяло уверенность в собственных силах.

— У вас интересное имя, — возобновила разговор Холли.

— Джим?

Он над ней подшучивал Айренхарт — «железное сердце». Похоже на прозвище индейского вождя.

— Было бы неплохо, окажись в моих жилах кровь сиу или апачей. Это придало бы мне ореол таинственности. Но должен вас разочаровать: Айренхарт — всего лишь английский вариант немецкой фамилии Айзенхерц.

Машина выехала на Восточную автостраду и быстро двигалась к повороту на Киллингсворт. Через несколько минут они будут в аэропорту. Такая перспектива не радовала Холли. Она была репортером, и большинство ее вопросов так и остались без ответа. И, что еще более важно, Холли была женщиной, и впервые в жизни она встретила такого мужчину, как Джим Айренхарт.

Она быстро прикинула, не поехать ли в объезд и тем самым в два раза удлинить дорогу. Джим не знает города и вряд ли заметит ее хитрость. Но потом ей пришло в голову, что дорожные знаки уже сообщили о приближении к аэропорту. И, даже если Джим не обратил на них внимания, в ярко-синем небе невозможно не увидеть белые силуэты самолетов, которые один за другим взлетали и шли на посадку.

— И чем вы занимаетесь у себя в Калифорнии? — нарушила затянувшееся молчание Холли.

— Радуюсь жизни.

— Я имела в виду, кем вы работаете?

— А как вы думаете?

— Ну... во всяком случае, не библиотекарем.

— Почему вы так думаете?

— В вас есть что-то таинственное.

— А разве библиотекарь не может быть таинственным?

— По крайней мере, я таких не встречала.

Она неохотно свернула с шоссе на дорогу, ведущую к аэропорту.

— Может, вы из полиции.

— Значит, я похож на полицейского?

— У настоящих полицейских стальные нервы.

— А я-то считал себя простым и общительным. Вы думаете, у меня стальные нервы?

— Я хотела сказать, вы очень уверены в себе.

— И давно вы на репортерской работе?

— Двенадцать лет.

— Все время в Портленде?

— Нет. Здесь я около года.

— А раньше где приходилось бывать?

— Чикаго... Лос-Анджелес... Сиэтл.

— Любите журналистику?

Поняв, что Джим перехватил у нее инициативу, Холли ответила:

— Послушайте, это все-таки не игра в вопросы и ответы.

— Что вы говорите! Выходит, я ошибался.

Похоже, этот разговор его по-настоящему забавлял.

Холли почувствовала свое бессилие перед его непонятным, вызывающим раздражение упрямством. Ей не понравилось, что Джим сумел подчинить ее своей воле. Впрочем, он не имел злого умысла, и обманщик из него был неважный. Он не хотел, чтобы кто-то копался в его делах, и Холли, которая в последнее время все чаще задумывалась о праве журналиста вмешиваться в чужую жизнь, в глубине души сочувствовала ему. В конце концов ей не оставалось ничего другого, как рассмеяться.

— Победа за вами, поздравляю!

— Вы неплохо держались.

Машина притормозила у входа в здание аэропорта.

— Вот уж нет! Будь я на высоте — по крайней мере узнала бы, кем вы работаете.

Джим улыбнулся. Холли в который раз удивилась, какие синие у него глаза.

— Вы держались неплохо, но... не победили. Он вышел из машины, достал с заднего сиденья саквояж и повернулся к Холли:

— Понимаете, я просто оказался в определенное время в определенном месте, И по чистой случайности мне удалось спасти мальчика. Неужели будет справедливо, если газеты перевернут мою жизнь вверх дном из-за того, что я совершил хороший поступок?

— Нет, что вы, конечно, нет, — ответила Холли.

Джим вздохнул с облегчением:

— Благодарю вас, мисс Торн.

— Знаете, мистер Айренхарт, я тронута вашей скромностью.

Их взгляды встретились.

— А я вашей, мисс Торн.

Он захлопнул дверь машины, повернулся и исчез за стеклянными дверями аэропорта.

Прощальные слова все еще звучали у нее в ушах: «Мистер Айренхарт, я тронута вашей скромностью. — А я вашей, мисс Торн».

Холли не спускала глаз с двери, в которую только что вошел Джим. Все случившееся было слишком нереально. Как будто с ней в машине находился призрак пришельца из иных миров. Воздух позолотили лучи заходящего солнца, и Холли вспомнила: похожее свечение она видела в старых фильмах о привидениях.

Она вздрогнула от резкого жестяного грохота. Обернулась и увидела служащего аэропорта, который костяшками пальцев барабанил по капоту ее машины. Заметив, что Холли смотрит в его сторону, он указал ей на знак: «Зона погрузки». Спрашивая себя, сколько времени она провела здесь, занятая мыслями о Джиме Айренхарте, Холли отпустила ручной тормоз, завела машину и отъехала от блюстителя порядка.

«Тронута вашей скромностью, мистер Айренхарт. — А я вашей, мисс Торн».

На обратном пути Холли не покидало ощущение того, что в ее жизнь вмешались потусторонние силы. Было немного не по себе: она никогда не думала, что случайная встреча с мужчиной может так подействовать на нее. Она чувствовала себя девчонкой, маленькой глупой девчонкой. Однако ощущение приятно волновало, и Холли не хотелось, чтобы оно исчезло.

Глава 5

Вернувшись домой, Холли принялась готовить на ужин макароны с соусом из арахиса, чеснока и помидоров. Неожиданно она спросила себя: как Джим Айренхарт мог знать, что ребенок в опасности, прежде чем показался грузовик?

От этой мысли Холли перестала резать помидоры и выглянула в окно. Внизу, совсем рядом — ее квартира находилась на третьем этаже, — раскинулся парк Каунсил-Крест, освещенный багровыми лучами заходящего солнца. Янтарный свет затерянных среди деревьев фонарей выхватывал из полумрака прямые аллеи, окаймленные высокой темной травой.

...Джим Айренхарт рванулся вверх по улице и столкнулся с ней. Она бросилась вслед за ним, намереваясь хорошенько его отругать. Когда она добежала до перекрестка, Джим стоял посреди улицы, возбужденно оглядываясь. Вид у него был... странный, и дети опасливо обходили Джима стороной. Она заметила испуг на его лице и реакцию детей за одну-две секунды до того, как из-за поворота, точно дьявольская колесница, сорвавшаяся с головокружительной высоты, вылетел грузовик. Только тогда внимание Айренхарта привлек маленький Билли Дженкинс. Джим бросился под грузовик и в последний миг выхватил ребенка из-под колес.

Может быть, он услышал шум мотора, понял, что к перекрестку на сумасшедшей скорости мчится машина, и, предугадав опасность, бросился на помощь?

Холли не удалось вспомнить, слышала ли она звук мотора до того, как они с Джимом столкнулись на тротуаре. Может быть, и слышала, но не обратила внимания. А может быть, и нет, потому что была поглощена мыслями о том, как избавиться от неутомимой Луизы Тарвол, вызвавшейся проводить ее до машины.

Холли тогда казалось: еще минута поэтических излияний — и дело кончится буйным помешательством. Так что в тот миг она не думала ни о чем, кроме бегства.

В большой кастрюле на плите закипела вода. Нужно убавить газ, засыпать макароны, поставить часы...

Но Холли застыла над доской для резки овощей. Она смотрела в окно на темные громады деревьев, но видела тот роковой перекресток у школы Мак-Элбери.

Хорошо, пусть Айренхарт за полквартала услышал шум приближающейся машины, но как он сумел так быстро определить направление движения грузовика, состояние водителя и опасность ситуации? Женщина-регулирующая и дети находились гораздо ближе к машине, но были застигнуты врасплох. Впрочем, некоторые люди обладают повышенной остротой восприятия. Создатель симфоний живет в мире мелодий и ритмов, недоступных уху обычного слушателя; мастер бейсбола способен заметить крошечный мяч, летящий со стороны солнца, но большинство зрителей его не увидит; тончайший букет редкого вина — открытая книга для опытного винодела и пустое место для заурядного пропойцы. Точно так же есть люди, обладающие повышенной быстротой реакции. Достаточно вспомнить хоккеиста Уэйна Грецки, игра которого оценивается в миллионы долларов. Она видела своими глазами: Айренхарт обладал молниеносной реакцией прирожденного атлета. Без сомнения, природа наделила его и необычайно острым слухом. Обычно люди с редким физическим даром обладают и высокими спортивными данными. Все дело в наследственности. Такое объяснение все ставит на свои места. Все проще простого. Никакой мистики. Все дело в хороших генах.

За окном в парке сгущались тени. По-прежнему горели фонари, но их слабый свет отступал перед надвигающейся темнотой. Аллеи теряли очертания и растворялись во мраке. Казалось, деревья медленно придвигаются друг к другу.

Холли положила нож, подошла к плите, убавила газ и высыпала макароны в бурлящую воду.

Потом снова взялась за нож и посмотрела в окно. Алая полоса на горизонте стала кроваво-красной, багровое сумеречное небо быстро погружалось в темноту, и на нем одна за другой загорались крохотные звезды. Почти весь парк утонул в лилово-черной мгле.

Неожиданно она представила, как из темноты на освещенную аллею выйдет Джим Айренхарт, поднимет голову и посмотрит на ее окно. Он знает, где она живет, и приехал к ней.

До чего нелепая мысль! Смех, да и только. Но Холли почувствовала, как мороз пробежал у нее по коже.

* * *

Дело шло к полуночи. Холли присела на край кровати и включила ночник. Она

посмотрела на окно спальни, которое тоже выходило в парк, и снова содрогнулась от странного ощущения чужого присутствия. Хотела лечь, но после некоторого колебания встала и, как была в майке и трусиках, прошла через темную комнату к окну и раздвинула щель между шторами.

Под окнами никого не было. Холли подождала минуту, другую. Джим не появился. Смущенная, она вернулась в постель.

* * *

Пробуждение было внезапным. Холли резко подняла голову и села на кровати. Ее бил озноб. Она не знала, что ей приснилось, помнила только синие, ослепительно синие глаза, их взгляд пронзал ее насквозь, как острый нож входит в подтаявшее масло.

Лунный свет пробивался сквозь неплотно задернутые шторы. Холли встала и на ощупь прошла в ванную. Не зажигая света, включила воду и умыла лицо. Постояла, глядя на свое отражение в серебристо-черном зеркале, выпила холодной воды. Поняла, что бессознательно медлит с возвращением в спальню, боясь, что ее опять потянет к окну.

Что за глупости, сказала она себе. Что с тобой происходит?

Она вошла в спальню и, вместо того чтобы лечь, снова приблизилась к окну. Раздвинула шторы.

Его там не было.

С облегчением и вместе с тем с разочарованием смотрела Холли на ночной парк. По телу снова пробежала дрожь, и она осознала, что дело не только в непонятном страхе. Холли испытывала возбуждение и смутное сладостное предчувствие...

Предчувствие чего? Она не знала.

Встреча с Джимом Айренхартом оставила неизгладимый след в ее душе. Ничего похожего раньше не случалось. Холли безуспешно пыталась разобраться в своих чувствах. Такое простое объяснение, как сексуальное влечение, казалось бессмысленным. Она давно вышла из подросткового возраста, и то, что с ней сейчас творилось, нельзя было объяснить ни тоской по мужскому телу, ни романтическими девичьими грезами.

Наконец Холли вернулась в кровать. Она была уверена, что до утра не сомкнет глаз, но стоило ей лечь, как почувствовала, что засыпает. «Эти глаза», — слышала Холли свой голос и стала стремительно падать в зияющую пустоту.

* * *

Джим проснулся до рассвета. За окнами спальни — ночная Лагуна-Нигель. Бешено колотилось сердце, и все тело, несмотря на ночную прохладу, было мокрым и липким от пота. Опять мучили кошмары. Он смутно помнил, что во сне его опять преследовали злобные, безжалостные и могущественные силы.

Чувство смертельной опасности заставило его включить свет и убедиться, что в спальне никого нет. Ничего угрожающего.

— Уже скоро, — произнес он вслух.

И спросил себя, что значат эти слова.

20-22 августа

Глава 1

Джим напряженно следил за дорогой сквозь грязное ветровое стекло угнанного «Камаро». Солнце висело в небе ярким шаром, и от его света, белого и едкого, как сухая известка, не спасали даже черные очки: приходилось щуриться. Волны горячего воздуха

поднимались от раскаленного асфальта, и в знойном мареве возникали миражи озер, людей, машин.

По телу разлилась усталость, в глаза словно насыпали песок. Из-за миражей и песчаных вихрей Джим с трудом различал дорогу. В бесконечных просторах пустыни Мохавк пропадало ощущение скорости. Не верилось, что на спидометре почти сто миль в час. При таком состоянии это было рискованно.

Но в нем росла уверенность: стоит чуть промедлить — и случится непоправимое. От его быстроты зависит человеческая жизнь.

Джим скосил глаза на заряженный дробовик, прислоненный к спинке переднего сиденья. Возле приклада лежала коробка патронов.

Его мутило от страха, но нога сама надавила на педаль акселератора, и стрелка спидометра дернулась и переползла за стомильную отметку — Дорога перевалила через хребет. Внизу лежала круглая, как чаша, долина двадцати-тридцати миль в диаметре. На ее белых, выжженных солнцем солончаках не росло ничего, кроме серых колючек перекати-поля и сухого чахлого кустарника. Может быть, несколько миллионов лет назад в этом месте упал астероид, и след его падения, хотя и размытый прошедшими тысячелетиями, сохранил свои первоначальные очертания.

Черная нить автострады резала долину пополам. Асфальт сверкал и переливался миражами озер, а вдоль обочины мерцали и медленно корчились причудливые фантомы.

Сначала ему бросился в глаза пикап, черневший в миле впереди. Он стоял по правой стороне обочины возле сухой дренажной трубы, наполнявшейся водой только во время редких ливней.

Сердце учащенно забилося, и, хотя в салоне работал кондиционер, Джима бросило в пот. Он у цели.

В следующий миг он заметил фургон, который вынырнул из сверкающего миража и полз к выходу из долины, туда, где черная нитка шоссе исчезала среди красных скал.

Джим сбросил скорость и, не спуская глаз с удаляющегося фургона, приближался к пикапу. Он не знал, какая от него требуется помощь.

Стрелка спидометра отклонилась влево. Джим ждал, надеясь, что наступит прозрение, но все было тщетно. Обычно он действовал по наитию, подчиняясь приказам внутреннего голоса, существующего в глубинах подсознания, или становился машиной, выполняющей заданную программу. На этот раз все было иначе. С чувством растущего отчаяния Джим затормозил возле пикапа, бросил взгляд на дробовик, хотя и знал, что оружие ему не потребуется, и выскочил из машины. Багажник пикапа был забит вещами. Джим приблизился и через боковое стекло увидел фигуру мужчины, распростертого на переднем сиденье. Рванул ручку двери и содрогнулся от ужаса — все внутри залито кровью.

Человек в машине умирал, его грудь была прострелена в двух местах. Голова, неловко прислоненная к двери, напомнила Джиму склоненную набок голову распятого Христа. Исполненный муки взгляд умирающего на мгновение прояснился.

— Лиза... Сузи... Жена, дочь... — В слабом голосе незнакомца звучало неистовое отчаяние.

Его глаза закрылись, из груди вырвался последний вздох, голова упала набок. Он был мертв.

Придавленный грузом ответственности за смерть этого человека, Джим отступил от двери пикапа и застыл под палящими лучами белого солнца, опустив голову и уставившись в черный асфальт. Если бы он ехал быстрее и оказался здесь на несколько минут раньше, все было бы иначе.

Джим глухо, мучительно застонал, потом взглянул на удаляющийся фургон, и стон сменился криком ярости. Он понял, что случилось, и знал, что нужно делать.

Вернувшись в машину, он стал набивать патронами глубокие карманы своих голубых брюк. Короткоствольный дробовик двенадцатого калибра лежал рядом, стоило только протянуть руку.

Джим посмотрел в зеркало заднего обзора. Дорога пустынна. Помощи ждать неоткуда. Все зависит только от него.

Далеко впереди полз фургон, ныряя в знойном мареве. Время от времени он словно исчезал за развевающимся занавесом из стеклянных бусин.

Джим включил передачу, но колеса, взвизгнув на вязком горячем асфальте, провернулись вхолостую, и машина не тронулась с места. Жуткое эхо прокатилось по пустыне, и Джим представил, как вскрикнули жена и дочь застреленного в упор незнакомца. В следующий миг «Камаро» рванулся вперед. Джим выжал педаль акселератора и прищурился, пытаясь разглядеть цель. Наконец сверкающий занавес раздался, и проступили очертания фургона. Словно большой корабль, он медленно плыл по бескрайним волнам песчаного моря.

Фургон уступал «Камаро» в скорости, и через несколько минут Джим приблизился к нему вплотную и стал разглядывать старый девятиметровый «Рoadкинг», алюминиевые борта которого были поцарапаны, заляпаны грязью и покрыты пятнами коррозии. Занавески на окнах, когда-то наверняка белые, пожелтели от пыли и времени. Ничем не примечательный дом на колесах, принадлежащий семье стариков, любящих путешествовать, чьих жалких пенсий не хватает на то, чтобы поддерживать в достойном состоянии предмет былой гордости.

Вот только мотоцикл «харлей», прикрученный цепью к железной скобе на задней стенке фургона, небольшой, но с мощным двигателем, не мог принадлежать семье пенсионеров.

Ничто в фургоне, за исключением мотоцикла, не вызывало подозрений, и тем не менее за его стенками притаилось зло. От него исходили мощные черные волны. У Джима перехватило дыхание, будто он мог почувствовать смрадное гниение тех, кто прятался в фургоне.

Какое-то время он колебался, не зная, что предпринять, опасаясь, что его действия поставят под угрозу жизнь женщины и ребенка. Но и медлить было нельзя. Чем дольше жертвы пробудут в руках преступников, тем меньше у них шансов остаться в живых.

Он пошел на обгон, решив, что обойдет фургон и мили через две поставит свою машину поперек дороги.

Но, очевидно, водитель «Рoadкинга» видел, как Джим останавливался возле пикапа. Стоило «Камаро» поравняться с фургоном, как тот резко вильнул влево и со скрежетом обрушился на маленькую машину Джима.

«Камаро» подбросило, и Джим с трудом выровнял машину. Борт фургона отодвинулся и снова обрушился на него, вытесняя с асфальта на обочину. Еще несколько сот метров они неслись бок о бок: фургон по левой полосе, рискуя столкнуться со встречной машиной, которая могла вынырнуть из знойного марева; «Камаро», вздымая клубы пыли, по самому краю обочины.

Дорожная насыпь возвышалась на метр от поверхности пустыни; стоило чуть притормозить, машину выбросит с дороги, и она закувыркается вниз. Джим осторожно ослабил нажим на педаль, замедляя ход.

Но водитель фургона разгадал его замысел и тоже сбросил скорость. Держась вровень с «Камаро», он стал неотвратимо, сантиметр за сантиметром, выдавливать маленькую легковушку с обочины.

«Камаро» был намного легче фургона, и, несмотря на все усилия Джима, переднее колесо провалилось в пустоту. Он нажал на тормоз. Слишком поздно! Заднее колесо сорвалось с обочины, «Камаро» завалился влево и рухнул под насыпь.

Привычка пользоваться ремнями безопасности спасла от удара головой о боковую стойку или грудью о рулевое колесо. Джима бросало во все стороны, сорвало солнечные очки, но сам он остался цел. Лобовое стекло покрылось паутиной трещин, и он успел зажмурить глаза, прежде чем сверху посыпались осколки. Машина перевернулась во второй

раз, подскочила и осталась лежать вверх колесами.

Джим повис на ремнях, задыхаясь в клубках белой пыли, проникавшей сквозь разбитое стекло.

Они постараются прикончить меня.

Он стал лихорадочно шарить руками по ремню, пытаясь нащупать замок, нашел его, расстегнул и свалился на потолок перевернутой машины. Прямо на дробовик. Счастье, что в этой круговерти оружие не выстрелило.

Они идут сюда.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы найти ручку двери. Она была как раз над головой. Сначала дверь не поддавалась, но затем с металлическим треском открылась и закачалась на петлях.

С чувством, что попал в мир, созданный воображением Дали, Джим ползком выбрался из машины и вытащил дробовик. Облачко белой пыли, поднятое падением автомобиля, постепенно оседало, но он все не мог откашляться, хотя и понимал, что жизнь висит на волоске и любой неосторожный звук может привлечь внимание врагов. Оглянувшись по сторонам в поисках укрытия и завидуя скорости и неприметности маленьких песчаных ящериц, снующих у него под ногами, Джим пригнулся и бросился к руслу высохшего ручья. Глубина этого естественного дренажного канала не превышала метра. Джим спрыгнул вниз и почувствовал под ногами твердое дно.

Вжавшись в песок, он осторожно поднял голову и посмотрел в сторону «Камаро», вокруг которого еще не рассеялось облачко белой пыли. Как раз в этот миг напротив перевернутой машины остановился фургон.

Открылась дверь, и на обочину спрыгнул человек. Через несколько секунд к нему присоединился его сообщник. Эти двое ничем не напоминали пенсионеров — любителей путешествий, которых можно было бы представить за рулем обшарпанного дома на колесах. Крепкие мужчины лет тридцати. Их загорелые лица казались высеченными из обожженной солнцем скалы. У одного черные волосы были зачесаны назад и стянуты двойным узлом. Такой стиль вышел из моды, и дети называют его «куриным хвостом». Второй — стриженный ежиком, с выбритыми висками. Оба в майках без рукавов, джинсах и грубых ковбойских ботинках. Они разделились и сжимая в руках пистолеты, с двух сторон начали медленно приближаться, прежде чем скатился на дно высохшего ручья и отползти вправо. Оглянувшись, проверяя, не оставляет ли следов, но со времени последнего дождя прошло немало дней и выжженная яростным солнцем земля была твердой, как камень. Метров через пятнадцать русло резко сворачивало влево и соединялось с дренажной трубой, уходящей под дорожную насыпь.

К Джиму вернулась надежда. Однако его по-прежнему трясло от страха — с тех пор как он обнаружил в пикапе умирающего незнакомца. Его тошнило, но желудок был пуст. Что бы там ни говорили диетологи, иногда полезно пропустить завтрак.

В трубе было темно и прохладно. На миг захотелось остаться, спрятаться в темноте в надежде, что преследователи бросят поиски и уйдут.

Но, конечно, это невозможно. Джим не был трусом. Даже если бы совесть позволила ему эту слабость, все та же таинственная сила заставила бы его подняться и продолжать борьбу. В какой-то степени он был марионеткой в руках невидимого кукольника, героем пьесы с непонятным сюжетом.

Джим пополз по трубе, чувствуя, как впиваются в тело острые колючки перекасти-поля, вылез с противоположной стороны шоссе и подобрался к краю дорожной насыпи. До фургона рукой подать, чуть дальше, как мертвый жук, лежащий на спине, чернел «Камаро». Бандиты стояли у перевернутой машины, они уже проверили, что в легковушке никого нет.

Они оживленно переговаривались, но расстояние было слишком велико и до Джима долетали лишь невнятные обрывки слов, искаженные горячим воздухом.

Пот струился по лбу, заливая глаза. Джим вытер лицо рукавом и продолжал следить за преследователями.

Они медленно двигались в глубину пустыни. Один настороженно озирался по сторонам которой шел, пригибаясь к земле: искали следы. Сейчас, на его несчастье, окажется, что один из них воспитался среди индейцев, и они настигнут его быстрее, чем игуана ловит песчаного жука. С запада донесся глухой рев приближающейся машины. Звук быстро усиливался, и через несколько минут из сверкающего миража вынырнул грузовик. Джим смотрел на него снизу вверх, и грузовик показался ему гигантской боевой машиной, заброшенной в наше время из двадцать второго века.

Завидев перевернутый «Камаро», водитель грузовика остановится, чтобы, как это водится у дальнотойщиков, предложить помощь. Его появление застанет убийц врасплох, и их замешательством можно будет воспользоваться.

Так рассчитывал Джим, но план не сработал. Грузовик не сбросил скорость на подходе, и Джим хотел вскочить и знаками привлечь его внимание. Но, прежде чем он успел пошевелиться, огромная машина с ревом и грохотом пронеслась мимо него, роняя клубы горячего черного дыма, точно дьявольская колесница с душами грешников, опаздывающая в ад.

Джим с трудом подавил желание вскочить и крикнуть вслед удаляющемуся грузовику: «Где ж твои самаритянские чувства, скотина?»

Над шоссе снова повисла горячая тишина.

Убийцы, проводив взглядами грузовик, продолжили поиски.

Страх и ярость бушевали в душе Джима. Он снова скатился под откос и, волоча за собой дробовик, пополз в направлении фургона. Дорожная насыпь скрывала его от глаз преследователей. Но что им стоило перебежать через шоссе и всадить в него десяток пуль?

Когда он снова рискнул поднять голову, то увидел, что находится напротив фургона, закрывающего его от врагов. Он не видел их, но и они не могли его сейчас заметить. Вскочив на ноги, Джим быстро перебежал через шоссе и остановился у двери со стороны пассажира. Убийцы оставили ее открытой.

Джим было взялся за ручку, но тут ему пришло в голову, что внутри фургона мог скрываться третий, оставшийся охранять женщину с дочерью. Чтобы не попасть под перекрестный огонь, нужно сначала покончить с двумя первыми.

Он двинулся к кабине фургона, но не сделал и двух шагов, как услышал приближающиеся голоса и замер, ожидая, что из-за угла выйдет убийца со странной прической. Но они остановились с противоположной стороны фургона.

— Плевать...

— Он мог запомнить наш номер...

— Наверняка скоро сдохнет...

— В машине не было крови...

Джим опустился на колено возле колеса и заглянул под фургон. Они стояли возле двери водителя.

— Будем двигаться к югу...

— А копы повиснут у нас на хвосте...

— Пока он доберется до копов, мы будем в Аризоне...

— Ты думаешь...

— Я знаю.

Джим поднялся и стал осторожно красться вдоль бампера.

— Через Аризону в Нью-Мексико...

— Там тоже полиция...

— В Техас, позади останется несколько штатов, если надо, будем гнать всю ночь...

К счастью, обочина была посыпана песком, а не щебенкой, и Джим, бесшумно ступая, приблизился к фарам со стороны водителя.

— Ты знаешь, что связь у копов хреновая...

— Он где-то здесь, черт бы его побрал...

— Здесь миллион скорпионов и гремучих змей...

Джим выступил из-за угла и навел дробовик:

— Ни с места!

На какой-то миг они застыли с разинутыми ртами, с таким выражением он бы смотрел на трехглазое чудовище с пастью во лбу. Между ними было меньше трех метров. Можно плюнуть им в лицо, негодяи этого как раз заслуживают. Издали они казались двуногими змеями, да и сейчас они опаснее любой ядовитой твари, ползающей в пустыне.

Стволы их пистолетов были опущены к земле. Джим повел дробовиком.

— Бросай оружие, живо!

Это были закоренелые негодяи или полные идиоты, а может быть, и то и другое, — словом, дробовик не произвел на них никакого впечатления. Один, тот, который с хвостом, бросился на землю, второй, с выбритыми висками, вскинул пистолет, и Джим с двух шагов всадил ему в грудь заряд картечи.

Первый убийца юркнул под фургон и исчез.

Чтобы не получить пулю в ногу, Джим ухватился за ручку водительской двери и вскочил на ступеньку. В тот же миг из-под фургона хлопнули два выстрела, и пуля пробила колесо, за которым он только что стоял.

Вместо того чтобы забраться в кабину, Джим снова прыгнул на землю и растянулся на животе, выставив перед собой дробовик. Он думал, что застигнет убийцу врасплох, но тот уже вылез из-под машины с противоположной стороны, и Джим только успел заметить, как мелькнули и исчезли черные ковбойские ботинки.

Джим вспомнил лестницу, рядом с которой был привязан мотоцикл.

Негодяй хочет забраться на крышу. Чтобы не стать легкой мишенью, Джим протиснулся под фургон. Под машиной было так же душно, как и на солнцепеке. Песок обочины излучал зной, накопленный с самого утра.

Две машины одна за другой проскочили мимо. Он не слышал, как они приблизились. Сердце бешено колотилось в груди, в голове били литавры. Он выругался вслед трусливым водителям, но потом сообразил: вряд ли кто захочет остановиться, увидев на крыше фургона человека с пистолетом.

Только неожиданность могла принести успех. Как морской пехотинец под огнем, Джим стремительно пробрался к заднему бамперу и выглянул из-под фургона. Над головой висел «харлей», сверкая спицами на ослепительно белом солнце.

Лестница была пуста. Убийца уже залез на крышу. Наверняка думает, что сбил противника с толку, и не ожидает от Джима таких стремительных действий.

Джим выбрался из-под фургона и, стараясь не шуметь, стал подниматься по лестнице. Одной рукой он держался за боковую железную скобу, другой сжимал дробовик. С крыши не доносилось ни звука. Неверный шаг, скрежет старой лестницы под ногой — и дело плохо.

Джим достиг верха и осторожно выглянул из-за края крыши. Убийца полз по правой стороне фургона к кабине, заглядывая вниз. Он двигался на четвереньках. Хотя обшарпанная белая краска и отражала большую часть солнечных лучей, раскалившаяся на солнцепеке крыша чувствительно ранила даже самые заскорузлые ладони и прожигала толстую джинсовую ткань. Но если парню с хвостом и было больно, он этого не показывал. С решительностью самоубийцы, отличавшей и его мертвого друга, он спешил навстречу своей смерти.

Джим поднялся еще на одну ступеньку.

Убийца вытянулся на животе, раскаленное железо наверняка прожигало тонкую майку, но он терпеливо ждал, когда внизу появится противник.

Джим сделал еще один шаг. Теперь крыша была на уровне его груди. Переступил ногами, стараясь закрепить на лестнице, и освободил руки для стрельбы, чтобы отдача не сбросила его вниз.

Если негодяй не обладал шестым чувством, ему просто чертовски везло. Джим не издал ни малейшего звука, но убийца неожиданно оглянулся через плечо и заметил его.

Чертыхаясь, Джим вскинул дробовик.

Бандит скатился с крыши.

Джим спрыгнул с лестницы, больно ударился о землю, но устоял на ногах и, выступив из-за угла, нажал на курок.

Однако убийца уже нырнул в дверь фургона. В лучшем случае у него в ноге засело несколько дробинок. Но похоже, он вообще промазал.

В фургоне женщина с ребенком.

Заложники. Но что, если негодяй захочет их убить, перед тем как погибнуть самому? За последние двадцать лет развелось столько убийц и насильников, блуждающих по дорогам страны в поисках легкой добычи.

Джим снова услышал слова умирающего:

«Лиза... Суш... Жена, дочь...»

Раздумывать было некогда, и он бросился вслед за убийцей. После яркого солнца глаза с трудом различали в полумраке темную фигуру негодяя, бегущего в дальний конец фургона.

Убийца обернулся, Джим увидел темный овал вместо лица. Тот выстрелил. Пуля ударилась в деревянный шкаф, висевший слева на стене. На Джима посыпались щепки.

Он не знал, где находились женщина с ребенком, и медлил с ответным выстрелом, боясь их задеть. Дробовик — неподходящее оружие для прицельной стрельбы.

Убийца снова выстрелил. На этот раз пуля прошла так близко от лица, что Джиму опалило правую щеку.

Он нажал на курок, и тонкие перегородки фургона содрогнулись от страшного грохота. Убийца вскрикнул и упал спиной на кухонную раковину. Полуоглушенный, Джим выстрелил еще раз, по инерции. Бесчувственное тело подбросило, швырнуло на перегородку, и оно медленно сползло по стене, отделявшей кухонный отсек фургона от спальни.

Джим выхватил из кармана несколько патронов, быстро перезарядил магазин и мимо рваного продавленного дивана двинулся в глубь комнаты.

Негодяй наверняка мертв. Но хотя солнечные лучи, словно горячие прутья, били в лобовое стекло и открытые двери фургона, окна были плотно закрыты ставнями, и очертания комнаты растворялись в темноте, смешанной с едким запахом пороха.

Джим достиг противоположной стены и склонился над темной фигурой, распростертой на полу. Все кончено. Кровавый человеческий мусор. Еще несколько мгновений назад подолок был жив.

Он глядел на развороченный окровавленный труп, испытывая дикую необузданную радость, упиваясь торжеством справедливости. Эти чувства рождали в нем трепетный восторг у в то же время пугали. Джим хотел ужаснуться содеянному, хотя застреленный им преступник и заслуживал смерти, но, несмотря на отвращение к убийству, не чувствовал никаких угрызений совести.

Он столкнулся с чистым злом в человеческом обличье. Эти негодяи заслуживали более тяжкого наказания, долгой, мучительной смерти. Джим чувствовал себя ангелом мщения и, хотя понимал, что сам находится на грани психического срыва, поскольку только безумный уверен в правоте совершаемого преступления, не испытывал никаких сомнений. Его переполняла страшная ярость. Он был карающей рукой Всевышнего.

Джим повернулся к запертой двери спальни.

Там женщина с ребенком.

«Лиза... Сузи...»

Но что, если там еще один преступник? Обычно маньяки действуют в одиночку, иногда парами, как эти двое. Редко, но встречаются банды, такие, как Чарльз Мэнсон и его «семейка». В этом мире, где ученые философы утверждают, что нравственность зависит от обстоятельств и любая точка зрения, независимо от логики или настроения, достойна уважения, нет места правилам. Этот мир рождает монстров, и мертвые негодяи могли быть щупальцами многоголовой гидры.

Что, если за дверью притаилась опасность? Праведный гнев дал ему пьянящее чувство неуязвимости. Ударом ноги Джим распахнул дверь спальни и ворвался внутрь с оружием

наперевес, готовый встретить смерть и, если надо, смести все на своем пути.

Женщина и девочка лежали на грязных одеялах, прикрученные клейкой лентой к спинкам кроватей. Эта же лента заклеивала их рты.

Женщина, стройная блондинка лет тридцати, поражала своей красотой, но дочь, десятилетняя Сузи, была еще красивее — поистине небесное создание с лучистыми зелеными глазами, тонкими чертами лица и бархатисто-нежной кожей. Воплощение невинности, добродетели и чистоты — ангел, брошенный в клоаку.

При виде связанного ребенка в нем с новой силой вспыхнула ярость.

По лицу девочки текли слезы, она глухо всхлипывала под лентой, которой были заклеены ее губы.

Женщина не плакала, но в ее глазах застыли мука и страх. Ответственность за судьбу дочери и ярость, похожая на ту, которую испытывал Джим, удерживали ее от истерики.

Он увидел ужас на их лицах: жертвы приняли его за одного из похитителей.

Джим прислонил дробовик к встроенному в стену столику и сказал:

— Не бойтесь, вам ничего не угрожает. Я застрелил обоих бандитов.

Женщина смотрела на него широко открытыми глазами, она ему не верила.

Джим не судил ее за это недоверие. Она была напугана его голосом, хриплым и яростным, то переходящим в шепот, то срывающимся на крик.

Он оглянулся в поисках острого предмета, с помощью которого можно было бы перерезать путы пленников, и увидел рулон клейкой ленты и ножницы на столике. Протянул руку за ножницами и обратил внимание на сложенные стопкой видеокассеты. Поднял глаза и вдруг осознал, что все стены и потолок оклеены фотографиями из порнографических журналов. И везде дети. Взрослые мужчины и дети. Ни одной взрослой женщины, только девочки и мальчики, такие же юные, как Сузи, а некоторые еще моложе, истязаемые насильниками, лица которых всегда были скрыты.

Убитые им негодяи охотились не за матерью. Изнасиловав ее в назидание дочери, они бы бросили тело женщины с перерезанным горлом или разможенной головой в пустыне на съедение ящерицам, муравьям и стервятникам. Куда более страшная участь ожидала ребенка. Жизнь девочки могла превратиться в ад, который длился бы несколько месяцев или даже лет.

Его захлестывал дикий, бешеный гнев. Внутри, точно черная нефть, готовая вырваться из скважины, расползалась жуткая липкая тьма.

Джим задыхался от ярости: ребенок видел эти фотографии, лежал на этих грязных отвратительных простынях. Появилось безумное желание схватить ружье и всадить еще несколько зарядов в трупы подонков.

Они ее не тронули. Слава Богу, они не успели.

Но эта комната! Что чувствовала девочка, находясь в этой комнате!

Он содрогался от ярости.

Потом заметил, что женщина тоже дрожит, и понял: она его боится. Ее испуг стал еще сильнее, чем в тот момент, когда он вошел в спальню.

Хорошо, что рядом нет зеркала. Увидеть свое лицо, искаженное приступом безумия, — зрелище не из приятных. Джим с трудом взял себя в руки.

— Не бойтесь, — заговорил он, стремясь успокоить женщину. — Я хочу вам помочь.

Охваченный желанием скорее освободить пленниц, Джим опустился на колени перед кроватью и перерезал ленту, стягивающую ноги и руки женщины. Потом склонился над Сузи.

Путы на руках упали, девочка, защищаясь, прикрыла лицо. Джим освободил ей ноги, а она вдруг пнула его в грудь и забилась в угол кровати, скорчившись на серых засаленных простынях. Он не пытался ее удержать, наоборот, попятился.

Лиза содрала с губ ленту и вытащила изо рта кляп. Она задыхалась, давилась кашлем. Хриплым голосом, в котором неистовое волнение странным образом соединялось с покорностью судьбе, сказала:

— Мой муж остался в машине... Он там...

Джим взглянул на нее, но ничего не сказал: не мог этого сделать в присутствии ребенка.

Женщина прочитала ответ в его глазах, и ее красивое лицо исказилось от горя. Но мысль о дочери заставила ее подавить готовые сорваться рыдания.

— Боже мой, — с мукой сказала она, думая о свалившемся на нее горе.

— Вы сможете нести Сузи?

Она не расслышала, занятая мыслями о смерти мужа.

— Сможете взять на руки Сузи? — повторил свой вопрос Джим.

Женщина растерянно захлопала ресницами.

— Откуда вы знаете, как ее зовут?

— Ваш муж мне сказал...

— Но...

— Перед тем... — резко сказал Джим, не докончив фразу: «Перед тем, как умереть». — Вы сможете взять ее на руки?

— Да, наверное, я думаю, да.

Джим мог вынести девочку сам, но что-то говорило ему: он не должен прикасаться к ее хрупкому телу. Пусть это нелогично, но то, что сделали с ней эти двое, и то, что не помешай он им, они могли бы сделать, лежало на совести 55 всех мужчин. В страданиях Сузи была частица и его вины.

Только отец имел право взять на руки бедного ребенка. Но отец был мертв.

Джим поднялся с коленей, отступил от кровати. Спиной открыл дверь и вышел из спальни.

Девочка билась в истерике, уворачиваясь от рук матери. Она была в шоке и не узнавала родных любящих рук. Потом резко умолкла и бросилась в объятия матери. Лиза, прижав голову дочери к груди, гладила девочку по волосам, шептала что-то ласковое, успокаивающее.

Кондиционер не работал с тех пор, как убийцы вышли из фургона и направились к перевернутому «Камаро». В спальне сгушалась духота. Пахло прокисшим пивом и потом. От черных пятен на ковре поднимался отвратительный запах высохшей крови.

— Пойдемте отсюда.

Лиза казалась хрупкой, но она легко, как перышко, подняла дочь и шагнула к двери.

— Постарайтесь, чтобы она не смотрела влево. Там у двери лежит один из них. Зрелище не из приятных.

Женщина кивнула, благодарная за предупреждение.

Джим хотел последовать за ней, но взгляд его упал на полки шкафчика, заставленные видеокассетами. Длинная вереница белых этикеток с названиями самодельных фильмов. Одни имена: «Синди», «Тифани», «Джой», «Сисси», «Томми», «Кейвин». На двух кассетах чернела надпись «Салли», на трех — «Венди». Имена. Много имен. Более тридцати. Джим знал, что перед ним, и все-таки верить в это не хотелось. Память о преступлениях. Садизм. Жертвы. В нем klokотала черная горькая ярость. Лиза вышла наружу, и Джим присоединился к ней. Над их головами висело ослепительное солнце пустыни.

Глава 2

Лиза и Сузи, освещенные золотыми лучами солнца, стояли возле фургона на обочине шоссе. Девочка прильнула к матери, спрятав голову у нее на груди. Крохотные блики света струились по их лицам, переливаясь и искрясь в соломенных кудрях. Как лампа в витрине ювелира придает магический блеск разложенным на бархате изумрудам, так солнечный свет подчеркивал красоту огромных лучистых глаз и удивительную прозрачность кожи. Глядя на светлые лица женщины и ребенка, трудно было поверить, что в их жизнь вторглась тьма, непроглядная и черная, как ночь, которая спускается в мир после наступления сумерек.

Их присутствие было невыносимо. Они напоминали о человеке, чью смерть не удалось предотвратить. Сердце сжималось от горя. Джим страдал от невыносимой боли, сильной и мучительной, какую причиняет настоящая физическая рана.

Ключом из связки, найденной в кабине фургона, Джим открыл замок, опустил железную скобу и снял мотоцикл. Оглядел потертый «харлей-дэвидсон». Специальная модель для езды по бездорожью: карбюратор на 1340 кубических сантиметров, V-образный двигатель, пятискоростная коробка передач, соединенная с задним колесом приводным ремнем, а не цепью.

Ему приходилось ездить на мотоциклах помощнее и покрасивее, но он остался доволен результатами осмотра. «Харлей» — хорошая, надежная машина, а для его целей нужна не красота, а скорость и простота в обращении.

Увидев, что Джим снимает и осматривает мотоцикл, Лиза встревожилась.

— Здесь нет места для троих.

— Да, конечно, только для меня.

— Пожалуйста, не оставляйте нас одних!

— Вас заберут прежде, чем я уеду.

Вдали показалась машина. Трое пассажиров прильнули к окнам. Водитель прибавил газу, и автомобиль скрылся из виду.

— Все едут мимо, — горестно заметила Лиза.

— Кто-нибудь остановится. Я подожду. После короткого молчания она сказала:

— Я боюсь ехать с незнакомыми людьми.

— Мы увидим, кто остановится. Джим заметил, что женщина протестующе качнула головой, и поспешил ее успокоить:

— Я узнаю, можно ли им доверять.

— Я не... — Голос Лизы сорвался на крик; она замолчала, приходя в себя. — Я никому не верю.

— Хороших людей много. Гораздо больше, чем плохих. Во всяком случае, когда кто-нибудь остановится, я сразу узнаю, чего он стоит.

— Но как? Как вы это сделаете?

— Я увижу.

Большого Джим сказать не мог, как, впрочем, не мог объяснить и то, как узнал, что в этой Богом забытой пустыне нуждаются в его помощи.

Он оседлал мотоцикл, нажал кнопку стартера. «Харлей» послушно завелся. Джим погнал его вхолостую и заглушил двигатель.

— Кто вы? — спросила женщина.

— К сожалению, не могу вам это сказать.

— Но почему?

— Газетчики приложат все усилия, чтобы сделать из этого случая сенсацию.

— И что?

— Мои фотографии появятся на каждом углу, а я не люблю лишнего шума.

Джим снял поясной ремень и привязал дробовик к багажнику мотоцикла.

Лиза сказала дрожащим от волнения голосом:

— Мы вам стольким обязаны.

Ее голос разрывал сердце. Он посмотрел на нее, потом на Сузи. Девочка тесно прижалась к матери, обхватив ее тонкими руками. Она не слушала, о чем разговаривали взрослые. Смотрела вдаль пустым, отсутствующим взглядом, думая о чем-то своем. Джим увидел ее руку, прокушенную до крови, и перевел взгляд на мотоцикл.

— Вы ничем мне не обязаны.

— Но вы спасли...

— Не всех, — быстро прервал ее Джим. — Не всех, кого должен был спасти.

Их внимание привлек приглушенный звук мотора. Они повернули головы и стали следить, как из сияющего миража выплывает и приближается автомобиль. Заскрежетали тормоза, и в двух шагах от них, сверкая хромированной сталью и красными языками пламени, нарисованными на покрышках, остановился черный «Трэнз эм». Широкие выхлопные трубы, ослепительные, как ртуть, переливались в лучах свирепого солнца.

Из машины вышел водитель — темноволосый парень лет тридцати, одетый в джинсы и белую майку с закатанными рукавами. Его густые волосы были стянуты на затылке в пучок. На загорелых бицепсах синели татуировки.

— Что у вас стряслось? — спросил он издали, кивая на фургон.

Джим окинул его долгим взглядом.

— Этих людей нужно подбросить до ближайшего населенного пункта.

Незнакомец подошел ближе. В это время открылась дверь, и из машины выбрался пассажир — молодая женщина в широких шортах и короткой белой майке. Непослушные крашенные в белый цвет волосы выбивались из-под повязки, обрамляя крепкое скуластое лицо. В ушах покачивались крупные серебряные серьги, на шее висели три нитки красных бусин, на руках она носила два браслета, часы и четыре кольца. В широком вырезе майки можно было увидеть красно-синюю бабочку, вытатуированную поверх левой груди.

— Поломка? — спросила женщина.

— У фургона спустило колесо, — ответил Джим.

— Меня зовут Фрэнк, — представился незнакомец. — А ее Верна.

Он жевал резинку, и его челюсти равномерно двигались.

— Я помогу поменять колесо.

Джим отрицательно качнул головой.

— Мы все равно не можем ехать. В машине убитый человек.

— Труп?

— Да, и там еще один. — Джим махнул рукой в сторону.

Глаза Верны округлились.

Фрэнк перестал жевать и посмотрел на дробовик на багажнике «харлея», потом поднял глаза на Джима.

— Ваша работа?

— Они похитили эту женщину и ребенка.

Фрэнк окинул его испытующим взглядом и обернулся к Лизе.

— Это правда?

Она кивнула.

— Иисус Спаситель, — промолвила Верна.

Джим взглянул на Сузи и подумал, что она совершенно не слышит, о чем говорят взрослые. Девочка, казалось, пребывала в ином, далеком мире. Ей потребуется профессиональная помощь врача, чтобы вернуться к реальности.

Безучастность Сузи странным образом передалась Джиму. Внутренне он все больше погружался в черную пустоту. Еще немного, и невидимая тьма окончательно его поглотит.

Он повернулся к Фрэнку:

— Эти двое убили ее мужа... отца девочки. Его тело в машине в двух милях к западу отсюда.

— Черт, — выругался Фрэнк. — Дело дрянь.

Верна прижалась к плечу своего спутника, было заметно, как она дрожит.

— Нужно поскорее довезти их до ближайшего города. Сразу найдите врача и свяжитесь с полицией. Пускай едут сюда.

— Сделаем, — кивнул Фрэнк. Но Лиза ухватила Джима за руку.

— Постойте... Я не могу. — И, когда он обернулся, горячо зашептала:

— Они похожи... Я боюсь...

Он положил ей руку на плечо и, глядя прямо в глаза, сказал:

— Внешность часто обманчива. Фрэнк и Верна хорошие люди. Вы мне доверяете?

— Да, сейчас конечно.

— Тогда поверьте мне. На них можно положиться.

— Но откуда вы знаете? — Голос Лизы опять сорвался.

— Знаю, — спокойно и твердо ответил Джим. Женщина посмотрела ему в глаза и наконец кивнула:

— Хорошо.

Дальше все было просто. Сузи, покорную и безучастную, словно она находилась под действием наркотиков, перенесли в «Трэнз эм». Мать последовала за ней. Обе несчастные забились в угол на заднем сиденье и прижались друг к другу. Фрэнк сел за руль. Верна забралась в машину, достала из холодильника банку пепси и протянула Джиму. Он с благодарностью принял подарок, захлопнул за ней дверь и нагнулся к окну, чтобы попрощаться.

— Полицию ждать не станете?

— Нет.

— Вам-то бояться нечего. Вели вы себя геройски.

— Знаю, но мне пора.

Фрэнк кивнул:

— Дело ваше, конечно. Хотите, скажем копам, что у вас лысина, черные глаза и уехали вы с попуткой на восток?

— Не надо. Скажите все как есть.

— Дело ваше, — повторил Фрэнк.

— Не волнуйтесь, мы о них позаботимся, — прибавила Верна.

— Я знаю, что на вас можно положиться.

Джим пил пепси, провожая взглядом удаляющийся «Трэнз эм». Вскоре черная машина скрылась из виду. Джим сел за руль «харлея», нажал стартер, подвернул газ и отпустил сцепление. Пересек шоссе, съехал с обочины и направился к югу в глубь огромной, неприветливой пустыни.

Сначала он ехал со скоростью свыше семидесяти миль в час, хотя мотоцикл не имел ветрового щитка. Жесткий горячий ветер бил в лицо. Глаза то и дело наполнялись слезами.

Странно, но Джим не обращал внимания на жару. Просто не чувствовал ее. Одежда взмокла от пота, но ему было прохладно.

Он потерял счет времени. Прошло не менее часа, прежде чем Джим осознал, что равнина сменилась голыми холмами ржавого цвета. Он сбросил скорость. Все чаще приходилось маневрировать между торчащими из земли камнями, но «харлей» как нельзя лучше подходил для подобной езды. Благодаря более высокой, по сравнению с обычными моделями, подвеске, специальным рессорам, двойным дисковым передним тормозам Джим без труда справлялся со всеми сюрпризами, какие подкидывала ему пустыня. Всякий раз, когда на пути вырастало очередное препятствие, он, как заправский гонщик, бросал мотоцикл в крутой вираж и легко уходил от, казалось бы, неминуемого столкновения.

Ощущение прохлады исчезло. Джим дрожал от холода.

Казалось, солнце стало меркнуть. Но он знал, что до вечера еще далеко: это тьма смыкается над ним, поглощая изнутри его сознание. Джим заглушил мотор и остановился в тени высокой скалы. Время, ветры, солнце и редкие, но неистовые ливни придали ей жуткую форму руин древнего замка, похороненного в бескрайних песках пустыни Мохавк.

Он поставил мотоцикл.

Опустился на темную землю.

Лег на бок и сжался в комок. Сложил руки на груди.

Он едва не опоздал. Неистовые волны отчаяния нахлынули, захлестнули сознание, унося в черную бездну последние обрывки мыслей.

Глава 3

Солнце клонилось к земле. Джим снова мчался по красновато-серой равнине, где изредка встречались заросли колючих мескитовых деревьев. Ветер, пахнущий железом и солью, поднимал в воздух мертвые колючки перекаати-поля и гнал по песку вслед за «харлеем».

Он смутно помнил, как по дороге сломал кактус и жадно сосал сок из сердцевины

растения. Во рту опять пересохло. Отчаянно хотелось пить.

Джим выехал на пригорок и слегка сбросил газ. Милях в двух впереди лежал маленький городок, вытянувшийся вдоль автострады. После стольких часов одиночества в пустыне, физического и духовного, зелень деревьев казалась неестественно яркой. Все это было похоже на сон, но он прибавил скорость и устремился вниз по склону.

Быстро темнело. На горизонте догорало багровое зарево. Внезапно его внимание привлёк чёрный силуэт церкви с высоким шпилем. Джим смертельно устал и не пил уже несколько часов.

Он понимал, что у него начинается бред, но без колебаний поехал в сторону церкви. Хотелось побыть одному в тишине и покое храма. Это желание пересилило жажду.

В полумиле от города Джим свернул к руслу сухого ручья. Спустился на дно, положил мотоцикл набок и быстро засыпал рыхлым песком. Он решил, что без особого труда доберётся до цели пешком, но не прошёл и четверти пути, как понял, что опрометчиво переоценил свои силы. В глазах поплыло. Сухим шершавым языком, который прилипал к воспалённому небу, он поминутно облизывал горячие губы. Горло болело, как при ангине. Мышцы ног сводило судорогами, каждый шаг давался с таким трудом, будто на подошвах налипли бетонные глыбы.

Потом наступил провал в памяти. Джим видел, что поднимается по кирпичным ступенькам белого крыльца, но совершенно не помнил, как преодолел последний отрезок пути. Над двустворчатой дверью церкви висела медная табличка: «Святая Дева Пустыни».

Когда-то он был католиком. Часть его души до сих пор принадлежала католичеству. Позднее он становился методистом, иудаистом, буддистом, баптистом, мусульманином, индуистом, даосистом. Вера проходила, но оставались прочные невидимые нити, связывающие его с каждой из этих религий.

Дверь, казалось, весила больше, чем огромная глыба, закрывающая Гроб Господень, но он все-таки сумел открыть ее и вошел.

Под сводами церкви было не намного прохладнее, чем на улице. Джим вдохнул аромат благовоний, сладковатый запах горящих свечей. Сразу нахлынули воспоминания. Стало хорошо и покойно. Будто он вернулся домой после долгих странствий. Он приблизился к купели со святой водой, обмакнул в нее два пальца и перекрестился. Потом погрузил горячие ладони в прохладную влагу. Зачерпнул, отпил из пригоршни и содрогнулся от отвращения: у воды был солёный вкус крови. Джим с ужасом уставился на белую мраморную купель, уверенный, что она до краев наполнена кровью. Но увидел только свое размытое отражение в прозрачной мерцающей воде.

Он замер в растерянности. Потом внезапно понял, в чем дело. Облизал воспалённые, потрескавшиеся губы. Это его кровь. Он испугался вкуса собственной крови.

Должно быть, он снова потерял сознание. Очнулся на коленях перед оградой гробницы. Губы беззвучно шевелились, шептали молитву.

За окнами гудел горячий ночной ветер, унесший последние лохмотья бледных сумерек. В церкви царил полумрак: горела тусклая лампада у притвора, колебались языки пламени нескольких свечей в красных стеклянных подсвечниках, маленький фонарь освещал распятие.

Джим взглянул вверх и на месте нарисованной головы Христа увидел свое лицо. До боли зажмурил глаза и снова открыл: на него смотрел мужчина, которого он нашел в машине умирающим. Затем святой лик приобрел черты лица матери Джима, его отца, девочки Сузи, Лизы — и стал черным овалом, каким было лицо убийцы в полумраке фургона в момент, когда он обернулся и выстрелил.

Убийца занял место Христа. Он открыл глаза, посмотрел на Джима и улыбнулся. Рывком освободил ноги — в одной остался торчать гвоздь, в другой зияла черная дыра. Оторвал от креста руки и, взмахнув пронзенными ладонями, закачался в воздухе. Плавнo опустился на пол и, не сводя с него глаз, поплыл над алтарем к ограде гробницы. Неподвластный земному притяжению, он медленно приближался к Джиму.

Сердце бешено забилося. Джим пытался сохранить присутствие духа, убеждая себя, что это галлюцинация, что призрак убийцы — лишь плод воспаленного сознания.

Убийца протянул руку и дотронулся до его лица. Ладонь была мягкой, как гниющее мясо, и холодной, точно поверхность стального баллона с жидким газом.

Джим задрожал и потерял сознание. Так евангелист, находящийся в религиозном трансе, падает от целительного прикосновения проповедника. Перед глазами сомкнулась тьма. Он летел в черную бездонную пропасть.

Глава 4

Белые стены Узкая кровать.

Простая скромная мебель.

За окном ночь.

Он приходил в себя и снова впадал в беспамятство. Всякий раз, когда к нему ненадолго возвращалось сознание, Джим видел склонившегося над кроватью лысоватого, полного человека лет пятидесяти с густыми бровями и расплюснутым носом.

Незнакомец бережно протирал ему лицо холодной водой, иногда прикладывал ко лбу ледяную мокрую тряпку.

Приподняв и придерживая голову Джима, он влил ему в рот через соломинку несколько сладковатых капель. Джиму не хотелось пить, но в глазах незнакомца светились участие и доброта, и он не стал противиться.

К тому же для этого у него не было ни голоса, ни сил. Горло болело, точно он проглотил керосин и горящую спичку, а тело так ослабло, что Джим не мог оторвать руки от простыни.

— Отдыхайте, — сказал незнакомец. — Вы перенесли сильный солнечный удар.

Ветровой удар — вот самое худшее, подумал Джим, вспоминая езду на «харлее» без плексигласового щитка.

* * *

В окно просочился рассвет. Начинался новый день.

Щипало глаза.

Лицо еще сильнее распухло.

Джим снова увидел незнакомца. Тот был одет в черную рясу священника.

— Святой отец, — произнес он хриплым шепотом, не узнавая собственного голоса.

— Я нашел вас в церкви. Вы были без сознания.

— «Святая Дева Пустыни».

Священник приподнял голову Джима и поднес к его губам стакан воды.

— Правильно, сын мой. Меня зовут отец Гизри, Лео Гизри.

На этот раз Джим смог самостоятельно проглотить сладковатую жидкость.

— Как вы оказались в пустыне? — спросил священник.

— Странствовал.

— С какой целью?

Джим не ответил.

— Как вас зовут?

— Джим.

— У вас нет документов.

— Да, на этот раз я их не взял.

— Что вы имеете в виду?

Джим молчал. Священник сказал:

— Я нашел в ваших карманах три тысячи долларов.

— Возьмите сколько вам нужно.

Священник пристально посмотрел на Джима, потом улыбнулся.

— Будьте осторожнее, когда предлагаете деньги. Церковь у нас бедная, и нам нужно все, что мы можем достать.

* * *

Джим открыл глаза. Священника не было. Тишина во всем доме. На улице завывал ветер. Под его порывами скрипели балки потолка, в окнах дрожали стекла.

Вернулся священник, и Джим обратился к нему:

— Могу я задать вам вопрос, святой отец?

— Слушаю, сын мой.

Голосом хриплым, но уже более знакомым он спросил:

— Если Господь существует, почему он позволяет страдать?

— Вам хуже? — обеспокоенно спросил отец Гиэри.

— Нет, я чувствую себя лучше. Просто хочу знать... почему Бог позволяет людям страдать?

— Всевышний испытывает нас, — ответил священник.

— Но зачем нас испытывать?

— Чтобы понять, достойны ли мы.

— Достойны чего?

— Достойны спасения, вечной жизни на небесах.

— Почему же Господь не сделал нас достойными?

— Всевышний создал нас совершенными. Но человек впал в грех и был лишен Господней милости.

— Но как человек мог согрешить, если был совершенным?

— У людей было право выбора.

— Мне этого не понять.

Отец Гиэри нахмурился.

— Я не богослов, искушенный в таких спорах, а обычный священник. Это часть таинства — вот все, что я могу вам сказать. Мы лишились милости Господней и должны снова ее заработать.

— Мне нужно в туалет, — сказал Джим.

— Пожалуйста.

— Только на этот раз обойдусь без судна. Попытаюсь дойти с вашей помощью.

— Думаю, сможете. Слава Богу, дела у вас идут на поправку.

— Право выбора, — сказал Джим. Священник нахмурился.

* * *

К вечеру у него спала температура. С тех пор как Джим оказался в церкви, прошли целые сутки. Спазмы мускулов прекратились, перестало ломить суставы, голова прояснилась, и грудь уже не болела при глубоком вздохе. Лишь время от времени острыми вспышками давала о себе знать боль в лице. Джим разговаривал, стараясь, чтобы мышцы лица как можно меньше двигались. Стоило открыть рот, как трещины на губах и в уголках рта лопались и кровоточили, несмотря на то что отец Гиэри несколько раз в день смазывал их кремом.

Теперь при желании Джим мог сидеть, опершись о спинку кровати, Я передвигаться по комнате с небольшой помощью священника. К нему вернулся аппетит. Отец Гиэри дал ему куриного бульона, а потом принес ванильное мороженое. Джим ел очень медленно и осторожно, ни на секунду не забывая о разбитых губах. Не хотел испортить пищу вкусом собственной крови.

— Я бы еще чего-нибудь съел, — сказал он, опустошив тарелку.

— Давайте не будем спешить. Посмотрим, как вы справитесь с этим.

— Я нормально себя чувствую. У меня был только солнечный удар и обезвоживание организма.

— От солнечных ударов умирают. Вам надо отдохнуть, сын мой.

Однако спустя некоторое время священник смягчился и принес вторую порцию мороженого. Джим спросил его сквозь зубы, почти не разжимая замороженных губ:

— Почему люди убивают? Я не говорю о полицейских, солдатах или тех, кто убивает, чтобы спасти свою жизнь. Откуда берутся убийцы?

Священник, устроившийся возле кровати в кресле-качалке с высокой прямой спинкой, посмотрел на него, приподняв правую бровь.

— Любопытный вопрос.

— Может быть. Вы знаете ответ?

Некоторое время оба молчали.

Джим медленно ел мороженое, а плотный коренастый священник покачивался в кресле. Комната погружалась в сумерки.

— Убийства, катастрофы, болезни, старость, — нарушил молчание Джим. — Почему Бог сделал нас смертными? Почему мы должны умирать?

— Смерть — не конец. По крайней мере, я в это верю. Смерть — только переход в иной мир, поезд, который доставляет нас к высшей награде.

— Рай?

Священник поколебался:

— Не только.

Джим проспал часа два, а когда проснулся, то увидел отца Гиэри, который стоял возле кровати и пристально его разглядывал.

— Вы разговаривали во сне.

Джим приподнялся и сел на кровати.

— Правда? И что я говорил?

— «Враг рядом».

— И это все?

— Вы еще сказали: «Он все ближе. Он нас всех убьет».

Мурашки пробежали у него по коже. Хотя сами по себе эти слова ничего не значили и Джим не понял их смысла, он почувствовал, что его подсознание слишком хорошо знает, о чем он говорил во сне.

— Наверное, что-нибудь страшное приснилось. Не стоит волноваться, — ответил Джим.

Но в три часа ночи он внезапно проснулся, сел на кровати и услышал свой собственный голос, повторяющий те же слова: «Он нас всех убьет».

В комнате было темно.

Джим нащупал ночник и зажег свет.

Никого.

За окном смыкалась кромешная тьма.

Его охватило странное, но цепкое чувство, что совсем рядом прячется жуткое и безжалостное чудовище, с каким не приходилось встречаться ни одному из смертных.

Трепеща от ужаса, он встал с кровати и некоторое время стоял в нерешительности, кутаясь в не по росту короткую, но чересчур широкую пижаму священника.

Выключил свет и босиком подошел к окну, потом к другому. Комната находилась на втором этаже. Ночь, глубокая и спокойная, хранила молчание. Если кто-то и скрывался поблизости несколько минут назад, то теперь его уже нет.

Глава 5

На следующее утро Джим в чистой одежде, выстиранной отцом Гиэри, вышел в гостиную. Там, уютно устроившись в кресле, положив ноги на подушечку, он и провел почти

весь день. Читал журналы или дремал, пока священник ходил по делам.

Лицо, обожженное солнцем и ветром, превратилось в неподвижную маску.

Вечером они вместе принялись готовить ужин. Отец Гиэри, склонившись над раковиной, мыл зелень и помидоры для салата, а Джим накрыл на стол, откупорил бутылку дешевого сухого вина и стал резать консервированные грибы, высыпая их в стоящую на плите кастрюлю для спагетти.

Словно по взаимному уговору, оба молчали, занимаясь каждый своим делом. Джим размышлял о странных отношениях, которые установились у него со священником. Прошедшие два дня казались сном. Он не только нашел приют в маленьком городке, окруженном пустыней, но и обрел духовное пристанище, убежище от жестокой реальности, попал в таинственную обитель Сумеречного Света. Священник перестал задавать вопросы. При подобных обстоятельствах от него следовало ожидать куда большей настойчивости. Джим догадывался, что уход за ранами подозрительных незнакомцев выходит за рамки обычного гостеприимства святого отца. Не понимая, чем вызвано особое расположение отца Гиэри, он был благодарен священнику.

Внезапно Джим выпрямился, опустил нож, которым резал грибы и произнес:

— Линия жизни.

Отец Гиэри повернулся к нему, сжимая в руке пучок мокрого сельдерея.

— Простите, что вы сказали?

Внутри поднималась ледяная волна. Джим чуть не уронил нож в кастрюлю с соусом и положил его на стол.

— Джим, что случилось?

Содрогаясь от холода, он повернулся к священнику:

— Мне нужно в аэропорт.

— В аэропорт?

— Прямо сейчас.

Круглое лицо священника выразило сильнейшую озадаченность. Он посмотрел на Джима, наморщив загорелый, с большими залысинами лоб.

— Но здесь нет аэропорта.

— Как далеко до ближайшего?

— Ну... часа два на машине. До самого Лас-Вегаса.

— Отвезите меня туда.

— Что, прямо сейчас?

— Да, немедленно.

— Но, сын мой...

— Я должен быть в Бостоне.

— Но вам нужно оправиться от болезни...

— Мне гораздо лучше.

— Ваше лицо...

— Немного болит, и вид не из лучших, но это не смертельно. Святой отец, я должен попасть в Бостон.

— Но зачем?

Джим колебался, но потом решился приоткрыть часть правды:

— Если я не успею в Бостон, погибнет человек. Ни в чем не повинный человек.

— Кто? Кто этот человек?

Джим облизал пересохшие губы:

— Не знаю.

— Как не знаете?

— Буду знать, когда окажусь на месте.

Отец Гиэри окинул его долгим оценивающим взглядом и наконец произнес:

— Вы самый странный человек из всех, кого я знаю.

Джим кивнул:

— Я самый странный человек из всех, кого я знаю.

Они вышли из церкви и сели в старую «Тойоту» священника. На улице было еще светло — дни в августе длинные, — хотя солнце пряталось за тучами, которые казались пропитанными свежей кровью.

Не прошло и получаса, как молнии раскололи сумрачное небо и затанцевали пьяный танец на потемневшем горизонте. Вспышки следовали одна за другой, озаряя сухой прозрачный воздух пустыни. Джим никогда не видел таких ярких молний. Через несколько минут темнота сгустилась, тучи набухли, опустились, и наконец разверзлись хляби небесные — серебряные водопады с шумом обрушились на землю. Такого ливня не бывало со времени всемирного потопа, когда старик Ной поспешно сколачивал свой ковчег.

— Летом такие дожди не часто увидишь, — отец Гиэри включил стеклоочистители.

— Нам нельзя задерживаться, — с тревогой сказал Джим.

— Доедем, все будет нормально, — успокоил его священник.

— Из Лас-Вегаса на восток мало ночных рейсов. В основном все летят днем. Мне нельзя опаздывать. Придется ждать до утра, а я должен быть в Бостоне завтра.

Раскаленный песок мгновенно впитывал воду. Но в некоторых местах, где были скалы или земля затвердела как камень от палящих лучей солнца, тысячи сверкающих ручейков устремились вниз по склонам. Ручейки превращались в потоки, потоки сливались в бурные реки, наполняя сухие русла, и в мутных водоворотах, в клочьях грязной белой пены мчались пучки вырванной с корнем травы, сухие колючки перекаати-поля, ветви деревьев и комья глины.

Отец Гиэри держал в машине две любимые кассеты: записи старых рок-н-роллов и лучшие песни Элтона Джона. Он поставил Элтона. Зазвучали «Похороны друга», «Даниэль», «Бенни и истребители». Струи дождя барабанили по крыше, омывая ветровое стекло. Они ехали сквозь ночь, плыли по волнам грустной нежной мелодии.

На черном асфальте сверкали и переливались серебряные лужи. Для Джима это было жуткое зрелище: водные миражи, которые он видел на автостраде несколько дней назад, вдруг стали реальностью.

Напряжение в нем росло с каждой минутой. Бостон звал его, но та опасность еще слишком далека. Джим с тревогой смотрел на мокрую блестящую поверхность шоссе, черную и коварную, как ничто на свете. Пожалуй, одно только человеческое сердце не уступит и коварстве этой ночной дороге в пустыне.

Священник сгорбился за рулем, пристально вглядываясь в черноту ночи и негромко подпевая Элтону.

Они долго молчали, потом Джим спросил:

— Святой отец, в вашем городе нет врача?

— Есть.

— Тогда почему вы его не вызвали?

— Я сходил к нему и взял для вас рецепт.

— Я видел пузырек с лекарством. Его выписали вам три месяца назад.

— Ну... мне приходилось иметь дело с солнечными ударами. Я знаю, что нужно делать в таких случаях.

— Мне показалось, сначала вы были здорово озабочены.

Несколько миль они проехали в молчании. Потом священник сказал:

— Мне неизвестно, кто вы, откуда пришли и зачем вам нужно в Бостон. Но я вижу: вы в беде, вам требуется помощь. И я знаю... по крайней мере, думаю, что в сердце своем вы человек хороший. Словом, мне казалось, что любой на вашем месте постарался бы не привлекать к себе лишнего внимания.

— Большое спасибо, именно этого мне и хотелось.

Они проехали еще пару миль. Дождь настолько усилился, что стеклоочистители едва справлялись с работой и из-за потоков воды стало почти не видно дорогу. Отец Гиэри сбросил скорость и посмотрел на Джима:

— Вы спасли женщину с ребенком.

Джим весь напрягся, но ничего не сказал.

— По телевизору передавали описание вашей внешности.

Священник замолчал, потом возобновил разговор:

— Я не верю в божественные чудеса.

Слова отца Гиэри буквально ошеломили Джима.

Священник выключил магнитофон. Стало слышно, как шуршат шины по мокрому асфальту и, точно метроном, постукивают стеклоочистители.

— Я верю, что все библейские чудеса произошли в действительности, но воспринимаю это как реальную историю, — снова заговорил отец Гиэри. — Но я не верю, что на прошлой неделе статуя Святой Девы в церкви Цинциннати или Пеории заплакала настоящими слезами. Эти слезы видели только двое подростков и женщина из местного прихода. Она подметала в храме. Никогда не поверю, что на стену одного гаража в Тинеке упала тень Христа и ее желтый свет возвестил о грядущем Апокалипсисе. Пути Господни неисповедимы, но зачем Всевышнему освещать стены чьих-то гаражей?

Священник умолк. Джим тоже молчал, ожидая продолжения.

— Когда я нашел вас в церкви у алтарной ограды, — начал отец Гиэри, с трудом подбирая слова; в голосе его появился благоговейный ужас, — то увидел знак стигмы Христа. В ваших ладонях были дыры от гвоздей...

Джим взглянул на свои руки — никаких следов от ран.

— ...лоб весь исцарапан и исколот, как от шипов тернового венца.

На лицо, обожженное солнцем и ветром, до сих пор было страшно взглянуть, поэтому искать в зеркале заднего обзора раны, о которых говорил священник, не имело смысла.

— Я был... испуган, потрясен до глубины души...

Они въехали на небольшой бетонный мост. Большую часть года русло реки оставалось сухим, но сейчас вода вышла из берегов и поднялась выше уровня дорожной насыпи. Священник сбавил скорость. Волны, вспыхнув отраженным светом фар, как большие белые крылья, раздались в стороны и сомкнулись за задним бампером машины.

— Мне раньше не доводилось видеть стигму, — продолжил Гиэри, кода они миновали опасный участок, — хотя я немало слышал об этом явлении. Я расстегнул вашу рубашку... и увидел воспаленный шрам... это могла быть рана от копья.

За последние месяцы его жизни произошло столько невероятного, что Джим утратил способность удивляться. Однако то, что поведал ему священник, внушало благоговейный страх. От этого рассказа мороз пробежал по коже.

Голос священника понизился почти до шепота:

— Когда я перенес вас в постель, раны исчезли. Но я-то знал, что мне это вовсе не почудилось. Я видел их, они были. Я понял: вы отмечены особым знаком.

Молнии давно погасли. Черное небо потеряло свое яркое электрическое ожерелье. Дождь стихал. Отец Гиэри уменьшил скорость стеклоочистителей и надавил на педаль акселератора старенькой «Тойоты».

Какое-то время оба, казалось, не знали что сказать. Наконец священник откашлялся и спросил:

— С вами это уже случалось? Я имею в виду стигму.

— Нет. Я ничего такого не замечал, хотя, конечно, и в этот раз, если бы не вы, я бы ни о чем не подозревал.

— Вы не заметили ран на ладонях до того, как подошли к алтарю?

— Нет.

— Но это не единственный необычный случай, который произошел с вами за последнее время?

Во всем этом было мало смешного, но Джим рассмеялся, скорее из чувства черного юмора:

— Это уж точно, не единственный.

— Не хотите рассказывать?

Джим задумался, прежде чем ответить:

— Хочу, но не могу этого сделать.

— Я священник и умею хранить тайну исповеди. Даже полиция не в силах мне приказывать.

— Что вы, святой отец, я верю вам как себе. И потом, я не беспокоюсь насчет полиции.

— Тогда почему?

— Если я расскажу вам... придет Враг. — Джим нахмурился, услышав, как его собственный голос произнес эти слова. Они, казалось, шли через него, но ему не принадлежали.

— Какой враг?

Джим разглядывал бесконечные, черные, теряющиеся в крошечной тьме очертания пустыни.

— Не знаю.

— Враг, о котором вы говорили во сне прошлой ночью?

— Может быть.

— Вы сказали, он всех нас убьет.

— Да. — Джиму этот разговор был интересен даже больше, чем священнику; он не знал, какое слово сорвется с его уст, до тех пор пока не услышал собственный голос.

— Если он узнает, что я спасаю людей, особых людей, то придет, чтобы остановить меня.

Священник бросил на Джима быстрый взгляд:

— Особые люди? Что вы этим хотите сказать?

— Не знаю.

— Если вы доверитесь мне, о ваших словах не узнает ни одна живая душа. Кто бы он ни был, этот враг, как он узнает?

— Не знаю.

— Не знаете?

— Да.

Священник тяжело вздохнул.

— Святой отец, я не веду никакой игры и не стараюсь вас запутать.

Джим поправил ремни безопасности и попытался устроиться в кресле поудобнее. Но возникшее ощущение неудобства объяснялось душевным, а не физическим состоянием. От него не так легко было избавиться.

— Вам знаком термин «автоматическое письмо»?

Гиэри ответил, не отрывая взгляда от ветрового стекла:

— Об этом болтают медиумы. Дешевый трюк, рассчитанный на суеверных. Медиум впадает в транс, а его рукой якобы движет дух, который пишет сообщения из загробного мира. — Он прищелкнул языком, ясно выражая свое отношение к обманщикам. — Те же люди, что издеваются над идеей общения с Господом, и даже отвергают само существование Всевышнего, готовы броситься в объятия первому встречному, который заявит, что умеет общаться с душами умерших.

— Как бы там ни было, то, что происходит со мной, как раз напоминает «автоматическое письмо», только в устной форме. Как будто кто-то общается с миром через меня. Я не знаю, что собираюсь сказать, до тех пор пока не услышу свой голос.

— Но вы же не в транс.

— Нет.

— Вы медиум?

— Уверен, что нет.

— Думаете, что через вас говорят мертвые?

— Нет.

— Тогда кто?

— Не знаю.
— Бог?
— Может быть.
— Но вы не знаете, — раздраженно сказал Гиэри.
— Не знаю.
— Вы, Джим, не только самый странный человек из всех, кого я видел. Вы еще и самый обескураживающий.

* * *

В десять часов они были в аэропорту Лас-Вегаса. По дороге им попало всего несколько такси. Дождь перестал. Тихий ветерок шевелил пальмовые листья. Казалось, все вокруг выскребли и вычистили до блеска.

Отец Гиэри притормозил у входа в здание аэропорта. «Тойота» еще не остановилась, а Джим уже распахнул дверь. Он выскочил из машины и обернулся на прощание.

— Спасибо, святой отец. Возможно, вы спасли мне жизнь.

— Не стоит драматизировать.

— У меня с собой три тысячи, и я был бы рад передать кое-что для вашей церкви, но не знаю, что ждет меня в Бостоне. Могут потребоваться все деньги, которые есть.

Священник протестующе покачал головой:

— Это совершенно не нужно.

— Когда вернусь домой, вышлю сколько смогу. На конверте не будет обратного адреса, но, не сомневайтесь, это честные деньги. Вы можете принять их с чистой совестью.

— В этом нет необходимости, Джим. Достаточно того, что я встретил вас. Я хотел вам сказать... Ваше появление придало новый смысл жизни скромного священника, который усомнился было в собственном призвании, но после встречи с вами обрел второе дыхание.

Они обменялись взглядами, полными такого тепла, что оба смутились. Джим просунул голову в окно, священник подался к нему навстречу. Они пожали друг другу руки. Ладонь отца Гиэри была сухой и крепкой.

— С Богом, — сказал священник.

— Дай Бог.

24-26 августа

Глава 1

Холли сидела за своим рабочим столом в редакции, уставившись на пустой экран компьютера. До рассвета оставалось еще несколько часов. В эту минуту больше всего на свете ей хотелось вернуться домой, забраться под одеяло и проваляться там несколько дней. Сама Холли презирала людей, которые вечно плачут о своих невзгодах. Но, решив пристыдить свою гордость за жалость к себе, она вместо этого пожалела себя за проявленную слабость и окончательно приуныла. Комизм ситуации бросался в глаза, но ей было не до улыбок. Холли упивалась своим несчастьем, размышляя о собственной глупости и нелепости.

К счастью, работа над утренним выпуском подошла к концу, редакция опустела, и Холли радовалась, что коллеги не увидят ее в таком позорном состоянии. Кроме нее в комнате находились двое — Томми Вике, высоки-; худой уборщик, который шуршал веником и бумагой. к подметая пол и вытряхивая корзины с мусором, и Джордж Финтел.

Джордж писал о деятельности городских с властей. Он сидел в дальнем углу комнаты да так и заснул, навалившись грудью на край стола и уронив голову на руки. Время от времени а Джордж громче всхрапывал, и Холли оглядывалась в его сторону. Иногда, когда

бары закрывались, Джордж возвращался в редакцию, вместо того чтобы идти домой. Так старая лошадь, если отпустить поводья на знакомой дороге, будет тащить повозку к месту, которое она считает своим домом. Проснувшись посреди ночи, он с трудом соображал, где находится, и шел к себе, тяжело передвигая ноги.

Политики, частенько говорил Джордж, низшая форма жизни, существа, которые деградировали с тех пор, как первая тварь выползла из грязи первичного моря. Джордж был человек конченный, пятьдесят семь не тот возраст, чтобы начинать жизнь заново. Он продолжал писать статьи об отцах города, ругая их в узком кругу, и все это так ему опротивело, что старый журналист возненавидел себя и постоянно искал спасения в вине, причем пил каждый день и лошадиными дозами.

Имей Холли склонность к спиртному, она бы всерьез задумалась о том, что и ее может ожидать похожий финал. Но если от первой рюмки она чувствовала приятную легкость, после второй начинало шуметь в голове, то третья укладывала ее спать.

Проклятая жизнь, до чего я ее ненавижу, думала она.

— Ты жалкая тварь. — произнесла она вслух, обращаясь сама к себе.

— Ну и пусть. К черту! Все так беспросветно.

— Меня тошнит от твоих истерик, — сказала Холли тихо, с отвращением.

— Это вы мне? — спросил Томми Вике, подметавший пол в нескольких шагах от ее стола.

— Нет, Томми, так... сама с собой разговариваю — Придумаете тоже! Вид у вас неважнецкий. О чем печалитесь?

— О жизни.

Томми выпрямился и оперся о щетку, скрестив длинные ноги. На его широком веснушчатом лице появилась добрая сочувственная улыбка.

— Что-то не ладится?

Холли посмотрела на его оттопыренные уши, копну волос морковного цвета, достала из пакета несколько конфет и бросила в рот. Откинувшись на спинку кресла.

— Когда я закончила университет в Миссури и получила диплом журналиста, мне хотелось перевернуть весь мир, писать сногсшибательные статьи, получать Пулитцеровские премии — и что вышло?! Знаете, чем я занималась сегодня вечером?

— Понятия не имею, но готов поклясться, вам это было не по душе.

— Торчала на ежегодном банкете портлендской Ассоциации лесопромышленников, брала интервью у изготовителей пульмановских вагонов, торговцев трехслойной фанерой и облицовкой из красного дерева. Они присуждали премию «Призовое бревно» — так они его называли. Мне пришлось брать интервью у победителя — «Лесопромышленник года». Потом летела сюда, чтобы успеть дать статью в номер. Горячий материал, только успевай поворачиваться, не то ловкачи из «Нью-Йорк тайме» оставят тебя с носом.

— Я думал, вы пишете об искусстве и досуге.

— Надоело до чертиков. Знаете, Томми, один-единственный графоман может внушить вам такое отвращение к поэзии, что пройдет лет десять, прежде чем вы снова начнете читать стихи.

Холли бросила в рот еще несколько конфеток. Обычно она избегала сладостей — не хотела растолстеть, помня о печальном примере собственной матери; но сейчас глотала конфеты одну за другой. Все равно настроение хуже некуда.

— Если верить кино и телевидению, журналистика — блеск, романтика, слава. Какая ложь!

— У меня ведь тоже жизнь не удалась. — Томми почесал за ухом. — Думаете, я мечтал подметать полы?

— Наверное, нет, — ответила она, готовая расплакаться от жалости к нему — судьба Томми была еще печальнее.

— Куда там! Я еще мальцом был, а уже мечтал ездить на большом грузовике, из тех, что возят мусор. Как представлю, что сижу в кабине, жму на кнопки, включая гидравлику... —

Его голос стал мечтательным. — Гляжу на мир сверху, и вся эта силища в моих руках. Я это все во сне видел, но врачи зарубили вчистую. Говорят, почки не в порядке. Так, ничего серьезного, но водителем мне не бывать.

Он оперся о щетку, глядя вдаль и чуть заметно улыбаясь своим мыслям — наверное, представлял себя в королевской кабине мусороуборочной машины.

Холли уставилась на него, не веря своим ушам. Широкое лицо Томми больше не казалось ей добрым и приятным. Как она сразу не разглядела! Это было глупое лицо.

Ей хотелось крикнуть: «Идиот! Я мечтала завоевать Пулитцеровскую премию, а пишу всякую дребедень о проклятых „Призовых бревнах“! Это трагедия! Ты подметаешь мусор щеткой, вместо того чтобы жать на кнопки мусорной машины. Какое ты имеешь право сравнивать!»

Но она ничего не сказала, потому что поняла: он имел право сравнивать. Несбывшаяся мечта, неважно, высокая или совсем скромная, всегда трагедия для человека, потерявшего надежду. Невозможность оказаться за рулем мусороуборочной машины, как и неполученные Пулитцеровские премии, рождает отчаяние и лишает сна. И эта мысль была самой страшной из всех, какие приходили ей в голову.

Глаза Томми приняли свое обычное выражение:

— Постарайтесь отвлечься, мисс Тори. Жизнь — это ведь как кафе. Вы заказываете абрикосы с орехами, а вам подсовывают черничные оладьи. Ни орехов, ни абрикосов. Но, если все время о них думать, можно, пожалуй, и свихнуться. Куда лучше сообразить, что черника — тоже вещь неплохая.

Боже мой, ну и жизнь! Захламленная комната редакции в полночь. Доморощенные философы-уборщики. Репортеры-пропойцы, храпящие за столами.

— Мне уже лучше, этот разговор мне очень помог, — солгала Холли. — Спасибо, Томми.

— Не за что, мисс Тори.

Томми вернулся к прерванной работе, а Холли проглотила еще одну конфету и подумала, не пройти ли комиссию на профессиональную пригодность в качестве водителя мусороуборочной машины.

Тут были свои преимущества: работа куда чище, чем журналистика, и потом, приятно сознавать, что, по крайней мере, один человек в Портленде будет ей смертельно завидовать.

Она посмотрела на циферблат настенных часов. Половина второго. Спать не хотелось. Какой смысл идти домой, валяться на кровати, глядя в потолок, и чувствовать себя несчастной. Вообще-то, именно этого ей и хотелось — как раз под настроение, но, конечно, это не самый лучший способ убить время. На ее беду, выбирать особенно не приходилось: и днем и ночью Портленд был огромной забегаловкой с круглосуточным графиком обслуживания.

До отпуска оставался всего один день, даже меньше. Она ждала его с таким нетерпением! Не строила никаких планов, хотела просто отдохнуть, отрешиться от всего, забыть о том, что в мире существуют газеты. Можно сходить в кино. Что-нибудь прочесть. Или отправиться в реабилитационный центр Бетти Форд и пройти курс лечения от жалости к себе.

Она достигла опасной стадии, на которой начинались горестные размышления о собственном имени. Холли Торн Красота! Нечего сказать! И как это родителей угораздило наградить ее таким ботаническим имечком? Да разве станет Пулитцеровский комитет присуждать премию женщине, имя которой больше подходит герою детских мультфильмов?! Иногда по ночам так хотелось позвонить родителям и спросить: за что? Кто виноват? Плохой вкус, глупая шутка или сознательная жестокость?

Родители прожили честную трудовую жизнь, во всем себе отказывая, зато дочь получила хорошее образование. Они желают ей только добра, и для них будет тяжелым ударом узнать, что она ненавидит свое имя. Идея дать дочери имя, которое вместе с фамилией звучало как название растения — «шип остролиста», — казалось им удачной и не

лишенной изящества. Холли безумно любила своих стариков, и надо было дойти до точки, чтобы обвинить их в собственных неудачах.

Испугавшись, что не выдержит и позвонит родителям, Холли быстро повернулась к компьютеру и нашла файл с утренними номерами американских газет. Работа над выпуском закончилась, все материалы сверстали и отправили в печать, но с помощью системы «Пресса»

Холли могла отыскать страницу любой газеты. Шрифт на экране был мелкий, легко читались только заголовки, но при желании можно укрупнить любую часть текста. Иногда чтение сенсационной статьи, о которой публика узнает только на следующий день, поднимало ей настроение, рождало смутное ощущение причастности к таинству. Именно об этом мечтают юные, желающие избрать карьеру журналиста. В поисках интересной статьи она пробежала глазами несколько заголовков на первой странице и нахмурилась. Большой пожар в Сент-Луисе, девять человек погибли. Предчувствие войны на Ближнем Востоке. Нефтяное пятно у берегов Японии. Ураган и наводнение в Индии, тысячи людей остались без крова. Правительство снова повышает налоги. Она всегда знала, что газеты питаются несчастьями, катастрофами, скандалами, насилием и политическими склоками, но сейчас эта мысль показалась ей омерзительной. Холли осознала: она не хочет быть причастной к этому, не хочет первой узнавать отвратительные черные новости.

Она уже собиралась выключить компьютер, как вдруг внимание привлек заголовок: «Таинственный незнакомец спасает мальчика». Со дня происшествия в Мак-Элбери не прошло и двух недель, и эти четыре слова показались ей ужасно знакомыми. Охваченная любопытством, Холли дала команду укрупнить текст статьи. Рядом со статьей располагалась фотография. Изображение было темным и размытым, но текст можно было прочесть. Холли еще больше укрупнила изображение и стала просматривать первый столбец.

Она пробежала глазами первую строчку и выпрямилась в кресле: «Бесстрашный незнакомец, о котором известно только, что его зовут Джим, спас жизнь шестилетнему Николасу О Коннору, который едва не погиб при взрыве трансформаторной будки, принадлежащей компании „Электростанции Новой Англии“».

«Черт знает что...» — прошептала Холли. Ее пальцы забегали по клавишам компьютера, текст передвинулся вправо, и его место заняла фотография. Холли увеличивала изображение до тех пор, пока лицо не заняло весь экран.

Джим Айренхарт.

Как громом пораженная, не веря собственным глазам, она застыла перед экраном компьютера. Затем возникло внезапное желание, настоящая физическая потребность, похожая на острые спазмы голода, — разузнать о нем как можно больше.

Она погрузилась в чтение статьи. Мальчик сидел перед домом на тротуаре недалеко от большой трансформаторной будки. Играл с машинками, родители с крыльца наблюдали за сыном. Вдруг на улице появился незнакомый мужчина. «Подбегает к Ники, — прочла Холли интервью с отцом спасенного ребенка, — хватает его... Я решил, какой-то маньяк хочет украсть моего сына». Схватив кричащего мальчика, незнакомец перепрыгнул через невысокую ограду на лужайку у дома О'Конноров, и в тот же миг за его спиной взорвалась линия высокого напряжения на семнадцать тысяч вольт. Бетонная стена трансформаторной будки, возле которой играл мальчик, разлетелась вдребезги, к небу рванул столб пламени. Незнакомец, смущенный шумным выражением признательности со стороны родителей и соседей, подоспевших к месту происшествия и видевших его смелый поступок, объяснил, что почувствовал запах горячей изоляции, услышал шипение, доносившееся из трансформаторной будки, и понял, что произойдет взрыв, так как, по его словам, он «одно время работал электриком». Недовольный тем, что его сфотографировал один из очевидцев, он решительно покинул место происшествия еще до прибытия журналистов, объяснив, что не хочет привлекать слишком много внимания к своей персоне.

Этот поразительный случай произошел вчера вечером около восьми часов по бостонскому времени. В Портленде в этот момент было около пяти. Холли взглянула на часы:

стрелки показывали две минуты третьего. Прошло меньше девяти с половиной часов.

Она шла по свежему следу.

У нее накопилось немало вопросов к репортеру из «Глоб», написавшему статью: но в Бостоне сейчас пять утра. Придется подождать, пока они начнут работу.

Холли закрыла файл с утренними выпусками, подождала, пока изображение газетного текста исчезнет, подключилась к гигантской информационной сети, соединенной с системой «Пресса», и дала компьютеру команду отыскать все статьи, опубликованные в американских газетах за последние три месяца, в которых на десять слов встречалось имя «Джим» или слова «прийти на помощь», «спас жизнь», и распечатать их на принтере, не повторяя информацию об одном и том же происшествии.

Машина занялась выполнением этого поручения, а сама Холли схватила со стола телефонную трубку и стала обзванивать междугородные справочные, набирая коды 813, 213, 714 и 619. Она пыталась узнать номер телефона Джима Айренхарта, но ни один из операторов в Лос-Анджелесе, Орандже, Сан-Бернардино и Сан-Диего не смог ей помочь. Если Джим сказал ей правду и действительно живет в Южной Калифорнии, его номера нет в телефонных справочниках.

Тихо загудел лазерный принтер, выдавая первую страницу с найденным материалом.

Холли подавила желание броситься к машине, выхватить лист и прочесть. Вместо этого она сосредоточила внимание на телефоне, размышляя, каким еще способом определить адрес Джима Айренхарта, живущего в части Калифорнии, которую местные жители называют «Южная Земля».

Несколько лет назад она бы просто связалась с компьютерной системой Калифорнийского департамента автотранспорта и за скромную плату получила адрес любого владельца водительских прав, зарегистрированных в штате. Но после убийства актрисы Ребекки Шеффер, совершенного свихнувшимся фанатом, который получил сведения о своей жертве именно таким способом, вышел новый закон, ограничивающий доступ к информации департамента.

Будь Холли закоренелым компьютерным вором, искушенным в различных хитростях, она бы добралась до их картотеки несмотря на все системы защиты или проникла в банк данных страхового агентства, где наверняка хранится информация об Айренхарте. Она знавала репортеров, которые совершенствовали свое компьютерное мастерство как раз для подобных целей, но сама всегда действовала в рамках закона и никогда не прибегала к обману.

Вот поэтому тебе и приходится писать о таких увлекательных вещах, как награждение «Призовым бревном», уныло подумала она.

Ломая голову, как решить эту задачу, Холли направилась в буфет и, опустив в автомат монету, получила чашку горького, как желчь, кофе. Сморщилась, но выпила — до утра далеко, нужно взбодриться. Налила еще одну чашку и пошла к себе в комнату.

Принтер молчал. Она сгребла пачку лежащих возле него страниц и уселась за стол. Компьютер выдал ей внушительную кипу статей, в которых на протяжении десятка слов встречалось имя Джим или слова «прийти на помощь», «спас жизнь». Она их быстро пересчитала. Вышло двадцать девять.

Самой первой лежала статья из «Чикаго сан тайме». Первая строка гласила: «Житель Оук-Парк Джим Фостер спас жизнь десяткам бездомных кошек...»

Холли скомкала лист бумаги и бросила в мусорную корзину. Глаза впились в следующую страницу. Статья из «Филадельфия инкуайерер» сообщала: «Джим Пилсбури, выступающий за „Филлиз“, спас свой клуб от унижительного поражения в матче бейсбольных команд...»

Лист полетел в корзину, а Холли уже пробежала глазами третью статью. Ею оказалась рецензия на фильм, и Холли не стала терять время на поиски упоминаний о Джиме. Четвертая страница рассказывала о писателе Джиме Харрисоне. Пятая поведала любопытную историю о находчивом политике из Нью-Джерси, спасшем жизнь крупного

мафиозо. Оба сидели в баре за кружкой пива, как вдруг «крестный отец» едва не погиб, подавившись перченой сосиской. К счастью, политик не растерялся, надавил бедняге на живот, и все закончилось благополучно. Сосиска называлась «Тонкий Джим».

Она уже стала беспокоиться, что все ее усилия окажутся напрасными, но шестая статья из «Хьюстон кроникл» подействовала на нее лучше всякого кофе. Широко раскрыв глаза, Холли прочла: «Женщина спасена от мести мужа». Четырнадцатого июля Аманда Катер, выигравшая долгий бракоразводный процесс, едва не погибла от руки своего бывшего мужа Космо. Узнав о решении суда, Космо Каттер впал в ярость и дважды выстрелил в Аманду, встретив ее в районе Ривер-Оукс, но, к счастью, промахнулся и был схвачен и обезоружен случайным прохожим, который, по словам потерпевшей, «словно вырос из-под земли». Незнакомец, сообщив только то, что его зовут Джим, испарился в сыром воздухе вечернего Хьюстона прежде, чем на место происшествия прибыла полиция. Похоже, что его появление оставило неизгладимый след в душе спасенной им женщины. Молодая, привлекательная Аманда живописала своего героя следующими словами: «Красивый, весь из мускулов, настоящий супермен, какие бывают только в кино, а глаза синие, мечтательные».

В голове у Холли возник живой образ Джима Айренхарта. Она так ясно помнила взгляд его ярко-синих глаз, как будто они виделись только вчера. Она бы не назвала глаза Джима «мечтательными», хотя, без сомнения, такой поразительной чистоты и магической притягательности ей раньше встречать не приходилось... Хотя нет, они действительно мечтательные. Ей не хотелось думать о том, как, встретив Джима, она вдруг смутилась и почувствовала себя маленькой девчонкой. Но себя не обманешь. Холли вспомнила нечеловеческий холод во взгляде Джима, когда глаза их впервые встретились, и удивительное тепло его улыбки.

Седьмая статья описывала еще одного скромного Джима, который, вместо того чтобы принимать поздравления, выслушивать благодарности и купаться в лучах заслуженной славы, незаметно скрылся сразу после того, как спас из горящего дома тридцатилетнюю Кармен Диас. Случай произошел в Майами пятого июля. Очевидцы запомнили голубые глаза.

Просмотрев двадцать две оставшиеся статьи, Холли обнаружила две, где речь шла об Айренхарте, хотя в обоих случаях упоминалось только имя. Двадцать первого июня в Гарлеме четверо подростков из местной молодежной группировки едва не сбросили Тадеуша Джонсона с крыши восьмизэтажного дома. Таким путем с ним хотели рассчитаться за отказ участвовать в торговле наркотиками. Неожиданная помощь пришла в лице синеглазого мужчины, который провел серию приемов тэквондо, мгновенно разбросав и обезвредив нападавших. «Как Бэтмен, только без смешного костюма», — рассказывал Тадеуш репортеру из «Дейли ньюс». А двумя неделями раньше еще один синеглазый Джим, «непонятно как оказавшийся» возле дома калифорнийца Луиса Андретти, который собирался чинить трубу в подвале, посоветовал тому не спешить с работой. «Сказал, что под домом поселилось семейство гремучек», — читала Холли рассказ Андретти. Агенты из санинспекции, обследовавшие дом с помощью галогенной лампы, обнаружили не просто змеиный выводок, а нечто такое, что «может присниться только в страшном сне». Они извлекли из подвала сорок одну гремучую змею. «Одного не могу понять, — удивлялся Андретти, — как этот парень узнал о змеях? Я прожил здесь столько лет и ничего не замечал».

Теперь Холли знала о четырех эпизодах из биографии Джима Айренхарта, не считая спасения Ники О'Коннора в Бостоне и Билли Дженкинса в Портленде. Все шесть случаев произошли после первого июня. Она повернулась к компьютеру и дала машине новое задание: провести точно такой же поиск, включая предшествующие месяцы: март, апрель, май.

Надо выпить еще кофе. Холли встала и пошла в буфет.

Только сейчас она заметила, что место Джорджа Финтела опустело. Старик все-таки проснулся и потащился домой. Холли не слышала, как он уходил. Томми тоже покинул комнату. Она была одна.

Холли отхлебнула глоток кофе, отметив, что напиток не так уж плох, по крайней мере лучше, чем в первый раз. Конечно, кофе ничуть не изменился, но две предыдущие чашки заглушили все вкусовые ощущения.

Компьютер справился с заданием и выдал одиннадцать статей, опубликованных в различных газетах с марта по май. Однако, просмотрев новую стопку листов, Холли заинтересовалась лишь одной. Пятнадцатого мая в Атланте в момент вооруженного ограбления хозяйственного магазина на сцене появился синеглазый Джим. Он застрелил грабителя Нормана Ринка, намеревавшегося убить двух покупателей — молодого мужчину Сэма Ньюсома и его пятилетнюю дочь. Накачавшись наркотиками и потеряв всякий рассудок. Ринк уже успел застрелить продавца и двух других покупателей, причем сделал это просто так, от нечего делать. Покончив с Ринком и убедившись, что с Ньюсомами все в порядке, Джим исчез, не дождавшись приезда полицейских.

Рядом публиковалась размытая фотография мужественного спасителя. Ее получили при помощи установленной в магазине телекамеры. Вторая фотография за все время. Изображение никуда не годилось, но Холли мгновенно узнала Джима Айренхарта.

Некоторые детали этого происшествия выбили ее из колеи. Допустим, Айренхарт обладает экстрасенсорными способностями — поразительным даром предвидеть фатальные случаи и возможностью вмешиваться в ход событий, предотвращая неминуемую трагедию. Но тогда почему он не появился в магазине на несколько минут раньше? Продавец и покупатели остались бы живы. Почему он спас Ньюсомов и позволил другим людям умереть?

Но еще больше ее потрясло то, как Джим расправился с Ринком. Он всадил в грабителя четыре заряда из дробовика двенадцатого калибра, а затем, хотя Ринк был уже мертв, перезарядил ружье и выстрелил в труп еще четыре раза. «Он был в такой ярости, — рассказывал Ньюсом, — лицо красное, в поту, на висках и на лбу жилы вздулись. В глазах слезы... Жуткое зрелище».

Потом Джим попросил прощения за то, что так жестоко вел себя на глазах у маленькой Эмми Ньюсом, сказав в свое оправдание, что подонки вроде Ринка, убивающие невинных людей, «приводят его в бешенство». Ньюсом сказал репортеру: «Он спас нам жизнь, мы благодарны ему, но он был страшен, почти так же страшен, как Ринг».

Сообразив, что в некоторых случаях Айренхарт мог и не называть своего имени, Холли занялась поиском статей, опубликованных за последние полгода, отбирая из них те, где рядом со словом «прийти на помощь» и «спас жизнь», попадалось слово «синие». Она заметила, что многие свидетели путались в описании его внешности, но зато почти все помнили удивительно синие глаза.

Холли выпила кофе, подошла к принтеру. Машина гудела и одну за другой выдавала новые страницы. Холли хватала очередной лист, пробегала глазами текст, комкала, швыряла бумажный шарик в корзину или погружалась в чтение рассказа о еще одном поразительном происшествии. Компьютер нашел четыре статьи, в которых, без сомнения, говорилось о Джиме Айренхарте, хотя ни в одной из них его имя не упоминалось.

Холли дала команду компьютеру искать фамилию Айренхарт в американских газетах, вышедших за последние полгода.

В ожидании ответа она принялась разбирать полученные материалы. Составила список людей, спасенных Джимом Айренхартом, включив четыре последних случая и расположив имена в хронологической последовательности. Она выписала возраст, место, где случилось происшествие, и вид смерти, от которой спасли этих людей.

Внимательно просмотрела список, сделав несколько пометок в местах, привлечших ее внимание. В это время компьютер завершил работу над последним заданием, и Холли все отложила в сторону.

Она встала с кресла, чтобы подойти к лазерному принтеру, и застыла, с удивлением обнаружив, что не одна в комнате. Три репортера и редактор сидели на своих местах. Все они отличались привычкой начинать работу спозаранку. Хэнк Хокинс, редактор экономического

отдела, вообще любил приходить к открытию финансовых рынков на Восточном побережье. Она и не заметила, как они здесь очутились. Двое обменивались анекдотами и громко смеялись, Хокинс разговаривал по телефону, но все это время Холли их не слышала. Она посмотрела на часы: десять минут седьмого.

Сквозь стекла окна в комнату пробивался серый утренний свет. Ночь отхлынула, уступая дорогу новому дню. Холли посмотрела на стол и удивилась, сосчитав пустые чашки из-под кофе: на две чашки больше, чем она думала.

Отчаяние прошло.

Она никогда не чувствовала себя так хорошо. Лучше, чем за последние дни, недели, годы. В ней снова проснулся дух настоящего репортера.

Она подошла к лазерному принтеру, собрала оставшиеся листы и вернулась к столу. Похоже, пресса не баловала Айренхартов вниманием. За последние полгода эта фамилия упоминалась в газетах всего пять раз.

Кейвин Айренхарт, Буффало, штат Нью-Йорк, сенатор штата. Выставил свою кандидатуру на пост губернатора.

Анна Дениз Айренхарт, Бока-Ратон, Флорида. Обнаружила в своей спальне живого аллигатора.

Лора Айренхарт, Лос-Анджелес, Калифорния. Композитор. Выдвинута на Академическую премию за лучшую песню года.

Валери Айренхарт, Седар-Рэпидз, Айова. Родила четверых малышей.

Последним в списке шел Джим Айренхарт.

Холли взглянула на название газеты. Статья была напечатана в апрельском номере «Орандж каунти реджистер» за десятое число и представляла собой один из вариантов сообщения, опубликованного всеми газетами штата. Компьютер выбрал только эту статью, поскольку Холли дала команду не печатать материалы разных газет, посвященные одному событию.

Холли посмотрела на выходные данные. Лагуна-Нигель. Калифорния. Южная Калифорния. «Южная Земля».

Фотографии не было, но автор статьи описывал синие глаза и густые каштановые волосы. Без всякого сомнения, это ее Джим Айренхарт. Холли не испытывала удивления от того, что в конце концов нашла Джима. Она не сомневалась, что рано или поздно сумеет сделать это. Но содержание статьи, в которой шла речь о Джиме Айренхарт, поразило ее в самое сердце.

Она предполагала прочесть еще одну историю о чем-нибудь чудесном спасении из объятий смерти и застыла с открытым ртом, глядя на заголовок: «ЛОТЕРЕЙНЫЙ ВЫИГРЫШ — ШЕСТЬ МИЛЛИОНОВ — ДОСТАЕТСЯ ЖИТЕЛЮ ЛАГУНА-НИГЕЛЬ».

Глава 2

После спасения Николаса О'Коннора впервые за последние четыре дня Джиму удалось спокойно выспаться. Двадцать четвертого августа, в пятницу днем, он вылетел из Бостона, пересек всю страну и, выиграв три часа, приземлился в аэропорту Джон Уэйн. Часы показывали шестнадцать десять. Еще через полтора часа он был дома.

Он сразу направился в кабинет и приподнял край ковра, скрывавшего тайник. Набрал код, открыл люк и извлек из углубления в полу пять тысяч долларов — десять процентов всех денег, хранившихся в сейфе.

Усевшись за стол, Джим вложил стодолларовые купюры в конверт из плотной бумаги и сколот его несколькими скрепками. Написал адрес отца Лео Гиэри, священника церкви Святой Девы Пустыни, и наклеил марки. Завтра утром первым делом надо бросить конверт в почтовый ящик.

Джим прошел в гостиную и включил телевизор. Попробовал несколько каналов — ничего, стоящего внимания. Оставил новости и сел в кресло, слепо уставившись на экран.

Никак не мог сосредоточиться, мысли плавали где-то далеко. Пошел на кухню, разогрел пиццу в микроволновой печи и открыл банку пива. Поел, вернулся в комнату, взял книгу. Прочел несколько страниц и отложил в сторону — скучно. Просмотрел стопку свежих журналов — ни одной интересной статьи.

Когда наступили сумерки, Джим, прихватив банку пива, вышел на улицу. Расположился на веранде, слушая шорох пальмовых листьев, подставляя лицо дуновению ветерка. Жасмин, растущий вдоль стены забора, источал сладкий дурманирующий аромат. В тусклом дымчатом свете сияли красные, фиолетовые, розовые пионы. Солнце скользнуло за горизонт, и они погасли, как гаснут сотни маленьких лампочек отключенного реостата. Ночь спускалась на город, точно огромный плащ из легкого черного шелка.

Трудно представить более мирную картину, но он не мог обрести долгожданный покой — такая сумятица царил в сердце.

С тех пор как пятнадцатого мая Джим спас Сэма Ньюсома и его дочь, прошло немало времени. И с каждым днем он все больше терял интерес к заботам и радостям старой привычной жизни. Постоянно находился в напряжении. Думал о пользе, которую мог принести, о человеческих жизнях, которые можно спасти. Ждал, когда прозвучат магические слова: «Линия жизни». Все остальное потеряло для него всякий смысл.

Превратившись в орудие высших сил, он перестал быть самим собой.

* * *

Проведя весь следующий день за сбором информации о Джиме Мэдисоне Айренхарте и выкроив для отдыха всего пару часов, что было довольно слабой компенсацией за бессонную ночь, Холли получила долгожданный отпуск и вылетела в Апельсиновую Страну. Прибыв на место, она взяла напрокат машину, поехала в Лагуна-Хиллз и остановилась в местном мотеле.

В отличие от прибрежных курортов Лагуна-Бич и Лагуна-Нигель, где летом места в гостиницах нужно заказывать заранее, этот городок лежал вдалеке от океана и не испытывал наплыва отдыхающих. Но Холли все равно не собиралась терять время на пляже. Хотя она и принадлежала к огромной армии энтузиастов, стремящихся заполучить рак кожи, на этот раз она приехала не купаться и загорать, а работать.

В мотель Холли приехала совершенно обессиленная. Веки налились свинцом. Она еле доволокла чемодан до двери номера, вошла, и тут гравитация сыграла с ней жестокую шутку: навалилась пятикратной силой тяжести и намертво припечатала к постели.

Обстановка небольшой чистой комнаты пленяла простотой и естественностью. Работал кондиционер. Окажись обитателем номера эскимос, измученный тоской по дому, он запросто бы воспроизвел климат далекой родной Аляски.

Она все-таки заставила себя спуститься вниз и купила в автомате пакет арахисового печенья с сыром и банку пепси. Забралась с ногами на постель и стала ужинать. Тело онемело от усталости. Все чувства притупились. Она жевала какую-то безвкусную массу. С таким же успехом можно есть сахарную вату и запивать лошадиным потом.

Как только голова коснулась подушки, щелкнул невидимый выключатель, и Холли моментально уснула.

Ночью ей привиделся страшный сон. Она шла на ощупь в полной темноте. Откуда-то доносились звуки, долетали запахи. Наверное, такие сны снятся слепым от рождения. Было сыро, зябко. Слабо пахло известкой. Она не испытывала страха, только непонятное смущение. Осторожно двигалась вдоль длинных стен, касаясь рукой холодных, плотно уложенных кирпичей. Некоторое время спустя поняла, что стена всего одна, и она все время шла по кругу. Все шорохи и звуки шли от нее самой, кроме шума дождя, который высоко над головой барабанил по черепичной крыше.

Холли отступила от стены и, вытянув руки вперед, сделала несколько шагов по толстым доскам деревянного пола. Ладони наткнулись на пустоту, но любопытство улетучилось, и ее

внезапно обуял страх. Она застыла, затаив дыхание. Прислушалась, пытаясь понять, откуда донесся зловещий звук.

Трудно уловимый звук, заглушаемый негромким монотонным шорохом дождя. Вот снова. Еле слышный писк.

Воображение мгновенно нарисовало жирную лоснящуюся крысу, но странный звук, слишком долгий и неестественный, не мог принадлежать живому существу. Больше похоже на скрип, но не так скрипят половицы под ногой. Воцарилась тишина... через несколько секунд звук повторился... затих... и раздался снова... установился ритм.

Сообразив, что слышит скрип несмазанного механизма, Холли не только не успокоилась, а, наоборот, почувствовала, как все быстрее бьется ее сердце. Она стояла в черной мрачной комнате, пытаясь представить невидимую машину.

Звук немного усилился, машина набирала обороты. Теперь скрипы следовали не через пять-шесть секунд, а через три-четыре, две, каждую секунду.

Внезапно к скрипу присоединился новый странный звук: «Ссшш... ссшш... ссшш...» Невидимая широкая плоскость резала воздух.

— Ссшш...

Она приближалась.

— Ссшш...

В голову пришла дикая мысль — это лезвие.

— Ссшш...

Большое лезвие. Острое. Огромное лезвие, которое режет воздух.

Надвигалось нечто страшное, невыносимо жуткое, настолько непонятное, что даже яркий дневной свет не принесет разгадки. Холли понимала, что это лишь сон, но знала: ей надо во что бы то ни стало покинуть эту каменную темноту. Иначе она умрет. Из ночного кошмара нельзя убежать. Нужно проснуться. Но она не могла, слишком устала, чтобы вырваться из оков сна.

Темнота начала вращаться. Огромная безжалостная машина ускоряла ход:

— Скрип, ссшш...

Сквозь шорох ночного дождя:

— Скрип, ссшш...

Резала воздух:

— Скрип, ссшш...

Холли хотела закричать.

— Скрип, ссшш...

Но только беззвучно шевелила губами.

— Скрип, ссшш...

Не могла проснуться, закричать, позвать на помощь.

— Ссшш...

* * *

— Нет!

Джим рывком уселся на кровать. В ушах продолжал звенеть собственный крик. Он обливался холодным липким потом и старался унять дрожь.

Прошлой ночью Джим заснул с включенной лампой. В последнее время он часто ложился при свете. Дикие ночные кошмары мучили его больше года. Нередко, очнувшись утром, он не мог вспомнить, что ему снилось. Страшнее всего был «враг» — безликое, бесформенное чудовище, о котором он говорил в бреду, когда лежал больной в доме отца Гиэри, но существовали и другие монстры.

На этот раз его испугал не человек или чудовище, а место: ветряная мельница.

Джим посмотрел на часы, стоявшие на ночном столике. Без пятнадцати четыре. Еще не рассвело.

Встал с кровати и в пижамных брюках, пошатываясь, поплелся на кухню. Глаза привыкли к электрическому свету. Теперь ему было гораздо лучше. Хотелось поскорее сбросить остатки мерзкого сна.

Проклятая мельница.

Джим включил кофеварку и приготовил крепкий колумбийский кофе. Стоя, отхлебнул глоток, налил чашку до краев и сел за стол. Он хотел выпить весь кофейник. Боялся снова заснуть и увидеть тот же страшный сон.

По утрам после каждого кошмара он долго приходил в себя, но те, в которых появлялась ветряная мельница, доводили его до изнеможения. Грудь саднило, будто сердце поранилось в кровь, бешено колотясь о ребра грудной клетки. Даже спустя несколько часов по телу пробегала противная дрожь, голова раскалывалась. Боль в ней пульсировала с такой силой, что, казалось, инородный организм пытается раздробить черепную кость и вырваться наружу. Джим не хотел смотреть в зеркало. Знал, что увидит бледное, изможденное лицо, синие круги под глазами. Лицо смертельно больного, из которого раковая опухоль вылила последние соки.

Ветряная мельница не часто являлась ему во сне. Кошмар преследовал его один-два раза в месяц. Но и этих двух раз хватало с избытком.

Как ни странно, это был самый обычный сон. Он, десятилетний мальчишка, сидел в маленькой пыльной комнате над главным помещением мельницы, где находились старинные жернова. Колеблющееся пламя желтой свечи выхватывало из темноты пыльный деревянный пол, толстые известняковые стены, узкие окна, похожие на бойницы древней крепости. Снаружи притаилась черная ночь. Капли дождя глухо барабанили по стеклу. Внезапно закрипели несмазанные ржавые шестеренки. Мельница пришла в движение. Огромные деревянные крылья качнулись и стали описывать круги, сначала медленно, потом все быстрее, быстрее... Со свистом, точно гигантский серп, они резали плотный сырой воздух. Джим увидел, как повернулась ось в центре комнаты. Деревянный столб пронзал потолок и уходил вниз сквозь отверстие в балках пола. Теперь, казалось, пришла в движение вся комната. Круглый пол вращался, как бешеная карусель. В глазах поплыло.

Он услышал, как внизу заходили, ударяясь друг о друга жернова, будто издалека доносились глухие раскаты грома.

Такой вот сон. Ничего необычного. Но он поверг его в дикий испуг.

Джим отхлебнул кофе.

И самое странное: он любил старую мельницу. В этом месте прошло его детство, и память сохранила об этом самые лучшие воспоминания. Мельница принадлежала деду и стояла на его ферме между прудом и кукурузным полем. Чудесная и таинственная, она манила выросшего в городе мальчика. Как здорово было играть под ее прохладными тенистыми сводами, мечтать и строить планы, забравшись в укромный уголок на чердаке. Мельница служила ему надежным пристанищем и в минуты горестей. Сюда он прибегал со своими детскими обидами и заботами.

Джим никак не мог понять, почему милая старая мельница преследует его в ночных кошмарах.

* * *

Жуткий кошмар прошел, Холли так и не проснулась. Она беззвучно посапывала во сне, тихая и спокойная, как камень на морском дне.

Глава 3

Проснувшись в воскресенье утром, Холли спустилась вниз, чтобы наскоро позавтракать за стойкой кафе мотеля. Похоже, большинство постояльцев гостиницы составляли семьи отдыхающих, одетые как на подбор в шорты, белые брюки и пестрые рубашки. Дети бегали в

кепках и ярких майках с рисунками морских чудовищ и диснеевских персонажей. Родители, дожидаясь бутерброды, совещались над картами и листали путеводители, решая, куда поехать. Выбор был огромный. Калифорния — известный рай для туристов. Посетители кафе как один щеголяли в рубашках в стиле «поло». Пришельцы из иных миров могли бы принять законодателя этой моды Ральфа Лорена за верховное божество мировой религии или вселенского диктатора.

Склонившись над тарелкой с черничными оладьями, Холли внимательно изучала составленный ею список людей, спасенных от смерти благодаря своевременному вмешательству Джима Айренхарта.

— 15 МАЯ:

Сэм (25 лет) и Эмми (5 лет) Ньюсомы — Атланта, штат Джорджия (убийство).

— 7 ИЮНЯ:

Луи Андрес (28 лет) — Корона, штат Калифорния (укус змеи).

— 21 ИЮНЯ:

Тадеуш Джонсон (12 лет) — Нью-Йорк, штат Нью-Йорк (убийство).

— 30 ИЮНЯ:

Рэчел Стейнберг (23 года) — Сан-Франциско, штат Калифорния (убийство).

— 5 ИЮЛЯ:

Кармен Диас (30 лет) — Майами, штат Флорида (пожар).

— 14 ИЮЛЯ:

Аманда Каттер (30 лет) — Хьюстон, штат Техас (убийство).

— 20 ИЮЛЯ:

Стивен Эймс (57 лет) — Бирмингем, штат Алабама (убийство).

— 1 АВГУСТА:

Лора Ленаскиан (28 лет) — Сиэтл, штат Вашингтон (утопление).

— 8 АВГУСТА:

Дуги Беркет (11 лет) — Пеория, штат Иллинойс (утопление).

— 12 АВГУСТА:

Билли Дженкинс (8 лет) — Портленд, штат Орегон (дорожный инцидент).

— 20 АВГУСТА:

Лиза (30 лет) и Сузи (10 лет) Явольски — пустыня Мохавк (убийство).

— 23 АВГУСТА:

Николас О'Коннор (6 лет) — Бостон, штат Массачусетс (взрыв).

Некоторые выводы напрашивались сами собой. Из четырнадцати спасенных шестеро были детьми. Семь остальных — люди в возрасте от двадцати трех до тридцати. Исключение составлял Стивен Эймс, которому оказалось пятьдесят семь. Айренхарт спасал молодых. Кроме того, Холли заметила, что его активность постоянно росла: один случай в мае, три в июне, три в июле и целых пять в августе, хотя до конца месяца еще целая неделя.

Ее особенно поразило число спасенных, которые могли погибнуть от руки убийц, не оказавшись рядом с Джимом Айренхартом. По статистике, люди куда чаще гибнут в результате несчастных случаев. Одни только дорожные происшествия уносят больше человеческих жизней, чем пули и ножи всех вместе взятых преступников. И тем не менее Джим гораздо чаще спасал от злого умысла. Об этом свидетельствовали восемь случаев из четырнадцати — свыше шестидесяти процентов спасенных едва не погибли насильственной смертью.

Возможно, он острее чувствовал готовящееся убийство, чем другие виды смертельной опасности. Насилие порождает более мощные психические импульсы, чем обычный несчастный случай.

Холли перестала жевать и застыла, не донеся вилку до рта. Только теперь она поняла, в какую странную историю ввязалась. Поспешно бросившись на поиски синеглазого героя, движимая репортерским честолюбием и женским любопытством, она недооценила сложность стоящей перед ней задачи. Возбуждение, а затем усталость помешали трезво оценить ситуацию. Холли опустила вилку и уставилась в тарелку, словно надеясь в крошках

оладьев и черничном соусе прочесть ответ на свои вопросы.

А почему бы и нет? Ведь гадают же цыганки по руке и на кофейной гуще.

Так кто же, черт возьми, этот Айренхарт? Медиум?

Ее никогда не интересовали ясновидцы и экстрасенсы. Холли слышала о людях, которые утверждали, что «видят» убийцу, прикасаясь к одежде жертвы. Они помогали полиции отыскивать тела пропавших людей. «Нэшнл инкуайерер» неплохо оплачивал экстрасенсам прогнозы мировых событий и предсказаний судебных знаменитостей. Некоторые заявляли, что могут общаться с душами умерших. Но, оставаясь равнодушной ко всему сверхъестественному, Холли и не задумывалась, где здесь правда, где вымысел. Не то чтобы все эти люди казались ей обманщиками, просто сама тема нагоняла зевоту.

Она подозревала, что ее жесткий и нередко циничный рационализм достаточно гибок, чтобы принять идею о существовании медиума, обладающего реальным могуществом, вот только не была уверена, подходит ли слово «медиум» для Джима Айренхарта. В отличие от всех прочих, он не печатал астрологических прогнозов в дешевых газетенках, «прозорливо» предвещая успех новым фильмам великого Стивена Спилберга или предсказывая, что австриец Шварценеггер и дальше будет говорить по-английски с акцентом; ветреный Том Круз бросит свою нынешнюю подружку, а негр Эдди Мэрфи в обозримом будущем останется черным. Этот человек знал, кому, где и когда угрожает смерть, и, обладая этим знанием, бесстрашно вмешивался в ход событий. Он не гнул ложки усилием воли, не вещал загробным голосом древнего Рама-Лама-Дингдонга, не гадал на картах, внутренностях животных или воске.

Вступая в схватку с судьбой, Айренхарт спасал человеческие жизни.

Он помогал не только тем, кого спасал, но и родным и друзьям этих людей, избавляя их от ужаса потери близкого человека. Его возможности поистине не знали границ. Даже за три тысячи миль, отделявших Лагуна-Нигель от Бостона, он чувствовал опасность и спешил на помощь.

Не исключено, что она знает о подвигах Джима далеко не все. Занявшись изучением американских газет, она совсем выпустила из виду, что его имя могло встречаться в зарубежной прессе. Теперь Холли не удивилась бы, узнав, что Айренхарт спасает людей в Италии, Франции, Германии, Японии, Швеции или Паго-Паго.

Конечно, слово «медиум» не годилось. Однако в голову не приходило ничего лучшего. Холли охватило удивительное ощущение причастности к чуду. Такого она не испытывала много лет — с тех пор как выросла и стала взрослой. Но вместе с этим светлым чувством в ней родился суеверный страх. Повеяло холодом, она поежилась.

Так кто же он? Что он за человек?

Около тридцати часов назад, наткнувшись на статью о спасении маленького Николаса О'Коннора, Холли поняла, что ей в руки попал сенсационный материал; после того как она ввела информацию в компьютер и получила результаты, стало ясно: новая работа будет главным достижением ее репортерской карьеры. Ну а теперь она начала подумывать о том, что имеет все шансы написать лучшую статью десятилетия.

— Что-нибудь не так?

— Все не так, — сказала Холли и лишь мгновение спустя сообразила, что отвечает на чужой вопрос.

Подняла голову и увидела официантку, которая с озабоченным видом стояла возле ее столика. «Бернис» — прочла Холли имя девушки, вышитое на форменной блузке. Она спохватилась, что уже давно сидит, уставившись в тарелку, и не ест, занятая мыслями о Джиме Айренхарте. Это заметила Бернис и подошла выяснить, что не нравится клиентке.

— Не так? — переспросила Бернис и нахмурилась.

— Да... все не так... как я думала... Захожу к вам, думаю, что попала в обычное кафе, а мне приносят потрясающие оладьи. В жизни не ела ничего вкуснее!

Бернис с подозрением посмотрела на странную посетительницу, спрашивая себя, не разыгрывают ли ее.

— Значит... они вам в самом деле понравились?

— Я просто в восторге, — с воодушевлением заверила ее Холли и принялась жевать холодные непропеченные оладьи.

— Я так рада! Хотите еще что-нибудь?

— Спасибо, только счет, — промычала Холли с набитым ртом.

Официантка наконец ушла, а сраженная внезапным приступом голода Холли обратила все свое внимание на содержимое тарелки.

Она ела, поглядывая по сторонам и украдкой рассматривая пестро одетых отдыхающих за соседними столиками. Они оживленно разговаривали, делились впечатлениями, строили планы, предвкушая новые удовольствия. Холли наблюдала за окружавшей ее суетой с чувством невыразимого превосходства. Она знала то, о чем они даже не подозревают, была единственной владелицей потрясающей репортерской тайны. Скоро расследование подойдет к концу, и она напишет главное произведение своей жизни. Это будет прозрачная кристальная проза, строгая и вместе с тем яркая, достойная пера самого Хемингуэя (почему бы и нет?) Статья попадет на первые страницы всех центральных американских газет, завоюет ей славу во всем мире. И самое прекрасное то, что ее тайна не имеет никакого отношения к политическим дразгам, торговле наркотиками и всей той грязи, которой питаются современные средства массовой информации. Она напишет об удивительных чудесах, мужестве и надежде. Поведает миру о неслучившихся трагедиях, спасенных человеческих жизнях, победе над смертью.

Как прекрасна жизнь, думала Холли, глядя на соседей за столиками и сочувственно улыбалась, жалея их, веселых, шумных, не знающих, что такое настоящее счастье.

* * *

Сразу после завтрака, раскрыв путеводитель с картой Лагуна-Нигель, Холли без труда нашла дом Джима Айренхарта. Его адрес она получила еще в Портленде, проверив с помощью компьютера все сведения о продаже недвижимости в Апельсиновой Стране за последний год. Предположив, что человек, выигравший в лотерею шесть миллионов, захочет купить себе новый дом, Холли попала в самую точку. Джим выиграл эти деньги в начале января. Не исключено, что с помощью своей способности к ясновидению. Третьего мая он приобрел дом на улице Бугенвиллия-Уэй. Поскольку в регистрационных записях не упоминалось о продаже его старого дома, Холли решила, что до того, как ему улыбнулась фортуна, Джим снимал квартиру.

Она порядком удивилась, увидев, в каком скромном доме он живет. Место было хорошее: новый район, чистые, опрятные здания, построенные в лучших традициях Апельсиновой Страны. По краям широких, плавно изгибающихся улиц росли молодые пальмы. Живописные домики средиземноморского типа блестели красными черепичными крышами. На некоторых черепица была цвета песка или спелого персика. Но даже в таком чудесном южном городке, как Лагуна-Нигель, где цены на землю не уступают нью-йоркским в районе Манхэттена, Джим мог бы позволить себе куда более роскошное жилище. Его домик был самый маленький в округе. Перед крыльцом на крохотной зеленой лужайке пестрели азалии и пионы. Рядом росли две пальмы. Их раскидистые кроны отбрасывали кружевные тени на кремово-белую штукатурку.

Холли сбросила скорость и, не спуская с дома глаз, медленно проехала мимо. Стоянка для машины пуста. На окнах занавески. Единственный способ узнать, дома Айренхарт или нет, — просто подойти к двери и позвонить. В конце концов она так и сделает. Но не сейчас.

Она достигла границы квартала, развернулась и снова проехала мимо дома. Он показался ей милым и привлекательным, но совершенно обычным. Трудно поверить, что за этими стенами живет такой удивительный человек.

* * *

Виола Морено жила в зеленом живописном районе, построенном компанией «Ирвин» в шестидесятых-семидесятых годах. Даже в самый палящий зной здесь было хорошо и прохладно под сенью высоких эвкалиптов. Красивые светлые здания, окруженные живой изгородью, утопали в зелени лавров.

Все в доме у Виолы было простым и удобным: старый горбатый диван, мягкие глубокие кресла, широкие скамеечки для ног. Преобладали яростные тона. Холли обратила внимание на картины, висевшие на стенах. Спокойные, традиционные пейзажи радовали глаз. Повсюду лежали стопки журналов, на полках стояли книги. Едва переступив порог комнаты, она почувствовала себя как дома.

Под стать жилищу оказалась и хозяйка, встретившая Холли тепло и радушно. Виоле было около пятидесяти. Но, несмотря на возраст, кожа на загорелом лице оставалась матово-гладкой. В блестящих мексиканских глазах, черных, как чернила, горели веселые искорки. Роста она была небольшого и немного располнела с возрастом, но Холли представила, как в молодости эта женщина шла по улице и мужчины провожали ее взглядами, рискуя вывихнуть шеи. Виола и сейчас казалась очень красивой.

Распахнув дверь, она протянула Холли руку и пригласила войти, будто они были старыми друзьями, а не познакомились вчера по телефону. Они прошли в гостиную, а потом во внутренний дворик дома и очутились на маленькой, покрытой дерном лужайке, где на стеклянном столике стояли два стакана и кувшин с лимонадом, в котором плавали кусочки льда. На плетеных стульях лежали мягкие желтые подушки.

— Летом я провожу здесь почти все время, — сказала Виола, усаживаясь за столик. — Не правда ли, чудесный уголок?

Прозрачный зеленый занавес отделял дом Виолы от зданий на противоположной стороне улицы, белеющих в тени высоких деревьев. Издали виднелись круглые цветочные клумбы с ярко-красными и фиолетовыми гладиолусами. Две белки спустились с маленького пригорка и перебежали через извилистую тропинку.

— Здесь просто замечательно, — согласилась Холли.

Виола налила лимонад в стаканы.

— Когда мы с мужем купили дом, деревья были совсем крохотные. Кругом почти пустыня. Но мы мечтали о будущих временах. Мы умели ждать, хотя лет нам тогда было совсем немного, — она вздохнула. — Иногда бывает так грустно. Горько думать, что он умер таким молодым и никогда не увидит, как выросли наши саженцы. Но обычно я гляжу на сад и радуюсь. Я знаю, Джо сейчас в лучшем мире, чем мы с вами. Мне хочется верить, что он радуется вместе со мной.

— Простите, — смутилась Холли, — я не знала, что ваш муж умер.

— Конечно, моя дорогая. Откуда вам знать? Это случилось так давно. Еще в шестьдесят девятом. Мне тогда было всего тридцать, а ему тридцать два. Муж служил в морской пехоте. Я им так гордилась. Столько лет прошло, как Джо погиб во Вьетнаме, а для меня он как живой.

Холли поразила мысль о том, что павшие в этой войне, останься они в живых, были бы уже далеко не молодыми людьми. Их вдовы прожили без них долгие годы, гораздо больший срок, чем вся их семейная жизнь.

Сколько лет пройдет, прежде чем Вьетнам встанет в один ряд с крестовыми походами Ричарда Львиное Сердце и Пелопонесскими войнами?

— Погиб таким молодым... — Голос Виолы дрогнул, однако она справилась с собой и сказала тихо и печально:

— Столько уж лет прошло...

Холли смотрела на женщину совершенно другими глазами. Первое впечатление оказалось ошибочным. Спокойная, умиротворяющая обстановка в доме, радушие и доброта хозяйки, веселые искорки в ее черных глазах — за всем этим кажущимся благополучием таилось огромное безутешное горе. То, с какой любовью Виола произносила «мой муж»,

ясно говорило: никакое время не в силах стереть память о молодом морском пехотинце — ее первом и последнем мужчине. После смерти Джо жизнь к потеряла для Виолы всякий интерес и, несмотря на веселый жизнерадостный характер, в сердце женщины навсегда поселилась скорбь.

Люди редко оказываются тем, чем кажутся, — этот урок усваивает каждый начинающий журналист, если он только способен чему-нибудь научиться. Люди никогда не бывают проще, чем сама жизнь со всеми ее проблемами и сложностями.

Виола опустила в лимонад соломинку.

— Слишком сладко. Я всегда кладу чересчур много сахара. Прошу прощения. Она поставила стакан на столик.

— Пожалуйста, расскажите мне о брате, которого вы разыскиваете. Вы меня очень заинтриговали.

— Помните, когда я вам звонила из Портленда, то сказала, что меня воспитали чужие люди. Я очень благодарна за все, что они для меня сделали, и люблю их, как любила бы настоящих родителей, но...

— Конечно, вы хотите узнать, кто ваши настоящие родители.

— Просто... я чувствую какую-то пустоту... пустоту в сердце, — запинаясь, заговорила Холли, стараясь не переиграть.

Ее удивила не легкость, с какой она лгала, а то, как хорошо у нее это получается. Обман — удобный способ получить информацию у не слишком разговорчивых собеседников. В свое время такие признанные светила, как Джо Макгиннис, Джозеф Вамбо, Боб Вудворд и Карл Бернштейн, доказывали, что журналист имеет право на обман во имя высшей истины. Однако Холли не могла похвалиться большими успехами в этом искусстве. Она смущалась и ругала себя за вынужденную ложь, но, по крайней мере, ей удавалось скрывать эти чувства от Виолы Морено.

— В агентстве по усыновлению почти не сохранилось сведений о моих настоящих родителях, но я все-таки сумела узнать, что они умерли двадцать пять лет назад. Мне тогда было всего восемь.

В действительности она рассказывала историю о родителях Джима Айренхарта, которые умерли, когда мальчику не исполнилось и десяти. Обо всем этом Холли узнала из газет, читая статью о лотерейном выигрыше.

— Поэтому я их совсем не помню.

— Как это ужасно. Теперь моя очередь жалеть вас. — В мягком голосе Виолы звучали нотки неподдельного сочувствия.

Холли чувствовала себя последним предателем. Состряпанная ею история выглядела насмешкой над огромным горем Виолы. Однако, помня, что обратного пути нет, она продолжала:

— Но оказалось, все не так уж плохо. Я обнаружила, что у меня есть брат. Помните, я говорила вам по телефону.

Виола придвинулась к собеседнице и положила руки на стол. Ей не терпелось услышать подробности и узнать, какая от нее требуется помощь.

— И вы обратились ко мне потому, что я могу помочь отыскать вашего брата?

— Это не совсем так. Дело в том, что я его уже нашла.

— Как замечательно!

— Но... я боюсь...

— Бойтесь? Чего?

Холли опустила глаза в землю. Проглотила несуществующий комок в горле, всем своим видом изображая, что пытается овладеть собою и борется с охватившим ее волнением. Вышло неплохо. Сцена, достойная Академической награды. Холли была противна сама себе. Она снова заговорила, стараясь придать голосу убедительную дрожь:

— Он мой единственный родной человек во всем мире, единственная ниточка к отцу и

матери, которых я никогда не увижу. Он мой брат, миссис Морено, и я люблю его. Люблю, хотя: никогда не видела. Но что, если я брошусь к нему с открытым сердцем, а он... оттолкнет меня? Скажет... лучше бы мне не показываться? Что, если я ему не понравлюсь?

— Боже мой, да как вам такое пришло в голову! Как может не понравиться такая славная молодая женщина? Говорю вам, он будет счастлив, когда узнает, что у него есть такая сестра!

Гореть мне в аду синим пламенем, мрачно подумала Холли, но вслух сказала:

— Вам это может показать глупым, но я ужасно волнуюсь. Мне никогда не удавалось произвести хорошее впечатление при первой встрече.

— Что вы, дорогая, мне вы сразу понравились!

Ну-ка, стукни мне каблуком по носу, давай, чего же ты медлишь, мысленно обратилась она к Виоле, но вслух сказала:

— Я боюсь рисковать. Хочу узнать о нем как можно больше, прежде чем постучусь в его дверь. Что он любит, что не любит. Как относится к... ко многим вещам. Ах, миссис Морено, я боюсь все испортить.

Виола понимающе кивнула:

— И вы пришли ко мне потому, что я знаю вашего брата. Возможно, он был среди моих учеников?

— Вы преподаете историю в старших классах Ирвинской школы...

— Да, я работаю здесь с тех пор, как умер Джо.

— Видите ли, мой брат не был вашим учеником. Он преподавал английский в вашей школе. Мне сказали, что вы лет десять работали в соседних кабинетах и хорошо его знаете.

Лицо Виолы озарилось улыбкой:

— Так вы говорите о Джиме Айренхарте?

— Да, Джим и есть мой брат.

— Вы просто не представляете, как вам повезло! Это замечательно!

Такая восторженная реакция поразила Холли, и она захлопала ресницами, в растерянности уставившись на Виолу.

— Джим — замечательный человек, — сказала женщина с искренней теплотой в голосе. — Как бы я хотела иметь сына, похожего на него! Он иногда заходит ко мне, правда, не так часто, как раньше. Мы вместе обедаем. Люблю угощать его чем-нибудь вкусеньким. Для меня это такая радость...

Она умолкла на полуслове, и тень легкой грусти прошла по ее лицу.

— Да... лучшего брата невозможно и желать. Редко встретишь такого хорошего человека. Джим — прирожденный учитель, вежливый, добрый, терпеливый.

Холли подумала о Нормане Ринке — психопате, который вошел в магазин и среди бела дня убил продавца и двух покупателей. самого его застрелил вежливый, добрый Джим Айренхарт. Он всадил в Ринку восемь зарядов в упор. Причем четыре из них в бездыханный труп. Хотя Виола Морено и знала своего коллегу столько лет, она не имела ни малейшего понятия о том, каким он бывает в гневе.

— Я повидала немало хороших учителей на своем веку, но Джим Айренхарт не такой, как все. Он заботился о своих учениках, точно это были его собственные дети.

Виола откинулась на спинку стула и покачала головой, припоминая:

— Джим отдавал им всего себя, хотел сделать жизнь детей лучше, а ему так страшно не повезло. Он и ученики понимали друг друга с полуслова. Иной учитель за такое все готов отдать, и так и этак старается, а все бесполезно — не любят его дети. А у Джима все само собой получалось.

— Почему он ушел из школы?

Улыбка на губах Виолы погасла. Помолчав, она нерешительно произнесла:

— Отчасти в этом виновата лотерея.

— Лотерея?

— Разве вы не знаете?

Холли посерьезнела и отрицательно покачала головой:

— Джим выиграл шесть миллионов долларов. Это было в январе, — пояснила Виола.

— Что вы говорите!

— Представляете, первый раз в жизни купил билет и выиграл.

Убрав с лица удивление, Холли изобразила озабоченный вид:

— Какая неожиданность! Теперь Джим подумает: я приехала, узнав, что он разбогател.

— Ну что вы, — поспешно успокоила ее Виола. — Джим совсем не такой. Он никогда не думает о людях плохо.

— Зарабатываю я прилично, — выдала Холли новую ложь. — Мне его деньги не нужны. Если Джим их предложит, я все равно откажусь. Мои приемные родители — врачи. Не миллионеры, конечно, но на жизнь всегда хватает. Сама я работаю адвокатом, у меня много клиентов.

«Ну довольно, раскудаhtалась: тебе в самом деле не нужны его деньги, — подумала Холли, презирая себя до глубины души, — но ты гнусная лживая тварь, погрязшая во вранье. Стоять тебе веки вечные по уши в дерьме и чистить Сатане ботинки».

Настроение Виолы изменилось. Она отодвинула стул, встала и подошла к большому керамическому горшку с бегониями и медно-желтыми ноготками. Сорвала стебелек сорной травы, размяла его в ладони, устремив отсутствующий взгляд на зеленые кроны деревьев.

Она долго молчала.

Холли сидела как на иголках, обеспокоенно соображая, не выдала ли она себя, ляпнув какую-нибудь глупость. С каждым мгновением нервничала все больше. Еще немного — и она выложит всю правду и покается во лжи.

В траве бегали белки. Прилетела бабочка. Она попорхала над столиком, села на край кувшина с лимонадом, а потом улетела.

Наконец Холли осмелилась нарушить затянувшееся молчание. Дрожащим, на этот раз от настоящего волнения, голосом она спросила:

— Простите, миссис Морено, что-нибудь не так?

Виола скатала стебелек в шарик и бросила его в траву.

— Просто не представляю, как все это сказать?

— Что сказать? — нервно спросила Холли. Виола повернулась к ней и приблизилась к столу.

— Вы спросили, почему Джим... почему ваш брат ушел из школы. Я сказала, что из-за лотереи. Но на самом деле это не так. Если бы Джим любил школу, как несколько лет назад, даже год назад, он никогда бы не бросил свою работу, пусть даже из-за сотни миллионов.

Холли едва удержалась, чтобы не вздохнуть с облегчением. Слава Богу, Виола ни о чем не догадалась.

— И что случилось, почему он так изменился?

— Он потерял ученика.

— Потерял?

— Его звали Ларри Каконис. Он учился в восьмом классе. Очень способный мальчик. Добрый. Но нервы у него никуда не годились. Семья была неблагополучной. Отец постоянно истязал мать. Бил все годы, сколько Ларри себя помнил. Мальчик переживал, что не может спасти мать от побоев. Чувствовал свою ответственность, хотя его вины здесь как раз не было. Знаете, есть дети с очень сильным чувством ответственности. Ларри был как раз из таких.

Виола взяла стакан с лимонадом, вернулась на прежнее место и уставилась в землю.

Во двореке воцарилась тишина.

Холли терпеливо ждала.

Наконец женщина заговорила:

— У его матери серьезные отклонения в психике. Она была жертвой своего мужа по собственной воле. Оба они были не в себе. А Ларри никак не мог примириться с этой раздвоенностью: он любил мать, но терял к ней уважение, потому что стал понимать: ей

нравится получать побои.

Холли все поняла. Она знала, чем закончится рассказ Виолы, и ей хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать жестоких слов, но выбора не было.

— Джим много занимался с мальчиком. Я не имею в виду только уроки английского. Ларри доверял ему как никому на свете, и Джим был для него как старший брат. Джим советовался с доктором Дансингом, который работает у нас психологом по совместительству. Казалось, дело идет на поправку. Мальчик старался разобраться в своих чувствах к родителям, понять их... Мы думали, все будет хорошо. Но однажды ночью, это было пятнадцатого мая прошлого года — даже не верится, что прошло больше пятнадцати месяцев, — Ларри взял пистолет отца, зарядил, направил дуло себе в рот... и выстрелил...

Холли дернулась, как будто ее ударили. Она испытала настоящий шок, хотя полученные ею удары не были физическими. Она содрогнулась при мысли о самоубийстве мальчика. Тринадцать лет — это же так мало, жизнь еще только начинается. В этом возрасте пустяковые сложности разрастаются до огромных размеров, а действительно серьезная проблема кажется катастрофой и приводит в отчаяние. Холли жалела Ларри, ее распирало чувство бессильного гнева: у мальчика было слишком мало времени, чтобы понять — непреодолимых препятствий не существует и в жизни гораздо больше радости и веселья, чем горя и отчаяния.

Но не меньше ее потрясла дата самоубийства Ларри Какониса — пятнадцатое мая.

В этот день ровно год спустя в Атланте Джим Айренхарт совершил свое первое чудо — спас от смерти Сэма и Эмми Ньюсомов, застрелив наркомана и убийцу Нормана Ринка.

Холли не могла усидеть на месте. Она встала и подошла к Виоле. Они вместе стали смотреть на белок, спящих по лужайке.

— Джим обвинил себя в смерти мальчика, — тихо произнесла Виола.

— Но почему? В том, что случилось, не было его вины.

— Он все равно во всем обвинял себя. Такой уж он человек. Но того, что случилось потом, никто не мог представить. После смерти Ларри он потерял всякий интерес к работе. Не верил, что может что-нибудь изменить к лучшему. Он добился больших успехов, чем любой из учителей, которых я знаю, но эта неудача напрочь выбила его из колеи.

Холли вспомнила, с каким бесстрашием Айренхарт выхватил маленького Билли Дженкинса из-под колес бешено мчащегося грузовика. Здесь неудачи не было.

— Он полностью ушел в себя. Ходил подавленный, никак не мог забыть.

Человек, которого Холли встретила в Портленде, не выглядел подавленным, скорее загадочным и сдержанным. Но у него было неплохое чувство юмора, и улыбался он легко и открыто.

Виола отпила глоток лимонада.

— Надо же, сейчас кажется кислым. — Она поставила стакан на бетонный пол возле ног к и вытерла мокрую ладонь о брюки. Ей хотелось что-то сказать, но она заколебалась и не сразу произнесла:

— Затем с ним стали происходить странные вещи.

— Странные вещи?

— Джим стал тихим, отрешенным. Начал заниматься восточными единоборствами. — Записался в школу таэквондо. Есть много людей, которые увлекаются подобными вещами, но такие интересы совершенно не в его характере.

Это было вполне в характере Джима Айренхарта, которого знала Холли.

— И это не было мимолетным увлечением. Каждый день, как только уроки заканчивались, Джим ехал на тренировку в Ньюпорт-Бич. Я уже начала беспокоиться. Он все бросил и занимался только своим таэквондо. Когда в январе Джим выиграл в лотерею, я была счастлива за него. Получить шесть миллионов долларов! Такая большая удача! Я надеялась: выигрыш изменит его жизнь к лучшему и он снова станет Джимом, которого я знала много лет.

— Но этого не случилось?

— Да. Казалось, он даже не удивился и не обрадовался. Ушел из школы. Переехал из квартиры в новый дом... и еще больше отдалился от друзей.

Виола повернулась к Холли и улыбнулась.

— Вот почему я так обрадовалась, когда узнала, что вы его сестра и Джим ничего о вас не знает. Может быть, вы сумеете помочь там, где оказались бессильны шесть миллионов долларов.

Чувство вины за совершенный обман с новой силой охватило Холли. Она покраснела до корней волос.

— Я была бы счастлива помочь, если только у меня получится. — Она надеялась, что простодушная Виола примет краску стыда на ее лице за признак волнения и радости.

— Вы сможете, я уверена. Джим сейчас одинок или, вернее, так думает. Ваше присутствие в доме излечит его от тоски. Поезжайте к нему сегодня, лучше всего прямо сейчас.

Холли покачала головой.

— Не так сразу. Я все-таки не буду спешить. Хочу... немного прийти в себя. Надеюсь, вы ему обо мне ничего не скажете?

— Конечно, дорогая. Это ваше право первой сообщить ему эту радостную весть. Представляю, какой это будет волнующий момент!

Холли благодарно улыбнулась. Ей показалось, что губы сделаны из жесткой пластмассы и приклеены к лицу, точно бутафория карнавального костюма во время празднования Хэллоуина.¹

Несколько минут спустя, провожая Холли до двери. Виола взяла ее руку в свою ладонь и сказала:

— Мне бы не хотелось вас обманывать: вернуть его к жизни — задача не из легких. Сколько я знаю Джима, в нем всегда чувствовалась затаенная печаль. Да тут и нечему удивляться, если вспомнить, как рано он потерял родителей. В десять лет остался сиротой.

Холли понимающе кивнула:

— Огромное вам спасибо. Вы очень мне помогли.

Виола порывисто обняла ее, поцеловала в щеку и сказала:

— Надеюсь, мне недолго придется ждать вас обоих на ужин. Посмотрим, что вы скажете о моей толченой кукурузе с мясом и красным перцем и черных бобах с рисом. Я готовлю все острое как огонь.

Холли было и приятно, и совестно. Ей очень понравилась Виола. Через несколько минут знакомства учительница казалась любимой тетушкой, которую знаешь много лет. Но Холли мучили угрызения совести: в дом Виолы она проникла нечестным путем.

Возвращаясь к машине, Холли ругала себя последними словами. Она не испытывала недостатка в красочных словах и виртуозных выражениях. Сказывался немалый опыт общения с репортерской братией, приобретенный за двенадцать лет скитаний по различным редакциям. Ей ничего не стоило завоевать «Гран-при» в конкурсе на звание самого неистощимого и витиеватого сквернословца.* * *

В телефонном справочнике Ньюпорт-Бич была указана всего одна школа таэквондо. Она располагалась в торговом центре неподалеку от Ньюпортского бульвара между булочной и магазином, где продавали шторы.

«Додж» — прочла Холли на вывеске, украшавшей вход в здание. По-японски слово «додж» означает «зал для занятия боевыми искусствами». С таким же успехом можно назвать ресторан «Рестораном», а магазин одежды — «Магазином одежды». Подобная незамысловатость немало удивила Холли, знакомую с привычкой азиатских бизнесменов награждать свои заведения поэтическими названиями.

Трое прохожих стояли на тротуаре перед большой витриной «Доджа». Они жевали эклеры, наслаждались сладостным ароматом, доносившимся из соседней кондитерской, и

¹ Канун Дня Всех Святых, который отмечается в США 31 октября и сопровождается веселыми играми и красочными карнавальными представлениями.

наблюдали за тренировкой шести спортсменов, которые отрабатывали приемы под командой коренастого, но необычайно проворного инструктора в черном кимоно. Время от времени инструктор швырял на пол одного из учеников, и стекла в витрине начинали дрожать.

Еще раз втянув в ноздри воздух, благоухающий шоколадом, корицей, сахаром и свежей сдобой, Холли вошла в дверь и задохнулась от едкого аромата восточных благовоний, смешанного со слабым запахом пота. В свое время она писала статью о портлендском школьнике, который выиграл медаль на чемпионате страны по таэквондо, и помнила, что это корейская разновидность карате, где используются молниеносные прямые и рубящие удары, блоки, захваты и мощные удары ногами в высоком прыжке.

Сэнсей-кореец в черном кимоно не скупился на тумачи. Ученики один за другим так и сыпались на пол. Воздух в зале сотрясаясь от хрипов, сопения, гортанных криков и оглушительных шлепков о маты.

За стойкой в дальнем углу зала сидела симпатичная секретарша, которая перебирала листы бумаги и время от времени что-то писала. От уголков глаз до кончиков ногтей она казалась воплощением сексуальности. Узкая красная майка, обтягивающая соблазнительную грудь, не скрывала темных, больших, как спелые вишни, сосков. Буйные пряди густых, искусно подцвеченных волос завитками спускались на чистый лоб. Холли отметила умело наложенные тени вокруг выразительных глаз, маленький коралловый рот и не правдоподобно длинные ногти, покрашенные в тон ярко-красной губной помаде. Драгоценностей, украшающих шею и грудь секретарши, хватило бы на целую витрину ювелирного магазина. Если бы женщина продавалась в каждом местном супермаркете, лучшей рекламы для этого товара невозможно и представить.

— И что, этот грохот и рев продолжают целый день? — спросила ее Холли. — Да, с утра до вечера. — Нелегко вам, наверное, приходится. — Не то слово, — заговорщицки подмигнула секретарша. — Понимаю, что вы имеете в виду. Эти племенные жеребцы как начнут налетать друг на друга — я и часу не просижу: вхожу в экстаз.

Холли не ожидала, что ее вопрос будет понят таким образом. Ее слова подразумевали, что от постоянного шума может заболеть голова, а уж никак не то, что подумала секретарша.

Однако она понимающе подмигнула в ответ и спросила:

— Босс на месте?

— Эдди? Он сейчас где-нибудь на двухсотой ступеньке, — произнесла женщина непонятную фразу. — А что вы хотели?

Холли объяснила, что работает над статьей, которая некоторым образом связана с «Доджем».

Секретарша, если она ею действительно была, просияла при этом известии. Весьма многие при схожих обстоятельствах мрачнели. Она весело сообщила Холли, что Эдди всегда не прочь получить рекламу для своей фирмы. Она встала со стула и, покачиваясь на высоких каблуках, подошла к двери за стойкой. Тугие шорты сидели как влитые. Казалось, нижнюю часть ее тела просто покрасили белой краской.

Кому здесь нелегко, так это мужчинам, подумала Холли, окидывая взглядом секретаршу.

Как и предсказывала женщина, Эдди весьма обрадовался, узнав, что «Додж», хотя бы и косвенно, будет упомянут в газетной статье. Он только предложил Холли взять у него интервью во время тренировки. Эдди не был выходцем из Азии. Возможно, этим и объяснялось отсутствие полета фантазии в названии его фирмы. Высокий, светловолосый, голубоглазый, он весь, казалось, лопался от мускулов. Когда Холли вошла, Эдди, одетый только в черные эластичные шорты, занимался на тренажере, имитирующем подъем по ступенькам несуществующего здания.

— Неплохо, — сказал он, ритмично переставляя ноги, на которых шарами вздувались мускулы. — Еще шесть пролетов, и я буду на вершине колонны Вашингтона.

Он дышал тяжело, но не так, как дышала бы Холли, пробеги она вверх по лестнице шесть пролетов до своей портлендской квартиры на третьем этаже.

Она села в указанное ей кресло, которое стояло как раз напротив тренажера. С этой точки Эдди смотрелся во всей своей красе. На загорелой бронзовой коже блестели мелкие капельки пота, взмокшие волосы на затылке потемнели и прилипли к могучему загривку. Черные эластичные шорты сидели на нем так же плотно, как на секретарше. Он словно готовился к приходу Холли и специально расположил тренажер и кресло, чтобы показать себя в лучшем виде.

Обстоятельства снова вынуждали Холли прибегнуть к обману. Но на этот раз она не испытывала таких сильных угрызений совести, как при разговоре с Виолой Морено. Во-первых, придуманная для этого случая история выглядела куда скромнее: она пишет большую, подробную статью о Джиме Айренхарте (правда), посвященную влиянию, которое оказал на его жизнь лотерейный выигрыш (ложь), с его собственного согласия (ложь). Итого тридцать три процента правды. Вполне достаточно, чтобы спать со спокойной совестью.

— Вы уж постарайтесь слово «Додж» написать без ошибок, — сказал Эдди, оглядел свою правую ногу и счастливо добавил:

— Вы только посмотрите на икры! Твердые как камень.

Как будто все это время его ноги не мелькали у нее перед глазами.

— Ни капли жира между кожей и мышцами! Что скажете, а?

Перед ней был тщеславный, самодовольный осел. Еще и поэтому Холли не слишком себя казнила.

— До вершины. Три пролета, — объявил Эдди.

Он тяжело дышал. Слова ритмично вылетали из его рта при каждом новом выдохе.

— Всего три? Тогда я подожду.

— Нет-нет. Задавайте вопросы. Я не буду останавливаться. Полезу на «Эмпайр Стейт Билдинг». Посмотрю. На сколько. Меня. Хватит.

— Айренхарт занимался в вашей школе?

— Сам учил. Лично.

— Он пришел к вам задолго до того, как выиграл в лотерею?

— Больше года назад.

— Если не ошибаюсь, в мае прошлого года.

— Может быть.

— Он рассказывал вам, почему решил изучать таэквондо?

— Нет. Он был как одержимый. Следующие слова Эдди почти прокричал, как будто с триумфом взошел на настоящую высоту:

— Вершина!

Вместо того чтобы замедлить ход, он зашагал еще проворнее.

— Его желание не показалось вам странным?

— Как это?

— Он все-таки был школьным учителем.

— У нас есть учителя. Кто угодно. Все хотят быть героями.

Он сделал глубокий вдох, со свистом выпустил воздух и возвестил:

— Иду по лестнице «Эмпайр Стейт».

— Что вы можете сказать об успехах Айренхарта?

— Классный боец.

Дыхание Эдди участилось. Слова вылетали быстрее, но так же ритмично.

— Приходил каждый день. Семь-восемь месяцев. Как проклятый. Железо. Атлетика. Плюс боевые искусства. До потери пульса. Был в такой форме, что мог трахнуть скалу. Извиняюсь. Но так и было. Не вру. Потом бросил. Через две недели, как выиграл баксы.

— Понятно.

— Вы не так поняли. Дело не в деньгах.

— Тогда в чем?

— Он сказал, что получил от меня все, что хотел.

— Хотел что?

- Таэквондо для его целей.
- Он не сказал, каких именно?
- Без понятия. Наверное, хотел кому-то вышибить мозги.

Эдди уже выбивался из сил, но продолжал упорно и ритмично шагать по ступенькам тренажера. Все его мускулистое тело покрылось потом, и бронзовая кожа казалась смазанной маслом. Он встряхивал головой, и мелкие капли пота летели по сторонам. Огромные бицепсы на мощных руках вздувались почти так же неистово, как рельефные мышцы на бедрах и икрах.

Сидя от него в трех метрах, Холли чувствовала себя зрителем на стриптизе в грязном ночном клубе, где мужчины и женщины неожиданно поменялись ролями. Она встала с кресла.

Эдди шагал и шагал, уставившись на противоположную стену комнаты. Его потное лицо искажалось гримасами напряжения и боли, но отрешенный взгляд уносился в бесконечную даль. Быть может, вместо стены у него перед глазами стояли нескончаемые ступеньки небоскреба «Эмпайр Стейт Билдинг».

- Айренхарт не говорил чего-нибудь, что показалось вам... интересным, необычным?

Эдди не ответил. Ему было не до нее. Он продолжал свое восхождение. Вздутые артерии на толстой шее пульсировали, словно по ним плыли стайки маленьких круглых рыбешек.

Холли взялась за ручку двери, и в этот момент Эдди произнес:

- Три вещи. Она обернулась.
- Что именно?

Эдди не глядел в ее сторону. Устремив взгляд в пустоту, он шагал по лестнице далекого нью-йоркского небоскреба, ни на секунду не сбавляя темпа.

- Из всех, кого я встречал, только Айренхарт был одержимее меня.

Холли нахмурилась, обдумывая услышанное.

- Что-нибудь еще?

— За время занятий он пропустил только две недели. В сентябре ездил на курсы вождения в экстремальных условиях. Это где-то на севере Марин-Каунти.

- Что это за курсы?

— Готовят водителей для политиков, дипломатов, богатых бизнесменов. Учат водить машину, как Джеймс Бонд. Обходить засады террористов и гангстеров. Все в этом духе.

- Он говорил, зачем ему это нужно?

- Сказал, хочет поразвлечься.

- Вы говорили о трех вещах.

Он кивнул головой. Крупные капли пота брызнули на ковер и мебель. К счастью, Холли была вне их досягаемости. Эдди по-прежнему глядел мимо нее.

- Третья вещь — когда он решил, что знает таэквондо, то захотел научиться стрелять.

- Стрелять?

— Спросил, где можно узнать все об оружии. Револьверы, пистолеты, винтовки, ружья...

- И к кому вы его послали?

Эдди задыхался, но слова произносил по-прежнему отчетливо, они следовали все в том же ритме.

— Ни к кому. Пушки не по моей части. Знаете, я сейчас подумал: он начитался «Солдат удачи». Решил стать наемником. Как пить дать, готовился к войне.

- И вас не волновало, что вы помогаете такому человеку?

- Ни грамма, пока он платил за уроки.

Холли отворила дверь и задержалась, чтобы спросить:

- У вас есть счетчик на этой штуковине?

- Да.

- На каком вы сейчас этаже?

— На десятом, — судорожно выдохнул Эдди, с шумом втянул воздух и снова выдохнул. Лицо его озарилось счастливой улыбкой:

— Черт возьми! У меня ноги точно из камня. Чистый гранит. Могу сдавить, как ножницами, и сломать хребет. Так и напишите в своей статье: могу запросто переломить человека, как соломинку. Напишите, а?

Холли вышла и осторожно прикрыла дверь.

В спортивном зале стало еще более шумно. Сразу несколько спортсменов атаковали корейца-инструктора. Но он ставил блоки, наносил удары, прыгал и кружился, как дервиш, молниеносно расправляясь с нападавшими.

Секретарша сняла драгоценности и сменила свой наряд на спортивные кроссовки, широкие шорты, свободную майку и бюстгальтер. Она стояла перед стойкой и делала разогревающие упражнения.

— Час дня, — пояснила она удивленной Холли. — Обеденное время. Я вместо еды пробегаю четыре мили, иногда пять. Пока.

Секретарша быстро направилась к двери, выскочила на теплую летнюю улицу и побежала вдоль стены торгового центра. Через несколько секунд Холли потеряла ее из виду.

Сама она вышла из здания и на миг остановилась, наслаждаясь ласковыми лучами августовского солнца. Теперь она знала, что многие покупатели, снующие у дверей торгового центра, могли похвастаться неплохой спортивной формой. Холли переехала на Северо-Запад почти полтора года назад и совсем забыла, как заботятся о своем здоровье и внешности жители Южной Калифорнии. В Апельсиновой Стране на душу населения приходится куда меньше двойных подбородков, нервных переутомлений, больных желудков и геморроев.

Хорошая внешность и хорошее настроение — вот неотъемлемые черты местного образа жизни. Именно эти качества привлекали Холли в калифорнийцах, но они же порядком выводили ее из себя.

Она зашла в кондитерскую. Выбрала шоколадный эклер, пирожное крем-брюле, украшенное плодом киви, кусок хрустящего пирога с орехами и кремом из какао, круглую сдобную плюшку и порцию апельсинового рулета.

В кондитерской можно было перекусить, и Холли, заказав еще банку диетической кока-колы, прошла с полным подносом к столу у окна.

Стала есть и смотреть на подтянутых, загорелых, по-летнему одетых прохожих. Пирожные произвели на нее самое приятное впечатление. Она медленно, с наслаждением откусывала понемногу от каждого куска, намереваясь уничтожить все до последней крошки.

Какое-то время спустя Холли почувствовала на себе чей-то взгляд и обернулась. Толстая женщина лет тридцати пяти, сидевшая через два столика, застыла с приоткрытым ртом, не сводя глаз с ее тарелки. Полное лицо выражало сильнейшее потрясение и зависть. Сама она сжимала в руке лишь жалкий кусочек малокалорийного фруктового печенья.

Ощущая потребность объяснить свое тревоугодие и испытывая жалость к несчастной жертве диеты, Холли сказала:

— Сама себя проклиная за это, но не могу удержаться. Я как вхожу в экстаз — сама не своя. Это единственный способ дать выход энергии.

Толстая женщина понимающе кивнула:

— Прямо как у меня.

* * *

Холли поехала к Айренхарту. Теперь она знала о нем достаточно много и хотела рискнуть. Подойти к двери и позвонить. Так она и собиралась сделать. Но вместо того чтобы свернуть к воротам дома, Холли, как и в прошлый раз, медленно проехала мимо.

Внутренний голос подсказал ей, что спешить не стоит. Нарисованный ею портрет Джима имел только кажущуюся завершенность. Оставались кое-какие пробелы. И, пока их не покроет слой краски, имеет смысл подождать.

Холли вернулась в мотель и провела остаток дня, сидя в комнате у окна. Пила сельтерскую воду, смотрела на сверкающую синюю гладь бассейна в центре ярко-зеленого двора. Думала.

Ну что ж, сказала она себе. Что у нас на сегодня? Айренхарт — человек с глубокой печалью на сердце. Возможно, оттого, что потерял родителей еще в десятилетнем возрасте. Допустим, он провел много времени, размышляя о смерти, особенно о несправедливости преждевременной гибели. Он посвящает свою жизнь детям — может быть, потому, что сам хорошо помнит об одиночестве, в котором оказался после гибели родителей. Потом Ларри Каконис совершает самоубийство. Его смерть становится тяжелым ударом для Айренхарта. Он обвиняет себя в том, что случилось, думает, что мог спасти мальчика. В нем вспыхивает ярость на судьбу и хрупкость человеческого существования. Он восстает против Бога. Находясь на грани помешательства, Айренхарт решает сделать из себя супермена, что-то вроде Рэмбо, и бороться с судьбой. В лучшем случае — странное, в худшем — безумное решение. Поднимая тяжести до изнеможения, занимаясь атлетикой и таэквондо, он превращает свое тело в боевую машину. Учитесь водить автомобиль, как профессиональный каскадер, снайперски стрелять из всех видов оружия. Он готов к бою. И еще одно. Он становится ясновидцем и выигрывает в лотерею шесть миллионов долларов, чтобы на полученные средства начать свой крестовый поход. Он заранее узнает о приближающейся смерти и приходит на помощь.

И в этом месте тщательно выстроенная схема разваливалась. Можно отыскать десятки спортивных клубов вроде «Доджа», где можно освоить боевые искусства, но ни в одном телефонном справочнике не найдешь упоминаний о школах, где учат ясновидению. Откуда у него эти сверхъестественные способности?

Холли обдумывала этот вопрос и так и этак. Она не надеялась на внезапное озарение, только пыталась определить, в какой стороне можно искать разгадку. Но волшебство есть волшебство. Гадай не гадай — все без толку.

Она подумала, что в этот миг похожа на репортера из дешевой газетенки, который стряпает сенсации о космических пришельцах в окрестностях Кливленда, детеныше гориллы, родившемся у аморальной служащей зоопарка, и невероятных дождях в Таджикистане, где с неба сыплются лягушки и цыплята. Но, черт возьми, факты — упрямая вещь, а Джим Айренхарт спас четырнадцать человеческих жизней в самых разных уголках страны. И он всегда появлялся за миг до того, как могло произойти непоправимое.

К восьми часам ей уже хотелось биться головой о стену, стол, бетонные бортики бассейна во дворе. Стукнуться лбом обо что-нибудь твердое и выбить в мозгу пробку, мешающую найти ответ. В конце концов Холли решила: пора на ужин.

Как и в прошлый раз, она поела в кафе мотеля. Желая искупить вину за пиршество в кондитерской, Холли заказала только вареного цыпленка и салат. Она попробовала снова понаблюдать за посетителями кафе, сидящими за соседними столиками, но мысли об Айренхарте навязчиво преследовали ее.

Она продолжала думать о нем и позднее, забравшись в кровать и пытаясь заснуть. Свет уличных фонарей пробивался сквозь неплотно задвинутые жалюзи окна. Лежа на спине с открытыми глазами и разглядывая тени на потолке, Холли честно призналась себе, что Джим интересует ее не только как репортера. Этот материал значил для нее больше, чем что-либо за всю журналистскую карьеру, и Айренхарт, таинственный и непостижимый, сам по себе покорял воображение, независимо от профессиональных устремлений. Однако Холли потянуло к нему еще и потому, что она слишком долго была одна. Одиночество оставило в душе пустоту, заполнить которую может только Джим Айренхарт — самый желанный мужчина из всех, кого она когда-либо встречала.

Безумное желание.

Может быть, потому, что он безумен.

Холли не привыкла гоняться за мужчинами, способными принести только несчастье. Унижаться, чтобы тебя использовали, оскорбили и выбросили как тряпку — нет, это не для

нее. Она не желала кидаться на шею первому встречному. Слишком немногие отвечали ее требованиям. Именно поэтому она была одна.

Да, ты определенно не из тех, кто кидается на шею первому встречному, саркастически сказала она себе. Именно поэтому ты «входишь в экстаз», едва заведя этого парня с замашками Супермена, только без трико и плаща. Приди же наконец в себя, Торн.

Как безответственно, бессмысленно и, в конце концов, просто глупо предаваться романтическим бредням о Джиме Айренхарте.

Но какие у него глаза!

Холли погружалась в сон. Перед ее мысленным взором стояло лицо Джима, нарисованное на огромном полотнище, которое чуть заметно колебалось в лазурном небе. Его глаза были ярче, чем бездонная небесная синь.

Ей приснился тот же сон. Она снова очутилась в темной круглой комнате, шла по деревянному полу, чувствовала запах сырого известняка. Слышала стук дождя, барабнящего по крыше. Потом раздался ритмичный скрежет.

Сшшш...

На нее надвигалось что-то страшное. Как будто темнота ожила и превратилась в безжалостного монстра, приближение которого нельзя ни увидеть, ни услышать, а можно только почувствовать. Враг.

Сшшш...

Он неумолимо приближался, жестокий и свирепый. Повеяло холодом, и все внутри сжалось от ужаса.

Сшшш...

Хорошо, что она ничего не видит. Рядом чудовище настолько жуткое и непостижимое, что даже один взгляд на него означает смерть.

Сшшш...

Мокрые скользкие щупальца присосались к шее и стали расползаться, омерзительно холодные, толстые, как карандаши. Острое жало зонда пробуравило шею и медленно вонзилось в череп.

Сшшш...

Холли вскрикнула и проснулась. И сразу поняла, что находится в номере мотеля Лагуна-Хиллз.

Сшшш...

Звук из ночного кошмара продолжал ее преследовать. Огромное лезвие со свистом резало воздух. Это не сон. Все происходило на самом деле. Комната дышала холодом, как непроглядная черная тьма ночного кошмара. Сердце, скованное цепями страха, тянуло к земле, Холли не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Она вдыхала запах сырого известняка. Откуда-то снизу, как будто под полом мотеля разверзлась бездна, донесся приглушенный рокот. Каким-то образом она знала, что означает непонятный звук: огромные каменные колеса с грохотом ударялись друг о друга.

Сшшш...

Мокрые щупальца продолжали обвивать шею и затылок. Словно отвратительные черви, они вгрызались в кость, корчились за стенками черепа. Мерзкий паразит выбрал ее тело, чтобы отложить яйца в человеческом мозгу. Но не было сил пошевелиться.

Сшшш...

Она видела только бледные полосы на черном потолке — мутный свет уличных фонарей, проникающий сквозь щели в жалюзи на окнах. Так хотелось, чтобы было больше света.

Сшшш...

Холли жалобно захныкала от ужаса. Собственная слабость показалась ей отвратительной. Презрение к себе помогло выйти из долгого паралича. Задышавшись, она села на кровати, потянулась руками к затылку, спеша оторвать от тела маслянистый, холодный, как червь, зонд. Пальцы наткнулись на пустоту. Холли свесила ноги с края кровати. Стала

нащупывать ночник. Чуть не уронила его со столика. Нашла выключатель. Комната озарилась светом.

Ссшш...

Она спрыгнула с кровати. Снова скользкие щупальца на затылке. Они расползались по шее и лопаткам. Ее пальцы судорожно хватали воздух, не находя ничего, царапали собственную кожу, но Холли чувствовала омерзительные прикосновения этих кошмарных щупальцев.

Ссшш...

Она была на грани истерики и ничего не могла поделать, только глухо всхлипывала от страха и отчаяния. Краем глаза заметила, что комната ожила и задвигалась. Стена за кроватью, мокрая и блестящая, набухла, вспучилась, будто мембрана, словно на нее давила жуткая тяжесть. Она пульсировала как огромный склизкий орган в разрубленном брюхе доисторического ящера.

Ссшш...

Холли попятилась от надвигавшейся на нее зловещей стены. Повернулась. Бросилась бежать. Скорее выбраться отсюда. Враг из ночного кошмара. Он преследует ее. Хочет убить. Она заметалась в поисках выхода. Налетела на запертую дверь. Трясущимися руками отодвинула тугую задвижку, сорвала цепочку и, уже ничего не соображая от ужаса, распахнула дверь настежь. В проеме чернела огромная жуткая глыба. Она зашевелилась и, дрожа и пульсируя, начала вползать в комнату. Такое увидишь только в горячечном бреде. На Холли надвигалось гигантское черное насекомое или рептилия. Чудовище тянулось к ее лицу склизкими щупальцами, сучило мохнатыми паучьими лапами, извивалось, рывками протискивая в дверь длинное туловище, покрытое чешуйчатыми кольцами. Оно разевало пасть, роняя черную пену, обнажая страшные клыки, желтые и острые, как у гремучей змеи. Пустые стеклянные глаза обшарили комнату, и их ледяной взгляд остановился на Холли. Тысячи кошмаров, спрессованные в один. Но это не сон. Чудовище переползало через порог. Острые крючья когтей вонзились ей в тело, разрывая кожу, раздирая на куски живую плоть.

Холли закричала от боли.

Легкий ночной ветерок ворвался в комнату, принес с собой теплое дыхание летней ночи. В комнате и за дверью никого.

Холли прислонилась к косяку, пытаясь отдышаться, унять дрожь. Она изумленно посмотрела на пустую бетонную дорожку во дворе мотеля, перевела взгляд на раскидистые королевские пальмы, заросли австралийского папоротника. Теплый ночной бриз ласково покачивал широкие кружевные листья. Поднимал рябь на поверхности плавательного бассейна. Мелкие нескончаемые круги разбегались во все стороны, отражая свет установленных на дне прожекторов. Холли почудилось, что она видит не бетонную коробку, заполненную водой, а яму со сверкающими сапфирами из пиратской казны.

Страшное чудовище пропало, будто его никогда не было. Оно не убежало со всех ног, не уползло в темноту по качающейся паутине, просто исчезло, испарилось. Холли и глазом не успела моргнуть.

Она перестала чувствовать ледяное, скользкое жало, которое буравило шею, извивалось и корчило в черепе.

Захлопали двери ближайших номеров: на бетонной дорожке показались соседи, разбуженные ее криком.

Холли отступила в комнату. Зачем привлекать всеобщее внимание?

Она обернулась и посмотрела на стену, возле которой стояла кровать. Стена как стена, ничего особенного.

Часы на ночном столике показывали восемь минут шестого. Наступило утро.

Она тихо прикрыла дверь. Силы вдруг оставили ее, ноги подкосились, и Холли прислонилась к стене, чтобы не упасть.

Тяжкое испытание осталось позади, но облегчения не было. Холли чувствовала себя совершенно разбитой. Просунув руки под мышки, она попыталась согреться и успокоиться,

но все тело сотрясилось от крупной дрожи, зубы стучали. По лицу текли слезы, она тихо и жалобно всхлипывала. Холли плакала не от пережитого страха или опасений за свою дальнейшую судьбу — угнетала легкость, с которой растоптали ее волю. В течение этих коротких, но бесконечных мгновений она почувствовала себя беспомощной, истерзанной, целиком во власти страшных, недоступных человеческому пониманию сил. Она стала жертвой психического насилия. Дикое свирепое чудовище сломило ее сопротивление и вторглось в сознание. Оно ушло, оставив черные следы своего присутствия, запачкав душу и разум.

Это всего лишь сон, подбодрила себя Холли.

Но это не было сном. Когда она села на кровати и потянулась к выключателю, она проснулась, но кошмар последовал за ней в реальный мир.

Это всего лишь сон, успокойся, не надо так нервничать, убеждала себя Холли, пытаясь обрести утраченное самообладание. Тебе приснилась темная комната, потом приснилось, как садишься на кровати, зажигаешь свет, как надвигается стена и ты бежишь к двери. Но ты шла, как лунатик. Спала на ходу. Тебе снилось, как открывается дверь и в комнату вваливается монстр. Ты закричала от ужаса и проснулась от собственного крика.

Хотелось верить в это объяснение, но слишком уж оно было гладким. Никогда в жизни Холли не видела кошмаров, где каждая мелочь поражает достоверностью. Кроме того, она не лунатик. Ей угрожала реальная опасность. Хотя, может быть, и не само чудовище, похожее одновременно на рептилию и паука. Возможно, это всего лишь маска, с помощью которой ее хотели напугать. Но угрожавшее ей злое существо проникло в реальный мир из...

Откуда оно взялось?

Не столь важно. Из запредельного, нечеловеческого мира. Извне.

И она едва не погибла.

Какая чушь! Материал для бульварной прессы. Такую несусветную галиматью не станут печатать даже в «Нэшнл инкуайерер». «Чудовище из чужой галактики изнасиловало мой мозг». Это в три раза глупее, чем «Певица Шер объявляет себя пришельцей из космоса», в два раза нелепее, чем «Иисус говорит с монахиней из микроволновой печи», и куда скучнее, чем «Элвис с пересаженным мозгом живет под именем Розанны Барр».

От этих мыслей она развеселилась и успокоилась. Со страхом легче справиться, если веришь, что все ужасы — плод твоего воспаленного воображения. Не так уж удивительно, если учесть, что случай Айренхарта действительно выходит за рамки обычного.

К Холли вернулись силы. Она отступила от стены, закрыла задвижку, набросила цепочку на крючок.

Сделала еще шаг и сморщилась от внезапной боли в левом боку. Ничего страшного, но щиплет. Холли даже тихонечко застонала. Повернулась и почувствовала, что правый бок тоже саднит, хотя и слабее, чем левый.

Она задрала майку и увидела, что материя порвана и испачкана кровью. Три пореза на левом боку, два справа.

Охваченная прежним страхом, Холли прошла в ванную и включила яркий свет. Замерла перед зеркалом в нерешительности, потом стянула с себя майку.

Из трех глубоких царапин на левом боку тоненькими струйками сочилась кровь. Верхняя рана адела под грудью, две другие шли параллельно. Все три на равном расстоянии друг от друга. Две царапины справа уже не кровоточили.

Это были следы когтей.

* * *

Джима вырвало. Он включил воду, прополоскал рот и почистил зубы мятной пастой.

Взглянул в зеркало и вздрогнул, увидев перед собой незнакомое, смертельно бледное лицо. Не выдержал и поспешно отвернулся.

Прислонился к раковине. Боже мой, что со мной происходит, в тысячный раз задал он

себе вопрос, который терзал его уже больше года.

Ему опять приснился сон про мельницу. Никогда прежде один и тот же кошмар не мучил его две ночи подряд. Обычно проходили недели. Он мог хотя бы немного прийти в себя.

На первый взгляд все выглядело как раньше — шум дождя за стеклами узких окон, дрожащее пламя свечи, тени, пляшущие по потолку, свист вращающихся крыльев мельницы и глухой гул жерновов под полом. Снова необъяснимый судорожный страх.

На этот раз он был не один. Кто-то незримый, зловещий надвигался из темноты, приближаясь с каждой секундой. Джим не представлял, как выглядит невидимое существо и каковы его намерения. Ждал, что вот-вот посыплются кирпичи и из пролома в стене вырастет кошмарный монстр.

Чудовище могло появиться откуда угодно — из отверстия в полу, через тяжелую дубовую дверь на верхней площадке лестницы.

Джим заметался в растерянности, не зная, куда бежать. Наконец бросился к двери, распахнул ее и... проснулся от собственного крика. Открыл глаза. Он не помнил, кто скрывался за дверью.

Но кем бы ни было зловещее чудовище, Джим знал, как его назвать: «Враг». Только теперь это слово отпечаталось в его мозгу, словно на листе бумаги. Оно начиналось с заглавной буквы: «Враг». Безликий монстр, преследующий его во многих ночных кошмарах, проник в сон о старой мельнице.

Ему в голову пришла безумная мысль: чудовище — не кошмарный бред, рожденный в черных глубинах подсознания, а реальность, такая же реальность, как он сам. Рано или поздно «Враг» пересечет барьер, отделяющий мир снов от действительности, так же легко, как перешел из одного кошмара в другой.

Глава 4

О возвращении в постель не могло быть и речи. Холли знала: ничто в мире не заставит ее снова лечь спать. Пока хватит сил, она будет держаться на крепком черном кофе, а потом дойдет до предела своих возможностей и рухнет в беспамятстве. Сон перестал быть убежищем и превратился в источник опасности, дорогу в ад или еще куда похуже. На этой дороге можно ненароком повстречать непрошеного попутчика с нечеловеческим лицом.

Холли страшно разозлилась. Ее лишали неотъемлемого права на спасительный отдых.

Наступил рассвет. Она забралась под душ и долго мылась. От горячей воды и мыла щипало незатянувшиеся раны на боках. Она осторожно и тщательно соскребла засохшую кровь. В голову пришла тревожная мысль: от короткого соприкосновения с монстром можно заразиться какой-нибудь чудовищной инфекцией.

Это привело ее в ярость.

Еще со скаутских времен Холли привыкла иметь дело со всякими неожиданностями. Рядом со щеткой и бритвой в ее дорожной сумочке всегда лежала маленькая аптечка с йодом, марлей, лейкопластырем, баллончиком противомикробного аэрозоля и мазью от ожогов.

Она вытерлась полотенцем и, не одеваясь, села на край кровати. Попрыскала на раны аэрозолем и смазала порезы йодом.

Холли стала репортером еще и потому, что в юности верила: журналистика способна показать народу правду жизни, объяснить вещи и явления, которые иногда кажутся хаотичными и бессмысленными. Однако за десять лет работы в газете эта вера основательно пошатнулась. В конце концов она бросила попытки отыскать хоть какую-нибудь логику в людских поступках и пришла к выводу, что в мире царит хаос, а феномен человека вообще не поддается объяснению. Тем не менее ее рабочий стол в редакции, на котором не было ничего лишнего и каждая вещь лежала на своем месте, являл собой образец аккуратности, а одежда в шкафу располагалась в строго определенном порядке: сначала по времени года, потом в зависимости от того, по какому случаю она собиралась выйти из дома (официальная,

полуофициальная, повседневная), и, наконец, по цвету. Раз жизнь сплошной хаос, а журналистика так жестоко ее подвела, не остается ничего лучшего, как положиться на собственные привычки и размеренный образ жизни. Только так, создав крохотный и хрупкий, зато стабильный мирок, можно оградить себя от всеобщего беспорядка и сумятицы.

Йод щипал ранки.

Ярость переполняла Холли.

Жесткие струи душа смыли запекшуюся кровь, и из глубокого пореза в левом боку потекли тонкие алые струйки. Она снова опустилась на край кровати и, прижав к ранкам бумажный тампон, подождала, пока не остановилось кровотечение. Потом встала и оделась: натянула темно-коричневые джинсы и блузку изумрудного цвета. Часы показывали половину восьмого.

Холли давно решила, с чего начнет день, и не собиралась отступать от своих планов. Завтракать она не стала — какой уж тут аппетит! Вышла на улицу. На небе ни единого облачка, утро необычайно теплое даже для Апельсиновой Страны. Прекрасная погода для отдыха, но Холли спешила, у нее даже не возникла мысль замедлить шаг и подставить лицо ласковым лучам утреннего солнца. Она села в машину, выехала со стоянки и направилась в сторону Лагуна-Нигель. Пришло время позвонить в дверь Джима Айренхарта и потребовать ответа на вопросы, которых накопилось уже предостаточно.

Холли намеревалась получить исчерпывающее объяснение, каким образом он узнает о приближающейся опасности и почему рискует жизнью ради спасения совершенно незнакомых людей. Но она также хотела узнать, как ночной кошмар превратился в действительность, почему стена в номере гостиницы начала блестеть и пульсировать, словно живая плоть, и что за чудовище набросилось на нее ночью и оставило на коже следы вполне реальных когтей, сделанных из материала посущественней сновидений.

Наверняка Айренхарт знает ответы на эти вопросы. Прошлой ночью, второй раз за тридцать три года ее жизни, Холли столкнулась с непостижимым. Первая встреча произошла двенадцатого августа, в день, когда неподалеку от школы Мак-Элбери Айренхарт чудом спас Билли Дженкинса из-под колес грузовика, — хотя в тот миг она и не поняла, что сверхъестественное появилось из Сумеречной Зоны. Недостатков у нее хоть отбавляй, но глупость не из их числа. Только полный идиот не увидит связи между полунормальным Айренхартом и ночным кошмаром, который становится реальностью.

Так что сказать, что Холли разозлилась, значило ничего не сказать.

Машина стремительно двигалась по шоссе Краун-Велли. Внезапно Холли поняла, что злится еще и из-за того, что надежды, связанные с эпохальной статьей о светлом чуде, мужестве и торжестве справедливости оказались разбиты в пух и прах. Как и большинство сенсационных репортажей со времен появления первых газет, ее история имеет мрачную сторону.

* * *

Джим принял душ и оделся, чтобы идти в церковь. Вообще-то он не слишком часто посещал воскресную мессу или службы религий, к которым время от времени обращался в последние годы. Однако, став оружием высших сил — это произошло в мае, когда он вылетел в Джорджию и спас Сэма и Эмили Ньюсомов, — Джим все чаще думал о Боге. Рассказ отца Гиэри, который нашел его лежащим без сознания на полу церкви Святой Девы Пустыни со следами Христовых ран, взволновал Джима до глубины души и заставил опять, впервые за последние два года, обратиться в лоно католической церкви. Он не рассчитывал, что этот шаг даст ему ключ к разгадке случившихся с ним таинственных событий, но по крайней мере у него оставалась надежда.

Войдя в кухню, Джим протянул руку за ключами от машины, которые висели на гвоздике возле двери гаража, и вдруг услышал знакомые слова, произнесенные им самим: «Линия жизни». Все задуманное мгновенно отошло на второй план. Он замер в

нерешительности. Потом, повинувшись знакомому ощущению марионетки, управляемой неведомым кукольником, повесил ключи на место.

Вернулся в спальню, снял изящные ботинки из мягкой кожи, серые брюки, темно-синий плащ, белую рубашку и надел легкие хлопчатобумажные бананы и широкую гавайскую рубаху навывпуск.

Одежда должна быть просторной и не стеснять свободы движений. Джим не имел понятия, зачем ему это нужно и что его ждет впереди, но чувствовал, что это необходимо.

Он опустился на пол перед шкафчиком с обувью и выбрал пару удобных разношенных кроссовок. Завязал шнурки, крепко, но не слишком туго. Встал, прошел по комнате. Полный порядок.

Рука потянулась к верхней полке, где лежал дорожный саквояж, и остановилась на полпути. Джим не был уверен, что ему потребуется багаж. Еще через несколько секунд он понял, что будет путешествовать налегке, и, не взяв чемодан, захлопнул дверь шкафа.

Отсутствие багажа обычно означало, что он доберется до цели на машине и вся поездка, включая дорогу и само задание, займет не более суток. Но, повернувшись к шкафу спиной, Джим с удивлением услышал свой голос: «Аэропорт». Хотя, конечно, за день можно слетать туда и обратно. Таких мест не так уж мало.

Он взял со столика бумажник, подождал, не наступит ли команда положить вещь на место, и опустил его в карман брюк. Очевидно, ему потребуются не только деньги, но и документы — в противном случае он не стал бы брать в дорогу удостоверение личности, рискуя быть опознанным.

Вернувшись на кухню за ключами от машины, Джим почувствовал холодный озноб. Однако охвативший его страх был слабее, чем в тот день, когда внутренний голос приказал ему угнать машину и отправиться в пустыню Мохавк. Он волновался куда меньше, чем в прошлый раз, хотя впереди его могла ждать встреча с врагами страшнее, чем двое негодяев из фургона. Джим знал, что может погибнуть. Загадочные высшие силы, управляющие его поступками, не гарантировали бессмертия. Он по-прежнему был обычным человеком с уязвимой плотью, хрупкими костями и сердцем, чей бег легко остановит свинцовая пуля. И несмотря на это, к Джиму возвращалось спокойствие — мистическая поездка на «харлее», два дня, проведенные с отцом Гиэри, и рассказ о стигме убедили его, что здесь не обошлось без Божественного провидения.

* * *

Машина Холли двигалась по Бугенвиллия-Уэй. Она почти у цели, осталось проехать всего один квартал. Неожиданно Холли увидела, что от дома Айренхарта отъехал темно-зеленый «Форд». Она не знала, какой у него автомобиль, но так как Джим жил один, решила, что в машине он.

Холли прибавила скорость. Ее первым желанием было обогнать «Форд» Айренхарта, перегорodить дорогу и прямо на улице выложить все, что она о нем думает. Но затем Холли успокоилась и ослабила нажим на педаль акселератора. От осторожности еще никто не умирал. Благоразумнее всего проследить, куда он направляется и что собирается делать.

Холли миновала дом Джима как раз в тот момент, когда опустилась автоматическая дверь гаража. Все произошло очень быстро, но она успела заметить, что другой машины в гараже нет. Значит, человек в «Форде» — Джим Айренхарт.

Поскольку Холли никогда не поручали статьи о торговцах наркотиками, коррумпированных политиках и продажных бизнесменах, ей не довелось изучить искусство слежки. Какой толк от навыков секретного агента, если пишешь только о «Призовых бревнах», конкурсах обжор и ловкачах, которые жонглируют живыми мышами на ступеньках муниципалитета и выдают это занятие за новый вид искусства. К тому же Айренхарт прошел двухнедельную подготовку в специализированной школе вождения в Марин-Каунти. Если уж он знает, как уходить от погони террористов, то от нее скроется в мгновение ока, лишь только

заметит, что она за ним следит.

Холли отпустила «Форд» на самое большое расстояние, на которое она решилась, и спряталась за соседними автомобилями. Ей повезло: в это воскресное утро движение оказалось довольно оживленным, хотя машин было не так много, чтобы она боялась потерять его из виду.

Зеленый «Форд» двигался на восток, затем повернул на север и по 405-й автостраде направился в сторону Лос-Анджелеса.

Промелькнули высотные здания Сауф-Коаст-Плаза. Эта центральная площадь — основное место, куда жители двухмиллионной столицы Апельсиновой Страны приезжают по делам и за покупками. Настроение у Холли было лучше не придумаешь. Она оказалась на удивление хорошим сыщиком и вела слежку на высоком профессиональном уровне: пристроившись в хвосте у зеленого «Форда», она шла на две-четыре машины позади, ни на секунду не упуская его из виду и сохраняя расстояние, достаточное для того, чтобы мгновенно среагировать, если Айренхарт захочет неожиданно свернуть с шоссе. Радость от собственных успехов понемногу вытеснила гнев. Эта погоня доставляла ей немалое удовольствие. Холли даже поймала себя на мысли, что восхищается небесной лазурью и буйным цветением бело-розовых олеандров, растущих вдоль обочины шоссе.

Однако, когда позади остался Лонг-Бич, Холли начала беспокоиться: так можно проехать целый день и все без толку. Ведь и ясновидящим супергероям тоже нужен отдых. Например, чтобы пойти в театр или отправиться в китайский ресторанчик, где самая большая опасность — едкая горчица местного шеф-повара.

Она спросила себя: не может ли Айренхарт, обладая экстрасенсорными способностями, узнать о ее присутствии. Их разделяет всего несколько машин, и сделать это куда легче, чем почувствовать, что маленькому мальчику в Бостоне угрожает смертельная опасность. Хотя, может быть, его дар к ясновидению непостоянен, и им нельзя пользоваться по собственному усмотрению. Вполне возможно, он срабатывает только на сильные импульсы опасности, разрушения и смерти. Такое объяснение не лишено здравого смысла. Это ведь сущая мука — знать наперед, понравится ли тебе новый фильм, вкусным ли окажется ужин и не придется ли страдать желудком из-за того, что ты с таким удовольствием ел спагетти с чесночным соусом. Тем не менее Холли решила держаться подальше и пропустила вперед еще пару машин.

Когда «Форд» свернул с шоссе на дорогу, ведущую к Лос-Анджелесскому международному аэропорту, Холли пришла в возбуждение. Вполне возможно, он просто едет кого-нибудь встречать. Однако куда более вероятно, что Айренхарт отправляется в одну из своих спасательных командировок, точно так же, как две недели назад, двенадцатого августа, он вылетел в Портленд. Такая неожиданность застала Холли врасплох: она не рассчитывала на длительное путешествие и не взяла с собой ничего из вещей. Впрочем, все не так уж плохо, если имеешь деньги и кредитные карточки. В конце концов, в любом месте можно купить блузку и переодеться. Перспектива следовать за Джимом до самой развязки казалась весьма соблазнительной. Когда она станет писать статью, у нее, как у очевидца двух случаев чудесного спасения, будет о чем рассказать читателям.

Холли порядком перетрусилась, когда Джим неожиданно развернулся перед гаражом и их машины оказались совсем рядом. Можно было, конечно, проехать мимо и найти место на соседней стоянке, но тогда она его наверняка упустит. Она отстала, насколько ей это удалось, и приняла талончик из рук служащего гаража всего через несколько секунд после Джима.

Айренхарт поставил «Форд» в середине ряда на третьем уровне, Холли нашла свободное место через десять машин от него. Она пригнулась на сиденье и подождала, пока он выйдет и закроет дверь: меньше вероятности, что Айренхарт обернется и заметит ее.

Она немного промедлила и чуть его не упустила. Когда выскочила из машины, Джим уже дошел до конца коридора и скрылся за поворотом.

Холли бросилась вдогонку. Ее быстрые легкие шаги гулко отдавались в пустом коридоре с бетонными стенами и низким потолком. Она добежала до поворота и увидела, что

он подходит к лестнице. Она последовала за ним, прислушиваясь к звуку его шагов: Джим достиг последней ступеньки и открыл дверь.

К счастью, его яркая гавайская рубаша позволила Холли держаться на безопасном расстоянии без риска упустить Айренхарта. Она смешалась с толпой, и поток пассажиров понес ее к зданию Объединенных авиакомпаний. Отправляться в рабочую командировку без финансовой поддержки газеты весьма и весьма накладно. Если Айренхарт собирается кого-то спасать, не обязательно лететь в Гонолулу. Это можно сделать в Сан-Диего.

Джим остановился перед мониторами и стал изучать табло отправления, а Холли наблюдала за ним, спрятавшись за спинами высоких шведов, расположившихся неподалеку от расписания. Судя по нахмуренному лицу, он, похоже, не мог найти подходящего рейса. Или, быть может, просто еще не знал, куда ему нужно лететь. Возможно, знание придет позднее, и это потребует усилий. Но до тех пор пока Джим не попадет на место, для него так и останется загадкой, чью жизнь он будет спасать.

Через несколько минут Джим отошел от мониторов и направился к кассам. Холли продолжала следить за ним издали, пока не сообразила, что единственный способ узнать, куда он летит, — подойти поближе и подслушать его разговор с кассиром. Она неохотно приблизилась.

Конечно, можно подождать, пока он купит билет, пройти за ним в зал отправления, узнать, куда он отправляется, и купить билет на тот же рейс. Но что, если самолет улетит, пока она бежит по бесконечным залам и коридорам аэропорта? Можно сказать клерку в кассе, что она нашла оброненную Айренхартом кредитную карточку, и спросить номер рейса, на который Джим купил билет. Но служащие авиакомпании могут предложить оставить карточку у них, или, если ее история покажется им подозрительной, они еще, чего доброго, вызовут людей из службы безопасности.

Холли встала в очередь к окошечку. Она осмелилась подойти к Джиму так близко, что теперь они стояли через одного человека. Перед ней возвышался массивный пассажир с большим животом — ни дать ни взять отставной защитник из Национальной футбольной лиги. От него пахло потом, но Холли радовалась, что нашла такое хорошее прикрытие.

Короткая очередь быстро двигалась. Когда Айренхарт подошел к окошечку, Холли протиснулась мимо толстого «футболиста» и вся обратилась в слух.

Но в этот миг, очень некстати, начали передавать объявление. Женский голос, звучный, но словно механический, сообщил о том, что найден потерявшийся ребенок. И тут еще мимо них проследовала группа возбужденных Нью-Йоркцев, которые дружно жаловались на фальшивую приветливость калифорнийских работников сферы обслуживания. Похоже, их замучила ностальгия по суровым лицам нью-йоркских продавцов и официантов. В этом шуме потонули слова Айренхарта.

Холли подалась вперед.

Громоздкий пассажир посмотрел на нее сверху вниз и нахмурился: он явно решил, что она хочет проскочить без очереди. Холли заискивающе улыбнулась, стараясь всем своим видом показать, что не имеет дурных намерений и хорошо понимает, какой он большой и мощный и что ему ничего не стоит раздавить ее как муху.

Если бы Айренхарт оглянулся, они бы столкнулись нос к носу. Затаив дыхание, она услышала, как клерк произнес: «Аэропорт О'Хэр в Чикаго, отправление через двадцать минут», и спряталась за широкой спиной «футболиста», который проводил ее недружелюбным взглядом.

Холли не могла взять в толк, зачем нужно было ехать в Лос-Анджелесский международный аэропорт, чтобы лететь в Чикаго. Ведь наверняка из аэропорта Джон Уэйн в Апельсиновой Стране есть куча рейсов до О'Хэр. Что ж, Чикаго, конечно, дальше, чем Сан-Диего, но ближе и, что самое главное, дешевле, чем Гавайи.

Айренхарт расплатился за билет и, так и не заметив Холли, поспешил в зал отлета.

А еще экстрасенс!

Холли осталась довольна собой.

Когда подошла ее очередь, она протянула в окошко кредитную карточку и назвала тот же рейс. На какой-то миг Холли встревожилась, что ей ответят: мест нет. Но места были и она купила билет.

Зал отлета опустел. Очевидно, посадка уже заканчивалась. Айренхарта тоже не видно.

Холли прошла в стеклянные двери и заспешила по телескопическому трапу. Чувствовала она себя неудобно: Джим может ее увидеть, пока она будет идти по проходу к своему месту. Конечно, можно сделать вид, что она его не заметила, или притвориться, что не помнит, кто он такой. Однако вряд ли он поверит, что их встреча — чистая случайность. Всего полтора часа назад ей не терпелось встретиться с ним лицом к лицу, а сейчас она больше всего хотела остаться незамеченной. Вдруг, обнаружив ее в самолете, Айренхарт решит отменить свои планы, и она упустит шанс еще раз увидеть, как он спасает людей, находящихся на волоске от смерти.

В просторном салоне «ДС-10» было два прохода между креслами. Каждый ряд из девяти кресел разделялся на три секции: по два кресла у иллюминаторов и пять в середине. Холли досталось место в двадцать третьем ряду, правая сторона, второе кресло от окна. Она двинулась по проходу, бросая быстрые взгляды на лица пассажиров и надеясь, что не встретится глазами с Айренхартом. Честно сказать, ей вообще не хотелось видеть его во время полета, да и о встрече в Чикаго она тоже думала с неохотой. «ДС-10» поражал своими размерами. Хотя многие места пустовали, на борту находилось более двухсот пятидесяти человек. Они с Айренхартом могли бы путешествовать вокруг земного я шара и ни разу не столкнуться друг с другом. До Чикаго лететь всего несколько часов, так что можно не волноваться.

И тут она его увидела. Джим сидел в крайнем левом кресле центральной секции шестнадцатого ряда. Он перелистывал рекламный журнал авиакомпании. Холли молила Бога, чтобы Джим не поднял глаз от журнала, пока она не пройдет мимо. Ей пришлось отступить в сторону и пропустить стюардессу, сопровождавшую маленького мальчика, который путешествовал один. Но просьба ее была услышана. Она проскользнула мимо Айренхарта, а он, погруженный в чтение, не обратил на нее никакого внимания. Она нашла свое место и со вздохом облегчения опустилась в кресло. Даже если Джим захочет пойти в туалет или просто встанет, чтобы размять ноги, ему вряд ли придет в голову заглянуть в противоположный проход между креслами. Отлично.

Холли бросила взгляд на своего соседа у окна. Рядом с ней сидел загорелый, подтянутый бизнесмен лет тридцати с небольшим. Несмотря на воскресенье, на нем был строгий темно-синий костюм, белая рубашка и галстук. На безукоризненно выглаженной одежде не просматривалось ни единой складки. Похоже, все они перешли на наморщенный лоб молодого человека, который сосредоточенно склонился над переносным компьютером, вмонтированным в дипломат. В ушах у него были наушники от плеера: то ли он слушал музыку, то ли надел их для виду, чтобы не приставали с разговорами. Сосед перехватил взгляд Холли и улыбнулся вежливой холодной улыбкой, рассчитанной на такую же реакцию.

Такой вариант вполне устраивал Холли. Как и многие репортеры, она не была словоохотливой по натуре. В работе от нее требовалось 155 главным образом умение выслушать собеседника, а не развлекать его разговорами. Поэтому она была не прочь скоротать время полета, перелистывая предложенный стюардессой журнал и блуждая в лабиринтах своих запутанных мыслей.

* * *

Самолет летел уже два часа, а Джим все еще не имел понятия, куда он направится после посадки в аэропорту Чикаго. Впрочем, такая неясность не слишком его тревожила. Прошлые поездки научили его терпению, и он не сомневался, что рано или поздно узнает, что от него требуется.

Журнал показался ему скучным, и Джим отложил его в сторону. В салоне показывали

фильм, но это зрелище было не намного увлекательнее отдыха в советской тюрьме. Два места справа пустовали, и он был избавлен от необходимости поддерживать дипломатические разговоры с сидящими рядом пассажирами. Джим откинулся на спинку кресла, сложил руки на животе и прикрыл глаза, погружаясь в размышления о кошмаре, в котором являлась мельница. Однако скоро ему пришлось отвлечься и ответить на вопросы стюардессы, которая разносила еду и спрашивала о самочувствии пассажиров. Но потом он снова вернулся к прерванным мыслям.

Вернее, попытался заставить себя думать о том, что означает страшный сон, но почему-то вспомнил журналистку Холли Торн.

Впрочем, какой смысл себя обманывать? Он отлично знает, почему его мысли уже в который раз обратились к Холли Торн. С тех пор как они встретились, он постоянно думал о том, какая она красивая и умная. Стоит только на нее взглянуть, как сразу понимаешь, что в голове у Холли миллион хорошо смазанных колесиков и пружинок, которые работают четко, бесшумно и эффективно.

У нее великолепное чувство юмора. Он отдал бы все на свете за возможность разделить с такой женщиной свои дни и длинные кошмарные ночи. Вместе с ней в его пустом доме поселится веселый женский смех. Одиночество не располагает к веселью. Если начинаешь смеяться над собственными шутками, пора подумать о долгом отдыхе в одном из заведений с мягкими стенами.

Джим плохо знал женщин и зачастую сторонился их. Приходилось констатировать, что и до того, как с ним начали твориться все эти чудеса, он был труден в общении. Нельзя сказать, что его общество действовало на окружающих угнетающе, просто он слишком хорошо знал, что смерть — неперенный спутник человека, и, часто задумываясь о приближении конца, не мог отрешиться от черных мыслей и наслаждаться жизнью. Вот если бы...

Почувствовав внезапное озарение, Джим открыл глаза и выпрямился в кресле. Он все еще не представлял, что должно случиться в Чикаго, но теперь ему были известны имена людей, которых нужно спасти: «Кристин и Кейси Дубровек».

С удивлением осознав, что жертвы находятся на борту самолета, он предположил, что беда может произойти в здании аэропорта О'Хэр или сразу после посадки. Иначе бы их пути не пересеклись так рано. Обычно он встречал людей, которых спасал, всего за несколько минут до того, как их жизнь оказывалась в опасности. Движимый теми же силами, которые с пятнадцатого мая время от времени управляли его поступками, Джим встал, перешел на правую сторону и двинулся по проходу к хвосту самолета. Он не знал, что собирается предпринять, пока не остановился возле двух кресел у окна в двадцать втором ряду. Его взгляд остановился на лицах симпатичной молодой матери и ее ребенка. Женщине было около тридцати. Ее нельзя было назвать красивой, но ее миловидное лицо выражало доброту и приветливость. Дочка казалась не старше пяти-шести лет.

Женщина с любопытством посмотрела на него, и он услышал, как его голос спросил:

— Миссис Дубровек?

— Та удивилась:

— Простите... мы с вами где-то встречались?

— Нет, просто Эд сказал мне, что вы летите этим рейсом, и попросил за вами приглядеть.

Произнося это имя, Джим уже знал, что Эд ее муж, хотя, как ему это удалось, оставалось для него полнейшей загадкой.

Он опустился на корточки рядом с ее креслом и широко улыбнулся.

— Я — Стив Хэркмен. Эд в торговом отделе, а я по рекламной части. Работаем, так сказать, рука об руку. За день раз по десять встречаемся, подкидываем друг другу задачки.

Светлое, как у Мадонны, лицо Кристины Дубровек просияло.

— Ну да, конечно, он столько о вас рассказывал. Вы пришли в компанию месяц назад?

— Да уже почти полтора.

Джим полностью положился на внутренний голос, уверенный, что у него изо рта вылетают правильные ответы и что он не сделает ошибки, даже если не знает, о чем идет речь.

— А это, надо полагать, Кейси?

Маленькая девочка сидела в кресле у окна. Услышав свое имя, она оторвала взгляд от книжки с яркими картинками и посмотрела на Джима.

— У меня завтра день рождения. Шесть лет. Мы едем к бабушке с дедушкой. Они очень старые, но очень хорошие.

Он рассмеялся и сказал:

— Могу поспорить, они здорово гордятся такой смысленной внучкой.

* * *

Увидев Джима, который неожиданно возник в правом проходе, Холли едва не вывалилась из кресла. Сначала ей показалось, что он направляется к ней, и она уже было раскрыла рот, чтобы выпалить свое признание: «Думайте что хотите, но я действительно следила за вами, шпионила за каждым шагом». Немногие из ее знакомых журналистов ощутили бы свою вину при подобных обстоятельствах. Но Холли не могла переступить через чувство элементарной порядочности. Эта щепетильность всегда мешала ее карьере, с тех пор как она закончила университет и вступила на путь репортера. Еще миг — и все было бы испорчено, но тут Холли сообразила, что Айренхарт смотрит не на нее, а на брюнетку, сидящую прямо перед ней. Она проглотила сухой комок в горле и, вместо того чтобы вскочить и принародно покаяться, съежилась в кресле. Потом взяла журнал, который отложила в сторону несколько минут назад, и нарочито медленно раскрыла. Быстрое движение могло ее выдать, и она опасалась, что не успеет заслонить лицо обложкой журнала.

Теперь Холли ничего не видела, но зато слышала каждое слово из их разговора. Он назвался менеджером по рекламе, Стивом Хэркменом, и она задумалась над этой новой загадкой.

Через какое-то время Холли осмелилась выглянуть из-за края журнала: Айренхарт разговаривал с женщиной. Его спина была так близко, что можно доплунуть, хотя опыта в плевках на точность у нее не больше, чем в слежке. Холли почувствовала, что по рукам пробежала дрожь, и услышала, как загремела глянцевая бумага. Она снова спряталась за свое прикрытие, уставилась прямо перед собой и приказала себе успокоиться.

* * *

— Как вам удалось меня узнать? — спросила Кристин Дубровек.

— Удалось, хотя Эд успел оклеить вашими фотографиями не все стены офиса.

— Ой, правда, — смутилась она.

— Видите ли, миссис Дубровек...

— Зовите меня Кристин.

— Спасибо, Кристин... Вы уж извините, что надоедаю вам со своими разговорами, но у меня есть одна просьба. Эд говорил, что у вас есть лекарство от одиночества... то есть вы помогаете людям найти друг друга.

Судя по тому, как оживилось милое лицо Кристин, он попал в самую точку.

— Знаете, Стив, мне нравится знакомить людей, если я думаю, что они друг другу подходят. Должна признаться, мне есть чем похвалиться.

— Мам, а твоё лекарство горькое? — спросила маленькая Кейси.

Ответ Кристин был прост и понятен для шестилетнего ребенка:

— Нет, золотко, сладкое.

— Хорошо, — сказала Кейси и снова принялась разглядывать картинки.

— Дело в том, — начал Джим, — что я в Лос-Анджелесе всего два месяца и никого

здесь не знаю. Можно сказать, перед вами — классический тип одинокого мужчины. Бары для холостяков я не люблю, а в спортивный клуб ради знакомства с женщинами записываться не хочется. Можно, конечно, обратиться в компьютерную службу знакомств, но думаю, туда идут такие же отчаявшиеся и суматошные, как я.

— Вот уж не подумала бы, что вы отчаявшийся и суматошный, — рассмеялась Кристин.

— Прошу прощения, но вы загораживаете проход, — рука стюардессы дотронулась до плеча Джима. — Пожалуйста, пройдите на место, — ее голос звучал дружески, но твердо.

— Да-да, конечно, — он поспешно поднялся. — Сейчас. Только одну минутку. — Он снова повернулся к Кристин. — Видите ли, мне очень неловко отнимать у вас время, но я бы очень хотел поговорить с вами, рассказать о себе, чтобы вы поняли, что именно я ищу в женщине. Может быть, вы знаете кого-нибудь, кто...

— С огромным удовольствием, — с воодушевлением воскликнула Кристин. Ни дать ни взять — деревенская сваха или искусная устроительница чужих судеб из еврейских кварталов Бруклина.

— Возле меня есть два свободных места. Может быть, вы пересядете ко мне... — предложил Джим. И замер в тревожном ожидании. Что, если она не захочет оставить место у окна... Он чувствовал холодную пустоту в желудке.

Но она колебалась не больше секунды:

— Почему бы и нет?

Стюардесса, которая дожидалась, чем кончится эта сцена, кивнули в знак согласия.

— Я думала, Кейси понравится смотреть в окно, но, похоже, ее это не слишком интересует. Да и потом, мы сидим возле самого крыла, и отсюда почти ничего не видно.

Джим не понял, почему ответ Кристин принес ему такое огромное облегчение. Впрочем, в последнее время он многого не понимал.

— Замечательно. Спасибо, Кристин. Он отступил в сторону, пропуская ее вперед, и случайно бросил взгляд на пассажирку, сидящую в соседнем ряду. Бедная женщина вся тряслась от страха. Она так боялась полета, что уткнулась в журнал «Визави», очевидно, пытаясь отвлечься, но руки ее ходили ходуном так, чтодребезжали глянцевые страницы журнала.

— Где ваше место?

— Шестнадцатый ряд, по левому проходу. Пойдемте, я вам покажу.

Он подхватил ее единственный чемодан, а Кристин с дочерью забрали несколько мелких вещей, и они перебрались на шестнадцатый ряд. Впереди бежала Кейси, а за ней шла Кристин.

Джим уже было опустил в кресло, как вдруг что-то заставило его оглянуться и посмотреть на испуганную женщину, которая осталась из противоположной стороне салона в двадцать третьем ряду. Опустив журнал, она наблюдала за ним. Джим узнал ее.

Холли Торн.

Он смотрел на нее, не веря собственным глазам.

— Стив? — услышал Джим голос Кристин Дубровек.

Журналистка поняла, что он ее заметил. Она застыла в кресле, уставившись на него широко открытыми глазами. Как олень, ослепленный светом фар.

— Стив?

Он повернулся к Кристин и сказал:

— Прошу прощения, Кристин, я отлучусь всего на минутку. Только туда и обратно. Ждите здесь, ладно? Оставайтесь на местах.

Он поднялся и снова перешел в правый проход.

Сердце стучало как молот, в горле пересохло от ужаса. Джим не понимал, чего боится. По крайней мере, не Холли Тори. Он сразу сообразил, что ее появление не случайно, что она разгадала его секрет и следит за ним. Но сейчас не до этого. Разоблачение сейчас не самое страшное. Необъяснимая тревога все усиливалась.

Еще немного — и у него из ушей закапает адреналин.

Увидев его в двух шагах от себя, журналистка попыталась встать, но потом на ее лице промелькнуло выражение покорности судьбе и она снова опустилась в кресло. Она показалась ему такой же красивой, какой он ее запомнил, хотя кожа под глазами слегка потемнела, словно от недосыпания.

Джим подошел к двадцать третьему ряду.

— Пойдемте, — он попытался взять ее за руку.

Она отодвинулась.

— Нам нужно поговорить, — сказал он.

— Мы можем говорить здесь.

— Нет, не можем.

К ним приближалась стюардесса, которая несколько минут назад просила его не загромождать проход. Поняв, что Холли не собирается вставать, Джим ухватил ее за руку и потянул к себе, надеясь, что ему не придется выдергивать ее из кресла. Не иначе, стюардесса приняла его за извращенца, который выискивает самых красивых женщин в самолете и сгоняет их в гарем на левую сторону салона. Слава Богу, журналистка не стала спорить и молча встала.

Он повел ее по проходу к туалету. Там никого не было. И Джим втолкнул ее внутрь. Оглянувшись на стюардессу и, увидев, что она разговаривает с пассажиром и не смотрит в его сторону, протиснулся вслед за Холли в узкую кабинку и закрыл дверь.

Она забилась в угол, пытаясь отодвинуться от него, но в туалете было тесно, и они стояли буквально нос к носу.

— Я вас не боюсь, — сказала Холли.

— И правильно делаете. Чего вам бояться? Полированные стальные стены туалета вибрировали. Ровный гул моторов был громче, чем в салоне.

— Что вам от меня надо? — спросила она.

— Делайте только то, что я скажу.

Холли нахмурилась:

— Послушайте, я...

— Делайте, что вам говорят, и не спорьте, сейчас не время для споров, — резко сказал Джим и спросил себя, что значат эти слова.

— Мне все о вас известно...

— Мне все равно, что вам известно. Сейчас не до этого.

— Вы дрожите как осиновый лист, — нахмурилась Холли.

Джим не только дрожал, его рубашка намочена от пота. В маленькой кабинке было прохладно, но на лбу у него выступили крупные капли. Тоненькая струйка стекла по правому виску, задев уголок глаза.

Он поспешно сказал:

— Нужно, чтобы вы сели возле меня, там есть пара свободных мест.

— Но я...

— Вам нельзя оставаться в двадцать третьем ряду, ни в коем случае.

Холли никогда не отличалась уступчивостью и не привыкла, чтобы ей указывали, что делать.

— Это мое место. Двадцать три Н. И я не собираюсь...

— Если останетесь на этом месте, умрете, — нетерпеливо прервал ее Джим.

Как ни странно, она совсем не удивилась, по крайней мере выглядела не более встревоженной, чем он сам.

— Умру? Что вы хотите этим сказать?

— Не знаю.

Но тут он понял.

— Боже мой, мы падаем.

— Что?

— Самолет. — Его сердце билось быстрее, чем лопасти турбин огромных двигателей, которые держали их в воздухе. — Идет вниз. Падает.

По ее глазам Джим увидел, что она осознала страшное значение его слов.

— Мы разобьемся?

— Да.

— Сейчас?

— Не знаю. Скоро. После двадцатого ряда почти все погибнут.

Он не знал, что скажет в следующий миг, и ужаснулся, услышав слова, произнесенные его голосом. — У тех, кто сидит до девятого ряда, шансов выжить больше, но тоже не слишком много. Вы должны перейти ко мне.

Самолет качнуло.

Холли словно окаменела. Она с ужасом смотрела на блестящие полированные стены, ей казалось, что они вот-вот рухнут и придавят их обоих.

— Воздушная яма, — сказал Джим. — Всего лишь воздушная яма. У нас есть... еще несколько минут.

Очевидно, Холли знала о нем достаточно много, чтобы верить в его предсказание. Она не сомневалась в том, что он сказал правду.

— Я не хочу умирать.

Еще немного — и будет поздно. Джим схватил ее за плечи.

— Идемте! Вы сядете возле меня. Между десятым и двадцатым рядом никто не погибнет. Будут травмы, и довольно серьезные, но никто не умрет, а многие вообще отделаются испугом. Прошу вас, ради Бога, пойдемте.

Он потянулся к ручке двери.

— Подождите. Вы должны все рассказать командиру экипажа.

Он отрицательно качнул головой.

— Бесполезно.

— Но ведь он может что-то сделать, чтобы помешать...

— Мне не поверят. А даже если и поверят... Я не знаю, что ему сказать. Я вижу — мы падаем, но почему? Столкновение в воздухе, дефект конструкции, бомба на борту — это может быть все, что угодно.

— Но вы экстрасенс, вы должны знать!

— Если полагаете, что я экстрасенс, вы знаете обо мне меньше, чем вам кажется.

— Вы должны попытаться?

— Да ведь, черт возьми, я пытаюсь! Пытаюсь, а все без толку!

Он увидел борьбу ужаса и любопытства на ее лице.

— Если вы не экстрасенс, то кто?

— Орудие.

— Орудие?

— Кто-то или что-то использует меня. «ДС-10» снова вздрогнул. Они застыли от ужаса, ожидая, что самолет рухнет вниз. Но ничего не случилось. Все три двигателя ровно гудели. Просто еще одна воздушная яма. Она сжала его руку.

— Вы не можете допустить, чтобы все эти люди погибли!

Чувство вины словно веревкой сдавило грудь, у него похолодело под ложечкой. В словах Холли таился намек на то, что вина за смерть остальных людей будет на его совести.

— Я здесь, чтобы спасти женщину и ее дочь. И больше никого.

— Это ужасно.

Холли не отпустила его руку, а сердито встряхнула. В ее зеленых глазах появилось загнанное выражение. Наверное, в этот миг она видела перед собой разбросанные по земле и наваленные друг на друга трупы и дымящиеся обломки самолета. Она повторила шепотом, в котором звучало неистовое отчаяние:

— Вы не можете допустить, чтобы они погибли.

Он потерял терпение:

— Идите со мной или умирайте с ними. Джим протиснулся в дверь. Холли вышла за ним, но он не знал, идет ли она следом. Дай Бог, чтобы пошла. Он не мог отвечать за смерть остальных пассажиров. Они бы погибли в любом случае, даже если бы его не было на борту. Такая у них судьба, а он послан с определенной целью. Нельзя спасти весь мир. Приходится полагаться на мудрость высших сил, которые им управляют, но смерть Холли Торн ляжет на его совесть. Если бы не его легкомыслие, она бы никогда не оказалась в этом самолете.

Джим шагал по левому проходу и видел в иллюминаторах чистое синее небо. Он так ярко представил под ногами зияющую пустоту, что все внутри словно оборвалось.

Он дошел до шестнадцатого ряда и только тогда осмелился взглянуть назад. Вид приближающейся Холли вызвал у него вздох облегчения.

Он указал ей на свободное место сразу позади его кресла.

Холли покачала головой.

— Только если сядете со мной. Нам надо поговорить.

Он посмотрел на Кристин, потом перевел взгляд на Холли. Он почти физически чувствовал, как, словно вода, уходящая сквозь решетку водосточной канавы, исчезают стремительные секунды отпущенного им времени. Беда неотвратимо приближалась. Ему захотелось схватить журналистку, сунуть ее в кресло и намертво защелкнуть замок. Но замки ремней для этого не подходили.

Не в силах скрыть растущую тревогу, он сказал, почти не разжимая зубов:

— Мое место рядом с ними.

Они разговаривали тихо, но на них уже стали посматривать.

Кристин нахмурилась и, вытянув шею, посмотрела на Холли.

— Случилось что-нибудь, Стив?

— Все в порядке, — солгал он. И снова посмотрел в иллюминатор: голубое небо. Огромное и пустое. Интересно, сколько миль до земли?

— Вы плохо выглядите, — сказала Кристин. Он сообразил, что его лицо покрылось испариной.

— Жарковато здесь. Я встретил старую знакомую. Ничего, если задержусь минут на пять?

Кристин улыбнулась.

— Конечно, конечно. Я все думаю, к кому лучше обратиться.

Сперва он даже не понял, о чем она говорит. Потом вспомнил, что сам просил Кристин познакомить его с кем-нибудь из друзей.

— Замечательно. Я сейчас вернусь, и мы поговорим.

Он усадил Холли на место в семнадцатом ряду и опустил рядом.

По правую руку от Холли тихо похрапывала старая леди, круглая, как бочонок, с мелкими, подкрашенными синим кудряшками. Очки в золотой оправе на цепочке из бусин, свесившиеся на почтенный бюст, и цветы на платье вздымались и опадали в такт ее ровному дыханию.

Холли наклонилась к нему и, стараясь, чтобы ее не услышали пассажиры, сидящие через проход, заговорила с убежденностью беспристрастного политического оратора:

— Вы не можете допустить, чтобы эти люди умерли.

— Мы это уже обсудили, — сурово ответил он, уловив ее тихий шепот.

— Вы отвечаете за...

— Я всего лишь человек!

— Да, но особенный.

— Я не Бог, — горестно сказал Джим.

— Поговорите с командиром.

— До чего же вы упрямы.

— Предупредите его.

— Он мне не поверит.

— Тогда скажите пассажирам.

— Они не смогут перейти сюда, на всех не хватит места.

Его нежелание действовать привело ее в ярость. Глядя ему прямо в глаза так, чтобы он не мог отвернуться, Холли взяла Джима за руку и больно сжала.

— Черт возьми, ведь могут же они что-то сделать, чтобы спастись.

— Ничего. Будет паника.

— Если вы можете их спасти и сидите сложа руки... это убийство, — произнесла она яростным шепотом, сверкнув глазами.

Обвинение обрушилось на него как страшный удар молота, и в первый миг он даже задохнулся. Потом заговорил, с трудом произнося слова:

— Я ненавижу смерть, ненавижу, когда люди умирают. Я хочу их спасти. Хочу, чтобы никто не страдал, но не могу сделать больше того, что в моих силах.

— Это убийство, — повторила Холли. Ее слова были чудовищно несправедливы. Она хочет взвалить на него ответственность за всех пассажиров. Спасти Дубровеков — значит, совершить два чуда, два обреченных на смерть человека останутся в живых.

Но два чуда — слишком мало для Холли, которая не знает, что его возможности неограничены. Она жаждет большего: три, четыре, пять, десять, сотню чудес. Джим чувствовал, как давит на него огромный груз непосильной ответственности, как будто вес проклятого самолета обрушился на плечи, расплющивая его о землю. Она не имеет права его обвинять, это нечестно. Если уж кого и обвинять, то самого Господа, чья непостижимая воля предопределила эту авиакатастрофу.

— Убийство, — пальцы Холли еще сильнее впились в его руку.

Джим физически ощущал исходящий от нее гнев, словно чувствовал жар солнечных лучей, отраженных от металлической поверхности. Отраженных. Внезапно он понял: этот поразительно точный образ не случаен. Он появился из описанных Фрейдом глубин подсознания. Гнев Холли, вызванный его нежеланием спасти всех пассажиров, не сильнее его ярости от собственного бессилия. Ее чувства — отражение его собственных.

— Убийство, — еще раз повторила она, очевидно, сознавая, что обвинение задело его за живое. Джим глядел в ее красивые глаза, и ему хотелось ударить ее прямо в лицо, изо всех сил, так, чтобы она потеряла сознание и он не слышал из ее уст своих собственных мыслей. Она слишком проницательна. Джим ненавидел ее за эту правоту.

Но вместо того чтобы ее ударить, он поднялся со своего места.

— Куда вы? — требовательно окликнула его Холли.

— Поговорить со стюардессой.

— О чем?

— Можете радоваться. Вы победили.

Джим направился в хвост самолета, бросая взгляды на пассажиров и холодея при мысли о том, что скоро многие из них погибнут.

Отчаяние усиливало воображение, и он видел сквозь кожу черепа и очертания белых костей, точно пассажиры уже были живыми трупами. Его мутило от страха, но он боялся не за себя, а за этих людей.

Самолет сильно трянуло, словно он угодил в выбоину на воздушной дороге. Джим ухватился за спинку сиденья, чтобы не упасть. Нет, это пока еще не тот удар, которого он ждет.

Стюардессы и стюарды готовили подносы с завтраком в служебном отсеке. Среди них были люди самого разного возраста: некоторым было по двадцать, а большинству уже за пятьдесят.

Джим подошел к самой старшей из них. Надпись на ее униформе сообщила, что стюардессу зовут Ивлин.

— Мне нужно поговорить с командиром. — Хотя до ближайших пассажиров было довольно далеко, Джим старался говорить тихим голосом.

Если Ивлин и удивилась, услышав его просьбу, она этого никак не показала. На ее лице появилась натренированная улыбка:

— Прошу прощения, но это невозможно. Если вы скажете, в чем дело, я уверена, что смогу вам помочь.

— Послушайте, я был в туалете и услышал подозрительный шум, — солгал он. — Что-то неладно с двигателем.

Улыбка стюардессы стала шире, но в ней чувствовалась натянутость. Тон ее голоса изменился, точно она переключилась на режим успокоения чересчур нервных пассажиров.

— Видите ли, это совершенно нормальное явление. Во время полета звук двигателей может варьироваться в зависимости от изменения скорости.

— Я это знаю.

Он постарался придать своему голосу уверенность и рассудительность: необходимо, чтобы она его выслушала.

— Я много летал. На этот раз что-то не так. Я работаю в фирме «Макдоннелл-Дуглас» и разбираюсь в двигателях. Мы разработали и построили «ДС-10». Я знаю этот самолет. Звук, который я слышал, не похож на обычный.

Ее улыбка исчезла. Скорее всего она не восприняла всерьез его предупреждение, а просто пришла к выводу, что ей попался на редкость изобретательный пассажир.

Ее коллеги перестали возиться с завтраком и молча уставились на Джима, очевидно, прикидывая, чем закончится эта история.

— Видите ли, полет проходит нормально.

- Вот только воздушные ямы... — осторожно сказала Ивлин.

- Неисправен хвостовой двигатель, — перебил ее Джим. Это не было ложью. Наступил знакомый момент истины, и он произносил слова, которые рождались вне его сознания. — Винт пошел вразнос. Оторвутся лопасти — еще полбеды. Но один Бог знает, что будет, если весь винт разлетится вдребезги.

Эти слова отличались от обычных выдумок чересчур нервных пассажиров, и стюардессы слушали его если не с уважением, то, по крайней мере, с мрачной задумчивостью.

— Все нормально, — сказала Ивлин — Даже если мы и потеряем один двигатель, то долетим на двух оставшихся.

Джим пришел в возбуждение, высшая сила, управляющая его действиями, наконец решила помочь ему убедить этих людей. Может быть, еще можно что-то сделать, чтобы спасти всех, кто есть в самолете.

Он снова услышал свой голос, по-прежнему спокойный и уверенный.

— Этот двигатель — настоящий монстр! Если он взорвется, это будет как взрыв бомбы. Лопнут компрессоры. Все эти тридцать восемь титановых лопастей, крепление винта, даже части ротора взорвутся и, словно шрапнель, изрешетят хвост самолета. Рули высоты, стабилизаторы — все разнесет в клочья... Может случиться так, что от хвоста вообще ничего не останется.

Одна из стюардесс заметила:

— Может, все-таки стоит сказать командиру?

Ивлин не стала возражать.

— Я знаю эти двигатели, — продолжал Джим, — и могу объяснить командиру, в чем дело. Необязательно идти в кабину, я могу поговорить с ним по селектору.

— Вы работаете в «Макдоннелл-Дуглас»? — спросила Ивлин.

— Совершенно верно. Инженером. Уже двенадцать лет, — солгал он.

Похоже, стюардесса сильно усомнилась в мудрости заученных стандартных ответов, еще немного — и она сдастся. В нем вспыхнула надежда.

— Скажите командиру: пусть заглушит двигатель номер два. Мы дотянем на первом и третьем и спасемся.

Ивлин переглянулась с другими стюардессами, и некоторые из них кивнули:

— Не будет ничего плохого, если...

— Быстрее! — взволнованно сказал Джим. — У нас мало времени.

Он последовал за Ивлин, которая вышла из служебного отсека и направилась по правому проходу в отделение экономического класса.

Самолет содрогнулся от взрыва.

Ивлин швырнуло на пол. Джим качнулся и, чтобы не упасть на женщину, ухватился за спинку кресла, но не рассчитал усилия, повалился на одного из пассажиров и после еще одного толчка скатился в проход между рядами.

За спиной с лязгом посыпались подносы. Раздались удивленные и встревоженные восклицания и чей-то короткий визг. Джим попытался подняться, но в этот момент нос самолета накренился и они стали стремительно терять высоту.

* * *

Холли встала со своего места, прошла вперед и села рядом с Кристин Дубровек. Но не успела она представиться в качестве знакомой Стива Хэркмена, как самолет сильно тряхнуло и она едва не вылетела из кресла. Еще через долю секунды раздался звук удара, как будто в корпус авиалайнера врезался тяжелый предмет.

— Мама! — Глаза Кейси расширились от ужаса. Она была пристегнута ремнем, хотя в этом, казалось бы, не было необходимости, и не упала, но все ее книжки посыпались на пол.

Самолет терял высоту.

— Мама!

— Не бойся, Кейси. — Кристин явно пыталась скрыть от дочери свой собственный страх. — Это просто воздушная яма.

Самолет стремительно падал.

— Все нормально, — сказала Холли, наклоняясь к ним и стараясь, чтобы девочка ее услышала. — С вами ничего не случится. Только сидите здесь. Оставайтесь на этом месте.

Самолет терял высоту. Тысяча футов... две тысячи... Холли лихорадочно застегнула ремни своего кресла.

Три тысячи... четыре тысячи.

Волна ужаса и паники, охватившая пассажиров, сменилась гробовым молчанием. Люди, вцепившись в подлокотники кресел, ждали, что самолет прекратит падение или, наоборот, сорвется в штопор.

К удивлению Холли, нос лайнера стал подниматься и самолет выровнял курс.

Всеобщий вздох облегчения. Кое-где раздались жидкие аплодисменты.

Холли с улыбкой повернулась к Кристин и Кейси.

— Я же говорила, все будет в порядке.

Включился громкоговоритель. Спокойный и уверенный голос командира корабля сообщил, что отказал один двигатель, но они долетят на двух оставшихся, хотя, возможно, в целях безопасности придется садиться раньше на одном из ближайших аэродромов. Капитан поблагодарил пассажиров за проявленное самообладание, словно подразумевая, что самое худшее уже позади.

Через несколько секунд Джим Айренхарт появился в проходе и тяжело присел на корточки рядом с Холли. Она заметила, что у него разбита губа. Похоже, ему порядком досталось.

Ее охватило радостное возбуждение. Хотелось его поцеловать, но она только сказала:

— Вот видите. У вас получилось. Вы смогли что-то изменить.

— Нет, — мрачно ответил Джим. Он наклонился к ней. Их головы почти соприкасались, и они разговаривали шепотом. — Слишком поздно.

От этих слов у нее перехватило дыхание, точно он ударил ее в солнечное сплетение.

— Но мы уже не падаем.

— Взорвался двигатель. Его обломки изрешетили хвост. Гидравлика тоже вышла из строя. И это еще не все. Скоро самолет потеряет управление.

Страх, который растаял минуту назад, вернулся и, точно пленка льда на серой

поверхности замерзшего пруда, сковал ее сознание.

Они падали.

— Вы знаете, в чем дело. Вам нужно быть не здесь, а возле пилотов, — сказала Холли.

— Слишком поздно. Это конец.

— Нет. Никогда...

— Сейчас я бессилен.

— Но...

В проходе возникла стюардесса; похоже, она уже оправилась от случившегося и выглядела спокойно.

— Пожалуйста, вернитесь на свое место.

— Да-да, сейчас, — ответил Джим. Потом повернулся к Холли и сжал ее руку. — Не бойтесь. — Он кивнул Кристин и Кейси. — Все будет нормально.

Он перешел на семнадцатый ряд и сел за спиной Холли. Теперь она его не видела и ей стало не по себе. Один только вид Джима внушал уверенность.

* * *

Двадцать шесть лет провел Слейтон Делбо в кабинах пассажирских авиалайнеров. Последние восемнадцать лет он летал в качестве командира корабля. Ему приходилось сталкиваться с самыми различными проблемами, и всякий раз он с честью выходил из любой, порой критической ситуации. Немалую помощь оказала Делбо жесткая программа постоянного обучения и контроля, применяемая Объединенными авиакомпаниями. Но, хотя он думал, что знает самолет как свои пять пальцев и готов к любой неожиданности, то, что случилось, повергло его в совершенное изумление.

После того как отказал второй двигатель, «ДС-10» начал падать, а контрольные приборы вышли из строя. Пилотам удалось выровнять самолет и замедлить снижение, но потеря одиннадцати тысяч футов — меньшее из зол.

— Нас заносит вправо, — сказал Боб Анилов.

Делбо ценил своего второго пилота. Тому было сорок три, и пилот он был отличный.

— Все-таки тянет вправо. Что скажешь, Слей?

— Повреждена гидравлика, — заметил бортинженер Крис Лодден. Он был самым молодым из них. Здоровый румянец деревенского парня и, главным образом, застенчивость, столь несвойственная большинству летчиков, делали его неотразимым для молоденьких стюардесс. Кресло Лоддена, следившего за показаниями механических систем, находилось за спиной Анилова.

— Еще сильнее уходим вправо, — отрывисто бросил Анилов.

— Черт! — Делбо до отказа вывернул штурвал и отпустил его, поняв, что это бесполезно.

— Не слушается, — сказал Анилов.

— Дело хуже, чем я думал. — Словно не доверяя собственным глазам, Крис Лодден склонился над приборами. — Этого просто не может быть!

Конструкция «ДС-10» предусматривала три гидравлические системы — надежный запас прочности. Невозможно, чтобы вышли из строя сразу все системы. И тем не менее это случилось.

Кроме них в кабине находился лысоватый и рыжеусый Пит Янковски, инструктор из Денверского отделения подготовки пилотов; который летел в Чикаго к своему брату. Во время полета он оставался наблюдателем и сидел за спиной Делбо, время от времени заглядывая через его плечо. Он поднялся со своего места.

— Схожу посмотрю, что там с хвостом.

— Мы можем регулировать тягу двигателей, — сказал Лодден.

Делбо уже предпринял попытку использовать эту возможность. Он уменьшил тягу в правом двигателе и увеличил в левом, пытаясь выровнять самолет. Если их слишком сильно

поведет влево, можно снова увеличить мощность в правом двигателе.

С помощью бортинженера командир определил, что внешние и внутренние рули высоты не действуют. Элероны и закрылки тоже вышли из строя.

Размах крыльев «ДС-10» достигает ста пятидесяти пяти, а длина фюзеляжа — ста семидесяти футов. Трудно назвать самолетом такое огромное сооружение. Это настоящий корабль, плывущий в воздушном океане. Два двигателя «Дженерал электрик Прэйт энд Витни» — вот все, что сейчас осталось от системы управления. С таким же успехом можно пытаться управлять мчащимся автомобилем, наклоняясь то вправо, то влево и надеясь, что такое перемещение веса поможет изменить направление движения.

* * *

С тех пор как взорвался двигатель, прошло уже несколько минут, а самолет все еще держался в воздухе.

Холли верила в Бога не потому, что обрела свою веру в результате сильного душевного потрясения, а скорее из-за того, что альтернатива представлялась ей слишком мрачной. Она выросла в семье методистов и одно время всерьез задумывалась о переходе в католицизм, но так и не сделала окончательного выбора между серым облачением протестантского пастора и пышной сутаной католического патера. В повседневной жизни она предпочитала решать свои проблемы, не дожидаясь помощи Всевышнего, и произносила слова молитвы только за столом у родителей, когда гостила у них в Филадельфии. Обращаться к небу с горячей мольбой о помощи сейчас, по меньшей мере, лицемерно, но, может быть, милосердный Господь все-таки не даст пропасть «ДС-10».

Кристин читала Кейси вслух и весело комментировала приключения мультипликационных героев, пытаясь отвлечь дочь от воспоминаний о взрыве и падении самолета. Она знала, что самое страшное еще впереди, и таким образом старалась подавить собственный страх и не думать о случившемся.

Время шло, и с каждой минутой в ней росло чувство протеста. Ее разум не хотел мириться с тем, что сказал Джим Айренхарт. Холли не сомневалась в том, что она сама, он и Дубровеки останутся в живых. Джим не впервые вступал в схватку с судьбой и каждый раз выходил из нее победителем. Поэтому, пока они сидят в первой секции экономического класса, за их жизни, как он обещал, можно не волноваться. Хотли не могла примириться с неизбежностью гибели стольких людей. Невыносимо думать, что все они, молодые и старые, мужчины и женщины, добрые и злые, невинные и погрязшие во грехе, должны умереть в результате несчастного случая, что их тела, сплюснутые в один комок, врежутся в какую-нибудь скалу или будут разбросаны по земле среди полевых цветов и сгорят, облитые керосином. Все вместе — и те, кто вел праведную жизнь, и недостойные.

* * *

Миновав Денвер и зону миннеаполисского Центра управления полетами, 246-й рейс вышел на связь с аэропортом Чикаго. Гидравлика полностью отказала, и Делбо запросил у диспетчера Объединенных авиакомпаний разрешения изменить маршрут и совершить вынужденную посадку в ближайшем аэропорту Айовы в Дьюбекс. Он передал управление Анилову и вместе с Лодденом сосредоточил свои усилия на том, как выйти из критической ситуации.

Прежде всего Делбо связался со службой Центра авиационного техобслуживания международного аэропорта Сан-Франциско, где расположена главная техническая база Объединенных авиакомпаний — огромный сложный комплекс со штатом более десяти тысяч человек.

— Докладываю обстановку, — спокойно начал Делбо, — полный отказ гидравлики. Пока держимся, но самолет неуправляем.

Помимо сотрудников Центра, в аэропорту круглосуточно дежурят эксперты фирм, производящих все виды самолетов, которые летают на маршрутах Объединенных авиакомпаний. Среди них специалист из «Дженерал электрик», где изготавливают двигатели СФ-6, и специалист из фирмы «Макдоннелл-Дуглас», которая разработала и построила «ДС-10». В их распоряжении огромное количество книг и компьютерной информации о всех типах самолетов, а также точные данные о техническом обслуживании и состоянии каждого авиалайнера Объединенных авиакомпаний. Они могли рассказать Делбо и Лоддену о любой механической неисправности «ДС-10» за время эксплуатации самолета, о том, какие работы проводились при последнем техническом обслуживании и даже когда чинили обивку кресел. Они знали все, за исключением разве что того, сколько мелочи, вывалившейся из карманов пассажиров, забыто в салоне за последний год.

Делбо надеялся, что они подскажут ему, как, черт возьми, без рулей, без элеронов управлять огромным, как многоквартирный дом, самолетом. Даже самые лучшие программы подготовки пилотов создавались с учетом того, что в самом худшем случае надежность конструкции позволит сохранить определенную степень контроля. Сначала люди из Центра просто не могли взять в толк, что гидравлика полностью вышла из строя. Они решили, что речь идет о частичном отказе системы, и ему пришлось повысить голос, чтобы на земле наконец поняли, в каком он положении. Делбо сразу же пожалел о своей несдержанности: он всегда стремился следовать традициям, считая, что настоящий профессионал должен хранить спокойствие в самой критической ситуации. К тому же Делбо неприятно поразило раздражение, прозвучавшее в его голосе, и некоторое время спустя командир корабля поймал себя на мысли, что его кажущееся спокойствие всего лишь маска.

Вернулся инструктор Пит Янковски и доложил, что заметил большую пробоину в горизонтальной плоскости хвоста.

— Может быть, повреждения еще серьезнее, просто их не видно в иллюминатор. Похоже, обломки мотора изрешетили хвостовой отсек. Там как раз все гидравлические системы. Хорошо еще, что нет разгерметизации.

Чувствуя холодную пустоту в желудке и до боли ясно представляя, что в его руках судьба двухсот пятидесяти трех пассажиров и десяти членов экипажа, Делбо передал в Центр информацию, которую сообщил Янковски, попросил совета, как вести поврежденный самолет, и несколько не удивился, когда после краткого обсуждения эксперты не смогли предложить ему ни одного варианта. Он хотел от них слишком много. Разве можно сказать, как управлять этим бегемотом, не имея ничего, кроме двух уцелевших двигателей? Но отвечать на этот вопрос ему придется самому перед Богом.

Делбо продолжал держать связь с диспетчером Объединенных авиакомпаний, который контролировал ситуацию в воздухе. Кроме того, оба канала — и диспетчер, и Центр авиационного техобслуживания в Сан-Франциско — переключились на штаб-квартиру Объединенных авиакомпаний, которая находилась поблизости от аэропорта О'Хэр. Теперь экипаж мог переговариваться со специалистами из Чикаго, но и они пребывали в полнейшей растерянности.

— Пусть Ивлин немедленно разыщет того парня из «Макдоннелл-Дуглас», о котором она говорила. Приведите его сюда, — сказал Делбо Питу Янковски.

Пит вышел из кабины. Анилов решительно, но безуспешно крутил штурвал, пытаясь подчинить самолет своей воле. Делбо сообщил менеджеру из Центра, что на борту находится инженер из «Макдоннелл-Дуглас».

— Незадолго до взрыва он предупредил нас, что хвостовой двигатель неисправен. Кажется, определил по звуку. Сейчас он будет здесь, посмотрим, может быть, сумеет нам как-то помочь.

— Что вы имеете в виду? Как он определил по звуку? Что это за звук? — удивленно спросил эксперт по двигателям из «Дженерал электрик».

— Не знаю, — ответил Делбо. — Мы ничего необычного не заметили. Стюардессы тоже. Обычный звук.

— Этого не может быть, — прозвучало в наушниках у командира.

Специалист по «ДС-10» из «Макдоннелл-Дуглас» был озадачен не меньше своего коллеги:

— Кто этот парень?

— Выясним. Пока что известно только его имя, — ответил Делбо. — Его зовут Джим.

* * *

Когда командир корабля объявил пассажирам, что самолет совершит вынужденную посадку в аэропорту Дубьюк, Джим увидел, что в проходе появилась Ивлин и, балансируя на ходу, так как «ДС-10» все время швыряло и трясло, двинулась в его сторону. Он сразу понял, что ей от него нужно, хотя предпочел бы, чтобы его ни о чем не просили.

«...могут возникнуть некоторые сложности», — услышал он последние слова Делбо.

Как только пилоты сбрасывали мощность в одном двигателе и увеличивали в другом, крылья самолета начинали дрожать и лайнер раскачивался, как лодка, пляшущая на волнах. К счастью, это длилось недолго, но в перерывах между отчаянными попытками выправить курс «ДС-10» несколько раз проваливался в воздушные ямы и выбирался из них с куда меньшей уверенностью, чем в первые часы полета.

— Командир корабля Делбо просил вас пройти в кабину, — негромко сказала Ивлин. Ее слова, сопровождаемые улыбкой, прозвучали как приглашение приятно провести время за чаем с бутербродами.

Он хотел отказаться. Неизвестно, смогут ли Кристин, Кейси и Холли обойтись без его помощи, когда произойдет катастрофа. Джим знал, что при ударе о землю средний отсек фюзеляжа с десятью рядами кресел первого класса оторвется от остальной части самолета и пострадает гораздо меньше, чем передняя и задняя секции. И без его вмешательства в судьбу 246-го рейса все пассажиры, сидящие на этих местах, будут целы и невредимы или отделаются легкими ушибами. Он не сомневался, что эти счастливицы останутся в живых, но не был уверен, что, пересадив Дубровеков в безопасную зону, сделал все для их спасения. Возможно, после приземления потребуются его помощь, чтобы вынести их из-под горящих обломков. Если он будет с экипажем, ему не удастся это сделать.

Кроме того, Джим не имел ни малейшего представления о том, что станет с летчиками. Если при столкновении самолета с землей он окажется в кабине...

И все-таки он пошел с Ивлин. Выбора не было: Холли Тори требовала от него спасти не только женщину с ребенком, но и других людей. Возможно, это ему удастся. Джим слишком хорошо помнил умирающего человека в пустыне Мохавк и трех покупателей, застреленных в хозяйственном магазине Атланты в мае прошлого года. Окажись он чуть быстрее, и эти люди остались бы в живых, как и те, кого ему удалось спасти.

Проходя мимо шестнадцатого ряда, он бросил взгляд на Дубровеков, склонившихся над книжкой, встретился глазами с Холли и почти физически ощутил ее тревогу.

Джим шел за Ивлин, чувствуя на себе испытующие взгляды пассажиров. Он один из них, но сейчас обстоятельства наделили его особым статусом. Похоже, люди стали подозревать, что эти обстоятельства куда серьезнее, чем им было сказано. Они наверняка ломают головы, спрашивая себя, кто он такой и для чего потребовалось его присутствие в кабине экипажа. Если бы они только знали.

Болтанка не прекращалась. Джим обратил внимание на уверенную походку Ивлин. Ее не качало из стороны в сторону, потому что стюардесса предугадывала возможный толчок, отклонялась в противоположном направлении и, ловко перемещая центр тяжести, сохраняла равновесие.

Несколько пассажиров склонились над бумажными пакетами. Другие сдерживали тошноту, но сидели с серыми лицами.

Картина, которую он увидел в тесной, набитой инструментами кабине, привела его в смятение. Бортинженер листал справочник. В его глазах застыло отчаяние. Двое пилотов —

Делбо и Анилов (стюардесса, которая осталась за дверью, сказала, как их зовут) лихорадочно манипулировали приборами, пытаясь вернуть на курс отклоняющуюся вправо громадину. Присевший на корточки между их креслами рыжеволосый лысоватый человек, следуя указаниям капитана, увеличивал и уменьшал мощность в двигателях, чтобы облегчить летчикам задачу.

— Снова теряем высоту, — заметил Анилов.

— Ничего страшного, — отозвался Делбо. Почувствовав, что кто-то вошел, он обернулся. На месте командира Джим выглядел бы как загнанная лошадь в мыле, но спокойное лицо Делбо лишь слегка блестело от пота.

— Значит, это вы?

— Да.

Командир снова повернулся к приборам.

— Нас разворачивает, — сказал он, обращаясь к Анилову. Второй пилот кивнул. Делбо скомандовал рыжеволосому прибавить мощность в левом двигателе, и тот мгновенно исполнил приказание. Затем, не глядя на Джима, командир сказал:

— Вы знали, что это случится?

— Да.

— Можете еще что-нибудь сказать?

Самолет вздрогнул, Джима швырнуло на перегородку, но он устоял на ногах и ответил:

— Все гидравлические системы вышли из строя.

— Что-нибудь, чего я не знаю, — сказал Делбо с холодным сарказмом. Было бы неудивительно, если бы в его голосе прозвучало раздражение, но командир хорошо владел собой. Он снова вышел на связь с диспетчером и получил новые инструкции.

Джим прислушался и понял, что специалисты из Центра управления полетом в Дубьюке решили сажать лайнер с помощью серии поворотов на триста шестьдесят градусов и таким образом вывести его на одну из посадочных полос. Обычный способ здесь неприемлем, поскольку пилоты не могли полностью контролировать движение самолета. «ДС-10» все время разворачивало вправо, и на земле созрел рискованный план использовать это свойство, чтобы направить лайнер в нужную точку. Так загоняют в сарай норовистого быка, который, не слушаясь пастуха, идет своей дорогой и неожиданно оказывается в стойле. Если тщательно рассчитать радиус каждого поворота и темпы снижения, эта задача вполне выполнима.

До соприкосновения с землей осталось пять минут.

Джим вздрогнул, получив внутреннее сообщение, и едва не повторил эти слова вслух. Вместо этого он дождался, пока Делбо закончит переговоры с диспетчером, и спросил:

— Что с шасси?

— Работает, — ответил Делбо.

— Тогда у нас есть шанс.

— Все будет нормально, если только нас не ждет еще один сюрприз.

— Сюрприз будет, — сказал Джим. Капитан озабоченно взглянул на него:

— Что вы сказали?

Осталось четыре минуты.

— Во-первых, нас встретит сильный ветер. К счастью, боковой, и мы не врежемся в землю. Но он доставит вам пару неприятных моментов. Будет похоже на посадку на стиральную доску.

— Что вы такое говорите? — перебил его Анилов.

— Когда вы сделаете последний заход на посадку и до земли останется несколько сотен футов, самолет все еще не выровняется по полосе, — продолжал Джим. Он снова находился во власти высших сил, и они говорили его голосом. — Но придется садиться, другого выхода все равно нет.

— С чего вы это взяли? — недоверчиво бросил бортинженер.

Произнося слова с лихорадочной поспешностью, Джим продолжал говорить, не

обращая внимания на вопрос Лоддена:

— Самолет неожиданно завалится вправо, заденет крылом о землю и закувыркается по бетонке. Вся эта махина вылетит на грунт, рассыплется на части и сгорит.

Рыжеволосый человек в гражданской одежде смотрел на Джима, будто не веря собственным глазам:

— Что за чушь! Да за кого вы себя принимаете?

— Он заранее знал, что двигатель номер два взорвется, — охладил его пыл Делбо.

Понимая, что они уже вошли во второй 360-градусный поворот и время стремительно уменьшается, Джим сказал:

— Вы все останетесь живы, но сто сорок семь пассажиров и четыре стюардессы погибнут.

— Боже праведный, — тихо сказал Делбо.

— Он просто не может этого знать, — возразил Анилов.

Осталось три минуты.

Делбо дал дополнительные указания рыжеволосому. Стало слышно, как взревел один из двигателей, и огромный самолет начал, снижаясь, второй поворот.

— Но перед тем, как самолет завалится вправо, вы услышите предупреждение.

— Предупреждение? — не оглядываясь, переспросил Делбо. Он не прекращал попыток справиться со штурвалом.

— Странный звук, вы такого никогда не слышали. В том месте, где крыло соединяется с фюзеляжем, структурный дефект. Похоже на звук лопающейся гитарной струны. Как только его услышите, прибавьте мощность в левом двигателе. Только так можно избежать опрокидывания.

Анилов потерял терпение:

— Какая чушь! Пока этот парень здесь, я ничего не соображаю.

Джим знал, что Анилов прав. Специалисты из Центра в Сан-Франциско и диспетчер замолчали, чтобы летчики могли сосредоточиться. Если он останется в кабине, то, даже не произнося ни слова, одним своим присутствием может отвлечь их в самый ответственный момент. Кроме того, он рассказал все, что знал, и добавить ему нечего.

Джим вышел из кабины и быстро направился к шестнадцатому ряду.

До встречи с землей две минуты.

* * *

Холли не спускала глаз с прохода между кресел, надеясь, что Джим все-таки вернется. Хотелось, чтобы он был рядом, когда случится самое страшное. Она ясно помнила события прошлой ночи, когда в комнату мотеля проникло чудовище из ночного кошмара, и количество жертв, которые оставил на своем пути Айренхарт, спасая невинных людей. Не забыла она и того, как жестоко он расправился с Норманом Ринком в хозяйственном магазине Атланты. Но темное начало в его душе уступило место светлому. Рядом с ним ей было удивительно спокойно, точно окружавший его невидимый ореол опасности превратился в нимб ангела-хранителя.

По селектору одна из стюардесс инструктировала пассажиров, как вести себя при экстренной посадке. Ее коллеги ходили по рядам, проверяя, все ли люди выполняют эти указания.

Корпус «ДС-10» вибрировал, самолет швыряло во все стороны. Хотя в его конструкции не было ни одной деревянной детали, он скрипел, как застигнутый штормом парусник. Небо в иллюминаторах оставалось голубым, но в воздухе бушевали неистовые вихри.

Пассажиры давно поняли, в какой серьезный переплет они угодили. Условия для посадки — хуже не придумаешь, и случиться может все что угодно. Может быть, и самое худшее. В огромном лайнере воцарилась поразительная тишина, словно в соборе во время торжественного богослужения. Вполне возможно, многие представляли себе собственные

похороны.

Из салона первого класса появился Джим. При виде его Холли испытала огромное облегчение. Он чуть замедлил шаг, ободряюще улыбнулся Дубровекам, слегка коснулся плеча Холли и сел в кресло у нее за спиной.

Самолет попал в воздушный поток. На этот раз дело приняло совсем плачевный оборот. Холли показалось, что они уже не летят, а катятся.

Кристин взяла ее за руку и быстро сжала, словно они были старыми подругами. Впрочем, они ими уже стали. Близость неминуемой смерти сближает людей.

— Удачи тебе, Холли.

— Удачи, Кристин.

Рядом со своей матерью маленькая Кейси казалась совсем крошечной.

Наконец и стюардессы заняли места в креслах. Холли тоже последовала их примеру, приняв положение, сулящее самые большие шансы выжить: затянула пристяжные ремни, наклонилась вперед и спрятала голову в коленях, обхватив руками лодыжки.

Болтанка на мгновение прекратилась и самолет скользнул вниз. Но Холли не успела даже вздохнуть с облегчением. В следующую секунду все небо стало похоже на одеяло, которое трясут за края гремлины — злые гномы, приносящие летчикам несчастье.

Над головой захлопали дверцы багажных полок, и на пассажиров посыпались чемоданы, сумки, куртки и другие вещи. Что-то ударило ее по спине и скатилось в сторону. Было совсем не больно, но Холли неожиданно испугалась, что чемодан какой-нибудь модницы, набитый косметикой, свалится на нее под опасным углом и переломит позвоночник.

* * *

Слейтон Делбо продолжал давать команды Янковски, который, стоя на коленях между креслами пилотов, управлялся с подачей топлива в двигатели. Летчики в это время пытались удержать лайнер на заданном курсе. Делбо был спокоен, хотя знал, что впереди тяжелая посадка.

Они начали выходить из третьего, последнего поворота. Посадочная полоса стремительно приближалась. Но, как и предсказывал Джим — черт, фамилия этого парня опять вылетела из головы, — им не удалось выровняться по полосе.

Незнакомец не ошибся. Вокруг бушевала настоящая буря. Самолет швыряло, как большой старый автобус, который грохочет вниз по склону крутой горной дороги. Такого командир корабля видеть еще не доводилось. Даже для исправного самолета посадка при таком сильном встречном ветре представляет немалую опасность.

Но Делбо не оставалось другого выбора. Слишком поздно, чтобы попробовать еще один заход или проскочить посадочную полосу и уйти на другой аэродром в надежде на лучшие метеоусловия. После взрыва хвостового двигателя прошло тридцать три минуты, и это настоящий подвиг, что они до сих пор не врезались в землю. Еще немного — и не помогут ни мастерство, ни опыт, ни хладнокровие. С каждой минутой, а теперь секундой, полет все больше напоминал попытку удержать в воздухе обломок огромной скалы.

До бетонной полосы осталось две тысячи футов, и это расстояние стремительно сокращалось.

Мысли Делбо обратились к жене и семнадцатилетнему сыну, которые остались дома в Вестлейн-Виллидж на севере Лос-Анджелеса. Второй сын. Том, уже в колледже Вилламот, готовится к поступлению на первый курс. Как бы он сейчас хотел обнять их, почувствовать прикосновение родных рук.

Он не боялся за себя. По крайней мере, не слишком. И предсказание незнакомца, что экипаж останется в живых, не играло здесь никакой роли. Кто знает, всегда ли сбываются слова этого парня. По сути дела, у Делбо просто не было времени думать о себе.

Полторы тысячи футов.

Он думал о пассажирах и экипаже, доверивших ему свои жизни. Если его нерешительность, медлительность или, наоборот, поспешность, приведут к тому, что в этой катастрофе окажется доля его вины, все, чего он достиг за долгие годы работы, будет перечеркнуто этой единственной трагической ошибкой. Возможно, он слишком строг к себе, но многие летчики обладают столь же сильным чувством ответственности.

Он вспомнил слова незнакомца: «...сто сорок семь пассажиров...»

До боли сжал бешено вибрирующий штурвал.

«...и четыре стюардессы погибли...»

Тысяча двести футов.

— Нас заносит вправо, — сказал Делбо.

— Держись! — крикнул Анилов. Сейчас, когда они совсем снизились, все зависело от командира.

Сто пятьдесят одна смерть, сто пятьдесят одна семья, которая потеряет близких. И еще больше людей, чьи судьбы окажутся вовлечены в водоворот этой трагедии.

Но откуда этот парень знает, сколько людей погибнет? Это невозможно. Что он, ясновидец? Чушь, как сказал Янковски. Да, но он знал о взрыве двигателя и о встречном ветре при посадке. Только полный идиот может сбрасывать это со счетов.

Тысяча футов.

— Пора, — услышал Делбо собственный голос.

* * *

Согнувшись в три погибели, зажав голову между коленями и обхватив руками лодыжки, Джим Айренхарт вспомнил старую шутку: «Поцелуй свой зад на прощание».

Он молил Бога, чтобы его действия не изменили ситуацию в худшую сторону и вместе с ним и Дубровеками не погибли люди, которым самой судьбой было предназначено остаться в живых. Его разговор с командиром корабля повлиял на будущее, и то, что произойдет, может быть хуже того, что должно было случиться. Похоже, высшие силы в конце концов одобрили его желание спасти не только Кристин и Кейси. Но природа этих сил загадочна, и надо быть дураком, чтобы пытаться понять движущие ими мотивы и намерения.

Самолет содрогнулся от сильного толчка. Завывание двигателей перешло в пронзительный визг.

Джим уставился под ноги, ожидая, что пол вот-вот лопнет и брызнет ему в лицо.

Больше всего он боялся за Холли Торн. Ее присутствие в самолете — самое большое отклонение от первоначального сценария, написанного судьбой. Может быть, ему удастся спасти многих пассажиров, но что, если погибнет Холли?

* * *

«ДС-10» с грохотом летел к земле. Холли сжалась в комок и закрыла глаза. Перед мысленным взором поплыли лица матери с отцом, и она обрадовалась им. Затем удивилась, когда вслед за родителями в ее сознании возник образ Ленни Кэллвея. Он был ее первой детской любовью. Они не виделись с тех пор, как обоим исполнилось шестнадцать... Потом появилась миссис Руни, учительница из старших классов, которая с особенным участием относилась к ее проблемам и успехам... За ней Лори Клагер — лучшая подруга на протяжении всех школьных и половины студенческих лет. Жизнь разбросала их по разным уголкам страны... И многие другие, все те, кого она любит или когда-то любила. Она думала о каждом из них не больше доли секунды, но близость смерти словно изменила ход времени, и Холли казалось, что она подолгу всматривается в родные лица. Перед ней вставали не кадры из прожитой жизни, а образы дорогих ее сердцу людей — хотя, может быть, это одно и то же.

Несмотря на пронзительный вой двигателей и нахлынувшие воспоминания, она

услышала, как Кристин Дубровек говорит дочери: «Я люблю тебя, Кейси».

Холли заплакала.

* * *

Триста футов.

Делбо сумел приподнять нос самолета.

Похоже, все идет нормально. Насколько слово «нормально» применимо в данных обстоятельствах.

Они шли под небольшим углом к полосе, но, возможно, сразу после посадки самолет удастся выровнять. В противном случае они пронесутся по бетонке три, а то и четыре тысячи футов, и лишь потом лайнер выкатится на недавно убранное поле. Это, конечно, не самый лучший вариант, но по крайней мере скорость значительно уменьшится. Конечно, многое зависит от того, какая поверхность окажется под колесами. Самолет может развалиться, но мало вероятности, что он разлетится вдребезги.

Двести футов.

Ветер стих.

Они парили в воздухе. Легко, словно перышко.

— Порядок, — сказал Анилов.

— Спокойно, спокойно, — ответил Делбо.

Оба имели в виду одно и то же, все идет нормально, еще немного — и можно обо всем забыть.

Сто футов.

Нос самолета кверху.

Отлично, отлично.

Земля.

Странный звук лопающейся струны!

И одновременно с ним взвыли шины, ударившись о бетонную полосу. Делбо помнил предупреждение незнакомца. Он скомандовал:

— Левый двигатель! — И направил самолет влево.

Янковски тоже хорошо помнил слова Джима, хотя и назвал их чушью. Командир не успел договорить, как инструктор выполнил команду. В точности как и было сказано, «ДС-10» завалился вправо, но мгновенная реакция экипажа спасла его от опрокидывания. Лайнер качнулся влево, и правое крыло вернулось в прежнее положение. Возникла опасность излишней компенсации, и Делбо, продолжая удерживать самолет в том же направлении, отдал Янковски новую команду. Дрожа и вибрируя, самолет мчался по полосе. Он приказал включить реверс, потому что бешеная скорость, с которой они неслись по бетонке, означала для них смертельную опасность. Самолет шел под углом к полосе и, хотя и замедлял бег, с каждым мгновением приближался к опасному краю. Правое крыло снова провисло. Оно раскачивалось, издавая дьявольский скрежет рвущегося железа: как и говорил Джим, не выдержал металл в месте соединения крыла с фюзеляжем. Сказалось напряжение дикого полета и встречный ветер, какой бывает раз в столетие. Они мчались вперед, но Делбо ничего не мог поделать со структурным дефектом. Нельзя же вылезти наружу и заварить проклятую трещину. Самолет катился по полосе, замедляя скорость, но правое крыло стало крениться к земле, все попытки помешать этому оказались напрасными. Крыло резко ушло вниз...

* * *

Холли почувствовала, что самолет заваливается вправо. Она задержала дыхание, или подумала, что задержала, потому что в то же самое время ловила воздух широко открытым ртом.

Лязг и скрежет деформируемого металла отдавались в фюзеляже жутким эхом.

Внезапно этот звук усилился. «ДС-10» сильно накренился вправо. Затем подпрыгнул и с пушечным грохотом, от которого у пассажиров зазвенело в ушах, ударился о бетон.

Шасси не выдержало, и лайнер осел на брюхо, продолжая по инерции скользить вперед. Затем он начал переворачиваться. Сердце Холли сжалось, желудок свело судорогой. Лучшая карнавальная поездка в мире. Вот только не, слишком веселая. Пристегнутые ремни впились в ребра и, словно бритвы, резали ее пополам.

В салоне стоял невыносимый шум. И крики пассажиров были не самое худшее. Голоса людей тонули в реве лайнера, чье израненное брюхо волочилось по бетонным плитам посадочной полосы. Рев умирающей машины можно было сравнить только с предсмертным криком динозавра, провалившегося в мезозойскую трещину. После гибели этих гигантов на Земле не осталось существа, способного издавать такие жуткие пронзительные вопли. Не верилось, что это голос машины. Страшный металлический звук, до странности похожий на стон раненого чудовища, мог бы принадлежать миллионам мучеников ада, чьи отчаянные стенания слились в один душераздирающий вопль. Казалось, еще миг — и лопнут барабанные перепонки.

Нарушая все инструкции, Холли подняла голову и быстро огляделась по сторонам. За стеклами иллюминаторов бушевали каскады белых, желтых и бирюзовых искр, как будто их встречали необычайно красочным фейерверком. Впереди, рядов через шесть от нее, фюзеляж раскололся, как яичная скорлупа при ударе о край керамического кувшина.

Холли решила, что с нее достаточно увиденного, и снова спрятала голову в коленях.

Она услышала свой собственный лепет, но была так испугана, что сквозь царившую в салоне какофонию с трудом различила только невнятное:

— Не надо, не надо, не надо...

Возможно, она на несколько секунд потеряла сознание или под тяжестью невероятной нагрузки ее чувства на время отключились. Холли открыла глаза. Самолет не двигался. В ноздри лез едкий запах, природу которого не могло определить вернувшееся к ней обоняние. Страшное испытание закончилось, но Холли совершенно не помнила последние мгновения посадки.

Она спасена.

Холли охватила дикая радость. Она подняла голову, выпрямилась, готовая закричать от переполнявшего душу восторга, и застыла в кресле, увидев впереди огонь.

* * *

«ДС-10» не перевернулся. Предупреждение командиру корабля Делбо подоспело вовремя.

Но, как и боялся Джим, хаос, возникший после приземления, таил в себе не меньшую опасность, чем сам удар о землю.

По правой стороне лайнера разлилось топливо, и обломки самолета мгновенно вспыхнули. Оранжевые языки, извиваясь, лезли в иллюминаторы. Джиму почудилось, что он пассажир подводной лодки, плывущей сквозь море огня на далекой чужой планете. По стеклу побежали трещины, и огонь хлынул сквозь образовавшиеся щели и пробоину в фюзеляже, отделившую экономический класс от первого.

Джим расстегнул ремень и, шатаясь, поднялся. Пламя уже охватило кресла на правой стороне салона. Он увидел, как сидевшие там пассажиры падают и корчатся в проходе. Еще миг — и их скрыла стена огня.

Он сделал шаг в сторону. Сгреб Холли в охапку и вытолкнул ее в проход. Бросил взгляд на Дубровеков. С ними все в порядке. Ни мать, ни ребенок не пострадали. Кейси плакала.

Джим схватил Холли за руку и огляделся в поисках выхода. Открывшееся зрелище заставило его вздрогнуть. Из искореженного, раздавленного хвоста «ДС-10» выползала бесформенная черная масса, похожая на прожорливую кляксу из старого фильма ужасов. Жуткое облако плыло по салону, окрашивая все вокруг в черный цвет. Дым. Он не сразу

сообразил, что это, потому что клубы дыма были такими густыми, что казались стеной из нефти и газа.

Что их ждет? Смерть от удушья? Или... Впереди огонь, но придется пробиваться. Справа языки пламени лизали края распоротой обшивки фюзеляжа, проникая внутрь и сужая пространство салона. Но огонь пока не достиг левого прохода. Еще можно спастись.

— Быстрее, — крикнул Джим, поворачиваясь к Кристин и Кейси, которые тоже выбрались со своих мест. — Вперед, быстрее, бегите изо всех сил.

Однако пассажиры из первых шести рядов экономического класса уже высыпали в проход. Люди суетились, пытаясь поскорее выбраться из салона, возникла давка, и, несмотря на героические усилия молоденькой стюардессы, дело приняло серьезный оборот. Пол был завален чемоданами, сумками, книгами и другими вещами, которые попадали с багажных полок. Джим не сделал и нескольких шагов, как едва не упал, запутавшись в чьей-то куртке.

Сзади надвигалось облако едкого дыма. Глаза моментально наполнились слезами. Джим подавился, закашлялся, его едва не стошнило от отвращения. Он сразу прогнал мысль о том, что может гореть у него за спиной вместе с чехлами и подушками кресел, ковровой дорожкой и другими элементами интерьера салона.

Густые клубы жирного дыма настигли его и окутали со всех сторон. Спины пассажиров впереди скрылись за черной пеленой, как будто за ними задернули бархатный занавес.

Перед тем как видимость уменьшилась до нескольких дюймов, Джим отпустил руку Холли и дотронулся до плеча Кристин:

— Давайте, я ее возьму, — сказал он, подхватывая Кейси на руки.

Под ногами у него валялся бумажный пакет из магазина сувениров Лос-Анджелесского аэропорта. Он был порван. Джим увидел белую майку с розовой надписью «Я люблю Л. А.» и рисунком: персик на фоне бледно-зеленых пальм.

Джим схватил майку и сунул в маленькие ручки Кейси. Кашляя, как и все вокруг, он сказал девочке:

— Прижми к лицу, солнышко. Дыши через нее.

Потом он совершенно ослеп. На глаза опустилась такая плотная черная пелена, что Джим перестал видеть ребенка, которого прижимал к груди. Сгустившиеся клубы дыма превратились в непроглядную тьму. Она была чернее темноты, которую видишь, закрыв глаза. Когда закрываешь глаза, цветные лучики света все-таки пробиваются сквозь веки, рождая неясные образы.

Должно быть, до пробоины в фюзеляже осталось не больше двадцати футов. Джим не боялся заблудиться, проход — единственный путь к спасению.

Он старался не дышать. Можно задержать дыхание на минуту, этого вполне достаточно. Но, к несчастью, он уже вдохнул едкий дым, и горло горело, точно он проглотил кислоту. В легких першило, а желудок содрогался от спазмов, вызывая новые приступы кашля. Закашлявшись, он снова непроизвольно вдыхал дым.

Возможно, ему осталось пройти всего пятнадцать футов.

Хотелось крикнуть застрявшим в проходе людям: «Шевелитесь же, черт вас возьми!» Джим знал, что они двигаются с не меньшей поспешностью и так же, как и он сам, хотят быстрее выбраться из этого ада, но все-таки с трудом удерживался, чтобы не прикрикнуть на них. Он почувствовал, как внутри поднимается ярость, и понял, что находится на грани истерики.

Под ногой оказались какие-то маленькие цилиндрические предметы. Он покачнулся, но удержал равновесие и двинулся вперед, точно мальчишка, играющий в игру, в которой нужно пройти по маленьким стеклянным шарикам.

Кейси захлебывалась кашлем. Джим не мог этого слышать, но чувствовал, как сотрясается маленькое тельце девочки, пытающейся дышать через майку с надписью «Я люблю Л. А.».

С тех пор как он двинулся к выходу, прошло не больше минуты, и, может быть, только тридцать секунд назад он взял на руки ребенка, но ему казалось, что он уже очень долго идет

по бесконечному туннелю.

Несмотря на бушевавшие в нем ярость и страх, Джим сохранял присутствие духа и способность трезво мыслить. Он вспомнил, как где-то читал, что при пожаре дым поднимается вверх и скапливается у потолка. Если через несколько секунд они не достигнут выхода, придется опуститься на пол и ползти: воздух внизу относительно чище, и можно спастись от токсичных газов.

В лицо дохнуло горячим воздухом.

Он представил себе, что шагает в печь. Кожа вздувается волдырями и лопаются, мгновенно превращаясь в горящие угли. Сердце, которое бешено колотилось о ребра, забилося еще быстрее.

В уверенности, что до пролома в фюзеляже осталось несколько шагов, Джим, корчась от боли, открыл слезящиеся глаза. Черная стена сменилась угольно-серыми клубами дыма, через которые пробивались пульсирующие отблески. Он понял: это языки пламени, закрытые дымной пеленой. Они тянулись к нему, подбрасывая в воздух миллиарды крутящихся частиц пепла. Огонь мог в любой момент пробиться сквозь облако дыма и сжечь его дотла, Джим потерял надежду.

Дышать нечем.

Со всех сторон огонь.

Сейчас он вспыхнет и сгорит, как живая свеча. Джим мысленно увидел, как падает на колени, прижимая к груди ребенка, и они оба сгорают в преисподней, погружаясь в потоки расплавленного металла.

Внезапно в лицо пахнуло ветром. Дымовая завеса сдвинулась влево.

Он увидел дневной свет, холодный и серый, непохожий на мертвенный отблеск горящего топлива.

Ужасная мысль о том, что они с девочкой могут сгореть заживо всего в двух шагах от спасения, придала ему новые силы. Джим рванулся сквозь серый дым и рухнул вниз на голую землю. К счастью, он упал на недавно сжатое поле, которое только что вспахали под мульчу. И хотя от удара о землю у него перешибло дыхание, все я кости остались целы.

Падая, он еще крепче прижал к себе Кейси. Перекатился на колени. Тяжело поднялся и, не выпуская девочку из рук, шатающейся походкой побрел в сторону от жаркого ослепительного зарева, в котором полыхали обломки самолета.

Некоторые из пассажиров, которым удалось выбраться из самолета, так поспешно бежали от места катастрофы, будто думали, что «ДС-10» до краев начинен динамитом и вот-вот взорвется, разнеся вдребезги половину штата Айова. Другие, испытавшие шок, бесцельно слонялись поблизости. Третьи без сил валялись на землю. Среди них были раненые, и возможно, мертвые.

Жадно глотая чистый воздух, кашляя и сплевывая черную слюну, Джим беспокойно оглядывался по сторонам в поисках Кристин Дубровек. Но ее не было видно среди собравшихся на поле людей. Он несколько раз окрикнул Кристин, но не получил ответа и наконец решил, что она погибла. Может быть, переступая через рассыпанные на полу вещи пассажиров, он шел по телам погибших от удушья людей.

Наверное, Кейси разгадала его мысли. Девочка уронила майку с пальмами, и, прильнув к его плечу, стала спрашивать, куда делась ее мама. Испуганный голос Кейси говорил о том, что она предполагает самое худшее.

Охватившее его чувство триумфа уступило место страху, который позвякивал внутри гулкой пустотой, точно кубики льда в высоком узком стакане. Джим перестал чувствовать тепло августовского солнца над Айовой и жар горящего лайнера, словно оказался во льдах арктической пустыни.

— Стив?

Он не сразу понял, что зовут его.

— Стив?

Тогда Джим вспомнил: для нее он был Стивом Хэркменом, и повернулся на голос

Кристин. Весьма вероятно, что она сама, ее муж и настоящий Стив Хэркмен будут до конца жизни ломать головы над этой загадкой. Кристин шла к нему навстречу, утопая босыми ногами в рыхлой свежевспаханной земле. Лицо и одежда были испачканы сажей. Она протянула руки к дочери.

Джим отдал ей ребенка.

Мать и дочь прижались друг к другу.

Кристин повернула к нему залитое слезами лицо и, глядя поверх плеча Кейси, сказала:

— Я вам стольким обязана, Стив. Вы спасли ей жизнь. Просто не знаю, как вас благодарить.

Ему не требовалась благодарность. Все, что ему нужно, — это Холли Тори, живая и невредимая.

— Вы видели Холли? — спросил он с тревогой.

— Да. Она услышала крик ребенка и подумала, что это Кейси.

Кристин била крупной дрожь. Как будто она еще не осознала, что самое страшное осталось позади, и боялась, что земля вдруг разверзнется и на них хлынут потоки раскаленной лавы.

— Как мы потеряли друг друга? Мы ведь шли рядом. Потом я оказалась на улице... Смотрю, а вас с Кейси нет.

— Что с Холли? — нетерпеливо прервал ее Джим. — Куда она пошла?

— Она хотела бежать назад за Кейси. Но потом поняла, что кричат из первого класса. Кристин показала ему кошелек:

— Это ее кошелек. Она вынесла его, не понимая, что делает. Потом отдала мне и вернулась. Знала, что это не Кейси, но все равно побежала на помощь.

Кристин махнула рукой в сторону самолета, и Джим только теперь заметил, что носовое отделение и салон первого класса полностью оторваны от части фюзеляжа, в которой находились их места, и дымятся в поле на удалении двухсот футов.

Огонь там не успел по-настоящему разгореться, но при посадке корпус самолета пострадал еще сильнее, чем искореженный хвост лайнера.

Джим помертвел при мысли, что Холли исчезла среди дымных горящих обломков, и с ужасом уставился на нос самолета, напоминающий огромное зловещее надгробие, оставленное на пашне Айовы пришельцами из чужих миров.

Он с криком бросился к самолету.

* * *

Хотя Холли знала, что перед ней тот самый самолет, на котором несколько часов назад она вылетела из Лос-Анджелеса, она с трудом поверила, что носовое отделение когда-то было частью обычного пассажирского авиалайнера. Сейчас его обломки напоминали сильно деформированное изображение «ДС-10», сваренное из деталей настоящих самолетов и различного мусора, с трудом поддающегося описанию. Казалось, неизвестный скульптор использовал кухонные кастрюли, консервные банки, мусорные ведра, бамперы автомобилей, кривые трубы и звенья кованого забора. Алюминиевые листы обшивки вздыбились, иллюминаторы смотрели пустыми глазницами, оторванные сиденья напоминали старые, никому не нужные кресла, снятые с аукциона и сваленные в углу сарая. Металлические детали были измяты и перекручены, а в некоторых местах совершенно рассыпались, будто их раздробили ударом гигантского молота. Декоративные панели салона задралась и съежились, из-под них выглядывали массивные рельсы конструкции. Пол местами вспучился от взрыва или удара о землю. Отовсюду торчали острые шипы и кривые металлические зубья. Больше всего внутренности «ДС-10» напоминали кладбище старых машин, над которым пронесся разрушительный смерч.

Холли пробиралась к тому месту, откуда раздавались звуки, похожие на плач

испуганного ребенка. Не везде можно было пройти в полный рост, приходилось нагибаться и ползти, протискиваясь сквозь завалы. Ей удавалось расчистить себе дорогу или обойти препятствие стороной, если оно оказывалось непреодолимым. Некогда ровные ряды кресел, в беспорядке рассыпанные по полу, превратились в настоящий лабиринт.

Она содрогнулась, увидев желто-красные искры огня, которые плясали в правом углу салона возле переборки, отделявшей пассажирское отделение от кабины экипажа. В отличие от пламени, бушевавшего в хвостовой части самолета, пожар здесь не успел разгореться. Он мог вспыхнуть и мгновенно охватить все вокруг, но пока на его пути не встретились горючие материалы, огонь не особенно опасен.

По салону вился серый дым, но он не представлял серьезной угрозы, а только раздражал. Холли дышала без особого труда и почти не кашляла.

Больше всего ее пугали трупы. Хотя вмешательство Джима Айренхарта и смягчило последствия катастрофы, спастись удалось далеко не всем. Много жертв оказалось и среди пассажиров первого класса. Холли увидела тело мужчины, приколотое к спинке кресла куском стальной трубы, которая торчала из горла. Пустые глаза мертвого были широко раскрыты, а с лица не успело сойти удивленное выражение. Неподалеку от него лежало тело почти обезглавленной женщины, придавленное вырванным из пола креслом. Под горами обломков и вещей раненые валялись вперемешку с трупами. Единственный способ различить их — подобраться поближе и прислушаться, откуда раздаются стоны.

Холли подавила страх. Она знала, что все вокруг залито кровью, но смотрела по сторонам невидящими глазами, стараясь не задерживать взгляд на особенно кошмарных сценах. Она представила, что расprostертые в страшных позах тела — всего лишь абстрактные, не существующие в реальности кубистские фигуры, которые последователь Пикассо нарисовал краской на холсте. Если позволить себе думать об увиденных ужасах, захочется убежать отсюда без оглядки или сжаться в эмбрион и забиться в истерику.

Холли попались несколько людей, которым требовалась немедленная медицинская помощь, но одни пострадавшие оказались слишком тяжелыми, других ей не удалось извлечь из-под обломков. И, кроме того, она спешила на крик ребенка, движимая бессознательной уверенностью, что детей нужно спасать первыми, — одно из основных условий генетического отбора в природе.

Вдалеке завывали сирены. Она даже не стала раздумывать о том, что с минуту на минуту сюда придут профессиональные спасатели. Это все равно не имеет значения. Не возвращаться же назад и ждать, пока они появятся. Для ребенка одна-две минуты могут означать жизнь или смерть.

Холли пробиралась вперед, тревожно поглядывая на слабые, но грозные языки пламени, пробивающиеся сквозь дыры и трещины в фюзеляже. Неожиданно за спиной раздался голос Джима Айренхарта, который окликал ее по имени. Похоже, он находился в том месте, где передняя часть самолета оторвалась от задней. В дыму и суматохе, возникшей после того, как они с Джимом выбрались из средней секции «ДС-10», их разнесло в разные стороны и они потеряли друг друга в толпе, хотя до самого последнего момента Айренхарт был у нее за спиной.

Несмотря на то, что Холли не сомневалась, что он и Кейси целы и невредимы благодаря особому таланту Джима, она здорово обрадовалась, услышав его голос.

— Сюда! — крикнула она в ответ, не видя его из-за выступа в искривленной стене.

— Что вы там делаете?

— Ищу маленького мальчика, — отозвалась Холли. — Я слышу, как он плачет где-то здесь, рядом, но не вижу его.

— Вылезайте оттуда! — закричал он, стараясь перекрыть громкий вой сирен подъехавших машин «скорой помощи». — Сюда идут спасатели. Они знают, что делать.

— Да идите же сюда, — не оборачиваясь, ответила Холли. — Здесь есть люди, которым нужно помочь сию минуту!

Она приближалась к передним рядам первого класса, где стальные опоры фюзеляжа

были вдавлены внутрь, но не так сильно, как в остальной части салона. Однако сломанные кресла, чемоданы и сумки пассажиров, которые при ударе о землю полетели вперед, образовали в этом месте огромную груды, и в ней оказались люди, живые и мертвые.

Холли отодвинула с дороги сломанное кресло. Задержалась, переводя дыхание, и услышала, что Джим пробирается вслед за ней.

Она легла на бок и, протиснувшись в узкое отверстие в завале, оказалась нос к носу с мальчиком, которого разыскивала. Малышу было около пяти. Он удивленно заморгал огромными черными глазами и всхлипнул, точно уже давно потерял всякую надежду кого-нибудь увидеть.

Перевернутая секция из пяти кресел, словно палатка, накрыла лежащего на животе ребенка.

На первый взгляд могло показаться, что мальчик может без труда выбраться из завала.

— Мою ногу что-то держит, — объяснил он Холли, постепенно приходя в себя от испуга. Ее появление обрадовало и успокоило его. Не важно, сколько тебе лет, пять или пятьдесят, нет ничего хуже одиночества.

— Никак, зацепилась и не пускает.

Холли закашлялась, спеша успокоить ребенка:

— Сейчас, дружок, я тебя вытащу. Все будет в порядке.

Задрав голову, она увидела, что на секцию навален еще один ряд кресел, придавленный сверху тяжестью искореженного потолка, и спросила себя, что случилось с носом лайнера, до того, как он уткнулся правым боком в рыхлую землю Айовы.

Она осторожно вытерла ребенку слезы.

— Как тебя зовут, дружок?

— Норвуд. Ребята зовут Норби. Она совсем не болит. Я про ногу.

Такой ответ ее очень порадовал.

Но затем, когда Холли стала осматриваться по сторонам, решая, что ей делать, мальчик сказал:

— Я ничего не чувствую.

— Что не чувствуешь, Норби?

— Ногу. Смешно, она застряла, и я не могу ее вытащить, но совсем не чувствую. Знаете, как будто ее там нет.

Холли похолодела, услышав эти слова. В ее голове промелькнула страшная картина. Может быть, ничего страшного и не случилось, нога просто окоченела, но необходимо спешить, иначе остановится кровообращение.

Под креслами было слишком тесно, чтобы Холли могла протиснуться вперед и освободить ребенка. Вместо того она перекатилась на спину, согнула ноги в коленях и уперлась подошвами в кресла.

— Спокойно, дружок. Сейчас я выпрямлю ноги, постараюсь сдвинуть эту штуку на несколько дюймов. Как почувствуешь, что она пошла вверх, сразу вытаскивай ногу.

Кольца серого дыма выплыли из темноты за спиной Норби и зазмеились перед лицом мальчика. Он закашлялся и сказал:

— Здесь м-м-мертвые... со мной рядом.

— Ничего, Норби, ничего, — успокоила его Холли, напрягая мышцы и пробуя, насколько тяжелый вес ей нужно сдвинуть. — Немного потерпи. Сейчас я тебя вытащу.

— За моим креслом еще кресло и за ним мертвые, — голос Норби дрожал.

Кто знает, как долго будут мучить мальчика кошмарные воспоминания о случившемся. Может быть, эти минуты наложат отпечаток на всю его дальнейшую жизнь.

— Давай, — скомандовала она, выпрямляя согнутые колени.

Тяжелая гора кресел, вещей и тел не поддавалась. Мешал искореженный потолок, придавивший ее своей тяжестью. Холли собрала все силы, стальной пол, покрытый тонкой ковровой дорожкой, больно врезался ей в спину, но — все напрасно. Она невольно застонала. Затем, придя в бешенство от собственного бессилия, повторила попытку с еще большей

энергией, потом еще раз, еще и...

Кресло сдвинулось.

На какую-то долю дюйма.

Холли усилила нажим, обнаружив в себе резервы, о которых даже не подозревала. Боль в ногах пересилила боль в спине. Стальные пластины провисшего потолка со скрипом выгнулись. Сначала на дюйм, потом еще на два... Кресло сдвинулось...

— Не могу, — жалобно сказал мальчик. Из темноты, окружавшей ребенка, расплзались кольца бледно-серого дыма. Холли заметила, что дым темнее, чем раньше, жирный, с новым отвратительным запахом. Она молила Бога, чтобы огонь не перекинулся на чехлы кресел, образовавших вокруг мальчика подобие кокона.

От перенапряжения мускулы ног сводило судорогой. Боль в спине отдавалась в груди. Каждый удар сердца, каждый вдох становились настоящей пыткой.

Еще миг — и она не выдержит. Но последнее усилие сдвинуло кресло еще на дюйм и...

Норби взвизгнул от боли, но тут же восторженно закричал:

— Отпустил, отпустил!

И пополз навстречу ей.

Холли обессиленно вытянулась на полу. Она поняла: Норби подумал, что его нога была зажата в холодной железной руке лежащего под креслами мертвеца. Будь она на месте пятилетнего мальчишки, попавшего в такую переделку, ей, возможно, пришла бы в голову точно такая же мысль.

Она отодвинулась в сторону, и Норби вылез из западни. Они присели в узком пространстве между завалами и прижались друг к другу.

— Холли! — раздался крик Джима неподалеку от них.

— Я его нашла.

— Здесь женщина, я вынесу ее наружу.

— Хорошо! — крикнула она в ответ. Сирены на улице звучали не так пронзительно, как раньше, и наконец стихли. Прибыли команды спасателей. Несмотря на черноватый дым, идущий из-под кресел, под которыми она нашла Норби, Холли задержалась, чтобы осмотреть мальчика. Нога была сломана в лодыжке, и ступня неестественно болталась, точно у старой тряпичной куклы. Она распухла прямо на глазах, и Холли поспешно стянула с ребенка ботинок. Белый носок потемнел от крови. Но на коже оказалось только несколько царапин и порезов. Кровотечение ему не угрожает, но очень скоро шок пройдет и мальчик почувствует мучительную боль в сломанной ноге.

— Пойдем отсюда, — сказала она Норби.

Она собиралась пуститься в обратный путь, но тут ее внимание привлекла трещина в стене, которая тянулась из-за переборки, отделявшей салон от кабины пилотов, и заканчивалась всего в нескольких футах от Холли. Щель была во всю стену от пола до потолка. Из нее торчали клочья внутренних панелей, изоляции, выглядывали развороченные опоры каркаса. Холли увидела, что они с мальчиком могут протиснуться в образовавшееся отверстие.

Когда они выглянули наружу, внизу появился спасатель. До земли оставалось около двенадцати футов, и он вытянул руки, чтобы принять мальчика.

Норби прыгнул. Мужчина поймал его и отступил назад.

Холли прыгнула следом и упала на вспаханную землю.

— Ваш ребенок? — спросил ее спасатель.

— Нет. Я услышала, как он плачет, и вытащила его. У него сломана нога.

— Я был с дядей Фрэнком, — сказал Норби.

— Вот как... — Мужчина попытался ободрить мальчика, — сейчас найдем твоего дядю.

— Дядя Фрэнк умер, — отозвался Норби безжизненным голосом.

Мужчина взглянул на Холли, словно она должна была знать, что говорить в таких случаях.

Она потрясение молчала, не в силах смириться с мыслью, что на долю пятилетнего

ребенка выпали такие тяжелые испытания. Ей хотелось обнять мальчика, покачать его на руках, сказать, что все в этом мире будет хорошо.

Но в этом мире есть зло и смерть. Адам нарушил запрет, вкусив от плода познания, и Бог решил показать ему темные и светлые стороны вещей. Дети Адама научились охотиться, выращивать хлеб, спасаться от зимних холодов и готовить пищу на костре. Они узнали, как делать орудия и строить жилища. А Бог, желая дать людям разностороннее образование, открыл им миллион способов смерти и страдания. С помощью Всевышнего люди овладели языком, чтением и письмом, проникли в тайны биологии, химии, физики и генетики. И он же обрушил на них чудовищные ужасы и заставил страдать от мозговой опухоли, дистрофии мускулов, бубонной чумы, рака и — авиакатастроф. Хотите познания — пожалуйста. Бог оказался учителем-энтузиастом, охваченным демонической жаждой просвещения. Он взваливает на плечи учеников неимоверный вес, который нередко расплющивает их в лепешку.

Спасатель подхватил Норби и через поле понес его к белым машинам «скорой помощи», стоящим у края бетонной полосы. Отчаяние Холли сменилось гневом. Впрочем, что толку, ведь сердиться можно только на Бога, а этим все равно ничего не изменишь. Господь не избавит человечество от проклятия смерти только из-за того, что Холли Торн считает смерть огромной несправедливостью.

Она осознала: ее охватила ярость, схожая с теми чувствами, которые движут поступками Джима Айренхарта. Вспомнила, как они спорили яростным шепотом и она хотела заставить его спасти не только Дубровеков, а всех пассажиров 246-го рейса. Он тогда сказал: «Я ненавижу смерть. Ненавижу, когда люди умирают!» Холли врезался в память рассказ Виолы Морено о глубокой непроходящей печали в сердце Джима. Возможно, она появилась с тех пор, как он в десятилетнем возрасте потерял родителей. Из-за самоубийства Ларри Какониса Айренхарт бросил работу, отказался от любимого дела. Все его усилия и труды оказались напрасными. Раньше Холли думала, что такая реакция чрезмерна, но теперь она хорошо понимала Джима. Она почувствовала потребность отказаться от рутины будничной жизни и сделать что-то настоящее. Вступить в борьбу с судьбой, ухватиться за самую материю Вселенной и, вопреки планам Всевышнего, изменить картину мира Холли стояла посреди поля Айовы, пряча лицо от омерзительного запаха дыма и глядя вслед спасателю, который нес найденного ею ребенка. В этот миг она чувствовала необыкновенную близость между собой и Джимом Айренхартом. Такого чувства она не испытывала ни к одному человеку.

Она решила его разыскать.

На поле возле обломков «ДС-10» царил настоящий хаос. То и дело подъезжали пожарные машины. Над горящим самолетом изгибались белые струи пены, которая стекала по фюзеляжу на землю, и под ее ключьями исчезали языки пламени, пляшущие на облитой керосином траве. Из всех щелей и разбитых окон средней части валил густой дым. Порывы ветра раскачивали над полем черный балдахин, который закрывал полуденное солнце и отбрасывал на поле жуткие, постоянно меняющиеся тени. Это зрелище напоминало Холли мрачный калейдоскоп, состоящий из одних серых и черных стекол. Немногочисленные спасатели и медики занимались поисками уцелевших, но одним профессионалам такая огромная задача была не под силу, и некоторые смельчаки взялись им помочь. Остальные пассажиры стояли в стороне. Молчали, нервно переговаривались. Ждали микроавтобусов, чтобы уехать в Дубьюк. Одним повезло, и они выглядели так, как будто только что приняли душ и оделись для выхода в свет. Другие, черные от сажи, кутались в грязные лохмотья. Треск коротковолновых раций и голоса спасателей придавали зрелищу катастрофы необходимую законченность.

В поисках Джима Холли столкнулась со стройной женщиной лет двадцати, одетой в узкое желтое платье. Взглянув в ее фарфоровое лицо, обрамленное каштановыми локонами, Холли поняла, что, хотя незнакомка выглядит целой и невредимой, ей требуется немедленная помощь. Женщина стояла возле дымящегося хвоста самолета и с азартом выкрикивала

охрипшим голосом: «Кении! Кении! Кении!»

Холли положила ей руку на плечо.

— Кого вы ищете?

Та подняла на Холли остекленевшие глаза, голубые, точно глициния.

— Вы видели Кении?

— Кто такой Кении?

— Мой муж.

— Как он выглядит?

Женщина ошеломленно посмотрела на Холли.

— У нас медовый месяц.

— Я помогу вам его найти.

— Нет.

— Идемте, все будет в порядке.

— Я не хочу его искать, — сказала женщина. Уступая Холли, она повернулась к самолету спиной и пошла к санитарным машинам. — Я не хочу его видеть. Таким. Мертвым, изломанным, обгорелым.

Шагая по мягкой, рыхлой пашне, Холли подумала, что в начале зимы на этом месте будут сеять, а весной взойдут нежные зеленые ростки. К этому времени все следы смерти исчезнут, и природа восстановит иллюзию вечной, никогда не прерывающейся жизни.

Глава 5

Что-то очень серьезное происходило в душе Холли. Она не понимала сути этого явления и не догадывалась, что ее ждет впереди, но чувствовала, что жизнь ее изменилась и она никогда не будет прежней Холли.

В ее внутреннем мире царил такой хаос, что у нее не нашлось сил для борьбы с миром внешним, и она вместе с остальными приняла участие в стандартной программе, предназначенной для реабилитации людей, переживших авиакатастрофу.

Эмоциональная, психологическая и чисто практическая помощь, оказанная пассажирам с 246-го рейса, произвела на нее глубокое впечатление. Персонал Дубьюка был готов к подобным экстренным случаям и действовал быстро и четко. Не прошло и нескольких минут после прибытия в аэропорт, как перед пассажирами появились психологи, католические священники, пасторы и раввин. Всех провели в большой зал, предназначенный для особо важных персон, и усадили в мягкие синие кресла. На столы из красного дерева поставили около десятка телефонов, которые сняли с рабочих линий аэропорта. Несколько девушек в униформе помогали людям связываться с родными.

Служащие Объединенных авиакомпаний работали без отдыха. Они помогали советом, устраивали желающих в местные гостиницы, сажали их на ближайшие рейсы, разыскивали родственников и друзей, попавших в больницы, и успокаивали тех, кто оплакивал погибших. Их горе и ужас, казалось, были так же велики, как если бы они сами пережили катастрофу. Они точно чувствовали ответственность и угрызения совести из-за того, что это случилось с самолетом их авиакомпании. Холли увидела, как молодая женщина в униформе резко повернулась и в слезах выбежала из зала.

Другие, и мужчины и женщины, ходили с бледными лицами, у некоторых дрожали руки. Ей захотелось их утешить, похлопать по плечу, сказать, что даже самые лучшие и надежные машины рано или поздно ломаются, человеческое знание несовершенно, а над миром распростерла свои крылья тьма. В этой критической ситуации, где проявились мужество, достоинство и сострадание людей, шумное появление представителей средств массовой информации вызвало у Холли бурю негодования. Она знала, что достоинство окажется первой жертвой беспардонных репортеров. Если судить объективно, эти люди просто делали свою работу, и она хорошо знала, чего стоит их нелегкий труд. Но, к сожалению, процент по-настоящему талантливых репортеров не выше, чем процент

компетентных сантехников или плотников, способных поставить идеальную дверную раму. Разница лишь в том, что равнодушный и бесцеремонный репортер может нанести огромный вред чужой репутации, а это куда страшнее, чем капающий кран или перекошенная дверь.

Теле — и радиорепортеры, журналисты всех мастей разбежались по зданию аэропорта и скоро проникли даже в служебные помещения, куда посторонним вход воспрещен. Некоторые из них, видя эмоциональное и душевное состояние пострадавших, вели себя довольно сдержанно, но большинство атаковало служащих Объединенных авиакомпаний бесцеремонными вопросами, в которых постоянно звучали слова «ответственность» и «моральные обязательства». Стремясь пощекотать нервы своим зрителям, слушателям и читателям, они беззастенчиво вытягивали из пассажиров страшные подробности случившейся катастрофы.

Холли знала все их трюки и умела отваживать нескромных репортеров, в течение пятнадцати минут ей шесть раз задали один и тот же вопрос: «Что вы чувствуете?», «Что вы чувствовали, когда узнали о приближении катастрофы?», «Что вы чувствовали, когда поняли, что можете погибнуть?», «Что вы чувствовали, видя, как вокруг вас умирают люди?»

В конце концов она взорвалась и, прижатая к большому окну, из которого открывался вид на летное поле, высказала ретивому репортеру из «Си-эн-эн» все, что она о нем думала. Этого обладателя дорогой прически звали Энлек, и он никак не мог взять в толк, что она не в восторге от его внимания.

— Спрашивайте меня, что я видела или что я думаю, — выпалила она ему в лицо. — Спрашивайте, кто, что, где и как, но. Бога ради, не спрашивайте, что я чувствую. Если в вас осталось что-нибудь человеческое, вы должны понимать, что я сейчас чувствую. Поставьте себя на мое место!

Энлек и его оператор попятились и двинулись к новой жертве. Холли знала, что люди в переполненном зале оборачиваются на шум, стремясь понять, что случилось, но ее понесло, и она не могла остановиться. Этому Энлеку не удастся так легко от нее отделаться.

— Вам не нужны факты. Вам подавай драму, кровь и ужасы... Хотите, чтобы люди обнажали перед вами свои души, а потом вырезаете все, что не понравится, искажаете смысл. Это своего рода изнасилование, черт вас возьми!

Она осознала, что охвачена яростью, какую испытала на месте катастрофы, и ее бессильный гнев обращен не столько против Энлека, сколько против самого Бога. Просто репортер оказался более удобной мишенью, чем Всевышний, прячущийся в темных закоулках своего небесного царства. Она думала, что уже успокоилась, и новая вспышка черной ярости привела ее в замешательство.

Холли совершенно вышла из себя и потеряла всякий контроль над своими словами. Но вдруг до нее дошло, что команда «Си-эн-эн» работает в прямом эфире. Предательский блеск глаз и ирония на лице Энлека подсказали ей, что его не слишком трогают ее обвинения. Она исполняла перед ним первоклассную красочную драму, и репортер не мог удержаться, чтобы не воспользоваться моментом, хотя сам оказывался в довольно неблагоприятной роли. Потом он, конечно, великодушно извинится перед зрителями за ее поведение, с сочувствием упомянет перенесенный ею эмоциональный стресс и останется в их глазах бесстрашным и сострадательным репортером.

Разозлившись на себя за то, что оказалась вовлеченной в игру, в которой победа заранее отдана репортеру, Холли отвернулась от камеры и услышала последние слова Энлека: «...и мы должны отнестись к этому с пониманием. Только представьте, что перенесла эта бедная женщина».

А что, если вернуться и врезать негодяю по физиономии? Может, ему это и понравится?

— Что с тобой, Торн? — спросила она себя. — Ты никогда не проигрывала. Никогда. А сейчас тебя разбили в пух и прах.

Стараясь избегать встреч с репортерами и подавляя проснувшийся интерес к самоанализу, она отправилась на поиски Айренхарта. Однако ей опять не повезло. Среди последней группы прибывших с места катастрофы его тоже не оказалось. Служащие

авиакомпания не смогли разыскать его имя в списках пассажиров. Впрочем, последнее не слишком удивило Холли.

Она решила, что он все еще на поле. Помогает спасателям.

Ей не терпелось его увидеть, но она решила быть терпеливой. Хотя после нападения на Энлека некоторые репортеры обходили ее стороной, Холли знала, как обращаться с собратями по перу. Прихлебывая из чашки горький черный кофе — кофеин ей требовался для поддержания сил, — она шла по залу и, не раскрывая своей принадлежности к профессии, выуживала из коллег крупницы полезной информации. Среди прочего ей удалось узнать, что спаслось не менее двухсот человек, а число погибших не превышает пятидесяти, что само по себе можно назвать чудом, учитывая, что самолет переломился пополам и сгорел. Выходит, вмешательство Джима позволило экипажу спасти больше человеческих жизней, чем было предназначено свыше. Ей бы обрадоваться этому известию, а она опечалилась, вспомнив тех, кто погиб, несмотря на все усилия.

Кроме того, Холли узнала, что члены экипажа, среди которых не погиб ни один человек, разыскивают пассажира, оказавшего им неоценимую помощь. Его описывали так: «Зовут Джим, фамилия неизвестна, похож на Кейвина Костнера, с ярко-голубыми глазами». Поскольку прибывшие в аэропорт представители федеральных властей тоже пожелали увидеть неизвестного Джима, на поиски пропавшего героя бросились вездесущие средства массовой информации.

Постепенно Холли стало ясно: Джим захочет избежать шумихи вокруг своего имени. Он исчезнет, как делал всегда после своих подвигов, и на его след не удастся напасть ни репортерам, ни авианачальникам. Кроме имени, они ничего не знают, а это слишком мало.

Она единственный свидетель, которому Джим Айренхарт назвал свою фамилию. Осознав это, Холли нахмурилась, спрашивая себя, почему для нее было сделано исключение.

Возле дверей ближайшей дамской уборной она встретила Кристин Дубровек. Та вернула Холли кошелек и спросила о Стивене Хэркмене. Для нее это имя не имело никакого отношения к загадочному Джиму, о котором говорили все вокруг.

— Сегодня вечером ему во что бы то ни стало нужно быть в Чикаго. Он взял машину напрокат и уехал, — солгала Холли.

— Я хотела его поблагодарить, — сказала Кристин. — Но, видно, придется обождать, пока мы оба не вернемся в Лос-Анджелес. Вы, наверное, знаете, он работает вместе с моим мужем.

Маленькая Кейси жалась к матери. Ее лицо было умыто, волосы причесаны. Девочка жевала шоколадку, но без особого удовольствия.

Улучив удобный момент, Холли извинилась и вернулась в зал для особо важных персон, где в углу Объединенные авиакомпании развернули центр срочной помощи жертвам катастрофы. Она решила попасть на ближайший рейс в сторону Лос-Анджелеса, намереваясь улететь этой же ночью, даже если придется сделать несколько пересадок. Но Дубьюк все-таки не центр Вселенной, и до Южной Калифорнии не нашлось ни одного билета. В результате Холли пришлось примириться с мыслью, что утром она вылетит в Денвер, а оттуда днем — в Лос-Анджелес.

Авиакомпания заказала для нее номер в гостинице, и ровно в шесть Холли очутилась в чистой, но мрачной комнате мотеля с длинным названием «Лучший приют на Среднем Западе». Вообще-то комната не была такой уж мрачной. Просто Холли находилась в таком состоянии, что вряд ли оценила бы и самые роскошные апартаменты.

Она позвонила родителям в Филадельфию сказать, что с ней все в порядке. Они могли увидеть свою дочь по «Си-эн-эн» или встретить ее имя в списке пассажиров 246-го рейса, опубликованном в утренних газетах. Но родители пребывали в счастливом неведении. Потрясенные, они потребовали от Холли подробного отчета о случившемся, перемежая охами и ахами ее волнующий рассказ. И вышло так, что ей пришлось успокаивать их, вместо того чтобы самой выслушивать утешения. Это было очень трогательно, потому что показывало, как сильно они ее любят. «Не знаю, какое там у тебя задание, — сказала мать, —

но остаток пути можно проехать на автобусе и на автобусе вернуться домой».

И все-таки этот разговор с родными не улучшил настроения. Хотя на голове у нее было черт знает что и вся одежда пропиталась запахом дыма, Холли отправилась в ближайший торговый центр. Там, предъявив кредитную карточку «Виза», она купила чулки, белье, синие джинсы, белую блузку и легкую джинсовую куртку. Кроме того, будучи не в силах избавиться от подозрения, что пятна на ее кроссовках остались от следов крови, Холли выбрала новую пару «рибок».

Она вернулась в мотель и, забравшись под душ, скребла и терла себя до тех пор, пока кусок гостиничного мыла не превратился в тоненький жалкий обмылок. Никогда в жизни Холли не мылась так долго, но ощущение чистоты не появилось. В конце концов она осознала, что пытается отмыть нечто, находящееся внутри нее, и выключила воду.

Холли заказала ужин, но, когда в комнату принесли бутерброды, салат и фрукты, она даже не притронулась к еде.

Села на кровати и уставилась в стену.

Телевизор включать она не осмелилась. Боялась, что наткнется еще на одно сообщение о катастрофе.

Окажись у нее возможность позвонить Джиму Айренхарту, она бы незамедлительно это сделала. Звонила бы каждые десять минут, пока бы он не приехал домой и не снял трубку. Но номер Джима не указан в телефонном справочнике.

В конце концов Холли спустилась в бар и заказала пиво — весьма опасный шаг, если учесть ее предшествующий опыт потребления алкоголя. Бутылка пива, выпитая на голодный желудок, может уложить ее в горизонтальное положение до самого утра.

Приезжий бизнесмен из Омахи попытался завязать с ней разговор. Холли не хотелось морочить голову этому симпатичному сорокалетнему мужчине, и она довольно мягко объяснила ему, что пришла в бар не для того, чтобы ее кто-нибудь снял.

— Так ведь и я не за этим, — улыбнулся он в ответ. — Просто не с кем поговорить.

Она ему поверила и оказалась права. Они посидели в баре еще пару часов, болтая о фильмах, телешоу, комиках, певцах, погоде и еде. Их разговор ни разу не коснулся политики, авиакатастроф или проблем мирового значения. К своему удивлению, она выпила три стакана пива и не почувствовала ничего, кроме приятной легкости в голове.

— Хоуви, — серьезно сказала она, поднимаясь из-за стола, — я буду вам благодарна до конца жизни.

Вернувшись в пустую холодную комнату, Холли разделась и забралась в постель. Едва ее голова коснулась подушки, как она стала быстро погружаться в сон. Она завернулась в одеяло, прячась от холодного кондиционированного воздуха, и голосом, в котором больше чувствовалась усталость, чем хмель, невнятно пробормотала: «Полезай скорей в мой кокон, бабочкой взлетишь высоко». Откуда это взялось, и что бы это могло значить? С этой мыслью она и заснула.

Сssh, сssh, сssh, сssh...

Она снова очутилась в комнате с каменными стенами, но на этот раз все было не так, как раньше. Слепота прошла. На голубом блюде стояла толстая желтая свеча, и ее колеблющееся пламя выхватывало из темноты мощные известняковые стены, узкие, точно бойницы древней крепости, окна, ось, уходящую вниз сквозь отверстие в деревянном полу, и тяжелую, окованную железом дверь. Каким-то образом Холли узнала, что находится на чердаке старой мельницы и что странный свист исходит от огромных деревянных крыльев, режущих свирепый ночной ветер. Она также хорошо представляла, что, если открыть дверь, за ней окажутся крутые каменные ступеньки, ведущие в главное помещение мельницы. Неожиданно все изменилось, и Холли увидела, что уже не стоит на полу, а сидит. Причем не на обычном стуле, а в кресле самолета. Она повернула голову влево и встретила глазами с Джимом, который так же, как и она, сидел пристегнутый ремнями к креслу.

— Эта старая мельница не дотянет до Чикаго, — услышала она его серьезный голос.

Ей вовсе не казалось странным, что они летят на этой каменной конструкции и

огромные деревянные лопасти, точно пропеллеры или реактивные двигатели, держат их в воздухе.

— Но ведь мы не погибнем, правда? — спросила она.

Неожиданно Джим исчез, и его место занял десятилетний мальчик. Сперва Холли поразила произошедшая перемена, но потом, взглянув на густые каштановые волосы и ярко-синие глаза мальчика, она поняла, что перед ней Джим, каким он был в детстве. Сны лишены жестких правил, и в превращении нет ничего удивительного, скорее даже в этом есть своя логика.

— Мы спасемся, если не появится он, — сказал ей мальчик.

— О ком ты говоришь? — спросила она.

— Он — это Враг, — ответил мальчик. Казалось, мельница услышала его слова. Каменные стены зашевелились, задвигались и стали пульсировать, как живая плоть. Точно так же прошлой ночью ожила зловещая стена в комнате мотеля в Лагуна-Хиллз. Холли почудилось, что известняк приобретает черты отвратительного монстра.

— Сейчас мы умрем, — прошептал мальчик. — Сейчас мы все умрем, — повторил он, словно приветствуя чудовище, которое пыталось выбраться из стены.

Ссшш...

Холли вскрикнула и очнулась. Так просыпалась она уже третью ночь подряд. Но на этот раз кошмар не последовал за ней в реальный мир, и она не испытывала прежнего ужаса. Страх остался, но не слишком сильный. В прошлую ночь она была на грани истерики, а сейчас только испытывала неприятное беспокойство.

И, что еще важнее, она проснулась с чувством вновь обретенной свободы. Сна как не бывало. Холли села, прислонившись к спинке кровати, и скрестила руки на обнаженной груди. Она дрожала, но не от страха или холода, а от возбуждения.

Несколько часов назад, проваливаясь в сон, она произнесла непонятные слова: «Полезай скорей в мой кокон, бабочкой взлетишь высоко». Теперь Холли знала, что они означали, и понимала, какие перемены произошли в ее душе с тех пор, как ей открылась тайна Айренхарта. Смутная догадка о том, что жизнь бесповоротно меняется, впервые забрезжила у нее еще в зале аэропорта.

Она никогда не вернется в «Портленд пресс».

Она никогда не будет работать в газете.

С журналистикой покончено раз и навсегда.

Именно поэтому она так и набросилась на репортера Энлека из «Си-эн-эн». Злилась на него и в то же время испытывала бессознательное чувство вины: он охотился за сенсационным материалом, а она сидела сложа руки, потому что хотела забыть о пережитых ужасах. Будь на ее месте настоящий репортер, он бы давно взял интервью у пассажиров и бросился писать статью для «Портленд пресс». Но у нее даже на миг не возникло подобного желания. Вместо этого она взяла кусок материи, сотканной из отвращения к себе, и скроила из него костюм ярости с необъятными плечами и широченными лацканами. Потом напялила это одеяние и устроила сцену перед камерой «Си-эн-эн». И весь этот цирк — ради безнадежной попытки доказать, что журналистика для нее еще что-то значит и что она не собирается отказываться от карьеры и идеалов, которым собиралась служить всю свою жизнь.

Холли встала с кровати и взволнованно зашагала по комнате.

С журналистикой покончено. Навсегда.

Она свободна. Холли вспомнила детство, которое прошло в скромной рабочей семье, и свое постоянное стремление добиться успеха, стать одной из великих мира сего. Способный ребенок вырос и превратился в талантливую женщину, которая, столкнувшись с непостижимым отсутствием логики жизни, попыталась восстановить утраченный порядок при помощи журналистики. Ирония судьбы заключается в том, что в погоне за успехом и постижением мировых законов, работая все эти годы по семьдесят-восемьдесят часов в неделю, она совершенно оторвалась от самой жизни И, не имея ни любимого человека, ни

детей, ни настоящих друзей, была столь же далека от ответов на мучившие ее вопросы, что и в самом начале пути. И вдруг с нее свалился груз нерешенных проблем, пропало всякое желание принадлежать к какому-то элитному клубу или исследовать человеческие отношения.

Прежде Холли казалось, что она ненавидит журналистику. Это не так. Она ненавидела свои неудачи в журналистике, а неудачи возникали из-за того, что она ошиблась, выбирая призвание.

Для того чтобы разобраться в себе и освободиться от оков привычки, ей потребовалось повстречать человека, способного творить чудеса, и пережить страшную авиакатастрофу.

— Какая ты гибкая женщина, Торн, — произнесла она вслух, насмехаясь над собой. — А уж какая проницательная!

Ничего смешного. И без встречи с Джимом, и без катастрофы она все равно бы пришла к этому открытию.

Холли рассмеялась. Потом накинула одеяло на голое тело и, завернувшись в него, забралась с ногами в кресло. Ее снова разобрал смех. Так легко она не смеялась с тех пор, как была легкомысленным подростком.

Впрочем, нет. Вот откуда пошли все беды: она никогда не была легкомысленной. Невозможно и представить более серьезного подростка, чем Холли. Она следила за всеми международными событиями и с тревогой думала о третьей мировой войне, потому что боялась погибнуть в ядерной катастрофе до окончания школы. Ее заботил рост населения Земли, потому что она слышала, что к 1990 году полтора миллиона людей погибнут от голода и даже Соединенные Штаты окажутся на грани вымирания. Она переживала из-за того, что загрязнение окружающей среды ведет к остыванию и обледенению планеты, которое похоронит цивилизацию еще при ее жизни. Об этой опасности предупреждали все газеты — до того как в конце семидесятых стал известен парниковый эффект и экологи заговорили об угрозе потепления. В юности, да и потом, она слишком часто нагружала себя заботами, вместо того чтобы просто радоваться жизни. Поэтому радость ушла, вместе с ней пропало будущее. Она никогда не думала о том, что ее ждет впереди, и забывала обо всем, кроме мимолетных сенсаций, одна из которых действительно стоила внимания, а другие на поверку оказывались дутыми. Сейчас она хохотала, как ребенок. До тех пор пока дети не достигают половой зрелости и поток гормонов не выносит их в русло нового существования, они знают, что жизнь темна, загадочна и полна ужасов, но также уверены, что все в ней просто, весело и похоже на увлекательную дорогу, ведущую к далекой чудесной цели.

Холли Торн, которой неожиданно понравилось свое имя, знала, куда и зачем она идет.

Она знала, чего хочет от Джима Айренхарта. Материал для хорошей статьи, признание мировой журналистики, Пулитцеровская премия — все это потеряло всякий смысл. Ей нужно гораздо больше. Она попросит у него нечто более ценное и добьется своего.

Самое смешное, что, если он согласится дать то, что она просит, в ее жизни появится не только радость и смысл существования, но и постоянная опасность. Быть может, через год, месяц или неделю ее уже не будет в живых. Однако сейчас Холли думала о хорошем, перспективы ранней смерти и вечной тьмы не слишком ее пугали.

Часть вторая

Ветряная мельница

Сердца черную память
Лучше в прошлом храни,
Сбережет время тайну,
Как могильный гранит.

Сердца черную тайну
В самом сердце храни,
Лишь появятся слухи —
Твои дни сочтены
Тайну годы удержат
Лучше всяких оков,
Слух чужой не расслышит
Звук несказанных слов.
Ты один знаешь двери
В своей памяти склеп
И отыщешь останки
Тайны прожитых лет.
Мир реальный — лишь грезы,
Все в нем — сон, полуложь,
Радость, боль и угроза —
Все иначе, чем ждешь.

«Книга Печалей»

27 — 29 августа

Глава 1

Холли сделала пересадку в Денвере, пересекла два временных пояса в западном направлении и в понедельник в одиннадцать часов утра прибыла в Лос-Анджелесский международный аэропорт. Багажа у нее с собой не было. Она быстро нашла на стоянке свою машину и по дороге, идущей вдоль побережья, поехала в Лагуна-Нигель. В двенадцать тридцать она была у дома Джима Айренхарта.

Холли Поставила машину перед воротами его гаража и по кирпичной дорожке пошла к дому. Позвонила в дверь. Ей никто не ответил. Она повторила попытку и получила такой же результат. Снова нажала на кнопку и звонила до тех пор, пока на большом пальце правой руки не появился красный отпечаток.

Отступив на несколько шагов, Холли стала рассматривать окна первого и второго этажей. Во всем доме были опущены ставни, и она видела за стеклами широкие пластмассовые жалюзи.

— Я знаю, что вы дома, — сказала она спокойным голосом.

Потом вернулась в машину, опустила стекла и стала ждать, когда он появится. Рано или поздно ему потребуется еда, стиральный порошок, лекарство или туалетная бумага. Остается только запастись терпением.

К несчастью, погода не располагала к длительному наблюдению. Прошедшая неделя была скорее теплой, чем жаркой, но конец августа превратился в настоящее пекло, которое напоминало испепеляющее дыхание злого сказочного дракона. Под жестокими лучами солнца поникли пальмовые листья и завяли цветы. Сложные оросительные системы заставили пустыню уступить место зелени, но теперь она готовилась взять реванш.

Довольно скоро Холли почувствовала себя булочкой, которую пекут в духовке. Она закрыла окна, завела машину и включила кондиционер. В лицо повеяло божественной прохладой, но через несколько минут машина начала перегреваться. Стрелка температурного датчика быстро подскочила к красной отметке.

Ее выдержки хватило минут на сорок. В час пятнадцать Холли оставила свой пост и вернулась в мотель. Переоделась в коричневые шорты и короткую канареечно-желтую блузку, которая заканчивалась выше талии, и сменила кроссовки, надев их прямо на голые ноги. В ближайшей аптеке она купила раскладной пластмассовый шезлонг, пляжное

полотенце, крем для загара, пакет со льдом, упаковку содовой и книжку Джона Макдональда «Трэвис Макджи». Очки от солнца у нее уже были.

К половине третьего Холли вернулась к дому Айренхарта на Бугенвилли-Уэй. Снова позвонила в дверь. И не получила ответа.

Она почему-то не сомневалась, что он дома. Может быть, у нее тоже открылись экстрасенсорные способности.

Холли вынесла вещи из машины и расположилась на лужайке за домом. Она поставила шезлонг как раз напротив террасы из красного дерева и устроилась в нем с большим комфортом.

Герой романа Макдональда изнемогал от жары в далеком форте Лодердейл. Судя по всему, там было настоящее пекло, и даже у кроликов не осталось сил, чтобы прыгать. Холли читала эту книгу раньше, но решила прочесть еще раз, поскольку помнила, что ее действие разворачивается во влажном тропическом климате. Хотя на термометре было больше тридцати, сухой и жаркий воздух Лагуна-Нетель показался ей куда приятнее духоты Флориды, красочно описанный в романе Макдональда.

Примерно через полчаса Холли взглянула в сторону дома и увидела Джима Айренхарта, который наблюдал за ней из окна кухни.

Она помахала ему рукой.

Джим не ответил.

Он отошел от окна, но на улице так и не появился. Холли открыла банку с содовой и, подставив ноги горячим лучам солнца, снова погрузилась в чтение. Она не боялась покрыться волдырями, потому что успела загореть и, кроме того, несмотря на светлые волосы, имела великолепные гены для загара. Они надежно защищали от неприятных последствий долгого пребывания на солнце, если, конечно, не превращать это занятие в марафонские состязания.

Некоторое время спустя она встала, чтобы разложить шезлонг и улечься на живот. Джим Айренхарт вышел из-за стеклянной двери гостиной и остановился на террасе. Холли отметила, что брюки и майка у него мятые, а волосы грязные и неостриженные. Он плохо выглядел.

Их разделяло не более пятнадцати футов, и голос Джима прозвучал совсем рядом.

— Что вы здесь делаете?

— Загораю.

— Пожалуйста, уезжайте, мисс Торн.

— Мне надо поговорить с вами.

— Нам не о чем разговаривать.

— Ха!

Он вернулся в дом и закрыл за собой дверь. Она услышала, как щелкнула задвижка.

Холли отложила книгу в сторону и заснула. Проспав на животе целый час, она решила, что на сегодня солнца с нее хватит. Кроме того, уже половина четвертого — не лучшее время для загара.

Она перетасила шезлонг и остальные вещи в тенистый дворик. Открыла вторую банку содовой и снова принялась за роман Макдональда.

В четыре часа до нее долетел звук отворяемой двери. Шаги Джима приблизились и замерли возле шезлонга. Некоторое время он стоял рядом — очевидно, разглядывал ее. Оба не проронили ни слова, и Холли притворилась, что увлечена чтением.

Затянувшееся молчание Джима становилось жутким. Холли пришла на ум мысль о темной стороне его личности и восьми выстрелах из дробовика в тело Нормана Ринка. Она занервничала, но потом решила, что он пытается ее запугать.

Холли не дрогнула. Она спокойно потянулась за содовой, сделала глоток, с наслаждением вздохнула и вернула банку на место. Тогда Джим наконец обошел шезлонг и встал так, чтобы она могла его увидеть. Одежда на нем была по-прежнему измята. На небритом лице проступила болезненная бледность, под глазами залегли темные круги.

— Что вы от меня хотите?

— В двух словах этого не скажешь.

— У меня нет времени.

— Совсем?

— Одна минута.

Холли поколебалась, потом отрицательно покачала головой.

— Слишком мало. Придется подождать, пока вы не освободитесь.

Он угрожающе уставился на нее. Она вернулась к прерванному чтению.

— Я вызову полицию, и они в два счета выставят вас с моего участка. Это моя собственность, — сказал Айренхарт.

— Вызывайте, чего же вы ждете?

Он постоял еще несколько секунд, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, и, так и не решив, что делать, ушел в дом. Хлопнула дверь. Щелкнула задвижка.

— Только не пропадай насовсем, — пробормотала Холли ему вслед. — Через час мне придется воспользоваться твоим туалетом.

Две колибри, перелетая от цветка к цветку, порхали у нее над головой. Тени на земле удлинялись. Было слышно, как лопаются пузыри внутри пустой банки из-под содовой.

Все, как в далекой Флориде, где тоже летали колибри, расплзались прохладные тени, вместо содовой пенился «Дос Эквис», а положение Трэвиса Макджи с каждой главой становилось все серьезнее.

Пустой желудок Холли начал разговаривать. Утром она позавтракала в Дубьюке, удивляясь, что жуткая сцена катастрофы не лишила ее аппетита, но осталась без ленча, наблюдая за Джимом.

Еще немного — и ее ждет голодная смерть.

Жизнь продолжается, и организм требует свое.

Айренхарт появился за пятнадцать минут до критической черты, после которой Холли собиралась броситься на штурм его туалета. Он принял душ, побрился и переоделся в голубую майку, белые брюки и такого же цвета кроссовки.

Холли польстило, что Джиму не все равно, как он выглядит в ее глазах.

— О'кей, — сказал он, — чего вы хотите?

— Сначала покажите, где у вас туалет.

Он посмотрел на нее измученным взглядом:

— Хорошо. Потом мы поговорим, покончим со всем этим, и вы уедете.

Оглядываясь по сторонам, она последовала за ним в комнату, соединяющуюся с просторной столовой и кухней. Похоже, хозяин дома приобрел разношерстные предметы обстановки на какой-нибудь распродаже старого хлама сразу после окончания колледжа, думала Холли, рассматривая чистую, но изрядно обветшавшую мебель и простые шкафы, набитые сотнями книг в дешевых переплетах. Ни картин, ни ваз, ни скульптур, ни цветов — ничего, что придает дому уют. Одни голые стены.

Они прошли в холл, и Джим показал ей дверь уборной. Холли заглянула внутрь: стены выкрашены белой краской, ни обоев, ни фигурного мыла в виде розовых бутонов, ни цветных полотенец. Только брусок «Слоновой кости» и рулон туалетной бумаги на полке.

Перед тем как войти, она оглянулась на Джима и сказала:

— Вы можете пригласить меня на ужин. Я просто умираю с голоду.

Выйдя из туалета, Холли украдкой заглянула в гостиную, обставленную и украшенную, если это слово вообще здесь уместно, в спартанском стиле, который можно назвать «Ранним Периодом Распродажи Всяческого Хлама». Дом был весьма скромным для человека, выигравшего в лотерею шесть миллионов.

Она направилась в кухню и нашла Джима, который поджидал ее за круглым обеденным столом.

— Я думала, что вы что-нибудь готовите, — сказала Холли, отодвигая стул и усаживаясь напротив него.

— Чего вы хотите?

— Давайте я сначала скажу, чего не хочу, — начала Холли. — Я не хочу о вас ничего писать, я бросила работу, с журналистикой покончено. Хотите верьте, хотите нет, но это действительно так. Теперь я понимаю, что если обо всем узнает пресса, за вами начнется постоянная охота. Пострадает дело. Погибнут люди, которых вы можете спасти.

— Прекрасно.

— Я не собираюсь вас шантажировать, К тому же, судя по тому, в какой роскоши вы купаетесь, у вас за душой не наберется и восемнадцати баксов.

Он не улыбнулся. Просто продолжал смотреть на нее своими синими, как пламя газовой горелки, глазами.

— Я не хочу мешать вашему делу и не собираюсь расценивать ваше появление как Второе пришествие, выходить за вас замуж, рожать детей и лишать смысла вашу жизнь.

Его лицо сохранило каменную неподвижность. Он был не пробиваем.

— Единственное, чего я хочу, — это удовлетворить свое любопытство. Понять, как и зачем вы это делаете. — Она поколебалась, потом набралась храбрости и сказала о самом главном:

— И я хочу помогать вам.

— Что вы имеете в виду?

Холли поспешно заговорила, опасаясь, что он не выслушает ее до конца и прервет. И она так и не сможет объяснить то, зачем пришла:

— Я хочу работать вместе с вами и готова делать все, что угодно, чтобы спасти людей или по крайней мере помогать их спасению.

— Вы ничем не можете помочь.

— Но ведь я могу что-то делать.

— Вы будете только мешать.

— Послушайте, я неглупа...

— Что из этого?

— ...образованна...

— Я тоже.

— ...отважна...

— Но мне ваша помощь не нужна.

— ...если я за что берусь, то делаю...

— Извините, но ничем не могу помочь.

— Черт возьми! — Она испытывала даже не злость, а скорее горькое разочарование. — Ну возьмите хотя бы секретарем. Я понимаю, вам не нужен секретарь. Так позвольте быть вашей Пятницей, правой рукой, по крайней мере другом.

Но Джим остался равнодушным к ее мольбам. Он продолжал молча глядеть на нее. Холли стало не по себе. Но она не отвела глаза, поняв, что он использует свой пронизывающий взгляд для того, чтобы подавить ее волю, запугать. Но с ней такие вещи не пройдут. Она не собирается уступать ему инициативу.

Наконец Джим сказал:

— Значит, вас прельщают лавры Лоис Лейн? Сперва Холли не сообразила, о чем идет речь. Потом вспомнила: Лоис Лейн, журналистка, помогавшая Супермену в знаменитом фильме.

Холли поняла: Айренхарт пытается ее разозлить. Подождет, пока она выйдет из себя, а потом воспользуется моментом и выставит за дверь. Она решила сохранять спокойствие и доброжелательность.

Но Холли не умела одновременно держать себя в руках и сидеть спокойно. Злость, бушевавшая у нее внутри, требовала немедленного выхода. Она рывком отодвинула стул и заходила по кухне.

— Ошибаетесь. Вовсе не желаю стать вашим бесстрашным хроникером. Я уже сказала: с этим покончено. Мне не улыбается роль вашей поклонницы, этакой сумасбродной девчонки

с добрыми намерениями, которая то и дело падает в обморок, вечно влипает в какую-нибудь историю. Я вижу: рядом со мной происходит что-то очень важное, и хочу предложить свою помощь. Да, это опасно, но я все равно хочу быть причастной к вашему делу, потому что нахожу его таким... таким важным. Помогая вам, я сделаю больше добра, чем за всю прожитую жизнь.

— Доброхоты обычно так заняты собой, так самонадеянны, что от них больше вреда, чем пользы, — сказал Джим.

— Я не из их числа, меня не волнует, что обо мне подумают. Я не нуждаюсь в чувстве морального превосходства. Просто хочу быть полезной.

— В мире полным-полно доброхотов. — Джим и не думал уступать. — Если мне потребуется помощник, а он мне совсем ни к чему, с какой стати я должен отдавать предпочтение вам?

Невозможный человек. Ей захотелось дать ему пощечину.

Однако, продолжая мерить шагами кухню, Холли сказала:

— Вчера, когда я забралась в самолет и вытащила мальчика, Норби, я... удивилась самой себе. Никогда не думала, что способна на такое. И мне было очень страшно там, в салоне, но я его спасла и почувствовала, что чего-то стою.

— Любите, когда вами восхищаются, когда все считают вас героиней, — сухо сказал Айренхарт.

Холли покачала головой.

— Не правда, дело вовсе не в этом. О том, что я вытащила Норби, не знает никто, кроме одного спасателя. Просто после того, как я это сделала, я выросла в собственных глазах.

— Словом, у вас «идея фикс» — героизм, риск, вы просто свихнулись на этой почве.

Сейчас Холли хотелось ударить его дважды. Прямо по лицу, чтобы глаза на лоб полезли. От этого ей сразу станет легче.

Но она взяла себя в руки.

— Хорошо, значит, по-вашему, я свихнулась на героизме.

Он и не подумал извиняться.

— Но это все-таки лучше, чем каждый день набивать нос кокаином.

Он не ответил.

Хотя Холли и старалась не выдавать своих чувств, ею овладело отчаяние.

— Вчера, когда все закончилось и я отдала мальчика спасателю, знаете, что я почувствовала? Не восторг, не гордость от того, что мне удалось победить смерть, — все это, конечно, было, но словно отошло на второй план, больше всего я чувствовала ярость. Это удивило и даже испугало меня. Я злилась на весь мир: на глазах у мальчика погиб его дядя, он сам едва уцелел и, такой маленький, лежал под креслами среди крови и трупов. Разве сможет ребенок забыть эти ужасы! Он никогда не будет радоваться жизни, как другие дети его возраста. Хотелось кого-нибудь ударить, потребовать извинения за то, что случилось. Но судьба — не слизняк в дешевом костюме. Ее не схватишь за воротник, не заставишь просить прощения. Можно злиться сколько угодно, но ничего нельзя поделать.

Холли не повышала голоса, но ее внутренняя напряженность росла с каждым словом. Она невольно ускорила шаг. Злость уступила место лихорадочному возбуждению, которое точнее всего говорило о том, что она на грани отчаяния.

— Ничего нельзя поделать, если только вас не зовут Джим Айренхарт. Вы — единственный, кто способен бороться со смертью. Я знаю это. А после нашей встречи уже не могу жить так, как жила раньше. Благодаря вам я обрела надежду, о которой бессознательно мечтала долгие годы, вы открыли мне путь, о котором до вчерашнего дня я даже не подозревала. Теперь я чувствую в себе силы бороться с судьбой, плевать в лицо смерти. Черт возьми, не можете же вы захлопнуть дверь у меня перед носом и лишить всего этого!

Он молча смотрел на нее.

Поздравляю, Торн, презрительно сказала она себе. Ты просто образец выдержки и спокойствия, настоящий монумент самообладания.

Он смотрел на нее.

Она сражалась изо всех сил и в ответ на ледяное молчание швыряла ему в лицо новые и новые потоки жарких слов. Но пыл иссяк, и все, что можно было сказать, она уже сказала.

Силы внезапно покинули ее, и Холли, жалкая и несчастная, села. Положила локти на стол и, спрятав лицо в ладонях, подумала, что сейчас расплачется или закричит от боли, но лишь горестно вздохнула.

— Пива хотите? — спросил он.

— И вы еще спрашиваете!

* * *

Косое пламя заходящего солнца пробивалось сквозь опущенные ставни, бросая медно-золотистые отсветы на потолок и столик в углу, за которым они расположились. Холли, утонув в кресле, разглядывала Джима, который сидел, наклонившись вперед, молча уставившись на полупустую бутылку пива.

— Я уже говорил в самолете, что я не экстрасенс. Я не могу предсказывать события, когда хочу. И у меня не бывает видений. Мной управляют какие-то высшие силы.

— А если точнее?

Он пожал плечами:

— Бог.

— С вами говорит Бог?

— Не говорит. Я не слышу вообще никакого голоса. Просто время от времени чувствую, что должен успеть в определенное место...

Джим, как мог, попытался объяснить Холли свое появление у школы Мак-Элбери в Портленде и в других местах. Он также рассказал о том, как отец Гиэри нашел его на полу церкви и увидел на теле раны Христа.

Рассказ Айренхарта напоминал странную мистическую смесь из еретических мыслей католика, замешанную на индейском знахарстве и приправленную для равновесия элементами трезвого полицейского протокола. Холли пришла в возбуждение, но не могла не высказать своих сомнений:

— Сказать по правде, не вижу, при чем здесь Бог.

— Я вижу, — тихо ответил Джим, давая понять, что для него это вопрос решенный и он не нуждается в ее одобрении.

Его ответ не смутил Холли.

— Иногда вы действуете чертовски жестко, даже жестоко. Например, с теми негодьями в пустыне, которые похитили Сузи и ее мать.

— Они получили по заслугам, — равнодушно сказал Джим. — Есть люди, у которых такие черные души, что их не отмоешь и за пять жизней. Зло — реальность, оно идет по Земле. Порой дьявол сбивает с истинного пути тех, кто послабее, а то и просто посылает в мир психопатов, у которых нет генов жалости и сострадания.

— Я не спорю, в подобной ситуации по-другому нельзя. У вас просто не было выбора. Я только хочу сказать: странно, что Бог дает своему посланнику дробовик.

Джим отхлебнул пива.

— Вы когда-нибудь читали Библию?

— Конечно.

— Там сказано: Бог стер с лица земли Содом и Гоморру, обрушив на них вулканы, землетрясения и огненные дожди. А вспомните Всемирный Потоп! Или тот случай, когда он утопил в волнах Красного моря все войско фараона. Не думаю, что он станет возражать против старого дробовика.

— Я представляла себе Бога из Нового Завета. Наверное, вы о нем слышали — понимающего, страдающего, милосердного.

Он смерил ее ледяным взглядом. Его синие глаза могли быть такими нежными:

заглянешь в них — и колени подкашиваются, но эти же глаза обольют холодом так, что дрожь пробежит по телу. Еще миг назад взгляд Джима дышал теплом, и вдруг перед ней стена из синего льда. Если у Холли и оставались сомнения, то его враждебность ясно говорила: дверь в его жизнь может в любой момент захлопнуться у нее перед носом.

— Мне попадались негодяи, которых и животными-то не назовешь. Они этого не стоят. И если бы Бог всегда их прощал, я не хотел бы с ним иметь ничего общего.

* * *

Холли мыла над раковиной грибы и резала помидоры, а Джим отделял белки от желтков, намереваясь приготовить пару малокалорийных омлетов.

— Люди не всегда собираются умереть во дворе вашего дома. Часто, чтобы их спасти, вам приходится ехать через всю страну.

— Один раз во Францию, — ответил он, подтверждая ее предположения, что его деятельность не ограничивается территорией Соединенных Штатов, — раз в Германию, дважды в Японию и один раз в Англию.

— Почему эти высшие силы посылают вас так далеко?

— Не знаю.

— Вы когда-нибудь задумывались: что особенного в этих людях? Я хочу сказать, почему нужно спасать их, а не кого-то еще.

— Я думал об этом. По телевизору постоянно передают сообщения о жертвах убийств и несчастных случаев здесь, в Южной Калифорнии, и я, как и вы, спрашиваю себя, почему он не велел мне спасти этих несчастных, а направил на другой конец страны, в Бостон? Может быть, дьявол хотел унести мальчика раньше положенного срока и Бог сделал так, чтобы я этому помешал.

— Среди них очень много молодых.

— Я заметил это.

— Но не знаете почему?

— Не имею ни малейшего понятия.

* * *

Кухня наполнилась благоуханием жарящихся яиц, лука, грибов и зеленого перца. Джим решил приготовить омлет на одной большой сковородке, а потом поделить его пополам.

Наблюдая за тем, как в тостере постепенно подрумяниваются ломтики пшеничного хлеба, Холли снова спросила:

— Почему Бог захотел, чтобы там, в пустыне, вы спасли только Сузи и ее мать, а отец девочки так и погиб?

— Не знаю.

— Он же не был плохим человеком?

— Похоже, что нет.

— Тогда почему было не спасти их всех?

Уверенность Джима в том, что он действует по поручению Всевышнего, и легкость, с которой он говорил о том, что Бог хочет смерти некоторых людей, неприятно подействовали на Холли.

Но, с другой стороны, как еще можно относиться к странным вещам, которые с ним происходят? Какой смысл спорить с Богом?

Холли вспомнила старую головоломку: Бог дал мне мужество изменить вещи, которые я не приемлю, мужество принять вещи, которые не могу изменить, и мудрость, чтобы увидеть разницу между ними. Что ни говори, а эта головоломка не лишена здравого смысла.

Она вытащила из тостера два поджаренных хлебца и подложила ему пару ломтиков.

— Если Бог хотел спасти Николаса О'Коннора, когда взлетела на воздух

трансформаторная будка, почему он не сделал так, чтобы взрыва вообще не было?

— Не знаю.

— Разве не странно: Бог дает вам задания, вы мчитесь через всю страну и выхватываете мальчика всего за миг до того, как взрывается электрическая линия на семнадцать тысяч вольт? Ведь он мог просто... ну я не знаю... плюнуть на горящий кабель. Потратил бы немного божественной слюны ради такого случая. Или вместо того, чтобы посылать вас в Атланту с поручением уничтожить Нормана Ринка, можно было просто щелкнуть Ринку по мозгам — своевременный инсульт, и никаких проблем.

Джим ловко перевернул сковороду и выложил омлет на тарелку.

— Почему Бог создал мышей, которые досаждают людям, и кошек, которые охотятся за мышами? Зачем сотворил тлю, которая поедает растения, и божьих коровок, которые уничтожают тлю? Почему он не дал нам глаз на затылке, хотя сделал так, что нам их явно не хватает?

Холли намазала тонкий слой масла на первые два хлебца.

— Вижу, куда вы клоните. Пути Господни неисповедимы.

— Именно.

* * *

Они уселись за стол и принялись за еду. Ели хрустящие хлебцы, омлет с помидорами и запивали пивом.

За окном стемнело, и в кухню проникли багровые сумерки. Близилась ночь.

— Нельзя сказать, что вы всегда действуете как марионетка.

— Я и есть марионетка.

— У вас есть возможность влиять на исход событий.

— Абсолютно никакой.

— Но Бог послал вас на двести сорок шестой рейс, чтобы спасти одних Дубровеков.

— Да.

— А вы взяли дело в свои руки и спасли не только Кристин и Кейси. Сколько человек должно было умереть?

— Сто пятьдесят один.

— А сколько погибло?

— Сорок семь.

— Видите, вы спасли на сто две жизни больше, чем он хотел.

— Вместе с вашей — на сто три. Но все только потому, что он позволил и помог мне это сделать.

— Вы хотите сказать, сначала Бог пожелал, чтобы вы спасли одних Дубровеков, а потом передумал?

— Думаю, что да.

— И что. Бог сам не знает, чего хочет?

— Не знаю.

— Бог иногда оказывается сбитым с толку?

— Не знаю.

— Что, у Бога семь пятниц на неделе?

— Холли, я просто не знаю.

— Вкусный омлет.

— Спасибо.

— Я все-таки никак не могу понять, зачем Богу менять свои решения. В конце концов, он непогрешим и, следовательно, не мог ошибиться в первый раз.

— Я стараюсь не задавать себе подобных вопросов. Просто не думаю об этом.

— Оно и видно.

Его взгляд скользнул по лицу Холли, обжигая ее арктическим холодом. Потом Джим

опустил голову. Он молча ел. Его вид ясно говорил, что он не собирается продолжать этот щекотливый разговор.

Холли поняла: Джим ей по-прежнему не доверяет, и, с тех пор как он неохотно пригласил ее в дом, она не продвинулась ни на шаг. Он все еще не пришел к какому-нибудь выводу, и, возможно, ситуация поворачивается не в лучшую для нее сторону. Холли знала, как пробить брешь в его защите, но решила дожидаться более подходящего момента.

Джим закончил есть и взглянул Холли в лицо:

— Ну что ж, я вас выслушал, накормил и теперь хочу, чтобы вы ушли.

— Нет, не хотите.

Он прищурился.

— Мисс Торн...

— Раньше вы меня называли Холли.

— Мисс Тори, очень прошу, не заставляйте меня выкидывать вас отсюда.

— Ведь вам самому не хочется, чтобы я ушла. — Холли старалась говорить как можно увереннее, но внутри у нее все трепетало. — Вы столько раз спасали людей и ни разу не назвали своей фамилии, не упомянули, где живете. Мне одной вы сказали, что приехали из Южной Калифорнии и что вас зовут Джим Айренхарт.

— Я никогда не считал вас плохим репортером. Уж что-что, а информацию вы добывать умеете.

— Моей заслуги в этом нет. Не будь на то вашей воли, даже гризли с ломом и университетским дипломом ничего бы от вас не добился. У вас еще пиво найдется?

— Я же просил вас уйти.

— Сидите-сидите, я знаю, где вы держите пиво.

Холли поднялась с кресла, прошла к холодильнику и достала бутылку. Ее порядком покачивало, но третья бутылка — еще один предлог, хотя и не самый лучший, чтобы остаться и продолжить разговор. Прошлой ночью в баре аэропорта Дубьюк Холли тоже выпила три бутылки пива. Но в тот раз она была вся на нервах, точно сиамская кошка, нанюхавшаяся валерьянки, и организм, перенасыщенный адреналином, не реагировал на алкоголь. Несмотря на это Холли свалилась на кровать, как мертвецки пьяный лесоруб. Если она сейчас отключится, то наверняка проснется в своей машине и никогда больше не попадет в дом Айренхарта. Открыв бутылку, Холли вернулась к столу.

— Вы хотели, чтобы я вас нашла, — сказала она, усаживаясь на прежнее место.

Он окинул ее взглядом, в котором тепла было не больше, чем в мертвом замороженном пингвине.

— Я хотел?

— Вне всякого сомнения. Именно поэтому вы сказали, как вас зовут и где вас можно найти.

Джим ничего не ответил.

— А помните, что вы сказали мне в портлендском аэропорту на прощание?

— Что-то не припоминаю.

— В жизни не встречала более успешной попытки продолжить знакомство.

Он молчал.

Холли заставила его подождать, пока она не сделает глоток прямо из горлышка бутылки.

— Перед тем как закрыть дверь и войти в здание аэровокзала, вы сказали: «А я вашей, мисс Торн».

— Что-то не похоже на попытку познакомиться.

— Это было так романтично.

— «А я вашей, мисс Торн». А что вы мне перед этим сказали? «Удивляюсь вашей тупости, мистер Айренхарт»?

— Ха-ха-ха, — медленно произнесла Холли. — Хотите все испортить? Давайте, давайте. Только у вас все равно ничего не выйдет. Я сказала, что восхищена вашей

скромностью, а вы ответили: «А я вашей». У меня даже сердце забилося быстрее, когда я это вспомнила. О, вы отлично знали, что делали: сказали, как вас зовут, где живете, смотрели на меня этими дьявольскими глазами и строили из себя невинность, а потом: «А я вашей, мисс Торн» — и скрылись с видом Хэмфри Богарта.

— Я думаю, вам больше не надо пить.

— Думаете? Я собираюсь сидеть здесь целую ночь и пить одну бутылку за другой.

Он вздохнул.

— В таком случае мне тоже не мешает выпить.

Он достал бутылку и снова сел напротив нее.

Холли подумала, что все складывается не так уж плохо.

Хотя очень может быть, что коварный Айренхарт просто сменил тактику и готовит ей какую-нибудь западню. Например, попытаться ее напоить. Такая задача не потребует от него больших усилий, а ей не так уж много надо, чтобы свалиться под стол.

— Вы хотели, чтобы я вас нашла, — снова провозгласила она. Он не ответил.

— И знаете, почему вы хотели, чтобы я вас нашла?

Он ничего не сказал.

— Вы хотели, чтобы я вас нашла потому, что мое общество вам приятно, а вы — самый одинокий и печальный мужчина от Калифорнии до Миссури.

Джим промолчал. У него было просто потрясающее умение молчать. Можно сказать, что никто в мире не умеет так молчать в момент, когда от него больше всего ждут ответа.

— Мне хочется вас отшлепать. Ответом ей было новое молчание. Уверенность, которую дало ей пиво, стала внезапно улечиваться. Холли почувствовала, что снова проигрывает. Два предыдущих раунда остались за ней, но его проклятое молчание послало ее в нокдаун.

— Почему у меня в голове крутятся эти проклятые метафоры из бокса? — спросила она Джима. — Я его терпеть не могу.

Он отхлебнул пива и кивком указал на ее бутылку, которую она успела опустошить только на одну треть:

— Вы уверены, что вам нужно ее допить?

— Абсолютно.

Хотя Холли чувствовала, что быстро хмелеет, у нее хватило трезвости понять, что пришло время для последнего решающего удара.

— Если вы не расскажете мне об этом месте, я буду сидеть здесь до тех пор, пока не превращусь в грязную и толстую старуху алкоголичку. Хотите, чтобы я померла здесь в возрасте восьмидесяти лет с печенью больше штата Вермонт?

— Место? — Похоже, ее вопрос сбил его с толку. — О каком месте вы говорите?

Вот он, решающий миг. Холли наклонилась вперед и сказала тихим, но отчетливым шепотом:

— Ветряная мельница.

Хотя Джим не свалился на пол и у него из глаз не посыпались искры, Холли увидела, что удар достиг цели.

— Вы были на мельнице?

— Нет. Она что, и в самом деле существует?

— Если вы там не были, откуда вам о ней известно?

— Видела во сне. Мне уже три ночи подряд снятся кошмары с мельницей.

Джим изменился в лице.

Они не зажигали света и сидели в потемках. На кухне горела только тусклая лампочка над раковиной, и пробивался неяркий свет настольной лампы из соседней комнаты. Но даже при таком слабом освещении Холли заметила, как он побледнел.

Хотя необычайная яркость и достоверность кошмара, который продолжал преследовать Холли и после пробуждения в номере мотеля, убедили ее, что между ночными видениями и Айренхартом существует некая связь, вид потрясенного Джима, подтвердивший эти подозрения, принес Холли огромное облегчение.

— Известняковые стены, — заговорила она. — Деревянный пол. Деревянная дверь, тяжелая, окованная железом. За ней — известняковые ступеньки. Желтая свеча на синем блюде.

— Я вижу этот сон уже несколько лет, — тихо сказал Джим. — Один или два раза в месяц. Не чаще. А сейчас он снится мне третью ночь подряд. Выходит, мы видим один и тот же сон?

— Где настоящая мельница?

— На ферме моего деда. К северу от Санта-Барбары. Это место называется долина Санта-Инес.

— И там с вами случилось какое-нибудь несчастье?

Он покачал головой.

— Нет. Ничего подобного. Наоборот, я очень любил старую мельницу. Она была для меня чем-то вроде... убежища.

— Почему же вы так побледнели, когда я о ней сказала?

— Разве?

— Представьте кота-альбиноса, который гнался за мышью и вдруг налетел на добермана. Точь-в-точь.

— Не знаю... сны о мельнице всегда пугают...

— Уж мне это известно. Но мельница была для вас хорошим местом, убежищем, как вы сказали. Почему она является в кошмарах?

— Не знаю.

— Опять двадцать пять.

— Я в самом деле не знаю. Почему вам снится мельница, а вы там вообще никогда не были?

Холли приложила к бутылке с пивом, но не почувствовала особого просветления в голове.

— Может быть, вы проецируете на меня ваш сон. Для того чтобы установить связь и позвать меня к себе.

— Да зачем мне вас звать?

— Спасибо. Вы очень любезны.

— Как бы там ни было, я уже сказал и повторю еще раз: я не экстрасенс. У меня нет сверхъестественных способностей. Я всего-навсего орудие, инструмент в чьих-то руках.

— Тогда — это те же высшие силы. Они посылают мне ваш сон потому, что хотят, чтобы мы встретились.

Джим провел ладонью по лицу.

— Оставим это до завтра. У меня голова идет кругом.

— У меня тоже. Но еще полдевятого, и нам нужно о многом поговорить.

— Прошлой ночью я спал не больше часа, — сказал Джим. Он в самом деле выглядел смертельно усталым. Бритье и душ немного освежили его, но круги под глазами еще больше потемнели, а к побледневшему лицу так и не вернулся обычный цвет.

— Давайте вернемся к нашему разговору утром, — предложил Джим.

— Как бы не так. Я приду утром, а вы меня и в дом не впустите.

— Впущу.

— Это вы сейчас так говорите.

— Вы видите этот сон. Значит, тоже связаны со всем этим, нравится мне это или нет.

Его голос снова приобрел ледяной оттенок, который ясно показывал, что слова «нравится мне это или нет» на самом деле означали «хотя мне это совсем не нравится».

Несомненно, он привык жить в одиночестве. Виола Морено, которая относилась к нему, как к сыну, говорила, что, хотя ученики и коллеги любили Джима, глубокая неизбывная печаль отделяла его от других людей, а после ухода из школы он вообще перестал видаться с ней и друзьями по прежней работе. Да, Джим поражен, что они видят один и тот же сон, ее общество ему не неприятно, может быть, она ему даже нравится, но он так долго жил один,

что не может смириться с ее вторжением.

— Не пойдет. Я приду, а вас и след простыл.

У него не осталось сил, чтобы сопротивляться.

— Тогда оставайтесь ночевать.

— У вас найдется свободная спальня?

— Да. Но у меня нет лишней кровати. Можете лечь в гостиной. Там есть старый диван. Не думаю, что вам будет очень удобно.

Прихватив недопитую бутылку, Холли прошла в гостиную и критически осмотрела продавленный коричневый диван.

— Вполне.

— Смотрите сами. — Джим старался выглядеть равнодушным, но она почувствовала, что он притворяется.

— Как насчет лишней пижамы?

— Боже правый!

— Прошу прощения, но у меня с собой ее нет.

— Моя вам слишком велика.

— Ничего, так даже удобнее. И еще неплохо бы принять душ. А то я вся липкая от лосьона. Все-таки полдня на солнце.

С видом человека, неожиданно обнаружившего на крыльце самого нежеланного из своих родственников, Джим показал ей, где находится ванная, и вручил пижаму с полотенцами.

— Постарайтесь не шуметь, — предупредил он перед тем, как уйти. — Я ложусь через пять минут.

* * *

Стоя в клубах пара и нежась под горячими струями воды, Холли радовалась, что хмель не улетучивается. Хотя прошлой ночью ей удалось отдохнуть лучше, чем Айренхарту, за последнюю неделю она ни разу не выкроила на сон положенные восемь часов и надеялась, что после трех бутылок пива будет спать как убитая.

В то же время Холли беспокоил сумбур, царивший у нее в голове. Нужно привести мысли в порядок. Она в доме человека, о котором ей так мало известно и чья странность не оставляет никаких сомнений. Айренхарт — живая загадка за семью замками, и одному Богу известно, что творится в сердце, которое, похоже, перекачивает не кровь, а ужасные черные тайны. Впрочем, несмотря на холодность, Джим производит впечатление хорошего человека с добрыми намерениями. Трудно поверить, что от него может исходить угроза. С другой стороны, нередко встречаешь статьи, в которых кровавый маньяк, зверски умертвивший собственную семью, описывается соседями как «добрейшей души человек». Айренхарт называет себя Божьим посланником. Но кто знает, может быть, днем он рискует жизнью ради спасения незнакомых людей, а ночью при помощи дьявольских снадобий истязает беззащитных котят.

Несмотря на подобные опасения, закончив вытираться широким махровым полотенцем, источающим особый запах чистоты, Холли снова отхлебнула из бутылки, так как решила, что риск быть зарезанной в собственной постели ничто по сравнению с прелестью долгожданного ночного отдыха.

Она натянула пижаму, подвернув штанины и рукава.

Держа в руке бутылку, в которой осталось еще на пару глотков, тихо открыла дверь ванной и вышла в холл второго этажа. В доме стояла жуткая тишина.

Холли направилась к лестнице. Проходя мимо открытой двери хозяйской спальни, она заглянула внутрь. Одна из настенных ламп, расположенных по обе стороны кровати, отбрасывала на смятые простыни узкий клин желтого цвета. Джим лежал на спине, закинув руки за голову. Похоже, что он не спал.

Холли заколебалась, потом шагнула в открытую дверь.

— Спасибо, — сказала она полупшепотом, потому что не была до конца уверена, что он не спит. — Мне гораздо лучше.

— Хорошо.

Она вошла в спальню и пошла навстречу синим глазам Джима, в которых отражался свет ламп. Он был без пижамы, и надвинутая выше пояса простыня не мешала Холли увидеть, какая у него широкая грудь и сильные мускулистые руки.

— Я думала, вы уже спите.

— Хотел бы, но ничего не могу с собой поделать.

Взглянув на него сверху вниз, Холли сказала:

— Виола Морено говорит, что у вас постоянная печаль на сердце.

— Неплохо потрудились, а?

Она выпила маленький глоток пива. В бутылке остался еще один. Присела на край кровати.

— На ферме сейчас кто-нибудь живет?

— Все мои умерли.

— Простите.

— Бабушка — пять лет назад, а дед — спустя — восемь месяцев, точно он не хотел жить без нее. Они прожили долгую хорошую жизнь, но мне их недостает.

— У вас совсем никого не осталось?

— Два двоюродных брата в Акроне.

— Встречаетесь?

— Лет двадцать как не виделись.

Холли допила остатки пива и поставила пустую бутылку на ночной столик.

Некоторое время оба молчали. И в этом молчании не чувствовалось никакой неловкости. Наоборот, от него становилось хорошо и спокойно на душе.

Она поднялась и перешла на другую сторону кровати. Потянула край простыни и легла рядом с ним, положив голову на подушку. Он несколько не удивился. Она тоже. Спустя некоторое время их руки соединились. Они лежали бок о бок, глядя в потолок.

— Должно быть, это ужасно — потерять родителей, когда тебе всего десять лет.

— Не то слово.

— Из-за чего они погибли?

Он помедлил, прежде чем сказать.

— Попали в аварию.

— И ты стал жить с бабушкой и дедушкой.

— Да. Первый год было хуже всего. Я был... в плохом состоянии. Почти все время проводил на мельнице. Это было мое самое любимое место, там можно было играть, просто быть одному.

— Жаль, что мы не встречались в детстве, — сказала она.

— Почему?

Холли подумала о Норби, мальчике, которого она вытащила из-под саркофага перевернутых кресел.

— Я знала бы тебя совсем другим, счастливым, когда еще были живы твои родители. Они замолчали.

— У Виолы Тоже вечная печаль, — сказал Джим таким тихим голосом, что за стуком собственного сердца Холли едва расслышала его слова. — Может показаться, что она самая счастливая женщина в мире, но с тех пор, как во Вьетнаме погиб ее муж, ей уже ничего не нужно от жизни. Отец Гиэри, о котором я рассказывал, выглядит как типичный католический священник из сентиментального фильма тридцатых-сороковых годов, но, когда я его встретил, это был уставший человек, потерявший веру в свое призвание. А ты... такая красивая и веселая, собранная, деловая... Никогда бы не подумал, что в тебе есть такое упорство. Ты похожа на женщину, которая идет по жизни легко, без проблем, всегда по

течению. А на самом деле ты словно бульдог, который вцепляется в жертву мертвой хваткой.

Разглядывая блики света на потолке, чувствуя его сильную руку на своей ладони, Холли некоторое время обдумывала услышанное. Потом спросила:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Люди всегда сложнее... чем ты думаешь.

— Это как наблюдение... или предостережение?

Он удивился ее вопросу:

— Предостережение?

— Может, ты предостерегаешь меня, что и сам не тот, кем я тебя считаю.

— Может быть, — ответил он после долгой паузы.

Она взвесила его молчание. Потом сказала:

— Для меня это неважно.

Джим повернулся к ней, и Холли, с давно забытой девичьей робостью, прильнула к его груди. Первый поцелуй был легким и нежным, но три бутылки или три упаковки пива не оказали бы на нее такого дурманящего действия.

Холли осознала, что все это время обманывала себя. Она нуждалась в алкоголе не для того, чтобы успокоить нервы, а чтобы обрести решимость соблазнить его или быть соблазненной. Она почувствовала жуткое одиночество Джима и сказала ему об этом. Однако лишь сейчас ей открылась горечь собственного положения, лишь сейчас стало ясно, что овладевшее ею отчаяние вызвано не столько разочарованием в журналистике, сколько долгим беспросветным одиночеством.

Казалось, пижама испарилась, как исчезает одежда в эротических снах. С нарастающим возбуждением она гладила его тело, удивляясь, что прикосновение к мужской коже несет в себе столько сложных чувственных оттенков, вызывает такие поразительные ощущения и желания.

Холли не представляла, как это случится, мечтая о неистовой страсти, романтической нежности и чистом, жарком сексе, когда каждое сокращение мускулов подчиняется законам тончайшей гармонии, каждый рывок становится евангелием обоюдного согласия, двое сливаются в единое целое, а внутренние чувства захлестывают и вытесняют реальность окружающего мира. Ни одного лишнего слова или вздоха, только движение тел, в мистическом ритме которых скрыты отливы и приливы невидимых сил мироздания, возносящих биологический акт на пьедестал непостижимого таинства. Конечно, ее ожидания не оправдались. Все оказалось гораздо лучше, чем она могла себе представить.

* * *

Он повернулся спиной, она обняла его, и оба заснули, прижавшись друг к другу, как ложки в серванте, уложенные одна в одну. Когда они одновременно открыли глаза, то увидели, что еще ночь. Нет ничего страшнее одиноких ночей, но теперь с ними навсегда покончено. Он повернулся к ней, и она потянулась ему навстречу. Ими овладело еще большее возбуждение, они спешили, точно первый раз не только не утолил, а, наоборот, подобно героину, который вызывает потребность в следующей дозе, усилил, обострил их желание.

Холли показалось, что во взгляде Джима она видит чистое пламя его души. Он вошел в нее. Внезапная боль от царапины в боку напомнила Холли о когтях чудовища. У нее мелькнула странная мысль: глаза Джима излучают холод. Но это была только мгновенная реакция на боль и связанные с ней воспоминания о ночном кошмаре. Он обнял ее еще крепче, и Холли подалась навстречу, встречая жар его тела. От мимолетного ощущения холода не осталось и следа. Их тела выделяли достаточно тепла, чтобы рассеять непрочный образ ледяной души.

* * *

Мертвенно-бледный отсвет невидимой луны пробивался сквозь угольно-черные тучи, закрывшие ночное небо.

Все было не так, как в прошлых снах.

Холли стояла на посыпанной гравием дорожке, которая вела от пруда и кукурузного поля к двери старой мельницы. Над ее головой вздымалась известняковая башня, мрачные очертания которой наводили на мысль о ее нечеловеческом, неземном происхождении.

На зловещем небе, словно крест, чернели зазубренные крылья мельницы. Они не двигались, хотя неистовые порывы ветра собирали серебряную рябь на чернильной поверхности пруда и гремели стеблями кукурузы. Похоже, мельницей не пользовались уже много лет, и части ее механизмов основательно заржавели.

В узких окнах на чердаке мерцал грязно-желтый свет. Было видно, как за стеклами на известняковых стенах шевелились странные тени.

Никогда в жизни Холли не испытывала такого страха перед зданием. Она не хотела приближаться к мельнице, но не могла противиться колдовской силе, которая влекла ее к двери. Холли бросила взгляд на пруд, и что-то показалось ей странным.

Отражение мельницы в освещенном луной пруду. Холли повернулась, чтобы взглянуть: свет и тень на воде поменялись местами. Тень мельницы перестала быть темной геометрической фигурой, лежащей на филиграни лунного света. Она стала ярче поверхности пруда и светилась в ночи, хотя была отражением черной зловещей башни. Освещенные окна настоящей мельницы отражались в воде жуткими черными прямоугольниками, похожими на пустые глазницы черепа.

Крэк... крэк... крэк...

Холли взглянула вверх.

Огромные крылья мельницы затрепетали на ветру и тронулись. Задвигались ржавые шестеренки, и вслед за ними заходили жернова в большой камере.

Больше всего сейчас ей хотелось проснуться или, если это не удастся, подняться в воздух над посыпанной гравием дорожкой и лететь назад. Однако непреодолимая сила толкала Холли к мельнице. Гигантские крылья начали вращаться по часовой стрелке. Они набирали скорость и уже почти не скрипели. Холли представила, что это пальцы рук монстра, а зазубренные концы лопастей — его страшные когти.

Она достигла двери.

Холли не хотела входить. Она знала, что место проклято и внутри ее могут подстергать опасности пострашнее колодцев с огнем и серой из проповеди красноречивого священника. Если она откроет дверь, то живой оттуда уже не выйдет.

Крылья мельницы проносились всего в нескольких футах над головой Холли.

Сшшш, сшшш, сшшш, сшшш...

Словно находясь в трансе, который был сильнее ее ужаса, Холли открыла дверь. Перешагнула через порог. Дверь ожила, как оживают вещи в снах, массивная ручка вырвалась из ладони, и дверь со зловещим стуком захлопнулась у нее за спиной.

Она оказалась в большом темном помещении, где слышался грохот старых каменных жерновов.

Слева можно было различить ступеньки лестницы, ведущей наверх. Оттуда доносились визги, завывание и душераздирающие вопли, похожие на ночной концерт в джунглях. Правда, ни один из голосов не напоминал крик пантеры, обезьяны или гиены. Скорее эта какофония вызывала представление о писке насекомых, который пропустили через стереоусилители. Фоном служил глухой монотонный звук, который пульсировал и бился о каменные стены лестничной шахты. Холли преодолела только половину ступенек, как почувствовала, что у нее ломит все кости.

Она прошла мимо узкого окна и прижала лицо к стеклу. Под сводами ночи одна за другой с треском сыпались молнии. Темный пруд у подножия мельницы стал прозрачным, и казалось, что свет идет из толщи воды. Холли представила, что попала в павильон кривых зеркал. Она заметила на дне очертания странного предмета и прищурилась, пытаясь его

разглядеть, но свет внезапно погас.

Однако то, что она успела увидеть, промозглым холодом отдалось у нее в костях.

Она подождала в надежде, что снова станет светлее, но ночь оставалась непроницаемой, как деготь. Еще через несколько секунд хлынул черный дождь, и крупные капли забарабанили по стеклу. Холли поднималась по ступенькам, и с каждым шагом усиливался грязно-желтый свет, отблеск которого она увидела у подножия лестницы. В зеркале окна, за которым стояла непроглядная тьма, она разглядела свое расплывчатое отражение.

Но лицо на черном стекле принадлежало другой женщине, которая выглядела лет на двадцать старше Холли и была совершенно на нее не похожа.

Холли никогда не приходилось видеть сны, в которых она вселялась в тело другого человека. Теперь она поняла, почему ей не удалось убежать от мельницы и почему, несмотря на внутреннее сопротивление, она продолжает взбираться по лестнице. Это была не обычная беспомощность, которая превращает сон в ночной кошмар, а результат обладания чужим телом.

Женщина отвернулась от окна и продолжила путь наверх, откуда раздавались дьявольские крики, визги и шепоты, эхо которых долетало вместе с колеблющимся грязно-желтым светом. Известняковые стены глухо содрогались, точно мельница была живым организмом с огромным трехкамерным сердцем.

«Стой, назад, ты там погибнешь!» — крикнула Холли, но женщина ее не услышала, потому что Холли могла лишь наблюдать за происходящим, не в силах что-либо изменить.

Ступенька за ступенькой. Вверх по лестнице.

Распахнутая железная дверь.

Она перешагнула через порог и вошла в комнату с высоким потолком.

Первое, что бросилось ей в глаза, было испуганное лицо мальчика, который стоял в центре комнаты, прижав к бокам маленькие кулачки. У его ног горела толстая декоративная свеча на голубом блюде. Рядом лежала книжка, на яркой обложке которой она прочла слово «мельница».

— Помоги, мне страшно, стены, стены! — прошептал мальчик. Его прекрасные синие глаза потемнели от ужаса.

Она поняла, что не весь странный свет, заволакивающий комнату, идет от свечи. Светились стены, точно они были сделаны не из камня, а из прозрачного лучистого кварца янтарного оттенка. Она сразу заметила, что в стене скрывается живое светящееся существо, и поняла, что оно может двигаться внутри камня так же легко, как пловец в воде.

Стена вздулась и завибрировала.

— Он идет, — сказал мальчик. В его голосе явственно слышался испуг, но одновременно и странное лихорадочное возбуждение. — Его никто не сможет остановить.

Стена треснула. Огромные каменные блоки полопались, точно хрупкая мембрана яйца насекомого, и из зловонной жижи, возникшей на месте известняка, появился...

— Нет!

Холли проснулась от собственного крика.

Села на кровати. Что-то коснулось ее руки, и она рванулась в сторону. В утреннем свете, пробивающемся в спальню, она увидела, что рядом с ней Джим.

Сон. Всего лишь сон.

Однако, как и позапрошлой ночью в мотеле Лагуна-Хиллз, существо из ночного кошмара пыталось пробиться в реальный мир. На этот раз оно выбрало не стену, а потолок. Прямо над кроватью.

Белый потолок стал янтарно-коричневым, прозрачным и светящимся, как известняк мельницы. Из него сочилась ядовитая слизь, которая словно предвещала появление на свет отвратительного монстра.

Грозовые удары сердца чудовища сотрясали весь дом:

— Лаб-даб-ДАБ, лаб-даб-ДАБ...

Джим соскочил с кровати и натянул на себя брюки. Холли уже успела накинуть верхнюю часть пижамы, которая закрыла ее почти до колен. Она прижалась к Джиму, и оба они со страхом наблюдали, как вздувается и пульсирует кокон на потолке и внутри него бьется чудовище, пытающееся проломить прозрачную мембрану.

Страшнее всего было то, что все происходило при дневном свете, и сквозь неплотно закрытые ставни в спальню проникали лучи утреннего солнца. Глухая ночь — естественное время для появления чудовища извне, но всегда считалось, что солнечный свет прогоняет всех монстров.

Джим подтолкнул Холли к открытой двери.

— Бежим отсюда!

Но не успела она сделать и двух шагов, как дверь с треском захлопнулась. Как будто подчиняясь силе мощного полтергейста, старый комод из красного дерева отделился от стены и, едва не сбив ее с ног, с грохотом ударился в дверь. Ночной столик и кресло последовали за ним и, пролетев через всю спальню, забаррикадировали единственный выход.

Оставались еще окна на противоположной стене, но, чтобы до них добраться, нужно протиснуться под провисшим в центре потолком. Приняв как должное нелогичность утреннего кошмара, Холли содрогнулась при мысли, что придется прикасаться к жирному вибрирующему мешку, который может лопнуть и поглотить ее.

Джим потянул ее за собой к ванной, соединяющейся со спальней, и распахнул дверь ногой.

Холли заметалась в поисках выхода, но единственное окно было слишком мало и слишком высоко расположено.

Стены ванной не изменили своего обычного цвета и состояния, но они тоже сотрясались от глухих ударов сердца чудовища.

— Что это? — спросил Джим.

— Враг, — не думая ответила Холли, пораженная его незнанием. — Враг из ночного кошмара.

Белый потолок ванной стал внезапно темнеть, наливаясь багровой кровью и мутно-коричневой желчью. Гладкая стена ожила, начала пульсировать в ритме биения гигантского сердца.

Джим толкнул ее в угол, и она беспомощно съежилась за его спиной. Позади вздувшегося беременного потолка Холли увидела отвратительное шевеление, подобное неистовым судорогам миллионов огромных личинок.

Удары сердца усилились, от их грохота закладывало уши.

Холли услышала звук рвущейся материи. Ей хотелось сказать, что все это лишь плод ее воображения, но она слишком хорошо знала, насколько реален этот кошмар. И тихий обычный звук придал зрелищу жуткую достоверность, отличающую явь от сна или горячечного бреда. Дверь распахнулась настежь, и в этот же миг потолок лопнул и из трещин на них хлынул омерзительный поток внутренностей.

Но этот взрыв ярости оказался последним, силы тьмы наконец выдохлись, и снова воцарился день. Чудовища исчезли, и в открытую дверь Джим и Холли увидели пустую спальню, залитую солнечным светом. Потолок, который только что был живым и страшным, снова обрел свою обычную поверхность. Вот только в том месте, где лопнул чудовищный кокон, зиял черный пролом. На полу валялись щепки, обломки сухой штукатурки, комки изоляции из стекловаты. Но в этой груде мусора не было ничего живого.

Дыра в потолке поразила Холли до глубины души.

Позапрошлой ночью в мотеле стена тоже вздувалась и пульсировала, как живое существо, но с наступлением утра на ее ровной поверхности не осталось ни единой трещины. Единственное доказательство реальности ночных событий — царапины на коже, но любой психолог скажет, что она сама поцарапала себя во сне. Может, и теперь пыль осядет, и все окажется наваждением.

Однако беспорядок в ванной говорил об обратном. Висевшее в воздухе облако белой

пыли было самым что ни на есть настоящим.

Потрясенный Джим взял Холли за руку, и они прошли в спальню, где на белом гладком потолке не осталось никаких следов, но вся мебель была свалена у двери.

Безумие предпочитает темноту, но свет всегда был царством разума. Если пробуждающийся ото сна мир перестал быть убежищем и дневной свет не спасает от лютого кошмара ночи, никто и нигде не скроется от жестокого и неумолимого преследователя.

Глава 2

Тусклый свет единственной лампочки выхватывал из темноты пыльный пол маленького тесного чердака. В поисках разгадки пробоины в потолке Джим с фонарем тщательно исследовал все углы, прошел вдоль системы отопления и заглянул за обе печные трубы. Он и сам не знал, кого рассчитывает найти, но на всякий случай взял с собой револьвер. Существо, которое пробило дыру в потолке, не спустилось в ванную, и, следовательно, могло скрываться где-то наверху. Однако спартанский образ жизни не позволил Джиму забить чердак ненужным хламом, и в пустом тесном помещении под крышей было некуда спрятаться. Довольно скоро он убедился, что, если не считать пауков и небольшого семейства ос, чье гнездо прилепилось между балками потолка, чердак совершенно необитаем.

Покинуть это замкнутое пространство так же невозможно, как и укрыться в нем. Если не считать люка, через который он вошел, единственные отверстия в крыше — две короткие и узкие вентиляционные трубы, закрытые мелкой сеткой, которую можно снять, лишь открутив крепежные винты. Но все крепления были на месте.

На полу были настелены доски, но в некоторых местах их не хватало, и поверх потолочного перекрытия лежал только слой изоляции.

Джим осторожно приблизился к пролому и, заглянув вниз, увидел пол ванной, засыпанный щепками и штукатуркой. Когда потолок треснул, они с Холли стояли как раз на этом месте. Черт возьми, что все это значит? Наконец, решив, что дальнейшие поиски бесполезны, Джим направился к выходу, спустился на второй этаж и задвинул складную лестницу, которая одновременно служила крышкой люка.

Холли ждала его внизу:

— Ну как?

— Пусто.

— Я так и знала.

— Что вообще случилось?

— То же, что и во сне.

— Во сне?

— Ну да, ты же говорил, тебе тоже снятся сны про мельницу.

— Да.

— Тогда ты знаешь, как в стенах бьется сердце.

— Нет.

— И как они оживают.

— Понятия не имею! В моих снах я всегда оказываюсь на чердаке мельницы, горит свеча, за окном идет дождь.

Она вспомнила, какой у него был ошеломленный взгляд при виде вздувшегося потолка спальни.

— Во сне у меня появляется чувство, что ко мне приближается что-то неотвратимое, ужасное...

— Враг? — сказала Холли.

— Да. Но он никогда не настигает меня во сне. Я всегда успеваю проснуться.

Крадущейся походкой Джим прошел в спальню. Холли последовала за ним. Остановившись возле кучи опрокинутой мебели, которую ему пришлось отодвинуть от двери, он в оцепенении уставился на безупречно ровный потолок.

— Ведь я видел это своими глазами, — сказал он, словно боялся, что она ему не поверит.

— Знаю, — откликнулась Холли. — Я тоже видела.

Он повернулся к ней с видом такого отчаяния, какого она не замечала на его лице даже во время полета на борту обреченного «ДС-10».

— Расскажи мне, что ты видела во сне. Мне нужно знать все, даже самую мелочь.

— Чуть позже я все тебе расскажу. А сейчас лучше всего принять душ и переодеться. Мне хочется поскорее исчезнуть из этого дома.

— Да, пожалуй, ты права.

— Думаю, ты знаешь, куда нужно ехать. Он молчал, не решаясь ответить. Она сделала это за него:

— На мельницу.

Он кивнул.

Они вымылись вместе. Только для того, чтобы сберечь время, и еще потому, что после пережитых ужасов никому из них не хотелось оставаться в одиночестве. Холли подумала, что в более подходящей ситуации почувствовала бы приятное эротическое возбуждение. Теперь, если вспомнить бурно проведенную ночь, их чувства оказались на удивление платоническими.

Джим прикоснулся к ней, только когда они выбрались из-под душа и стали поспешно вытираться. Он наклонился к Холли и поцеловал ее в уголок рта.

— В какую историю я вас втянул, мисс Холли Торн?

* * *

Джим упаковывал чемодан, а Холли старалась держаться поблизости от него. Впрочем, она отважилась заглянуть в кабинет, находившийся по соседству со спальней. Комната имела нежилой вид, а поверхность письменного стола покрывал тонкий слой пыли.

Как и все в доме, обстановка кабинета отличалась аскетической простотой. Похоже, стол был куплен по дешевке на распродаже подержанной мебели. Возможно, там же хозяин дома приобрел и две лампы, кресло на колесиках и два книжных шкафа, которые стояли в углу, набитые потрепанными томами.

Все двести или более книг имели отношение к религии. Массивные тома по истории ислама, иудаизма, буддизма, христианства, индуизма, даосизма и синтоизма. Собрания сочинений Фомы Аквинского, Мартина Лютера, «Ученые и их боги», несколько версий переводов Библии. Холли увидела Коран, Тору, включающую Ветхий Завет и Талмуд, «Трипитаку» буддизма, «Агаму» индуизма, «Зенд-Авесту» зороастризма и «Веды» брахманизма.

Холли поразила удивительная полнота библиотеки Джима, но ее внимание сразу привлекли фотографии на стенах. Она насчитала около тридцати цветных и черно-белых снимков размером 8 на 10. На всех фотографиях были изображены три человека: прекрасная женщина с темными волосами, симпатичный мужчина с открытым лицом и ребенок, в котором Холли немедленно узнала Джима. Разве можно не узнать эти глаза! На одной из фотографий он был еще младенцем и лежал на руках у родителей, завернутый в одеяло.

Остальные снимки запечатлели мальчишку не младше четырех и никогда не старше десяти.

Когда ему было десять лет, его родители погибли. На одних фотографиях Джим снялся с отцом, на других с матерью. Очевидно, фотографировал тот из родителей, кого не было на снимке. С годами красота матери становилась совершеннее, волосы отца редели, но выглядел он все более счастливым, а Джим лицом пошел в мать и с возрастом превратился в очень красивого мальчика.

Часто семья фотографировалась на фоне достопримечательностей: шестилетний Джим с обоими родителями перед зданием Радио-Сити-мюзик-холла, Джим и отец в Атлантик-

Сити, Джим с матерью у знака «Большой Каньон» и величественный вид за их спинами, трое Айренхартов перед Замком Спящей красавицы в Диснейленде, Бил-стрит в Мемфисе, озаренный лучами солнца отель «Фонтенбло» в Майами-Бич, смотровая площадка с видом на гору Рашмор, Букингемский дворец в Лондоне, Эйфелева башня, Лас-Вегас, Ниагарский водопад. Где только они не побывали И каждый раз, независимо от того, кто фотографировал, они выглядели по-настоящему счастливыми. Ни одной фальшивой улыбки или выражения раздраженного нетерпения, которые так часто встретишь на фотографиях семейных альбомов. Часто Айренхарты даже не улыбались в объектив, а от души смеялись. Каждый жест, каждый взгляд ясно говорил, как эти люди любят друг друга.

Трудно представить, что маленький мальчик превратился в сурового Джима Айренхарта. Холли подумала, что трагическая смерть родителей наложила отпечаток на всю его последующую жизнь и беззаботный смеющийся мальчишка, которого она видела на фотоснимках, исчез навсегда.

Ее особенно заинтересовала одна черно-белая фотография. Она изображала мистера Айренхарта во фраке, сидящим на стуле с высокой прямой спиной. На коленях он держал семилетнего Джима, который тоже был во фраке. Миссис Айренхарт в блестящем вечернем платье, выгодно подчеркивающим ее стройную фигуру, стояла у мужа за спиной, положив руку ему на плечо. Фоном служила темная штора с искусно задрапированными складками.

В отличие от остальных снимков здесь явно чувствовалась опытная режиссерская рука профессионального фотографа.

— Они были просто замечательные, — раздался голос Джима. Холли и не услышала, как он появился в дверях кабинета. — Ни у кого в мире не было таких чудесных родителей.

— Вы объездили полсвета.

— Да. Все время в дороге. Они любили показывать мне новые места, хотели, чтобы я все увидел своими глазами. Из них бы вышли замечательные учителя.

— Чем они занимались?

— Отец был бухгалтером в «Уорнер бразерс».

— В киностудии?

— Да, — улыбнулся Джим. — Мы жили в Лос-Анджелесе. Мама мечтала быть актрисой, но ей редко удавалось найти хорошее место, и она большую часть времени работала официанткой в ресторане на Мелроуз-авеню. Это неподалеку от студии «Парамаунт».

— Для тебя это было счастливое время.

— Очень.

Холли указала на фотографию, которую особенно долго рассматривала:

— Какой-то особый случай?

— Даже когда это касалось только их двоих, например, была годовщина свадьбы, они всегда брали меня с собой, и все праздники мы отмечали вместе. Они всегда делали так, чтобы я чувствовал, как много для них значу, как сильно они меня любят. На этой фотографии мне семь лет. Я помню, какие планы они строили в тот вечер. Говорили, что проживут вместе еще сто лет и каждый год будет счастливее предыдущего. Мечтали завести еще много детей, купить большой дом, объездить весь мир и умереть в один день во сне. И всего три года спустя их не стало...

— Прости, я не хотела...

Джим вздохнул.

— Это было так давно. Прошло уже двадцать пять лет. — Он бросил взгляд на часы. — Пора идти. Уже девять, а нам еще четыре часа добираться до фермы.

* * *

По дороге они заехали в мотель Лагуна-Хиллз. Холли быстро переделалась в джинсы и голубую клетчатую блузку, сложила вещи в чемодан, и Джим отнес его в багажник машины.

Он остался за рулем «Форда», а Холли, ощущая на себе его взгляд, прошла к стойке администратора, чтобы вернуть ключи и оплатить счет. Конечно, если бы он не обращал на нее внимания, она почувствовала бы себя разочарованной, но от пристального взгляда Джима ей стало не по себе.

Она несколько раз оглянулась: он сидел неподвижно, словно каменное изваяние, наблюдая за ней сквозь черные стекла солнечных очков.

Холли спросила себя, не совершает ли она ошибку, отправляясь с ним в долину Санта-Инес. После того как она выйдет из мотеля и сядет в машину, Джим будет единственным человеком в мире, которому известно о ее местонахождении. Все блокноты с записями о нем — в чемодане. Они могут исчезнуть вместе с ней — одинокой женщиной, пропавшей во время отпуска.

Пока клерк выписывал счет, Холли быстро соображала, не позвонить ли родителям в Филадельфию и не рассказать ли, куда и с кем она едет. Хотя они только встревожатся, и ей потребуется не менее получаса, чтобы их успокоить.

Кроме того, Холли уже решила для себя, что в Джиме преобладает светлое начало и она последует за ним до конца. И если ей иногда становится не по себе от его взгляда... что ж, в конце концов именно это и привлекло ее в Джиме.

Витающее над ним чувство опасности только обострило и усилило ее интерес. В глубине души Джим Айренхарт — хороший человек.

И потом, глупо волноваться о собственной безопасности после того, как они провели ночь вместе. В отличие от мужчины, женщина воспринимает первую ночь, когда она отдает свое тело, как самое хрупкое и уязвимое звено в цепи их отношений. Конечно, если ею движет любовь, а не стремление удовлетворить физическую потребность. И Холли знала, что любит Джима.

— Я его люблю, — произнесла она вслух и удивилась, потому что убедила себя в том, что ее в первую очередь привлекли его поразительная мужская грация, животный магнетизм и таинственность.

Юный клерк, который услышал ее слова, широко улыбнулся Холли. Похоже, он не сомневался, что весь мир наполнен любовью.

— Это же замечательно, а?

Холли спросила его, подписывая счет:

— Вы верите в любовь с первого взгляда?

— А почему бы и нет?

— В общем-то, нельзя сказать, что у меня это с первого взгляда. Мы познакомились двенадцатого августа, то есть... прошло уже шестнадцать дней.

— И вы еще не женаты? — улыбнулся клерк. Холли вышла из мотеля и села в машину рядом с Джимом.

— Надеюсь, когда мы доберемся до места, тебе не захочется распилить меня циркулярной пилой и закопать возле мельницы?

— Ни в коем случае. Возле мельницы не осталось свободного места. Придется закапывать тебя по всей территории фермы. — Его притворно серьезный тон сказал ей, что он понял ее тревогу и не обиделся. Холли рассмеялась. Как глупо было его бояться.

Он наклонился к ней и поцеловал долгим чудесным поцелуем. Потом, когда они отодвинулись друг от друга, Джим сказал:

— Я рискую не меньше тебя.

— Уверяю, что у меня нет топора в чемодане.

— Я не шучу. Мне никогда не везло в любви.

— Мне тоже.

— На этот раз все будет по-другому Джим поцеловал ее снова. Поцелуй был более коротким, но показался ей слаще первого. Он завел машину, и они выехали со стоянки. Пытаясь растормошить в душе умирающего циника, Холли напомнила себе: он не сказал прямо, что любит ее. Его тщательно выбранная фраза ни к чему не обязывает. Возможно, он

не надежнее мужчин, с которыми ей приходилось сталкиваться раньше.

С другой стороны, ее слова отличались не меньшей расплывчатостью. Скорее всего в ней еще не пропала потребность защититься. Поэтому открыть сердце клерку оказалось куда легче, чем сказать о своей любви Джиму.

Остановившись у ближайшего универсама, они купили черничные оладьи с черным кофе и поехали в северном направлении по дороге на Сан-Диего. Утренние часы пик уже прошли, но на некоторых участках шоссе транспортный поток занимал все ряды и полз, как стадо коров, лениво бредущих на водопой.

Уютно устроившись в кресле, Холли, как и обещала, стала рассказывать Джиму о своих ночных кошмарах. Она начала с первого сна в ночь на пятницу, когда ее окружала полная темнота, и закончила кошмаром последней ночи, который был самым странным и самым страшным из всех.

Его заметно поразило, что Холли видела во сне мельницу, не подозревая о ее существовании. А в воскресенье после авиакатастрофы ей снилась мельница и он в образе десятилетнего мальчика, хотя она не могла знать, что в этом возрасте он провел немало времени на ферме деда.

Но наибольший интерес вызвал у Джима ее последний сон.

— Кто была эта женщина во сне? — спросил он, не отрывая глаз от дороги.

— Не знаю, — сказала Холли, дожевывая оладьи. — Я не знаю ее.

— Можешь ее описать?

— Я видела только отражение в окне. Боюсь, что этого недостаточно.

Она допила последний глоток кофе и на секунду задумалась. Вспомнить ночную сцену оказалось гораздо легче, чем она полагала. Обычно сны забываются очень быстро, но виденная ею картина вдруг встала перед ней с такой отчетливостью, будто все случилось не во сне, а на самом деле.

— Широкие скулы, красивое волевое лицо. Не приятное, а именно красивое, даже величественное. Широко посаженные глаза, полные губы. На правой щеке родинка. Не думаю, что это была просто точка на стекле. Такая маленькая круглая родинка. Кудрявые волосы. Тебе это кого-нибудь напоминает?

— Нет, — ответил Джим после некоторого раздумья, — пожалуй, что нет. А что ты видела на дне пруда, когда его осветило молнией?

— Я не успела хорошо рассмотреть.

— Опиши все, что запомнила. Холли подумала и покачала головой:

— Не могу. Я легко вспомнила лицо женщины, потому что во сне знала: передо мной лицо человека. Но на дне пруда лежало нечто... странное, что-то, чего я никогда не видела прежде. И потом, это длилось всего мгновение... Так, значит, в пруду что-то есть?

— Если и так, то мне об этом ничего не известно. Это не было похоже на затонувшую лодку?

— Нет, совсем не похоже. Гораздо больше. А что, в пруду затонула лодка?

— Я никогда об этом не слышал. Но вид пруда весьма обманчив. Он гораздо глубже, чем кажется, — сорок или пятьдесят футов в середине. Даже в самые засушливые годы он не только не высыхает, но и сохраняет свои размеры, потому что под ним не просто водоносный пласт, а артезианская скважина.

— А в чем разница?

— Водоносный пласт — это нечто вроде резервуара, скопление грунтовых вод, на которые ты натыкаешься, когда роешь колодец. Артезианские скважины встречаются реже. Чтобы их обнаружить, не нужно бурить землю, вода под давлением сама поднимается на поверхность, и ты тратишь уйму времени, чтобы ее остановить.

Транспортный поток поредел, но Джим не пошел на обгон, и «Форд» продолжал тащиться в хвосте у впереди идущих машин. Их разговор интересовал Джима больше, чем возможность выиграть время.

— Во сне ты, или та женщина, поднялась по лестнице вверх и увидела десятилетнего

мальчика. Ты сразу поняла, что это я?

— Да, — Я здорово изменился с тех пор, как мне было десять лет. Как же ты меня узнала?

— Я узнала твои глаза, — ответила Холли. — Они нисколько не изменились за эти годы. В них невозможно ошибиться.

— У многих людей голубые глаза.

— Ты шутишь, дорогой? Твои глаза так же похожи на глаза других людей, как голос Фрэнка Синатры на крикание Утенка Дональда.

— Ты не объективна. И что ты видела на стене?

Холли повторила свой рассказ.

— Он появился из камня? Дело становится все более странным.

— За последние дни я ни разу не соскучилась, — согласилась Холли.

Движение стало еще свободнее, и Джим наконец показал, что специальные курсы вождения не прошли для него даром. Он управлял машиной с ловкостью первоклассного жокея, летящего к финишу на породистом скакуне, и его «Форд», который был всего лишь стандартной моделью, повиновался хозяину с легкостью гоночного «Порше».

Теперь настало время Холли задавать вопросы.

— Почему ты миллионер, а живешь в таких условиях?

— Купил дом. Переехал. Бросил работу.

— Да. Но дом у тебя весьма скромный, а мебель вообще рассыпается от старости — Я искал не модную мебель, а убежище, где можно укрыться от посторонних глаз, отдохнуть в перерывах между... заданиями.

Некоторое время оба молчали, потом Холли спросила:

— Там, в Портленде, я сразу обратила на тебя внимание, а ты? Ты тоже меня сразу заметил?

Он улыбнулся, но продолжал следить за дорогой.

— А я вашей, мисс Торн.

— Вот и признался! — сказала польщенная Холли — Ты в самом деле хотел со мной познакомиться.

Всю дорогу от западной границы Лос-Анджелеса до Вентуры они весело болтали, но затем Джим почему-то сбавил скорость. Милю за милей они ехали все медленнее. Сначала Холли решила, что всему виной красота океанского побережья, вдоль которого тянулось шоссе. После Вентуры они ехали мимо Питас-Пойнт, Ринкан-Пойнт и пляжей Карпинтерии. Волны сливались с небесной синевой, солнце золотило песок. Картину всеобщего покоя и умиротворенности нарушал вид маленького белого серфера, танцующего в пене прибоя.

Наконец Холли заметила: Джим совсем не смотрит по сторонам, и поняла, что он чем-то обеспокоен. У нее закралось подозрение, что красоты природы здесь ни при чем и он просто хочу отдалить момент прибытия на ферму.

К тому времени, когда они свернули со скоростной магистрали на дорогу, ведущую в Санта-Барбару, проехали город и направились в предгорья Санта-Инес, настроение Джима изменилось не в лучшую сторону. Он заметно помрачнел и на ее вопросы отвечал коротко и рассеянно.

Горы сменились позолоченными солнцем холмами, на которых попадались заросли калифорнийского дуба и белые заборы ранчо. Местность заметно отличалась от усеянной фермами долины Сан-Хоакина и других сельскохозяйственных районов. Хотя время от времени здесь тоже встречались крупные виноградники, большинство владений принадлежало богачам из Лос-Анджелеса, занятым созданием красочного антуража, а не заботами о хлебе насущном.

— Перед тем как ехать на ферму, нам надо остановиться в Нью-Свенборге и кое-чем запастись.

— Чем запастись?

— Не знаю. Но, когда мы туда приедем, я буду знать... что нам нужно.

Они обогнули озеро Кагума, пересекли дорогу на Солванг и миновали пригороды Санта-Инес. Не доезжая до Лос-Оливоса, зеленый «Форд» свернул на восток и некоторое время спустя въехал в Нью-Свенборг — ближайший населенный пункт от фермы Айренхартов.

В начале девятнадцатого века датчане со Среднего Запада переселились в долину Санта-Инес с намерением создать оазис датской национальной культуры. Наиболее успешным воплощением их замысла стал городок Солванг, который благодаря своеобразной архитектуре, магазинам и ресторанчикам превратился в оживленный туристический центр. Однажды Холли даже довелось писать статью об этом датском городе в Калифорнии.

В отличие от Солванга Нью-Свенборг, население которого не превышает двух тысяч жителей, лишен подчеркнуто датского облика. Холли с любопытством рассматривала оштукатуренные стены унылых бунгало с белыми каменными крышами, обшитые досками техасские дома с некрашеными ступеньками и белые викторианские строения с позолоченным парадным крыльцом, стоящие неподалеку от датских бревенчатых домиков с оловянными оконными рамами.

Она насчитала с полдесятка ветряных мельниц, крылья которых четко вырисовывались на фоне августовского неба. Город мог служить примером калифорнийского смешения стилей, которое иногда рождает непредсказуемо прекрасную гармонию, но в Нью-Свенборге обернулось мрачным диссонансом.

— Здесь я провел остаток детства и вырос, — сказал Джим, когда они проезжали по тихой тенистой улице.

Холли подумала, что угрюмость Джима вызвана не только семейной трагедией, но и жизнью в таком городе.

Впрочем, она была права лишь отчасти. Вдоль улиц росли деревья с раскидистыми кронами, очаровательные уличные фонари напоминали о добром старом времени, а тротуары походили на изящные ленты из стертого кирпича. Казалось, двадцать процентов Нью-Свенборга появилось прямо со страниц романов Брэдбери о Среднем Западе, а остальная часть пришла из фильмов Дэвида Линча.

— Давай я немного покажу тебе город, — предложил Джим.

— Нам лучше поспешить на ферму.

— Она всего в двух милях отсюда, мы доберемся до нее за несколько минут.

Для Холли это был еще один аргумент в пользу предложения сразу ехать на ферму. Они провели в пути несколько часов, и она устала.

Однако, почувствовав в его тоне не стремление отсрочить поездку на ферму, а подлинное желание показать ей город, Холли удержалась от новых возражений. Кроме того, ее заинтересовал рассказ Джима. Она уже привыкла, что он не любит говорить о себе, но иногда случайно оброненные фразы могут приоткрыть неизвестные грани его личности.

Они проехали мимо аптеки Хандала на восточном конце Главной улицы, куда местные жители приходят за лекарствами, если только они не пожелают прокатиться двадцать миль до Солванга.

В одном здании с аптекой находились один из двух ресторанов города, который, по словам Джима, был известен своей содовой, а также почта и единственный в Нью-Свенборге газетный киоск. Высокая многоярусная крыша цвета меди и косые окна придавали зданию весьма привлекательный вид.

Джим припарковал машину напротив городской библиотеки, занимавшей маленький викторианский домик за зеленой изгородью. На свежеекрашенных стенах было меньше позолоты, чем на соседних зданиях. У входа на высоком медном столбе развевались флаги Соединенных Штатов и Калифорнии. В целом библиотека произвела на Холли весьма скромное впечатление.

— Удивительно, что в таком городишке вообще есть хоть какая-то библиотека, — сказал Джим. — И я благодарю Бога за это. Сколько раз я приезжал сюда на велосипеде... Возможно, если сложить все мили, которые я проехал, получится чуть ли не кругосветное

путешествие. После того как умерли родители, книги заменяли мне друзей, советчиков, врачей. Только благодаря им я не сошел с ума. Миссис Глинн, которая работала здесь библиотекарем, была замечательной женщиной. Она умела на равных разговаривать с робким, неуклюжим подростком. Не выходя из этого дома, она показала мне удивительные страны и далекие эпохи.

Холли никогда не слышала, чтобы он о чем-то говорил с такой любовью и мечтательностью. Несомненно, библиотека и миссис Глинн оставили в душе Джима глубокие приятные воспоминания.

— Почему бы нам не войти? Ей наверняка будет приятно, — предложила Холли. Он нахмурился:

— Я думаю, она давно здесь не работает. Может быть, ее уже нет в живых. Прошло двадцать пять лет с тех пор, как я впервые сюда пришел, и восемнадцать лет, как я поступил в колледж и уехал из города. С тех пор я ее не видел — Сколько ей было лет? Он замаялся, потом сказал.

— Довольно много, — и, словно стремясь положить конец разговору, завел машину и выехал со стоянки.

Они достигли «Садов Тиволи». Маленький сквер, стиснутый двумя центральными улицами, был пародией на собственное пышное название. Ни фонтанов, ни музыкантов, ни танцев, ни пива. Ничего, кроме нескольких цветочных клумб, травяного газона и двух скамеек на фоне хорошо сохранившейся ветряной мельницы.

— Почему крылья не двигаются? — спросила Холли. — Ведь сейчас дует ветер.

— Все эти мельницы не работают уже много лет, — пояснил Джим. — А раз они только для красоты, какой смысл слушать их постоянный скрип? Поэтому механизмы давным-давно остановлены.

Когда они миновали сквер и повернули на соседнюю улицу, Джим добавил:

— Однажды на этом месте снимали кино.

— Кто?

— Какая-то киностудия.

— Из Голливуда?

— Не помню.

— Как она называлась?

— Я забыл.

— И кто из актеров снимался в фильме?

— Известных артистов не было.

Холли про себя отметила его уклончивость и предположила, что съемки фильма имеют большее значение, чем пытается показать Джим. Небрежность, с которой он упомянул об этом событии, и немногословные ответы на последующие вопросы заставили ее насторожиться.

Они въехали в юго-восточную часть Нью-Свенборга. Холли увидела большой гараж из гофрированного металла, установленный на бетонное основание, и перед ним две грязные машины. Здание неоднократно перекрашивалось, но в последний раз это делали много лет назад. Поэтому стены во многих местах облупились, на железе проступили пятна ржавчины, и окраска гаража приобрела вид военного камуфляжа. Асфальт на стоянке перед входом потрескался, многочисленные рытвины были заполнены гравием и щетинились клочьями жесткой сухой травы.

— Я учился в школе вместе с Недом Заккой, — сказал Джим. — Его отец Верной был хозяином этого гаража. Ремонт автомобилей и тогда был не самым доходным делом, но раньше здание выглядело куда лучше.

Большие, как у ангара, двери были раздвинуты, и в глубине темного помещения блеснул бампер старого «Шевроле». Хотя гараж имел вполне безобидный вид, Холли, бросив взгляд в его сумрак, поежилась.

— Нед был порядочной скотиной, — сказал Джим. — Стоило ему захотеть, и твоя

жизнь превращалась в ад. Я жил в постоянном страхе.

— Жаль, что ты в то время не знал таэквондо, а то бы показал ему, где раки зимуют.

Джим не улыбнулся. На его лице появилось странное выражение, и, глядя мимо нее на двери гаража, он произнес:

— Действительно жаль.

Снова взглянув на здание, Холли заметила мужчину в майке и джинсах, который вышел из темноты и в сером сумеречном свете прошел мимо «Шевроле», вытирая руки тряпкой. Он находился в недостижимости солнечных лучей, и Холли не разглядела его лица. Серый человек сделал несколько шагов вокруг машины и исчез в сумраке гаража, нереальный, точно привидение в лунном свете кладбища.

Почему-то она сразу поняла, что это Нед Закка. И, хотя он представлял угрозу для Джима, а не для нее, Холли почувствовала, как вспотели ладони и стало пусто в желудке.

Джим надавил на акселератор, они развернулись перед гаражом и поехали к центру города.

— Что плохого тебе сделал Закка?

— Все, до чего мог додуматься этот маленький садист. Потом он пару раз попадал в тюрьму, но сейчас уже вернулся.

— Откуда тебе известно? Он пожал плечами.

— Сам не знаю. Почувствовал. К тому же он из тех парней, которые всегда выйдут сухими из воды. Нед Закка может проколоться на какой-нибудь мелочи, но никогда не попадает по-крупному. Он туп, но хитрости ему не занимать.

— Зачем мы туда ездили?

— Воспоминания.

— Обычно, когда у людей появляется ностальгия, их интересуют только приятные воспоминания.

Джим ничего не ответил. Еще до приезда в Нью-Свенборг он ушел в себя, как черепаха, которая прячется в панцирь. Его мрачное настроение напомнило Холли вчерашний вечер.

Короткая экскурсия по городу не принесла ей облегчения, наоборот, у нее появилось странное чувство потерянности. Холли понимала, что все еще находится в Калифорнии, в каких-нибудь шестидесяти милях от Санта-Барбары, что в самом Нью-Свенборге живет почти две тысячи человек — намного больше, чем в маленьких населенных пунктах, разбросанных вдоль автострады. И тем не менее она не могла избавиться от гнетущего ощущения полной психологической изоляции.

Они остановились возле заправной станции, в здании которой размещался магазин для рыбаков и туристов, а также небольшой, но хороший супермаркет, где можно было купить пиво и вино. Холли залила полный бак и присоединилась к Джиму, который уже направился в магазин.

Небольшая комната оказалась забита товарами, которые заполняли стеллажи, свисали с потолка и лежали на покрытом линолеумом полу. У самой двери были развешены рыболовные снасти. Пахло резиновыми сапогами.

Она увидела Джима возле кассы. Перед ним лежала гора покупок: пара дорогих спальных мешков с надувными матрасами, лампа и к ней банка масла, термос-холодильник, два больших фонаря, упаковки батареек и что-то еще. Бородатый продавец в очках с толстыми стеклами выбивал чек, а Джим стоял с открытым бумажником.

— Я думала, мы едем на мельницу, — заметила Холли.

— Едем, — ответил Джим. — Но, если ты не собираешься спать на голом полу, нам понадобится кое-что из этих вещей.

— Я не предполагала, что мы там заночуем.

— Я тоже. До тех пор пока не вошел сюда и не услышал, как прошу продавца показать спальный мешок.

— Разве нельзя остановиться в мотеле?

— Ближайший — за Санта-Инес.

— Далековато, конечно, но доехать можно, — сказала Холли, готовая отправиться куда угодно, лишь бы не ночевать на мельнице.

Ее беспокоило не отсутствие комфорта, а то, что с этим местом были связаны их ночные кошмары. Кроме того, с тех пор как они приехали в Нью-Свенборг, Холли не покидало ощущение тревоги.

— Что-то должно случиться, — сказал Джим. — Не знаю что, но чувствую — это должно произойти именно на мельнице. Мы получим... ответы на наши вопросы. Надо только запастись терпением.

Хотя идея поездки принадлежала именно ей, Холли внезапно расхотелось получать какие-либо ответы. Ею овладело смутное предчувствие черной кровавой трагедии. Похоже, Джим, напротив, избавился от груза тягостных воспоминаний и воспрянул духом.

— Хорошо, что мы туда едем. Я это чувствую, Холли. Понимаешь, о чем я говорю? Мне сказали, что мы сделали правильно, когда приехали сюда. Впереди нас поджидает что-то страшное, может быть, очень серьезная опасность, но в то же время мы найдем то, что ищем.

Глаза Джима блестели от возбуждения. Таким она его не видела даже в ночь их любви. Высшие силы вступили с ним в контакт, и Холли чувствовала его восторженное состояние.

— Я чувствую... как меня охватывает странное ликование, чувствую, что нас ждут чудесные находки, открытия...

Бородатый продавец снял очки и протянул им чек. Улыбаясь, спросил;

— Молодожены?

В супермаркете они купили лед для термоса, апельсиновый сок, содовую, хлеб, горчицу, колбасу «болонья» и сыр.

— Последний раз, — удивленно сказала Холли, — я ела «болонью», когда мне было четырнадцать лет.

— А как насчет этого? — Джим взял с полки и бросил в корзинку пачку пирожных в шоколаде. — Бутерброды с «болоньей», пирожные в шоколаде... и, конечно, картофельные чипсы. Какой же пикник без чипсов! Берем вот эти, с завитушками, хорошо? И еще немного сыра. Чипсы с сыром — очень вкусно!

Она никогда не видела его таким веселым, по-мальчишески жизнерадостным. Можно подумать, он отправляется с друзьями в увлекательную экспедицию.

Холли спросила себя, не заблуждается ли она насчет собственных мрачных предчувствий. В конце концов, события прошедших дней доказали, что Джим никогда не ошибается. Возможно, им действительно удастся раскрыть тайну его чудесных способностей и даже встретиться с высшими силами, о которых он рассказывал. Может быть, возможности Врага, несмотря на умение проникать из сновидений в реальный мир, не столь безграничны, как кажутся.

Когда продавец уже сложил их покупки в пакеты и отсчитывал сдачу, Джим сказал:

— Подождите минутку, я кое-что забыл. Он поспешил в дальний конец магазина и вернулся с двумя желтыми блокнотами для письма и черным фломастером.

— Они нам сегодня понадобятся, — сказал он Холли.

Они положили вещи в машину и тронулись в путь.

— Для чего они нам? — спросила Холли, указывая на блокноты и фломастер, уложенные в отдельный пакет.

— Не имею ни малейшего представления. Просто мне стало ясно, что их надо купить.

— Вполне в стиле Бога, — заметила Холли. — Таинственно и непонятно.

— Я не совсем уверен, что со мной разговаривает Бог, — немного помолчав, отозвался Джим.

— Да? Почему ты так решил?

— Твои вчерашние слова заставили меня призадуматься. Если Бог не хотел смерти Ника О'Коннора, почему он не сделал так, чтобы взрыва не было? Зачем понадобилось посылать меня на другой конец страны? И как это он решил спасти больше пассажиров только потому, что этого захотел я? Я задавал себе эти вопросы и раньше, но ты не приняла

простых объяснений, которые устраивали меня.

Джим на секунду оторвал взгляд от дороги, улыбнулся Холли и повторил ее вчерашний вопрос:

— Что, у Бога семь пятниц на неделе?

— Мне казалось...

— Что?

— Ну, Ты был так уверен, что за всем этим скрыта рука Божественного провидения. Я думала, другое объяснение будет для тебя ударом.

Он покачал головой.

— Нет. Я всегда с трудом воспринимал мысль, что моими поступками движет Господь. Совершенно сумасшедшая идея, но что еще мне оставалось? Лучшего объяснения не было. Его нет и сейчас. Однако я подумал об одной странной и чудесной возможности. Если я окажусь прав. Бог действительно ни при чем.

— Что это за возможность?

— Об этом еще рано говорить. — По его лицу скользнули солнечные блики, пробившиеся сквозь кроны тенистых деревьев и пыльное ветровое стекло. — Я хочу все хорошенько обдумать перед тем, как тебе рассказать. Мне известно, каким неумолимым судьей ты бываешь.

Он выглядел по-настоящему счастливым. Холли полюбила Джима с первого взгляда. Ее не отпугнула его угрюмая настороженность, потому что, почувствовав за внешней суровостью добрую и нежную душу, она поняла: он гораздо лучше, чем хочет казаться. А сейчас, в таком настроении, Джим нравился ей как никогда.

Она игриво ущипнула его за щеку.

— Как это понимать? — спросил он.

— Ты сводишь меня с ума.

Когда они выехали из Нью-Свенборга, Холли пришло в голову, что план города скорее напоминает лагерь первых поселенцев, чем современный населенный пункт. В большинстве городов здания в центре построены плотнее, чем на окраинах, последние дома, которых плавно переходят в окрестные холмы и поля. В Нью-Свенборге все было иначе. Город обрывался как-то сразу, неожиданно, и за городской чертой начиналась поросшая кустарником пустошь, отделенная от домов только противопожарной полосой. Увиденное зрелище напоминало Холли форты на Диком Западе, построенные пионерами для защиты от нападений бандитов и индейцев.

Хотя изнутри Нью-Свенборг казался зловещим хранителем темных тайн, издали он выглядел не пугающим, а испуганным, как будто в глубине души жители знали о страшной неотвратимой опасности, поджидающей их за пределами города.

Возможно, больше всего они боялись огня. Как и повсюду, неорошенная земля вокруг города высохла и потрескалась.

Природа долины, протянувшейся от гор Санта-Инес до предгорий Сан-Рафаэля, разнообразнее, чем во многих восточных штатах, но с начала весны здесь не было ни одного дождя, и вся земля стала бурой и безжизненной. Дорога шла мимо золотистых холмов и коричневых лугов, из-за которых открывался вид на невысокие горы, густо поросшие колючим кустарником, дубовые рощи в маленьких долинах и крохотные зеленые виноградники среди огромных высохших полей.

— Смотри, как красиво, — сказала Холли, указывая на луга, холмы и вершины гор, скрытые золотистой дымкой. Даже дубы, растущие в менее засушливых урочищах, утратили ярко-зеленый цвет и казались серебристыми. — Красиво, но чертовски опасно. Не представляю, что будет, если начнется пожар.

Едва она это произнесла, как дорога сделала поворот и они увидели черную полосу обугленной земли, на которой вся растительность превратилась в серый пепел и сажу. После пожара прошло не более двух дней, и в жарком воздухе пахло гарью.

— Не успело разгореться, — сказал Джим. — Погибло не больше десяти акров.

Здесь пожарные свое дело знают. Чуть задымилось — они уже тут как тут. Кроме того, есть группа добровольцев в городе, станция Департамента лесного хозяйства и наблюдательные посты. Живя здесь, все время помнишь об опасности и спустя какое-то время понимаешь, что с нею можно бороться.

Уверенный голос Джима и то обстоятельство, что он прожил в этих краях семь или восемь лет, поколебали опасения Холли. Однако даже после того, как они миновали место пожара и перестали чувствовать запах гари, у нее в голове продолжал вертеться образ огромной ночной долины, полыхающей в огне. Она представляла оранжево-красные вихри пламени, которые, извиваясь, точно торнадо, пожирают все живое на своем пути.

— Ферма Айренхартов, — сказал Джим, и она вздрогнула, очнувшись от своих мыслей. Машина замедлила ход. Холли приникла к стеклу.

Футах в ста от дороги позади сухого лужка стоял простой, но уютный дом с красной крышей и широким крыльцом. Можно было подумать, что его сняли с фундамента и перенесли в Калифорнию со Среднего Запада, где в штатах Кукурузного Пояса встречаются тысячи похожих домиков. Слева от дома виднелась красная крыша небольшого сарая с потемневшим от времени флюгером в форме повозки, запряженной лошастью.

За сараем был пруд, позади которого высилось самое заметное здание на ферме — ветряная мельница.

Глава 3

Джим поставил «Форд» между домом и сараем и, словно подчиняясь невидимой силе, вышел из машины. Он не ожидал, что вид старой фермы так сильно на него подействует. Кровь прихлынула к щекам, появилось ощущение пустоты под ложечкой. После духоты машины, в которой было жарко, несмотря на включенный кондиционер, Джим жадно вдохнул свежий воздух. Почувствовав внезапную слабость, он приказал себе успокоиться.

Он взглянул на слепые окна дома и ощутил лишь сладкое томление в груди. Со временем оно могло бы перерасти в тревожную грусть или даже отчаяние, но сейчас он остался спокоен, а когда отвернулся от дома, у него не возникло бессознательного желания оглянуться.

Вид сарая тоже не вызвал в нем особого трепета, но, когда Джим перевел взгляд на известняковый конус мельницы, ему показалось, что он сам превращается в камень, подобно несчастным, увидевшим лицо горгоны Медузы.

Джим прочел миф о Медузе много лет назад в одной из книг, которые давала ему миссис Глинн. В те дни он всем сердцем желал повстречать женщину со змеиными волосами и стать бесчувственным камнем...

— Джим! — окликнула его Холли с противоположной стороны машины. — С тобой все в порядке?

Помещения мельницы, особенно первый этаж, имели очень высокие потолки, и ее двухэтажное здание не уступало по высоте четырехэтажному дому. Однако Джиму показалось, что над ним навис огромный каменный небоскреб. Некогда светлые стены потемнели от времени, а шероховатости и выбоины в камне цепко оплели густой плющ, корни которого питал соседний пруд. Его зеленые ветви вились по всей стене заброшенного здания, закрывая узкое окно первого этажа и тяжелую деревянную дверь. Длинные широкие крылья мельницы, которые прогнили и местами потрескались, застыли намертво, но не в форме распятия, а крест-накрест, как буква «икс». С тех пор как он был здесь в последний раз, их деревянные лопасти пришли в еще большую негодность. Даже в ярком дневном свете мельница казалась огромным страшным пугалом, распростершим над землей тонкие руки скелета.

— Джим! — Холли дотронулась до его плеча. Он вздрогнул и отдернул руку, как будто впервые ее увидел. На какой-то миг ему показалось, что перед ним лицо давно умершей...

Но наваждение сразу прошло. Перед ним Холли, и она совсем не похожа на женщину из

сна.

— С тобой все в порядке? — повторила она свой вопрос.

— Да, конечно... просто все здесь напоминает о прошлом.

Джим испытал благодарность к ней за то, что она отвлекла его внимание от мельницы, указав на дом со словами:

— Тебе было хорошо здесь?

— Лена и Генри Айренхарты были замечательными людьми. Они взяли меня к себе, и это принесло им много страданий.

— Страданий? — удивилась Холли. Он понял, что употребил слишком сильное слово, и удивился, что оно сорвалось у него с языка.

— Я имел в виду, что они многим пожертвовали, когда взяли меня к себе.

— Взять на воспитание десятилетнего мальчика — дело нелегкое, — сказала Холли. — Но не думаю, что это было жертвой с их стороны, если, конечно, ты все время не требовал икру и шампанское.

— После того, что случилось с родителями, я был в очень плохом состоянии. Ушел в себя, ни с кем не хотел разговаривать. Они потратили много усилий, времени... чтобы вернуть меня к... жизни.

— Кто здесь сейчас живет?

— Никто.

— Но ты же сказал, бабушка с дедушкой умерли пять лет назад?

— Ферму не продали. Не нашлось покупателей.

— И чья она сейчас?

— Моя. Перешла по наследству.

Холли озадаченно посмотрела на ферму.

— Странно. Дом очень милый. Если полить лужок, выполоть сорняки, здесь будет чудесное место. Почему ферму так трудно продать?

— Во-первых, даже самые великие любители природы, которые мечтают стать ближе к земле, не хотят забираться в такую глушь. Им нужна ферма, но только поблизости от кинотеатров, магазинов, ресторанов и станций автосервиса.

— А в тебе прячется забавный маленький циник, — рассмеялась Холли.

— Кроме того, ферма слишком мала, и, чтобы себя прокормить, нужно работать в поте лица. На сотне акров коров не разведешь, пшеницу не посадишь. Мои старики держали куриц и продавали яйца. Климат у нас мягкий, и они два раза в год, в феврале и мае, собирали урожай клубники. Этим и жили. Еще выращивали кукурузу, помидоры. Причем настоящие, а не пластиковые, как в супермаркетах.

Он видел, что, несмотря на его слова, Холли очарована этим местом. Она стояла, уперев руки в бока, и оглядывалась по сторонам с видом приценивающегося покупателя.

— Но почему обязательно фермеры? Неужели не найдутся люди, которые просто захотят поселиться в тихом уютном уголке?

— Не забывай, что здесь не Ньюпорт-Бич или Беверли-Хиллз. Здешние жители не станут сорить деньгами, чтобы поспеть за модой. Единственная надежда — найти богатого продюсера или директора студии из Лос-Анджелеса, который купит ферму ради земли, построит что-нибудь экзотическое и будет хвастаться, что в Санта-Инес у него есть местечко для отдыха. Сейчас это очень престижно.

Они разговаривали, и одновременно росло его внутреннее напряжение. Было еще очень светло — часы показывали три часа, но он со страхом думал о приближении ночи.

Холли прошла вдоль дороги к дому и несколько раз пнула жесткие, как проволока, сорняки, торчащие из многочисленных трещин в асфальте.

— Небольшая уборка не повредит, а в остальном все в очень хорошем состоянии. Они умерли пять лет назад? Дом и сарай выглядят так, будто их красили год назад.

— Так и есть.

— Поддерживаешь товарный вид?

— Конечно, почему бы и нет?

Высокие горы на западе поглощают день быстрее, чем океанские волны Лагуна-Нигель. В Санта-Инес сумерки наступают раньше, хотя и дольше длятся. Джим смотрел на пурпурные тени заходящего солнца с ужасом героя фильма о вампирах, который спешит спрятаться, пока не распахнулась крышка гроба.

«Что со мной?» — с тревогой спросил он себя.

— Ты никогда не думал о том, чтобы здесь поселиться?

— Никогда! — Ответ прозвучал так резко и неожиданно, что заставил вздрогнуть не только Холли, но и его самого. Словно повинувшись притяжению магнита, Джим снова посмотрел на мельницу.

Он почувствовал на себе взгляд Холли.

— Джим, — тихо произнесла она, — что здесь случилось? Ради Бога, скажи, что произошло на мельнице двадцать пять лет назад?

— Я... не знаю... — Голос его дрогнул. Он провел ладонью по холодному влажному лицу. — Ничего особенного. Здесь я играл... было тихо, хорошо... Ничего не случилось. Ничего.

— Вспомни, — настойчиво сказала Холли. — Что-то должно было случиться.

* * *

Они провели вместе совсем немного времени, и Холли не знала, как относиться к резким переменам в настроении Джима, которые напоминали поездку на «американских горках». По мере того как они приближались к Санта-Инес, он все больше мрачнел, но потом, в универсаме, куда они заехали купить продукты, снова пришел в себя и развеселился. Однако появление на ферме стало для Джима холодным душем, а вид мельницы совершенно его добил.

Несмотря на удивительные способности Джима, Холли серьезно беспокоилась о его состоянии и хотела ему помочь. Она уже начала сомневаться, что поступила правильно, настояв на этой поездке. Журналистская карьера при всех ее недостатках приучила Холли кидаться в гущу событий, хватать удачу и мчаться с ней, как с футбольным мячом, к цели. Но, возможно, на этот раз ситуация требовала большего благоразумия, спокойствия и осмотрительности.

Они сели в «Форд» и поехали вокруг пруда. Холли вспомнила последний сон и широкую, посыпанную щебнем дорожку, по которой в прежние времена ездили на повозках, запряженных лошадьми. «Форд» остановился у подножия мельницы.

Холли вышла из машины и очутилась в двух шагах от железного забора, за которым начиналось заброшенное кукурузное поле. Окинув взглядом редкие стебли, торчащие из сухой земли, она обошла вокруг машины и присоединилась к Джиму, стоявшему на берегу пруда.

Неподвижная серо-зеленая гладь напоминала огромную плиту шифера. В воздухе низко летали стрекозы и мошки. Они опускались на поверхность пруда, вызывая едва заметную рябь. У самого берега, где густо росли водоросли и пампасная трава, можно было различить очень слабое течение, от которого вода не двигалась, а лишь таинственно мерцала.

— Ну как, все еще не можешь вспомнить, что видела во сне? — спросил Джим.

— Нет. Наверное, это не так уж важно. Не все во сне имеет значение.

— Это имеет значение, — произнес он тихим голосом, как будто обращаясь к самому себе.

Вода в пруду не была ни мутной, ни прозрачной. Холли подумала, что ее толща почти не просматривается. По словам Джима, в центре глубина не менее пятидесяти-шестидесяти футов — вполне достаточно, чтобы скрыть от глаз все что угодно.

— Давай осмотрим мельницу, — предложила Холли.

Джим достал из машины фонарь и вставил батарейки.

— Внутри всегда темно, даже днем. Дверь находилась в стене маленькой пристройки, примыкавшей к коническому зданию мельницы, подобно коридорчику эскимосского иглу. Она была не закрыта на замок, но покосилась, и ее петли заржавели. Джиму пришлось приналечь изо всех сил, прежде чем дверь поддалась и с треском и пронзительным визгом распахнулась.

Короткий коридор пристройки привел их в главное помещение мельницы, диаметр которого составлял около сорока футов. Сквозь узкие окна в толстых стенах внутрь просачивался слабый свет. Грязные стекла, точно фильтры, поглощали его летнюю яркость, придавая солнечным лучам серый зимний оттенок, отчего в комнате становилось еще мрачнее. Большой фонарь Джима выхватывал пыльные, затянутые паутиной части механизмов, назначение которых было совершенно непонятно Холли. С таким же чувством она могла бы осматривать турбинный отсек атомной подводной лодки. Все эти устаревшие достижения техники прошлого — неестественно огромные и сложные деревянные балки, зубчатые колеса, рычаги, жернова и гнилые канаты, — казалось, были сделаны не людьми минувшего века, а иными существами, стоящими на низкой ступени развития.

Джим вырос на мельнице и, хотя ею перестали пользоваться за много лет до его рождения, хорошо знал назначение ее механизмов.

Направляя луч фонаря в разные стороны, он стал объяснять Холли, как устроена мельница, перемежая свою речь словами вроде «цилиндрическое прямозубое колесо», «бегун» и «лежняк».

— Раньше все эти части не были видны, но перегородка, за которой колесо, жернова упали и пробили настил.

Приступ страха, испытанный Джимом при виде мельницы, прошел, настроение поднялось. К удивлению Холли, когда он стал рассказывать о мельнице, в его голосе, как и тогда в супермаркете, зазвучали нотки мальчишеского энтузиазма. Он был доволен, что ему есть о чем рассказать, и хотел продемонстрировать свои знания, совсем как мальчишка, который не вылезает из библиотеки и всегда рад случаю показать, что не зря тратил время, пока другие играли в бейсбол.

Джим подошел к лестнице и, слегка касаясь стены рукой, стал без колебаний подниматься по известняковым ступенькам. Он оглянулся, и Холли увидела на его лице тихую улыбку, точно след воспоминания о чем-то хорошем.

Озадаченная такой быстрой сменой его настроения, Холли неохотно последовала за Джимом в помещение, которое он назвал «верхней комнатой». С мельницей ее связывали только страшные воспоминания о ночных кошмарах, они словно оживали с каждым шагом по лестнице. Было жутко — оказавшись здесь впервые, она хорошо помнила сырые стены и узкие крутые ступеньки, виденные ею во сне.

Холли поднялась до середины лестницы и остановилась у окна, выходящего на пруд. Протерла рукой грязное стекло и прищурилась. На миг показалось, что в воде скрывается нечто странное, но потом она сообразила, что видит отражение облака в пруду.

— Что там? — с детским любопытством спросил Джим.

Он остановился на несколько ступенек выше ее.

— Ничего. Тень.

Они продолжили свой путь и очутились в круглой комнатке с высоким потолком в виде купола, очертания которой напоминали отсек, расположенный в передней части ракеты. В отличие от того, что она видела во сне, известняковые стены не были полупрозрачными и в их толще не горели янтарные огни.

В верхней части купола помещался механизм, соединяющий крылья мельницы с вертикальной деревянной осью, проходящей сквозь отверстие в центре пола.

Вспомнив прогнившие перегородки на первом этаже, Холли с опаской ступила на деревянные доски. К ее облегчению, половицы не гнулись, балки под полом не скрипели.

— Пыли здесь хватает, — сказал Джим. Каждый их шаг поднимал в воздухе маленькое серое облачко.

— И пауков, — заметила Холли.

Сморщившись от отвращения, она рассматривала паутину с мертвыми насекомыми, опутавшую ржавый механизм. Она не боялась пауков, но они вызывали у нее чувство брезгливости.

— Придется заняться уборкой, — сказал Джим. — А потом принесем вещи.

— Надо было купить в городе щетку и ведро.

— В доме найдется все, что нам нужно. Я схожу за щеткой, а ты пока достань вещи из машины.

— Дом! — восторженно воскликнула Холли. — Когда мы поехали на мельницу, я не сообразила, что это твоя ферма и на ней никто не живет. Мы можем заночевать в доме, а сюда будем приходить, когда захотим.

— Хорошая идея, — ответил Джим, — но все не так просто. В этой комнате должно что-то произойти. Что-то, что даст нам ответы на наши вопросы или поможет их найти.

— Я это чувствую, Холли. Знаю так же, как узнаю о других вещах. Но мы не можем назначить время откровения. Не можем просить Бога или того, кто за всем этим стоит, беседовать с нами только в течение рабочего дня. Необходимо запастись терпением и ждать. Холли вздохнула:

— Хорошо, если ты так думаешь — Звон колокольчиков заставил ее замолчать на полуслове. Это был тихий серебряный звук, нежный и удивительно мелодичный, длившийся всего две-три секунды. Под тяжелыми каменными сводами легкий веселый звон мог бы показаться неуместным, но он разбудил в Холли мысли о грехе, раскаянии, искуплении.

Все стихло прежде, чем Холли поняла, что это было. Но не успела она задать Джиму вопрос, как колокольчики зазвенели снова. На этот раз ей стало ясно, почему необычный звук вызвал у нее мысли, связанные с церковью. Так звенят колокольчики во время мессы. Холли словно вдохнула запахи благовоний, мысленно возвращаясь в прошлое: когда-то в колледже она всерьез подумывала о переходе в католичество.

Колокольчики затихли.

Она повернулась к Джиму и увидела, что он улыбается.

— Что это?

— Надо же, — удивленно сказал он. — Как я мог об этом забыть?

Колокольчики ожили, и их серебряный звон наполнил комнату.

— О чем? — спросила она — О колокольчиках?

— Нет, — ответил он, когда звук снова умолк, и после некоторого колебания добавил:

— Звон идет из камня.

— Камень звенит? — удивилась Холли. Когда колокольчики зазвенели в очередной раз, она прошлась по комнате, поворачивая голову во все стороны и прислушиваясь. Ей и в самом деле показалось, что звенят известняковые стены, и не в каком-то одном месте, а сразу отовсюду, как будто в каждом камне спрятан колокольчик.

Холли сказала себе, что камни так не звенят. Впрочем, мельница — необычное здание и, возможно, имеет странную акустику. В старших классах они ездили в Вашингтон, и во время экскурсии по Капитолию им показали место, откуда слышны слова, произнесенные шепотом в другом конце огромного зала. Благодаря хитрым особенностям архитектуры звук усиливается и, отражаясь от высокого купола, передается на расстояние. Может быть, им встретился похожий эффект. Если источник звука находится в дальнем углу комнаты первого этажа, не исключено, что акустика передает звон по всему зданию. Подобное объяснение соответствовало законам логики и понравилось ей больше, чем странная идея о магическом звенящем камне. Однако уже в следующий миг Холли спросила себя, кто и зачем тайно звенит колокольчиком. И не нашла ответа.

Она прижала ладонь к стене.

И почувствовала слабые колебания в холодном известняке.

Колокольчики замолчали.

Стена перестала вибрировать.

Они ждали.

Поняв, что звон не возобновится, Холли спросила:

— Когда ты узнал о колокольчиках?

— Мне было тогда десять лет.

— И что происходило, когда они звенели? Что это значило?

— Я не знаю.

— Но ты сказал, что только что вспомнил об этом.

Глаза Джима блестели от волнения:

— Да, я вспомнил этот звон. Но не знаю, откуда он идет и что за ним следует. Хотя думаю... это хороший знак, Холли. — Его голос прервался. — Должно случиться что-то очень хорошее, что-то... удивительное.

Холли чувствовала себя подавленной. Несмотря на мистику, окружавшую жизнь Джима, и ее собственные ночные кошмары, она ехала на ферму в надежде найти логическое объяснение странным событиям последних дней. Не имея представления о конечной цели своего поиска, Холли свято верила в научный подход. Скрупулезные исследования в сочетании с тщательным анализом, использование дедуктивного и индуктивного методов дадут ключ к разгадке. Однако логика оказалась ненужной вещью, а Джим предпочитал верить в мистику. Хотя, надо отдать ему должное — он верил в нее с самого начала и никогда не пытался это скрыть.

— Но, Джим, как ты мог забыть такую необычную вещь, как звенящие камни, да и все остальное, что случилось с тобой на ферме?

— Не знаю. Просто забыл. Возможно, меня заставили забыть.

— Но кто?

— Сила, которая заставляет камни звенеть и стоит за всем, что случилось в эти дни. — Он направился к открытой двери. — Пойдем. Надо привести комнату в порядок и перетаскать вещи. Закончим и будем ждать, что произойдет дальше.

Холли пошла за ним, но остановилась на пороге, глядя, как он спускается по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Точно мальчишка, возбужденный предстоящим приключением. Все дурные предчувствия и опасения Джима испарились, как капли воды, попавшие на раскаленную жаровню.

Его постоянная и неожиданная смена настроения больше всего выбивала ее из колеи.

Почувствовав шевеление над головой, Холли взглянула вверх. От двери к потолку тянулась огромная паутина. Толстый лоснящийся паук, темный, как сгусток крови, пожирал бледную моль, которая слабо трепыхалась в его длинных мохнатых лапах.

Глава 4

В ход пошли щетка, совок, ведро с водой и тряпки. Джим купил даже моющее средство для окон, а в доме нашлась бумага. Когда они соскребли грязь со стекла, комната стала светлее и приобрела жилой вид. Холли убила паука над дверью, потом еще семь и успокоилась только после того, как, исследовав с фонарем все темные закоулки, убедилась, что ей ничто не угрожает.

Конечно, первый этаж кишмя кишит пауками, но об этом она решила не думать.

К шести часам солнце стало клониться к земле, но в комнате было еще достаточно светло, и они не стали зажигать лампу. Рассевшись по-турецки на спальных мешках перед термосом-холодильником, они принялись за гору толстых бутербродов, чипсы и сыр, запивая свой роскошный ужин ледяной пепси-колой. Хотя Холли не обедала, она совсем не думала о еде и только сейчас почувствовала, как проголодалась. «Болонья» с сыром и белым хлебом, приправленная горчицей, словно таяла во рту. Холли по-ребячески радовалась, что все так вкусно и хорошо, как в счастливые времена ее детства.

Они почти не разговаривали. Молчание и раньше не рождало в них чувства неловкости, а в этот момент даже самый интересный разговор явно проиграл бы в сравнении с вкусной

едой. Впрочем, молчание объяснялось и другой причиной. Холли просто не знала, о чем можно говорить, сидя на чердаке старой мельницы и ожидая встречи с неведомым. Любой светский разговор при таких странных обстоятельствах казался бы неуместным, а обсуждать серьезные дела и вовсе смешно.

— Знаешь, у меня какое-то дурацкое чувство, что мы тут сидим, а зачем — и сами не знаем, — наконец произнесла она.

— У меня тоже, — признался Джим. Было часов семь, когда, открыв коробку с шоколадными пирожными, она подумала, что в здании мельницы нет туалета.

— Слушай, а как быть с уборной? Джим поднял с пола связку ключей и протянул Холли:

— Вот ключи. Как войдешь в дом, туалет справа от кухни.

Холли заметила, что в комнате сгустились тени, а за окном наступили сумерки. Отложив пирожные в сторону, она сказала:

— Я мигом, одна нога здесь, другая там. Еще стемнеть не успеет.

— Давай-давай. — Джим поднял руку, словно готовясь произнести перед знаменем слова присяги. — Клянусь всем, что для меня свято, по крайней мере одно пирожное я тебе оставлю.

— Если я вернусь и найду меньше половины пирожных, ты как миленький отправишься в Нью-Свенборг за новой коробкой, — пригрозила Холли.

— Ты так серьезно относишься к пирожным?

— Можешь не сомневаться.

— Вот это мне нравится в женщинах, — улыбнулся Джим.

Холли взяла фонарь и направилась к двери. Оглянувшись на пороге, она сказала:

— Лучше зажги лампу.

— Непременно. Когда вернешься, здесь будет светло и уютно.

Холли стала спускаться по узким крутым ступенькам. Она не хотела разлучаться с Джимом, и с каждым шагом в ней росло беспокойство. Одиночество ее не пугало. Наоборот, она боялась за Джима, боялась оставлять его одного. Хотя, конечно, это смешно — он взрослый мужчина и лучше чем кто-либо способен себя защитить.

Первый этаж погрузился в темноту. Затянутые паутиной окна не пропускали даже слабого сумеречного света.

Когда Холли прошла в сводчатую дверь пристройки, у нее появилось жутковатое чувство, что за ней кто-то наблюдает. Она тут же упрекнула себя: что за глупые страхи — ведь кроме нее и Джима на мельнице никого нет. Но, подойдя к выходу, она не выдержала и, обернувшись, ткнула в темноту фонарем. Огромные черные тени, точно драпировка из крепа в аттракционе «комната ужасов», окутывали части механизмов. Когда на них попадал луч фонаря, они бесшумно соскальзывали, обнажая ржавые зубья и шестеренки, а потом снова возвращались на место. Холли никого не увидела, но тот, кто за ней следил, мог спрятаться за жерновами.

Внезапно устыдившись собственной робости, она вышла на улицу, недоумевая, что стало с неустрашимым репортером, которым она когда-то была.

Солнце скрылось за линией гор. Синее небо, точно сошедшее со старых полотен Максфилда Периша, потемнело и приобрело багровый оттенок. Несколько жаб выбрались из ила и уселись на берегу пруда.

Она прошла вдоль воды. Мимо сарая. Подошла к дому. Ее ни на секунду не покидало гнетущее ощущение чужого присутствия. Однако, даже если кто-то в самом деле прячется на мельнице, вряд ли она удостоилась чести находиться под наблюдением целого взвода шпионов, притаившихся в поле, за сараем и на вершинах окрестных гор.

— Идиотка, — саркастически сказала себе Холли, открывая дверь.

Забыв про фонарь, она бессознательно пошарила по стене рукой и щелкнула выключателем. Удивительно, но свет в доме был.

Еще больше она поразилась, увидев перед собой полностью обставленную кухню. У

окна разместились обеденный стол и четыре стула. С настенного крючка свисали медные чайники и кастрюли, а над плитой помещались двойные полочки с кухонными принадлежностями. На разделочном столе стояли тостер, микроволновая печь и миксер. Внимание Холли привлек холодильник. На нем она заметила листок с длинным перечнем покупок, прижатый к стенке маленьким магнитом в форме банки пива.

Выходит, пять лет назад, когда старики умерли, Джим не выбросил старые вещи?

Холли провела пальцем по полке и посмотрела на черту, оставленную в тонком слое пыли. Мебель на кухне протирали совсем недавно. Прошло от силы три месяца, но уж никак не пять лет.

Выйдя из туалета, она прошла по коридору, заглянула в столовую, а потом в гостиную. Если не обращать внимания на пыль, покрывавшую столы, шкафы и расшитые чехлы диванов, у комнаты был вполне жилой вид. Холли окинула взглядом картины на стене, маленький столик у кресла, заваленный стопками журналов, пыльные безделушки в серванте из красного дерева, высокие старинные часы, которые, похоже, остановились давным-давно.

Первой ее мыслью было: Джим оставил мебель, чтобы сдавать дом, пока не найдется покупатель. Но потом, заметив на стене фотографии в рамках, она решила, что ошиблась. Когда дом сдают, фотографии не оставляют. Она подошла поближе и стала разглядывать маленькие снимки: отец Джима в молодости, ему лет двадцать, не больше, мать с отцом в свадебных нарядах, пяти-шестилетний Джим с родителями.

Четвертая фотография изображала симпатичную чету лет пятидесяти. В коренастом мужчине с открытым смелым взглядом и квадратным подбородком Холли узнала старого Айренхарта, а красивое умное лицо женщины напомнило ей черты Джима и его отца. Вне всяких сомнений перед ней Лена и Генри Айренхарты — родители отца Джима.

Лена Айренхарт — та самая женщина, в чье тело прошлой ночью вселилась душа Холли. Широкие скулы, красивое волевое лицо. Не приятное, а именно красивое, величественное. Широко посаженные глаза, полные губы. На правой щеке родинка.

Хотя Холли довольно точно описала женщину из сна, Джим ее не узнал. Возможно, ему просто не приходило в голову, что у его бабушки широко посаженные глаза и полные губы. Волосы тоже могли быть кудрявыми не от природы, а после посещения парикмахерской. Вот только родинка на щеке... Пять лет — слишком короткий срок, чтобы забыть о такой детали.

Даже войдя в дом, она так и не избавилась от неприятного ощущения, что за ней следят. За несколько минут, проведенных у фотографии Лены Айренхарт, это чувство в ней настолько усилилось, что Холли не выдержала и резко обернулась.

Никого.

Она быстро прошла к двери и выглянула в коридор. Пусто. Остановилась перед темной лестницей из красного дерева, ведущей на второй этаж. На ступеньках и перилах — нетронутый слой пыли.

Холли посмотрела вверх и негромко окликнула:

— Эй!

В гулкой тишине пустого дома ее голос прозвучал странно и безжизненно.

Ответа не последовало.

Холли стала нерешительно подниматься по лестнице.

— Эй! Есть здесь кто-нибудь? — снова позвала она.

В ответ — гулкая пустая тишина.

Нахмурившись, она остановилась на третьей ступеньке. Взглянула вниз, потом опять задрала голову.

Тишина казалась слишком глубокой, неестественной. Даже в пустом заброшенном доме, где никто не живет, слышно, как порой скрипят рассохшиеся половицы или ветер стучит в неплотно закрытое окно. Но здесь так тихо, что, если бы не звук ее собственных шагов, она бы подумала, что оглохла.

Холли поднялась еще на две ступеньки и остановилась.

Она ясно чувствовала на себе чужой взгляд. Такое впечатление, что старый дом ожил и

изо всех щелей, с каждого куска обоев таращатся на нее тысячи злобных пронзительных глаз.

Косой луч, падающий со второго этажа, подхватил золотистый рой пылинок.

В окна заглядывало багровое лицо сумерек.

До лестничной площадки оставалось пройти четыре ступеньки. От нее начинался последний пролет, ведущий в холл второго этажа. Холли окончательно уверилась: наверху притаилось несчастье. Необязательно Враг или вообще кто-то живой и враждебный — скорее ужасное зрелище, способное повергнуть ее в трепет.

Сердце учащенно забилося. Она проглотила комок в горле и судорожно вдохнула пыльный воздух.

Наконец сказалось длительное напряжение и страх перед неведомой опасностью. Нервы не выдержали и, резко повернувшись, она бросилась вниз по лестнице. Холли не выбежала из дома сломя голову, а, стараясь не спешить, вернулась тем же путем, каким пришла, и выключила в комнатах свет. Однако она постаралась не слишком затягивать свое отступление.

Сапфировое небо, окольцованное вершинами гор, стало темно-фиолетовым на востоке и красным на западе. Золотистые поля и холмы посерели и начали приобретать угольно-черный цвет, как будто, пока она была в доме, прошел пожар и выжег все живое.

Холли пересекла двор. Никаких сомнений — за ней наблюдают. Она тревожно оглянулась на черный квадрат сарая и, чувствуя холод в желудке, уставилась на окна дома, расположенные по обе стороны от широкой красной двери. Ею овладело совершенно жуткое ощущение: она, точно морская свинка в лабораторном эксперименте, попала во власть слепой дикой силы. К мозгу подведены датчики, и по ним в ткань позвоночника идут прямые импульсы тока, контролирующие рефлекс страха и рождающие параноидальные галлюцинации. Ничего подобного с ней не случалось. Холли балансировала на грани паники, делая отчаянные попытки взять себя в руки.

Она невольно ускорила шаг и наконец побежала по дорожке вдоль берега пруда. Фонарь она выключила и держала как палку, чтобы при первой же опасности воспользоваться им для защиты.

Звон колокольчиков. Даже собственное лихорадочное дыхание не помешало ей услышать чистый серебряный звук крохотных язычков, ударяющихся о внутреннюю поверхность колокольчиков. Ее поразило, что он слышен с улицы — ведь до мельницы далеко. Боковым зрением она заметила, что с прудом произошла какая-то перемена, и обернулась к воде.

В центре пруда пульсировал кровавый огонь; от него, точно круги от брошенного в воду камня, расходились ровные красные волны.

Это зрелище совершенно потрясло Холли. Она поскользнулась и с трудом удержалась на ногах.

Колокольчики умолкли, и в один миг багровое свечение в воде исчезло. Теперь поверхность пруда напоминала не серую плиту шифера, а черный полированный обсидиан.

Снова зазвенели колокольчики. Середина пруда окрасилась кровью. Вспышки вырывались из темной толщи, будто раскаленные электрические лампочки, излучающие волны красного света.

Наступила тишина.

Вода почернела.

Казалось, все вокруг вымерло. Ни кваканье лягушек в тине у берега, ни завывание койота, крик совы или шелест крыльев птицы — ни один звук не нарушал гробовую тишину ночи, такую же гнетущую, как тишина в доме Айренхарттов.

Звон колокольчиков. На этот раз картина изменилась. До этого гладь пруда походила на запекшуюся кровь, а сейчас озарялась ярким красно-оранжевым сиянием. Его отблеск упал на белые метелки пампасной травы, и они вспыхнули, словно радужные облачка светящегося газа.

Что-то поднималось со дна пруда.

Колокольчики затихли. Свечение исчезло. Холли стояла, охваченная ужасом. Нужно бежать, но она даже пошевелиться не могла.

Звон колокольчиков.

Свет. Ослепительно яркий. Грязно-оранжевый, без малейшего отблеска красного.

Холли удалось сбросить оцепенение, и она опрометью бросилась к мельнице.

Вспышки одна за другой озаряли оранжевым светом грязно-серые сумерки. Ритмичные прыжки теней походили на пляску апачей вокруг военного костра. Кукурузное поле, словно огромный отвратительный богомол, сучило сухими колючими стеблями. Мельница то и дело меняла цвет, превращаясь из каменной в медную и золотую.

Колокольчики смолкли, свет погас, и в этот миг Холли стремглав влетела в открытую дверь мельницы.

С разгону перепрыгнув через порог, она резко остановилась и ослепла. Узкие окна не пропускали даже малую толику света, и на первом этаже царила густая, черная как деготь темнота. Казалось, тьма превратилась в вязкую массу и душит ее, вытесняя воздух из легких.

Фонарь наконец зажегся, и тут же раздались знакомые трели колокольчиков. Холли наотмашь полоснула лучом света темноту и убедилась, что в комнате, кроме нес, никого нет. Затем, обнаружив слева от себя ступеньки, стала поспешно взбираться по лестнице.

Холли достигла окна и приникла к стеклу в том месте, которое она ранее протерла рукой: в центре пруда мигал яркий янтарный глаз.

Она окликнула Джима и побежала наверх.

Внезапно в памяти всплыли строки из стихотворения Эдгара По. Холли учила его еще в школе и давным-давно забыла:

Колокольчики звенят,
Серебристым легким звоном слух наш сладостно томят,
Этим пеньем и гуденьем о забвеньи говорят.

Она ворвалась в комнату и увидела Джима. Он стоял в белом зимнем свете лампы, смотрел на стены и улыбался.

Воспользовавшись наступившей тишиной, Холли крикнула:

— Джим, скорее! Посмотри, что творится с прудом!

Она бросилась к окну, но оказалось, что из него ничего не видно. Два других вообще выходили на другую сторону.

— Звенящий камень, — мечтательно произнес Джим.

Зазвенели колокольчики, и Холли метнулась к выходу. Обернувшись на пороге, она убедилась, что Джим следует за ней. Он двигался словно в полусне.

Сбегаая по ступенькам, Холли снова услышала внутренний голос, произносящий строки Эдгара По:

Слышишь, воющий набат,
Точно стонет медный ад!
Эти звуки, в дикой муке, сказку ужасов твердят.

Холли никогда не походила на женщину, которая при каждом удобном случае сыплет цитатами направо и налево. С поэзией она распрощалась еще в колледже и с тех пор не то что по памяти — вообще стихов не читала, единственное исключение — слащавая патока Луизы Тарвол.

Подбежав к окну, Холли быстро протерла ладонью стекло и приникла к образовавшемуся глазку. Огонь в воде снова потускнел и стал кроваво-красным. Казалось, источник света медленно погружается на дно пруда.

О, набат, набат, набат,

Если б ты вернул назад
Этот ужас, это пламя, эту искру, этот взгляд.

С ума можно сойти — кругом такое творится, а у нее голова забита стихами. Ничего подобного с ней раньше не случалось. Может быть, скорая встреча с высшими силами оказывает на мозг странное действие: из него начинают сыпаться давно забытые знания. Холли не сомневалась, что встреча состоится, но Бог, вероятнее всего, действительно ни при чем. Пруд для него не самое подходящее место. Впрочем, спроси любого проповедника или священника — он скажет, что Бог живет везде, в каждой вещи.

Только Джим очутился рядом с ней, как все смолкло и пруд быстро погрузился в темноту. Джим протиснулся к стеклу, и они замерли в ожидании.

Прошло две секунды. Потом еще две.

— Кончилось, — устало сказала Холли. — Черт! Я так хотела, чтобы ты тоже увидел.

Звон так и не повторился. Внизу в тусклом сумеречном свете чернела неподвижная гладь пруда. Быстро темнело: еще несколько минут — и наступит ночь.

— Что это было? — спросил Джим, отстраняясь от окна.

— Похоже на фильмы Спилберга, — возбужденно заговорила Холли. — Из воды, из самой глубины, поднимается свет и пульсирует. И как он появится, начинают звенеть колокольчики. Звон идет со дна пруда, а потом как-то передается стенам мельницы.

— Фильмы Спилберга? — Джим выглядел озадаченным.

— Понимаешь, это было удивительное, жуткое зрелище, странное и пугающее, но я смотрела как зачарованная.

— Как в «Ближних контактах»? Что-то вроде космического корабля?

— Да... Вообще-то, нет. Не уверена. Не могу сказать. Может быть, что-то еще более странное.

— Более странное, чем космический корабль?

Удивление и страх исчезли. Холли чувствовала себя подавленной. Ей редко случалось попадать в ситуацию, когда она не могла найти слов, чтобы описать то, что видела или чувствовала. Но с этим человеком, да еще при таких головокружительных обстоятельствах, оказались бессильными ее увесистый словарный запас и талант профессионального сочинителя.

— Черт! — сказала она наконец. — Да. Более странное, чем космический корабль. По крайней мере, чем те, что показывают в кино.

— Ладно, пойдем наверх. — Джим стал подниматься по лестнице. Увидев, что она по-прежнему смотрит в окно, он вернулся и взял ее за руку. — Это еще не конец. Наоборот, все еще только начинается. Но наше место — в комнате наверху. Пойдем, Холли.

Глава 5

Они снова уселись на спальных мешках.

Жемчужно-серебряный ореол лампы выбелил желтые камни известняковой стены. Газ, горящий в стеклянной колбе, издавал слабое шипение, и от этого казалось, что под полом перешептываются чьи-то голоса.

Настроение Джима, словно тележка «американских горок», опять взлетело вверх, и на этот раз Холли разделяла его детский восторг и радостное ожидание чуда. Свет в пруду не только испугал ее, но и зажег в ней искру долгожданной надежды, разгорающееся пламя которой неотвратимо приближало момент истины и выстраданного ими душевного очищения.

Холли осознала, что она тоже несчастна. У Джима в сердце постоянно тревога и сумятица, а у нее — пустота. Когда они встретились в Портленде, она была закоренелым циником с испепеленной душой. Ей не пришлось испытать горя и зла, выпавших на его долю, но теперь она понимала, что жизнь, лишенная тревог и радостей, рождает холодное

черное отчаяние. Дни, недели, годы, растраченные на достижение ничего не значащих целей, существование без смысла, без друзей, без близких очерствляют душу.

Она и Джим — две части китайской головоломки. Сложи их вместе — и заполнишь пустоту второй половинки, вылечишь душу целительным прикосновением. Их совпадение поразительно, и они созданы друг для друга, но головоломка может остаться нерешенной, если не принести обе части в одно и то же место в одно и то же время.

Охваченная первым возбуждением, Холли ждала появления силы, чья воля привела ее к Джиму. Пусть это будет Бог или кто-то совершенно на него не похожий, но пусть он будет добрым. Не хотелось верить, что таинственный свет в пруду может оказаться Врагом. Монстр здесь ни при чем, хотя он тоже как-то с этим связан. Джим говорил: их ждет что-то хорошее, и она сама чувствовала, что свет и звон колокольчиков означают не кровь и смерть, а очищение.

Они обменивались короткими фразами, произнося слова полупшепотом, словно боялись, что громкий разговор заставит загадочные силы воздержаться от продолжения контакта.

— Как давно здесь пруд?

— С незапамятных времен.

— Еще до Айренхартов?

— Да.

— До того, как построили ферму?

— Наверняка.

— Выходит, он был всегда?

— Выходит.

— Существуют о нем легенды?

— Легенды?

— Ну... истории о привидениях, вроде озера Лох-Несс.

— Нет. Я, по крайней мере, не слышал.

Они умолкли. Потянулись минуты ожидания.

Через некоторое время Холли спросила:

— Как поживает твоя гипотеза?

— Что?

— Ты мне сегодня сказал, что у тебя есть какая-то странная, удивительная идея, но не захотел поделиться. Сказал, что надо хорошенько обдумать.

— Ах да... Полагаю, это больше, чем теория. Помнишь, ты сказала, что во сне заметила на дне пруда какой-то предмет... Не знаю почему, но я стал думать о встрече...

— Встрече?

— Да. Встрече с пришельцами.

— Из иных миров, — подумала вслух Холли, вспомнив колокольчики и идущий из воды свет.

— Они существуют, я уверен, — заговорил Джим с тихой восторженностью. — Вселенная слишком велика для нас одних. Они обязательно появятся. И кто-то первый их увидит. И почему этот кто-то не ты или я?

— Но эта штука попала в пруд, когда тебе еще не было десяти.

— Наверное.

— Что они там делали все это время?

— Не знаю. Может быть, после приземления прошли сотни, а то и тысячи лет.

— Да, но что они забыли на дне пруда?

— Возможно, это их наблюдательная станция. Отсюда они следят за человеческой цивилизацией. Вроде наших полярников в Антарктиде.

Холли подумала, что сейчас они похожи на детей, которые смотрят на усыпанное звездами небо и мечтают о путешествиях к далеким галактикам. Идея Джима выглядела смешной и абсурдной. С трудом верилось, что у кошмарных событий последних дней такое изящное и красочное объяснение. Хотя в ней, как и в каждом человеке, сохранился ребенок, и

этот ребенок отчаянно желал, чтобы красивая мечта обернулась реальностью. Еще двадцать минут прошли без каких-либо изменений. Мало-помалу восторг и нервное напряжение спали и к Холли вернулась обычная способность трезво мыслить. Она вспомнила, что произошло до того, как, подбежав к пруду, увидела волшебное свечение: ее неотступно преследовало паническое, неестественное ощущение чужой слежки. Холли уже было собралась рассказать об этом Джиму, но вспомнила еще об одном странном обстоятельстве.

— Дом полностью обставлен, — сказала она. — Когда дед умер, ты ничего не тронул и все оставил как было?

— Я сохранил мебель, чтобы сдавать дом, пока не найдется покупатель.

Его ответ полностью совпадал с ее собственным объяснением этой загадочной ситуации. Однако Холли сказала:

— Но там остались личные вещи.

Джим продолжал рассматривать стены, ожидая, что на одной из них появится долгожданное знамение. Наконец он ответил, не глядя в ее сторону:

— Если бы удалось сдать дом, я сразу бы все забрал.

— Но прошло уже почти пять лет!

Он пожал плечами.

— В доме поддерживали порядок, хотя последняя уборка была довольно давно. На случай, если кто захочет здесь поселиться.

— Жутковатое местечко.

Он оторвал взгляд от стены и посмотрел на нее.

— Почему?

— Уж больно напоминает мавзолей.

В синих глазах Джима ничего нельзя было прочесть, но Холли почувствовала его раздражение: он уже мысленно беседует с пришельцами, а тут она со своей болтовней об уборке дома и продаже недвижимости.

— Жутковатое, — вздохнул Джим.

— Тогда почему?..

Он не спеша убавил яркость лампы. Плотный белый свет сменился бледным лунным сиянием, тени придвинулись — Сказать по правде, когда умер дед, я просто не смог прикоснуться к его вещам. С меня; хватило и того, что всего восемь месяцев назад мы разбирали вещи бабушки. После ее смерти он совсем недолго пожил... Когда их не стало, я остался совершенно один.

Синие глаза Джима потемнели от мучительных воспоминаний. Холли захлестнула волна сочувствия и жалости. Она подвинулась к Джиму и взяла его за руку.

— Я все откладывал и откладывал этот момент. А чем больше проходит времени, тем труднее себя заставить. — Он снова вздохнул. — Если бы нашелся покупатель, мне все равно пришлось бы разбирать вещи, но легче продать грузовик песка в пустыне Мохавк, чем эту старую ферму.

Закрывать дом после смерти деда, четыре года и четыре месяца ни к чему не прикасаться, только изредка наводить порядок в комнатах — в глазах Холли поведение Джима выглядело странным. Но в то же время странное отсутствие логики тронуло ее до глубины души. Она с самого начала разглядела в стальном супермене тонкую, ранимую душу и полюбила ее так же бесповоротно, как и все остальное в Джиме.

— Я тебе помогу, — пообещала она. — Покончим с этой чертовщиной и займемся домом. Вдвоем это будет совсем не трудно.

Он улыбнулся и тихонько сжал ее ладонь.

Тут Холли кое-что вспомнила.

— Джим, помнишь, я тебе говорила о женщине, которую видела во сне прошлой ночью? Она еще шла по лестнице. — Да.

— Ты сказал, что не знаешь, кто она.

— И что из этого?

— В доме есть ее фотография.
— Фотография?
— В гостиной. На снимке двое — муж и жена. Им около пятидесяти. Это Лена и Генри Айренхарты?
— Да. Они...
— Лена — та женщина, которую я видела во сне.
— Странно... — Джим нахмурился.
— Да. Но еще более странно, что ты ее не узнал.
— Наверное, твое описание оказалось не слишком удачным.
— Но я же сказала: у нее была родинка на щеке...
Его глаза сузились, обнимавшая ее рука напряглась.
— Скорее, блокноты!
— Что? — непонимающе переспросила Холли.
— Сейчас что-то произойдет. Скорее достань блокноты! Помнишь, мы их купили в городе?

Он убрал руку с ее плеча, и она вытащила из лежащего рядом полиэтиленового пакета два блокнота с желтыми линованными страницами. Джим взял их и неуверенно взглянул на темные стены, точно ждал дальнейшей команды.

Звон колокольчиков.

* * *

Джим замер, захваченный их чистой серебряной музыкой. Еще немного — и у него в руках тайна того, что с ним недавно случилось. И не только это. Нечто большее. Колокольный звон возвещает рождение трансцендентальной истины, свет которой укажет цель его жизни, приподнимет завесу над прошлым и будущим, объяснит смысл вселенского существования. Несмотря на грандиозность подобной идеи, Джим верил: на мельнице ему откроются секреты мироздания, наступит волшебное озарение, в которое он так долго и безуспешно искал в различных религиях.

Как только комната наполнилась звоном колокольчиков, Холли сделала попытку вскочить и бежать к окну.

Но Джим разгадал ее замысел и заставил оставаться в комнате:

— Не уходи. Это случится здесь.

Она с сомнением вернулась на место. Все стихло. Подчиняясь невидимой силе, Джим отодвинул термос-холодильник и положил между собой и Холли желтоватый блокнот. Он не знал, что делать со вторым блокнотом и фломастером. Подержал в руке и, так и не придя ни к какому решению, отложил в сторону — Колокольная мелодия зазвучала в третий раз. И, как только раздались знакомые звуки, известняковые стены вспыхнули ослепительным пламенем. Из камня хлынул красный огонь, и комнату залило ярким пульсирующим светом.

У Холли вырвался сдавленный крик. Джим сразу вспомнил ее рассказ о сне, который она видела прошлой ночью: женщина, похожая на его бабушку, поднялась по лестнице в верхнюю комнату и увидела, что стены светятся янтарным огнем, а вся мельница точно сделана из цветного стекла. Ее взгляду открылось ужасное, невысказанное зрелище: известняковые стены лопнули, будто хрупкая скорлупа, и из камня появилось злобное отвратительное чудовище.

— Не бойся, — поспешил он успокоить Холли. — Это не Враг. Нам ничто не угрожает. Видишь, свет совсем другой.

Джим хотел разделить с ней уверенность, данную ему высшими силами, от всей души надеясь, что не ошибся и опасности действительно нет. Но он хорошо помнил, что творилось с потолком его спальни в Лагуна-Нигель всего двенадцать часов назад: штукатурка вспучилась и превратилась в огромный блестящий кокон, внутри которого корчилось и пульсировало светящееся существо. Более тесное знакомство с мерзкой тварью ему

совершенно ни к чему.

Колокольная музыка повторилась еще дважды, красное свечение стало янтарным. Однако в нем не чувствовалось никакой угрозы и цвет отличался от отвратительного желтого гноя, который пульсировал в такт ударам огромного сердца монстра.

Похоже, его слова не слишком успокоили Холли.

Джиму захотелось притянуть ее к себе, крепко-крепко обнять. Но нельзя. Необходимо сосредоточиться. Небольшое усилие — и высшие силы вступят с ним в контакт.

Стало тихо, но свет почему-то не погас.

Янтарное пламя вздрагивало, тускнело, комната погружалась в мерцающий полумрак и снова вспыхивала ослепительным заревом. Яркие цветные капли света, точно радужные амебы, растекались по темным стеклам, приобретая причудливые меняющиеся очертания. Все это напоминало старинный калейдоскоп.

— Такое ощущение, что мы на дне океана, в стеклянной батисфере, — сказала Холли. — Вокруг черная вода, и отовсюду плывут косяки светящихся рыб.

Ему понравилось, что в отличие от него Холли умеет ярко выразить словами то, что они видят и чувствуют. Кажется, проживи сотню лет, а нарисованные ею образы все равно останутся в памяти.

Без всяких сомнений, призрачные лучи рождаются не на поверхности, а в глубине камня. словно под действием алхимии, известняк превратился в темный полупрозрачный кварц. Янтарное сияние, разлившееся по комнате, было ярче приглушенного света лампы. Джим взглянул на свои дрожащие руки — они ослепительно блестели. Лицо Холли тоже, казалось, отливало золотом.

Но по углам залегли бархатные тени. Свет двигался по комнате, и они шевелились от его прикосновения.

— Что теперь будет? — шепотом спросила Холли.

Джим заметил, как изменилась страница лежащего между ними блокнота, и потянул Холли за руку:

— Смотри!

На желтом поле появились черные слова. Как будто невидимка обмакнул палец в чернила и написал:

«Я с вами».

Глава 6

Как ни была Холли увлечена красочной игрой света, она сразу отказалась от мысли, что надпись в блокноте — дело рук Джима. Ему бы не удалось это сделать, не привлекая ее внимания. Тем не менее в невидимок Холли тоже не верила.

— Похоже, нам предлагают задавать вопросы, — заметил Джим.

— Тогда спроси, кто это, — посоветовала она, не раздумывая.

Он взял фломастер и через несколько секунд показал ей блокнот.

«Кто ты?» — прочла Холли.

Второй блокнот лежал на полу. Прямо у них на глазах на странице стали появляться неровные знаки. Они не были выжжены или написаны возникшими из воздуха волшебными чернилами. Нет, на желтом поле проступали неясные, едва заметные контуры букв, которые быстро темнели, наливаясь чернотой. Казалось, перед ними не тонкий листок бумаги, а ровная поверхность бездонного колодца. Холли вспомнила красные вспышки, которые, словно электрические лампочки, поднимались из темных глубин и взрывались в центре пруда, распространяя по воде ровные концентрические круги света. Точно так же вспыхнули известняковые стены, светлея и становясь полупрозрачными.

«ДРУГ».

Кто ты? Друг.

Звучит довольно странно. Куда естественнее сказать «ваш друг».

В имени пришельца, если, конечно, они действительно столкнулись с проявлением внеземного разума, скрывался любопытный подтекст, нечто вроде намека на Божественное происхождение. Люди наделили Бога множеством имен: Иегова, Аллах, Брахма, Зевс, Один, но титулов они придумали еще больше, называя его: Всемогуший, Отец, Спаситель, Создатель, Свет, Всевышний. Слово «Друг» удачно вписывалось в этот длинный список.

Джим молниеносно написал новый вопрос и показал Холли:

«Откуда ты?»

«ИЗ ДРУГОГО МИРА».

Другой мир мог быть чем угодно, от рая до Марса.

«С другой планеты?»

«ДА».

— Боже мой, — невольно вырвалось у Холли. Несмотря на вечный скептицизм, у нее в душе тоже что-то дрогнуло.

Она оторвалась от страницы блокнота и посмотрела Джиму в глаза. Они сияли ярче, чем обычно. Желтый свет придавал им удивительный изумрудный оттенок.

Холли заерзала от возбуждения и села поудобнее. В блокноте появилась новая запись, и она, бросив на нее быстрый взгляд, вырвала листок и отложила в сторону, чтобы видеть следующую страницу. Ее глаза бегали между блокнотом, на котором Джим писал вопросы, и блокнотом с ответами невидимки.

«Из другой звездной системы?»

«ДА».

«Из другой галактики?»

«ДА».

«На дне пруда — космический корабль?»

«ДА».

«Сколько времени ты здесь находишься?»

«10000 ЛЕТ».

Когда появилась эта цифра, Холли подумала, что происходящее в комнате — большой сон, чем сны, которые она недавно видела. Они с Джимом так долго искали ключ к разгадке, и вот пожалуйста — ответы на все вопросы! Но почему все так легко и гладко? Она не знала, чего ждать от этой встречи, но никак не думала, что окружавший их мрак так быстро рассеется. Такое впечатление, что ей на мозг капнули универсальным моющим средством и, словно по волшебству, все стало на свои места.

— Спроси, что она здесь делает, — сказала Холли, вырывая из блокнота вторую страницу.

— Она? — удивился Джим.

— Почему бы и нет?

— И в самом деле, — согласился он.

Вырвав из своего блокнота исписанный листок, он написал новый вопрос:

«Что ты здесь делаешь?»

«НАБЛЮДАЮ, ИЗУЧАЮ, ПОМОГАЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ», — проступили на желтом листке черные буквы.

— Знаешь, что мне это напоминает?

— Что?

— Эпизод из «Внешних пределов».

— Старое телешоу?

— Ага — Но, когда его показывали, тебя и на свете не было.

— Смотрела по кабельному.

— И что здесь общего с «Внешними пределами»?

Холли нахмурилась, разглядывая надпись:

«НАБЛЮДАЮ, ИЗУЧАЮ, ПОМОГАЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ», и сказала:

— Тебе не кажется, что все это слишком... банально?

— Банально? — раздраженно переспросил Джим. — Нет, не кажется. У меня чересчур скромный опыт по части контактов с инопланетянами. Я понятия не имею, какими они должны быть, и поэтому не могу обмануться в своих ожиданиях.

— Извини. Я просто хотела... Ладно. Все в порядке... Посмотрим, что будет дальше.

Надо признать, что появление магического света потрясло ее не меньше Джима. Холли и сейчас не могла перевести дыхание, а сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Они и в самом деле столкнулись с проявлением высших нечеловеческих сил. Огонь в пруду, свечение стен, слова, которые сами собой появляются на странице блокнота, — при виде таких чудес только круглый идиот не почувствует благоговейного трепета.

Однако восторг и удивление понемногу притупились: встреча с пришельцами все больше напоминала сюжет из набившего оскомину телесериала. Джим с ноткой язвительности в голосе сказал, что понятия не имел, какими должны быть встречи с инопланетянами, и, следовательно, ему не в чем разочаровываться. Но это не так. Он, как и Холли, рос в шестидесятые-семидесятые годы — времена засилья средств массовой информации. Они смотрели одни фильмы и телесериалы, читали те же журналы и газеты. Их юность как раз пришлась на взлет всеобщего интереса к научной фантастике, и Джим наверняка получил уйму сведений о том, что собой представляет контакт с чужой цивилизацией. Невидимый пришелец во всем следовал традиционным шаблонам, а смутное чувство подсказывало Холли, что даже самые причудливые полеты фантазии писателей и сценаристов не способны нарисовать правдоподобную картину реальной встречи с неведомым. Иной мир живет по своим законам, чужие правила нельзя ни сравнить, ни постигнуть.

— О'кей, — согласилась Холли. — Может быть, в этом-то вся соль. Они используют современные кинофильмы для удобства, им так легче с нами общаться. Вероятно, разница между нашими цивилизациями настолько велика, что мы никогда не сумеем их понять или увидеть.

— Правильно. — Склонившись над блокнотом, Джим писал следующий вопрос:

«Что означает свет, который идет из стены?»

«ЭТОТ СВЕТ — Я».

Не дожидаясь, пока Джим напишет следующий вопрос, Холли громко обратилась к незнакомому собеседнику:

— Ты можешь двигаться сквозь стены? К ее удивлению, пришелец, который казался таким педантом в вопросах соблюдения протокола, не стал настаивать на письменном характере контакта.

«Я МОГУ БЫТЬ ВСЕМ, МОГУ ДВИГАТЬСЯ ВНУТРИ, МОГУ ПРИНИМАТЬ ЛЮБУЮ ФОРМУ, КОГДА ТОЛЬКО ПОЖЕЛАЮ», появился длинный ответ.

— Расхвасталась, — заметила Холли.

— Твоя ирония совершенно неуместна, — нетерпеливо одернул ее Джим.

— Я и не думаю иронизировать, — отвергла обвинение Холли. — Просто пытаюсь понять.

Вот и все.

Он с сомнением покачал головой. Обращаясь к невидимому пришельцу, она спросила:

— Ты понимаешь, о чем я говорю?

«ДА», — появилось в блокноте.

Она вырвала страницу и, охваченная непонятным возбуждением, поднялась на ноги. Обошла комнату, поглядывая на пляшущие вокруг огоньки, обдумывая очередной вопрос.

— Почему, когда ты появляешься, начинают звенеть колокольчики?

Листок блокнота остался чистым. Холли повторила свой вопрос. Никакого отклика.

— Понимаю, коммерческая тайна, — сказала она, так и не дождавшись ответа.

Она ощутила, как кожа покрылась испариной и под блузкой потекли тонкие струйки холодного пота. В ней еще не остыл ребяческий восторг от встречи с чудом, но внутри вдруг

шевелинулся противный страх. Что-то здесь не так. И дело не в том, что вся эта история сильно напоминает кино. Холли никак не могла понять причину своего внезапного испуга.

Заметив, что Джим быстро пишет в блокноте, она наклонилась к нему и прочла.

«Ты появлялся в этой комнате, когда мне было десять лет?»

«ДА. ЧАСТО».

«Ты заставил меня об этом забыть?»

«ДА».

— Зачем ты пишешь вопросы? Спрашивай, как я, — посоветовала ему Холли.

Его явно поразило ее предложение, а она, напротив, удивилась: зачем он пишет, если можно задавать вопросы вслух? Джим не спешил расставаться с фломастером и блокнотом, однако в конце концов неохотно отложил их в сторону.

— Почему ты заставил меня забыть?

Даже не нагибаясь, Холли легко прочла толстые черные буквы, возникшие на желтом листке:

«ТЫ БЫЛ НЕ ГОТОВ».

— Слишком загадочно, — пробормотала Холли. — Ты прав, похоже, это не она, а он.

Джим выдернул исписанную страницу и бросил к другим листкам. Он раздумывал, закусив губу, и, видимо, не знал, что еще спросить. Наконец сказал:

— Ты мужчина или женщина?

«Я МУЖЧИНА».

— Скорее всего ни то ни другое, — заметила Холли. — Это же существо с другой планеты. Может, они там партеногенезом размножаются.

«Я МУЖЧИНА», — снова появилось в блокноте.

Джим сидел на полу, скрестив ноги и не двигаясь. Его широко раскрытые глаза светились мальчишеским любопытством.

Холли спросила себя, почему в ней растет беспокойство, в то время как Джим вот-вот запрыгает от восторга.

— Как ты выглядишь? — спросил Джим, обращаясь к стенам.

«Я МОГУ ПРИНЯТЬ ЛЮБУЮ ФОРМУ, КАКУЮ ЗАХОЧУ».

— Ты можешь показаться нам в образе мужчины или женщины?

«ДА».

— Можешь стать собакой?

«ДА».

— Кошкой?

«ДА».

— Жуком?

«ДА».

Похоже, лишившись фломастера и блокнота, Джим стал задавать никудышные вопросы. Чего доброго спросит, какой у пришельца любимый цвет и что он больше любит — пепси или кока-колу, с досадой подумала Холли. Однако Джим спросил:

— Сколько тебе лет?

«Я РЕБЕНОК».

— Ребенок? — удивился Джим. — Но ты сказал, что прилетел на Землю десять тысяч лет назад.

«Я ВСЕ ЕЩЕ РЕБЕНОК».

— Вы так долго живете?

«МЫ БЕССМЕРТНЫ».

Джим восхищенно посмотрел на Холли.

— Врет, — безапелляционно заявила она.

— Побойся Бога, Холли, — воскликнул он, пораженный ее кощунством.

— Не хочешь — не верь.

Теперь ей стало ясно, откуда взялся страх: загадочное существо ведет нечестную игру.

Держится свысока. Похоже, даже презирает их. Пожалуй, умнее всего смириться, помолчать и не задавать пришельцу дерзких вопросов, а то еще рассердится.

Тем не менее она сказала:

— Если они и в самом деле бессмертны, то почему он называет себя ребенком? Он не должен так о себе говорить! Младенчество, детство, юность, зрелость — это все возрастные понятия. Тот, кто мыслит подобными категориями, не бессмертен. Допустим, ты вечен, и рождаешься невинным, невежественным, но ты не можешь родиться молодым, потому что никогда не состаришься.

— Как тебе не стыдно, Холли! — В голосе Джима звучало плохо скрытое раздражение.

— Не стыдно. Он водит нас за нос.

— Он употребил слово «ребенок», потому что хотел, чтобы мы его лучше поняли.

— «ДА».

— Чушь собачья, — упрямо сказала Холли.

— Какого черта, Холли!

Он аккуратно вырвал из блокнота еще одну страницу, а Холли подошла к стене и стала внимательно следить за радужными пятнами света, которые вспыхивали и переливались, приобретая странные причудливые формы. Сейчас они напоминали не фосфорическую жидкость и страшные языки раскаленной лавы, а мириады крохотных звезд, рой мерцающих светлячков или светящиеся косяки рыб.

Холли смотрела на стену, ожидая, что она вот-вот вздуется. Лопнет. И из трещины вылезет чудовище. Все в ней требовало отступить назад, но вместо этого Холли подошла еще ближе. Ее нос оказался всего в дюйме от полупрозрачного камня, внутри которого плыли, вспыхивали, кружились миллионы ярких частиц. Стена не выделяла тепла, но Холли показалось, что кожа ее лица воспринимает прикосновения света. У Холли закружилась голова.

— Почему, когда ты появляешься, начинают звенеть колокольчики?

Через несколько секунд Джим сказал у нее за спиной:

— Не отвечает.

Вопрос выглядел совершенно невинным и вполне обоснованным. Его упорное нежелание отвечать укрепило Холли в мысли, что за молчанием пришельца скрывается нечто важное и разгадка колокольного звона поможет приподнять завесу таинственности, окутывающую странное существо.

— Почему, когда ты появляешься, начинают звенеть колокольчики?

— Не отвечает, — сказал Джим. — Зачем задавать одни и те же вопросы! Ты же видишь, Холли, что он не хочет говорить, так ты ничего не добьешься, а только его рассердишь. Это не Враг, а...

— Да, я помню. Это Друг.

Она застыла у стены, чувствуя, что оказалась с пришельцем лицом к лицу. Хотя движущиеся пятна света даже отдаленно не напоминали облик живого существа, Холли знала, что инопланетянин перед ней и буравит ее своими глазами.

— Почему, когда ты появляешься, звенят колокольчики? — снова спросила она.

Внутренний инстинкт подсказывал Холли: ее невинный вопрос и не столь уж невинная настойчивость подталкивают ее к краю пропасти. Стук собственного сердца показался ей оглушительным грохотом. Было бы неудивительно, если бы Джим его тоже услышал. Скорее всего могущественный Друг не только слышит, но и видит, как сердце, точно испуганный кролик, бьется о прутья грудной клетки. Ну что ж, пусть знает, что она напугана. Может, он даже читает ее мысли. Нужно показать, что страх для нее не помеха.

Холли прижала ладонь к светящемуся камню. Если радужные капли света не мираж и не проекция инопланетного сознания, таинственное существо и в самом деле живет в стене; камень — его плоть, а ее рука лежит на теле пришельца.

Стена чуть заметно вибрировала. Холли чувствовала слабые колебания. Но тепла не было. В камне горел холодный огонь.

— Почему, когда ты появляешься, звенят колокольчики?

— Прекрати, Холли, — крикнул Джим. В его голосе впервые послышалась тревога. Наверное, и он понял, что с Другом шутки плохи.

Но она знала: сила воли и упорство помогут ей в поединке с чужим разумом. Немного настойчивости — и их отношения с пришельцем предстанут в новом свете. Холли не могла бы сказать, чем объясняется ее уверенность. Просто так подсказывало шестое чувство. Даже не женский инстинкт, а интуиция бывшего репортера.

— Почему, когда ты появляешься, звенят колокольчики?

Холли показалось, что ритм колебаний слегка изменился. Хотя колебания едва-едва заметны и, может быть, все дело в ее воспаленном воображении. В голове мгновенно возникла картина: стена лопается, и трещина, превратившись в оскаленную пасть, откусывает ей руку. Брызжет кровь, из запястья торчат острые обломки белых костей.

Холли вся тряслась от страха, но осталась стоять на прежнем месте, не убирая ладонь со стены.

Уж не этот ли самый Друг внушил ей кошмарные мысли?

— Почему, когда ты появляешься, звенят колокольчики?

— Ради Бога, Холли... — начал Джим, но резко умолк и после короткой паузы сказал:

— Подожди, сейчас будет ответ.

Воля и упорство чего-нибудь да значат. Но, Боже мой, почему? Почему всемогущая сила из другой галактики испугалась ее решимости?

Джим уже читал новое сообщение:

— Он говорит... «РАДИ ЭФФЕКТА?»

— Ради эффекта? — удивленно переспросила Холли.

— Да, «Р-А-Д-И», затем «Э-Ф-Ф-Е-К-Т-А», в конце вопросительный знак. Холли снова обратилась к стене:

— Выходит, колокольчики только ради эффекта? Как в театре, да?

Прошло несколько секунд, и Джим сказал:

— Молчит.

— И зачем вопросительный знак? — спросила Холли у Друга. — Я вижу, ты сам не знаешь, откуда берется звон! Придумал тоже: «Ради эффекта?»! Не знаешь и морочишь нам голову! Хотя, с другой стороны, кому же знать, как не тебе?

— Не отвечает, — негромко сказал Джим. Холли не отрываясь смотрела на стену. От ярких сполохов света рябило в глазах, но она и не думала сдаваться.

— Сейчас появится, — сообщил Джим. — Говорит: «Я УХОЖУ».

— Испугался, цыпочка, — тихо сказала Холли, глядя в аморфное лицо прячущегося в стене собеседника и обливаясь холодным потом.

Янтарный свет померк, стал оранжевым.

Холли сделала шаг назад, покачнулась и едва не упала. Она вернулась к своему спальному мешку и обессиленно опустилась на колени.

На странице блокнота проступили новые слова:

«Я ВЕРНУСЬ».

— Когда? — спросил Джим.

«КОГДА НАСТУПИТ МОЙ ЧЕРЕД».

— Какой черед?

«НА КОРАБЛЕ ВСЕМУ ЕСТЬ СВОЙ ЧЕРЕД, ПРИЛИВЫ И ОТЛИВЫ, ТЬМА И СВЕТ. ПРИХОДИТ СВЕТ И ПОЯВЛЯЮСЬ Я, А ОН ПРИХОДИТ ВМЕСТЕ С ТЕМНОТОЙ».

— Он? — эхом повторила Холли.

«ВРАГ».

Стены то и дело озарялись неярким красновато-оранжевым пламенем.

— Вы оба с одного корабля? — спросил Джим.

«ДА. ДВЕ СИЛЫ. ДВА ЕДИНСТВА».

Врет, подумала Холли. И про колокольчики тоже наврал. Устроил тут театр!

«ЖДИТЕ МОЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ».

— Мы будем ждать, — заверил Джим.

«НЕ СПИТЕ».

— Почему нам нельзя спать? — включилась в разговор Холли.

«ВАМ ПРИСНЯТСЯ СНЫ».

Страница закончилась. Джим вырвал ее и бросил на кучу исписанных листков.

Стены залило тусклым кроваво-красным светом. В комнате сгустились тени.

«СНЫ — ДВЕРИ».

— Что ты говоришь?

В ответ появились те же слова:

«СНЫ — ДВЕРИ».

- Нет, сны — опасность, подумала Холли.

Глава 7

Мельница снова превратилась в обычную мельницу. Камень, бревна, гвозди. Пыль, гнилые доски, ржавое железо. Пауки в щелях.

Холли в позе индейского вождя сидела напротив Джима. Их колени соприкасались, его рука покоилась в ее ладонях. Тепло его тела придавало ей силы, и к тому же она хотела смягчить резкость слов, которые собиралась ему сказать.

— Послушай, солнышко. Ты самый интересный, самый сексуальный и, я уверена, самый добрый мужчина на свете. Но репортер из тебя никудышный. Брать интервью ты совершенно не умеешь. Спрашиваешь о чем угодно, только не о том, о чем нужно. Кроме того, наивно думаешь, что собеседник говорит чистую правду, чего почти никогда не бывает. Ответы надо вытягивать, а не смотреть, как тебе морочат голову.

Джим нисколько не обиделся. Улыбнувшись, он сказал:

— Я не считал, что нахожусь в роли репортера, который берет интервью.

— Замечательно, но так и было в действительности. Этот Друг, как он себя называет, располагает информацией. С ее помощью можно выяснить, что происходит и как нам быть дальше.

— Мне это представлялось иначе... Не знаю, как сказать... Явление, что ли. Когда Бог явился Моисею и сообщил ему десять заповедей, думаю, если у пророка и осталась пара невыясненных вопросов, он все-таки не рискнул допрашивать Всевышнего «с пристрастием».

— Мы говорили не с Богом.

— Знаю. Я уже расстался с подобной идеей. Но внезапной разум неизмеримо выше нашего. По сути дела, он тот же Бог.

— Мы в этом не уверены, — заметила Холли.

— Еще как уверены! Представь, сколько нужно ума и тысячелетнего опыта, чтобы создать цивилизацию, способную путешествовать из одной галактики в другую, — Бог ты мой, да мы просто обезьяны по сравнению с ними!

— Вот об этом я и говорю. Откуда ты знаешь, что они из другой галактики? Потому что поверил ему на слово. С чего ты взял, что на дне пруда космический корабль? Опять же потому, что он так сказал.

Джим начал терять терпение:

— Зачем ему нас обманывать? Какая от этого польза?

— Не знаю. Но мне кажется, он играет с нами, как с куклами. Я подготовлюсь к его возвращению. Потрачу два-три часа, сколько хватит времени, чтобы составить список вопросов. Проведем небольшое расследование. Он предпочитает кормить нас выдумками, а нам необходимо узнать правду. Вопросы должны помочь. — Заметив, как нахмурился Джим, и опасаясь, что он вот-вот ее прервет, Холли перешла на скороговорку:

— Ну, хорошо, хорошо. Возможно, он не умеет лгать, он благородный, честный, каждое

его слово — святая истина. Но послушай, Джим, это не Явление! Друг сам внушил тебе мысль купить фломастер и блокноты, сам выбрал форму вопросов и ответов. И он хочет, чтобы мы спрашивали. Он вообще мог бы с тобой беседовать из горящего тернового куста, как Господь с Моисеем.

Джим уставился на нее, задумчиво прикусив губу. Потом перевел взгляд на стены, в которых еще недавно плавало светящееся существо.

— Ты даже не спросил, почему должен спасать именно тех, а не иных людей, — не давала ему опомниться Холли.

Он посмотрел на нее. Очевидно, его тоже поразило, что он забыл спросить о самом главном. В молочном сиянии лампы, внутри которой тихо посвистывал газ, глаза Джима потеряли изумрудный оттенок и снова стали синими. Синими и тревожными.

— О'кей, — сказал он. — Ты права. Я увлекся, и меня понесло не в ту сторону. Но ведь это же чудо, правда, Холли?

— Правда, — подтвердила она.

— Пусть будет по-твоему. Давай составим список вопросов, а, когда он вернется, спрашивать будешь ты. У тебя это действительно лучше получается. Особенно если нужно что-нибудь уточнить, не теряя ни секунды.

— Согласна, — ответила Холли, испытывая огромное облегчение от предложения Джима. Слава Богу, ей не пришлось на него давить.

Она профессиональный репортер, интервью — ее хлеб, и, кроме того, в таком деле на Джима нельзя полностью положиться. Друг знает его очень давно и однажды уже заставил забыть о встрече, случившейся двадцать лет назад. Поэтому выходит, Джим с нею заодно и одновременно против нее, хотя сам он этого не сознает. Возможно, Друг сотни раз проникал в неокрепшее детское сознание. Десятилетний Джим, потрясенный смертью родителей, был более уязвим для чужого контроля и воздействия, чем обычные мальчишки его возраста. Кто знает, может быть, в подсознании Джима Айренхарта записана программа, повелевающая ему не раскрывать, а охранять тайны Друга.

Холли понимала, что в своих рассуждениях она идет по тонкой нити, отделяющей благоразумную предосторожность от паранойи, и, вероятно, ее все сильнее клонит в сторону последней. Впрочем, раз дело принимает такой оборот, легкая паранойя — нечто вроде рецепта от смерти.

Несмотря на подобные мысли, стоило Джиму собраться в туалет, как она сразу последовала за ним, потому что не хотела оставаться наверху одна. Пока он поливал прутья железного забора, за которым начиналось унылое кукурузное поле, Холли, повернувшись к нему спиной, не мигая смотрела на черную воду пруда.

Она прислушалась к кваканью лягушек и звону цикад. Встреча с неведомым выбила Холли из равновесия, и теперь даже самые привычные звуки казались ей зловещими.

Хватит ли сил у журналистки-неудачницы и бывшего школьного учителя, чтобы совладать со странной и могущественной силой, с которой им довелось столкнуться? Может быть, лучше всего немедленно покинуть ферму? Вот только интересно, позволят ли им уехать?

Друг исчез, но страх Холли не пропал, а только усилился. Ее не покидало чувство, что над их головами на человеческом волоске подвешен тысячетонный груз и магическая сила, которая его удерживает, слабеет с каждой секундой. От страшной тяжести волосок растягивается, как стекловата, и становится все тоньше.

* * *

К полуночи они доели шоколадные пирожные и исписали семь страниц, готовя вопросы для Друга-Сахар придает силы и утешает в минуты грусти, но для издерганных нервов от него мало толку. Тревога Холли стала острой, как грань белого рафинада или как хорошо наточенная бритва.

Расхаживая по комнате с блокнотом в руке, она возбужденно говорила Джиму, который лежал на спине, закинув руки за голову:

— На этот раз ему не удастся отделаться от нас письменными ответами. Он нарочно тянет время. Мы должны сделать так, чтобы он заговорил.

— Он не может разговаривать.

— Откуда ты знаешь?

— Мне так кажется. Иначе зачем все эти блокноты и фломастер?

— Тебе так кажется? — повторила его слова Холли. — Значит, поменять молекулярный состав стены, пройти через камень — это пожалуйста, а разговаривать не может? Если он не врет и действительно умеет принимать любую форму, что ему стоит сделать себе рот и голосовые связки, чтобы разговаривать, как все уважающие себя пришельцы?

— Похоже, ты права, — с беспокойством сказал Джим.

— Помнишь, он говорил, что если захочет, то может показаться нам в образе мужчины или женщины?

— Помню.

— Я вовсе не прошу, чтобы он материализовался. Пускай заговорит обычным бесплотным голосом. Еще одно световое шоу, но со звуковым оформлением.

Прислушавшись к своим внутренним ощущениям, Холли поняла: она специально «заводится», чтобы до прихода Друга не растерять боевой запал. К подобному трюку ей не раз приходилось прибегать, беря интервью у чересчур важных или опасных собеседников.

— О'кей, он может говорить, но неизвестно, захочет ли он вообще с нами разговаривать.

— Мы же решили, что не позволим ему устанавливать свои порядки.

— Не понимаю, почему, что бы он ни сказал, ты все встречаешь в штыки?

— Не все.

— Но нужно иметь хотя бы чуточку уважения к нему.

— Я его уважаю, черт возьми!

— Не похоже.

— Я не сомневаюсь, что стоит ему захотеть — и он раздавит нас как мошек. Тут поневоле зауважаешь.

— Это не то уважение, о котором я говорю.

— Другого он у меня не заслужил, — отрезала Холли, продолжая мерить шагами комнату. — Пусть сначала прекратит свои штучки, перестанет нас запугивать и честно ответит на вопросы — тогда, может быть, я стану его уважать и за другие качества.

— По-моему, ты боишься, — сказал Джим, поглядев ей в лицо.

— Кто, я?

— Ты стала очень враждебной.

— Ни капельки.

Он нахмурился:

— Как будто стучишься в слепую враждебную стену.

— Ничего подобного. Всего лишь метод нападения современного репортера. Ты не задаешь вопросы, чтобы потом разъяснять читателю, что сказал собеседник, а атакуешь. У тебя есть схема, своя версия правды, и ты обязана преподнести ее публике независимо от того, насколько она совпадает с действительностью. Я не любила пользоваться этим способом и всегда проигрывала другим репортерам. Сейчас я жду не дождусь атаки. Но разница в том, что мне нужна настоящая, а не сфабрикованная правда, и я намерена вытянуть ее из этого пришельца во что бы то ни стало.

— Может, он не придет.

— Но он обещал.

— Если ты готовишь ему такую встречу... — Джим покачал головой.

— Хочешь сказать, он меня испугается? Что это тогда за высшая сила?

Зазвенели колокольчики, и Холли точно подбросило.

— Спокойно, спокойно, Холли! — Джим тоже поднялся с пола.

Колокольчики умолкли, потом зазвенели, и опять стало тихо. Когда звон раздался в третий раз, в стене вспыхнул неяркий красный огонек. Он быстро разгорался и внезапно, взметнувшись под купол потолка, озарил комнату ослепительным фейерверком. Колокольчики замолчали. Мириады сверкающих искр слились в пульсирующие пятна света, похожие на радужные амёбы. Все как в прошлый раз.

— Очень эффектно, — сказала Холли. Заметив, что красный свет приобретает оранжевый, а затем и янтарный оттенок, она решила завладеть инициативой.

— Мы подумали, что прошлый способ общения не слишком удобен, и решили предложить тебе отвечать на вопросы устно, а не писать их в блокноте.

Друг молчал.

— Ты будешь с нами разговаривать? Вопрос снова остался без ответа. Сверившись с блокнотом, который держала в руке, Холли прочла первый вопрос из списка:

— Ты — высшая сила, которая посылала Джима спасать людей?

Она подождала. Молчание.

Сделала еще одну попытку. Тот же результат.

Она упрямо повторила вопрос. Друг не заговорил, но Джим окликнул ее:

— Смотри, Холли.

Обернувшись, она увидела, что он разглядывает второй блокнот. Первые десять-двенадцать страниц были исписаны. В жутком дрожащем свете камня она узнала знакомый почерк Друга.

На первой странице в самом верху стояло:

— ДА. «Я — ЭТА СИЛА».

— Он ответил на все вопросы, которые мы подготовили, — сказал Джим.

Холли в ярости швырнула блокнот. Он перелетел через комнату и, звонко ударившись об оконное стекло, упал на пол.

— Что ты делаешь, Холли...

Ее свирепый взгляд заставил Джима умолкнуть на полуслове. В полупрозрачном известняке тревожно пульсировал свет. Холли сказала Другу:

— Бог дал Моисею десять заповедей. Они были написаны на камнях, на скрижалях. Однако Создатель выкроил время и для беседы. Если сам Бог снизошел до простых смертных, почему бы тебе не последовать его примеру?

Она не оглянулась посмотреть, как отреагирует Джим на ее методы нападения. Главное, чтобы он ее не прерывал.

Друг молчал, и Холли повторила первый вопрос из своего длинного списка:

— Ты — высшая сила, которая посылала Джима спасать людей?

— Да. Я — эта сила, — ответил ей негромкий приятный баритон.

Как и звон колокольчиков, звуки голоса шли сразу со всех сторон. Друг решил не принимать человеческий облик или являть им в камне свое лицо. Его слова рождались из пустоты и таяли в воздухе.

Холли перешла к следующему вопросу:

— Откуда ты знаешь, что этих людей подстерегает смерть?

— Границы времени надо мной не властны.

— Что ты имеешь в виду?

— Прошое, настоящее, будущее.

— Ты умеешь видеть будущее?

— Я живу в будущем, как и в прошлом, и настоящем.

Блеск стал спокойнее, словно таинственный собеседник принял ее условия и подобрел.

Джим приблизился к ней и положил руку на плечо. Его легкое пожатие означало: «Молодец, Холли».

Боясь уклониться от темы, она решила не углубляться в подробности путешествий в будущее. Нужно использовать время с толком. А то получится: Друг решит, что ему пора

уходить, а она не успеет задать и половины вопросов. Холли снова уткнулась в свой блокнот.

— Почему ты хочешь спасти именно этих людей?

— Чтобы помочь человечеству, — торжественно ответил голос, в котором слышались нотки напыщенности.

Хотя, может быть, ей так только показалось: модуляции голоса были очень ровными, почти как у машины.

— Но люди умирают каждый день. Большинство из них ничем не заслужили такой участи. Почему ты выбрал именно этих людей?

— Они особые люди.

— Что значит — особые?

— Оставшись в живых, они сослужат человечеству огромную службу.

— Ну и ну, — сказал Джим.

Такого поворота она не ожидала. Ответ походил на правду, однако Холли все еще колебалась. Ее беспокоило, что она уже где-то слышала голос Друга. Она не могла вспомнить, при каких обстоятельствах, но что-то в голосе, несмотря на уверенный ровный тон, заставило ее насторожиться.

— Ты утверждаешь, что способен видеть не только то, что случится в будущем, но и то, что могло бы случиться?

— Да.

— Но в таком случае, кто же ты, если не Бог?

— Нет. Я не могу видеть так ясно, как он. Но я тоже вижу.

Джим, к которому вернулось веселое мальчишеское настроение, с интересом разглядывал калейдоскоп радужных пятен света и улыбался, довольный услышанным.

Холли отвернулась от стены и направилась к своему чемодану, лежавшему на другом конце комнаты.

— Что ты делаешь? — Джим озабоченно посмотрел на нее.

— Искала вот это. — Она открыла чемодан и, порывшись в вещах, достала записную книжку с информацией, собранной во время поисков Джима. Холли встала, открыла свои записи и нашла список людей, спасенных до 246-го рейса. Сказала, обращаясь к сидящему в известняке существу:

— «Пятнадцатое мая. Атланта, Джорджия. Сэм Ньюсом и его пятилетняя дочь Эмили». Какую важную службу они сослужат человечеству? Чем они лучше других людей, которые умерли в тот день?

Друг медлил с ответом.

— Ну так как? — требовательно поторопила его Холли.

— Эмили станет великим ученым и найдет средство от страшной болезни, — в голосе явно имелась нотка напыщенности.

— Какой болезни?

— Почему вы мне не верите, мисс Тори? — Вопрос был задан с вежливостью дворецкого, но в торжественном горделивом тоне ей почудилась затаенная ребяческая обида.

— Скажи мне, что это за болезнь, и, может быть, я тебе поверю, — сказала Холли.

— Рак.

— Какой рак? Есть много типов рака.

— Все.

Она снова сверилась с записной книжкой.

— «Седьмое июня. Корона, Калифорния. Луис Андресетти».

— У него родится сын, который станет великим дипломатом.

«Лучше, чем умереть от многочисленных змеиных укусов», — подумала она.

— «Двадцать первое июня. Нью-Йорк. Тадеуш...»

— Станет великим художником, и его работы дадут надежду миллионам людей.

— Хороший парень, — счастливо сказал Джим, который верил каждому слову. — Он мне сразу понравился.

Не обращая на него внимания, Холли продолжала читать список:

— «Тридцатое июня. Сан-Франциско...»

— Ребенок Рэчел Стейнберг станет великим духовным лидером.

Голос Друга ее раздражал. Она не сомневалась, что уже слышала эти интонации. Вот только где?

— «Пятое июля...»

— Майами, Флорида. Кармен Диас. Ее сын станет президентом Соединенных Штатов.

— Почему сразу не президентом мира? — Холли обмахнулась записной книжкой, как веером.

— Четырнадцатое июля. Хьюстон, Техас. Аманда Каттер. Ее ребенок будет работать на благо мира, — возвестил таинственный голос.

— А как насчет Второго пришествия? — съязвила Холли. Джим отошел от нее и прислонился к стене, окруженный мерцающим ореолом.

— Что с тобой творится? — спросил он.

— Слишком все гладко.

— Что гладко?

— Он говорит, что посылал тебя спасти особых людей.

— «Чтобы помочь человечеству».

— Конечно, конечно, — сказала она стене и повернулась к Джиму. — Тебе не кажется, что эти люди слишком «особые»? История опять становится банальной. Нет чтобы стать просто хорошим врачом, бизнесменом, который построит новые заводы и даст людям работу, честным, смелым полицейским или, скажем, заботливой медсестрой — их дети непременно будут великими дипломатами, великими учеными, великими политиками, великими миротворцами. Великими, великими, великими!

— Это и есть твой метод нападения современного репортера?

— Угадал.

Он оттолкнулся от стены, убрал со лба густую каштановую прядь.

— Я согласен, для тебя все это выглядит как эпизод из «Внешних пределов». Но давай поразмыслим. Ситуация невероятная, экстраординарная. Пришелец из иного мира, который для нас кажется Богом, решает меня использовать, чтобы дать человечеству лучший шанс. Вполне логично, он хочет, чтобы я спасал особых людей, действительно особых, а не твоего вымышленного бизнесмена.

— О да, вполне логично, — кивнула головой Холли. — Вот только я плохо верю в эту историю, а у меня особое чутье на обман.

— Благодаря ему ты добилась великих успехов в журналистике? — в их разговор вклинился голос пришельца.

В другое время она бы посмеялась над всемогущим инопланетянином, который опустил до жалких шпилек в ее адрес. Но если раньше нотки нетерпения и обиды в его голосе только угадывались, то теперь они прозвучали так ясно, что Холли стало не по себе. Оказаться лицом к лицу с галактическим Богом, оскорбленным в своих лучших чувствах, — перспектива не из приятных.

— Как тебе нравится высшая сила? — сказала она Джиму. — Еще пару секунд — и он назовет меня сукой.

Она заглянула в свои записи:

— «Двенадцатое июля. Стивен Эймс, Бирмингем, Алабама».

Сквозь стены плыли волны янтарного света. Краски потеряли былую гармонию. Стали резкими и нервными. Если сравнить предыдущее светопредставление со спокойной симфонией Брамса, то теперь зрелище напоминало нестройное завывание плохого джаз-оркестра.

— Так как насчет Стивена Эймса? — настойчиво спросила Холли, обмирая в ожидании ответа. Воспоминания о прошлых победах придавали ей силы.

— Я ухожу.

— Быстро ты на этот раз засобирался, — заметила Холли.
Янтарный свет начал меркнуть.
— На корабле нет регулярных смен, но мой черед придет, и я вернусь.
— Но все-таки ответь, зачем было спасать Стивена Эймса? Пятьдесят семь — не лучший возраст для производства великих дипломатов. Хотя, конечно, если постарается... Почему ты его спас?
Голос стал более низким, баритон сменился твердым жестким басом:
— Не пытайтесь уйти, это будет неразумно с вашей стороны.
Наконец-то. Все это время она напряженно ждала, когда Друг произнесет эти слова.
Другое дело Джим. Он огляделся по сторонам, точно хотел в неистовом кружении янтарных пятен отыскать фигуру пришельца и поймать его взгляд.
— Что ты говоришь? Мы уйдем, когда захотим.
— Вы должны дожидаться моего возвращения. Попытайтесь уйти — умрете.
— Ты раздумал помогать человечеству? — язвительно спросила Холли.
— Не спите.
Джим подошел к ней и обнял за плечи. От отчуждения, возникшего между ними из-за ее конфликта с Другом, не осталось и следа.
— Не смейте спать.
Известняк покрылся яркими красными точками.
— Сны — двери.
Кровавый свет исчез.
Над очерченным лампой кругом сгустилась тьма, и в наступившей тишине было слышно, как в стеклянной колбе тихо посвистывает газ.

Глава 8

Холли стояла на пороге комнаты с фонарем в руке и всматривалась в темноту. Джим решил, что она пытается выяснить, будут ли препятствовать их попытке покинуть мельницу, и если да, то насколько серьезна угроза.

Он лежал на спальном мешке и, наблюдая за Холли, недоумевал, почему все идет насмарку.

Джим приехал на мельницу, потому что после непонятного и страшного происшествия в спальне стало невозможно закрывать глаза на темную сторону окружающей его тайны. Раньше он предпочитал плыть по течению, выполняя то, что от него требовалось: в последнюю секунду выхватывать людей из огня, быть скромным супергероем, который живет тихо, неприметно, зависит от расписания авиарейсов и сам стирает свои носки. Однако теперь, когда Враг — кто бы ни скрывался под ужасной личиной — с неистовой яростью вторгся в его жизнь, нельзя позволить себе роскошь и дальше оставаться в неведении. Враг старается пробиться к ним извне, возможно, из другого измерения, и с каждой попыткой чудовище все ближе к цели. Джим не собирался во что бы то ни стало узнавать правду о высших силах, руководящих его поступками, потому что верил: нужно запастись терпением и рано или поздно истина ему откроется. Но узнать правду о Враге было необходимо, чтобы выжить.

Тем не менее Джим ехал на ферму, испытывая двойственное чувство: готовился к худшему и все-таки надеялся на лучшее. Бросившись в неведомое, точно в омут, он рассчитывал найти объяснение своей священной миссии спасения людей. Но теперь в голове царил полнейший беспорядок. Некоторые события — звон в камне, чудесный свет Друга — принесли удивительную долгожданную радость. Его окрылило открытие, что те, кого он спас, принадлежат к особой категории людей, чьи жизни повлияют на развитие всего человечества. Но вспыхнувшее в нем торжество померкло, стоило заподозрить, что Друг утаивает часть правды либо, в худшем случае, лжет от начала до конца.

Детская капризность высшей силы подействовала на него угнетающе. Джим потерял

былую уверенность, что со дня спасения Ньюсомов действовал только во имя добра.

И все-таки несмотря на страх, в нем теплилась надежда. Хотя в сердце Джима поселилось и стало расти отчаяние, присущий ему хрупкий оптимизм не позволял окончательно упасть духом.

Холли выключила фонарь, вернулась в комнату и села на пол.

— Не знаю. Может, это пустая угроза. Но есть только один способ проверки: попробовать уехать.

— Ты хочешь уехать?

Она отрицательно покачала головой.

— Какой смысл уезжать с фермы? Куда бы мы ни поехали, он все равно нас отыщет. Ведь так? Он добрался до тебя в Лагуна-Нигель, нашел в Неваде и послал в Бостон спасать Николаса О'Коннора.

— Да. Где бы я ни оказался, везде чувствовал его присутствие. В Хьюстоне, Флориде, Франции, Англии — он указывал мне направление, сообщал, что случится, а я делал то, что он хотел.

Холли выглядела измученной. Ее щеки стали впалыми, под глазами залегли тени, а бледность лица не могла объясняться только мертвенным сиянием газовой лампы.

Она устало прикрыла глаза и потерла переносицу, точно желая избавиться от головной боли.

Джим пожалел, что позволил ей попасть в такую историю. Однако, подобно страху и отчаянию, его сожаление не было совсем искренним. В глубине души сознавая, что ведет себя эгоистично, он радовался, что Холли рядом и останется с ним, как бы ни сложились события этой странной ночи. Одиночество исчезло навсегда.

Сердито нахмурившись и все еще потирая переносицу, Холли сказала:

— Это существо водится не только в окрестностях пруда и не просто путешествует на большие расстояния. Судя по моим царапинам и потолку спальни, оно появляется где угодно и как угодно.

— Подожди, — перебил ее Джим, — мы знаем, что Враг умеет материализовываться в пространстве, но неизвестно, способен ли на это Друг. Именно Враг пытался настигнуть тебя во сне, и он же охотился за нами утром в Лагуна-Нигель.

Холли открыла глаза и, убрав руку от лица, сурово посмотрела на Джима.

— Я думаю. Друг и Враг — одно и то же — Что?

— Я не верю, что на дне пруда, в корабле, если он вообще существует, живут двое Друг и Враг — всего лишь противоположные стороны единого целого. Холли выразилась достаточно ясно, но Джим не решался поверить в страшный смысл ее слов. Наконец он сказал:

— Ты серьезно? Ведь это все равно что... назвать его сумасшедшим.

— О чем я и говорю. У него настоящее раздвоение личности. И каждая половина не ведает, что творит другая.

Заметив на лице Джима отчаянное желание сохранить веру в доброго, разумного Друга, Холли взяла его руку в свои ладони и торопливо заговорила:

— Вспомни его капризность, хвастовство. Чего стоит одно утверждение, будто он способен изменить судьбу человечества. А настроение? То он приторный как сахар, то злой как черт. И все время врет. Что ни слово — то ложь, а потом сам верит в свои рассказы. Да еще без всякой причины напускает на себя таинственность. Сам посуди, разве это не напоминает картину психического расстройства?

Джиму показалось, что он увидел слабое место в ее рассуждениях.

— Ты думаешь, существо с расстроенной психикой могло управлять сложным космическим кораблем? Только представь миллионы световых лет и бесчисленные опасности, которые ему пришлось преодолеть.

— Но, может быть, безумие наступило уже после приземления. Корабль мог вести робот или другие существа, которые, возможно, погибли. Он никогда о них не говорил,

только о Враге. Но, если и в самом деле поверить в его внеземное происхождение, тебе не кажется странным, что в такую сложную экспедицию посылают экипаж из двух астронавтов? Кто знает, может, он убил остальных.

Все в рассуждениях Холли могло оказаться правдой, но в таком случае правдой могло оказаться что угодно. Они столкнулись с Неведомым, таящим в себе неисчислимые возможности. Джим вспомнил, как прочел в одной книге, что даже многие ученые полагают: образы, рожденные в человеческом воображении, какими бы невероятными они ни казались, могут существовать где-то во Вселенной, потому что неопределенная природа мироздания наделила воображение не меньшей подвижностью и продуктивностью, чем человеческие сны.

Джим поделился с Холли возникшими у него мыслями. Потом сказал:

— Меня смущает, что ты сейчас делаешь то, во что сама раньше не верила: изо всех сил стараешься объяснить проявления чужого разума, которые, с нашей точки зрения, просто не поддаются объяснению. Разве можно говорить о безумии или раздвоении личности у пришельцев, если это чисто земные понятия?

— Конечно, ты прав, — кивнула Холли. — Но в данный момент это единственная теория, которая имеет хоть какой-то смысл. И пока она не опровергнута, я буду считать, что мы имеем дело с иррациональным существом.

Джим протянул свободную руку и сделал огонек в лампе поярче.

— У меня прямо мурашки по коже, — сказал он, передернув плечами.

— Не у тебя одного.

— Если он и в самом деле шизофреник... Что будет, если он войдет в образ Врага и уже не выйдет обратно?

— Мне об этом и думать не хочется, — ответила Холли. — Если он выше нас по разуму, а опыт его цивилизации по сравнению с историей человечества все равно что энциклопедия и короткий рассказ, он наверняка знает такое, от чего Гитлер, Сталин и Пол Пот покажутся учителями воскресной школы.

Ее слова повергли Джима в уныние. Он гнал от себя черные мысли, но они все равно возвращались. Съеденные пирожные жгли желудок, точно раскаленные камни.

— Когда он вернется... — заговорила Холли.

— Ради Бога, Холли, — перебил ее Джим, — никакого нападения!

— У меня не вышло, — признала она свою неудачу. — Но мы были на правильном пути. Просто я слишком далеко зашла, перегнула палку. Когда он вернется, нужно изменить тактику.

Теория Холли о безумии пришельца подействовала на Джима сильнее, чем он этого хотел. Его бросало в холодный пот при мысли о том, что с ними станет, если в Друге возобладает темная половина личности.

— А почему бы не оставить его в покое и не бить по его самолюбию, пускай себе радуется...

— Бесполезно. Если будешь потакать безумию, никогда с ним не справишься. Любая сиделка из психиатрической клиники скажет тебе, что с буйно помешанными лучше всего вести себя спокойно и уважительно, но твердо.

Почувствовав, как взмокли его ладони, он освободился от руки Холли и вытер пот о рубашку.

На мельнице воцарилась мертвая, неестественная тишина. Ни единого звука. Казалось, их запечатали в огромную стеклянную колбу и выставили на обозрение в музее страны великанов. В другое время тишина вызвала бы у Джима беспокойство, но на этот раз она вселяла в него надежду, что Друг уснул или занят своими делами и ему сейчас не до них.

— Он хочет нам добра, — сказал он Холли. — Даже если он сумасшедший, буйно помешанный и вторая половина его личности — воплощение зла. Он словно доктор Джекилл и мистер Хайд в одном лице, и доктор Джекилл искренне хочет добра. По крайней мере, одно это уже в нашу пользу.

Холли обдумала слова Джима и кивнула:

— Похоже, ты прав. Когда он вернется, я постараюсь вывести у него правду.

— Вот только поможет ли это нам? Если он сумасшедший, то рано или поздно сорвется и начнет крушить все подряд. Этого я боюсь больше всего.

— Вполне возможно, но мы должны сделать попытку.

После ее ответа наступила неприятная тревожная тишина.

Взглянув на часы, Джим увидел, что уже десять минут второго. Спать не хотелось. Он не боялся незаметно задремать и открыть двери, о которых говорил Друг, но чувствовал, что валится с ног от усталости. Хотя днем он только вел машину, сидел и стоял во время беседы с инопланетянином, все мышцы болели, как после долгой тяжелой работы. Лицо покрылось холодным потом, а в глаза будто набили песку. Стресс оказывает не менее разрушительное действие, чем тяжелое физическое напряжение.

Джим поймал себя на мысли, что он, словно мальчишка, который не хочет идти к зубному врачу, больше всего на свете мечтает, чтобы Друг никогда не вернулся. Он желал этого всеми фибрами души и, словно ребенок, верил: стоит очень захотеть — и желаемое непременно исполнится.

В памяти всплыли слова, которые Джим цитировал на уроках литературы при изучении фантазмагорий По и Хоторна: «Ужас превращает нас в детей». Если он когда-нибудь вернется в школу, то сумеет раскрыть тему ужаса гораздо Лучше, чем до приезда на старую мельницу.

Но мечты не сбылись: в час двадцать появился Друг. На этот раз его прибытие не сопровождалось звоном колокольчиков. В стене вспыхнул красный свет, точно в чистую воду плеснули алую краску.

Холли вскочила на ноги. Джим последовал ее примеру. Трудно спокойно усидеть на месте, когда знаешь, что загадочное существо может в любой момент нанести безжалостный удар. Комнату наполнил рой красных светящихся точек, которые начали приобретать янтарный оттенок.

Друг заговорил, не дожидаясь вопросов:

«Первое августа. Сиэтл. Спасена тонущая Лора Ленаскиан. Ее ребенок будет великим композитором, и его музыка принесет утешение многим несчастным людям. Восьмое августа. Пеория, Иллинойс, Дуги Беркет. Вырастет и станет специалистом в области парамедицины. В Чикаго он спасет тысячи жизней. Двенадцатое августа. Портленд, Орегон. Билли Дженкинс. Его гениальные изобретения произведут революцию в медицине...»

Взгляды Холли и Джима встретились. Оба замерли, пораженные одной и той же мыслью: к Другу вернулось хвастливое настроение, и он снова «играет на публику», стремясь доказать свои притязания на роль спасителя человечества. Но как узнать, что в его словах правда, а что вымысел? Самое важное то, что пришелец очень хочет, чтобы ему поверили. Джим не мог понять, какое дело до их мнения существу, стоящему на неизмеримо более высокой ступени развития. По сравнению с ним они с Холли — просто серые мыши. И тем не менее Другу не безразлично, что они подумают.

А раз так — из этого можно извлечь пользу. «Двадцатое августа. Пустыня Мохавк, Невада. Лиза и Сузи Явольски. Любовь и забота матери помогут Сузи преодолеть последствия психологической травмы, вызванной гибелью отца, и она станет величайшим государственным деятелем всех времен, прославится успехами на ниве просвещения и помощи нуждающимся. Двадцать третье августа. Бостон, Массачусетс. Николас О Коннор, спасен при взрыве трансформаторной будки. Он вырастет и станет священником, который посвятит жизнь уходу за бедняками в индийских трущобах...»

Наивность попытки Друга ответить на критику Холли и представить свою работу в менее грандиозном свете была видна невооруженным глазом: вместо того чтобы спасти мир, маленькому Беркету надлежало стать просто хорошим врачом, а Николасу О'Коннору предлагалось владеть скромным существованием среди голодных индусов. Однако остальные спасенные по-прежнему блистали всевозможными великими талантами.

По-видимому, пришелец постарался придать своей истории достоверность и убрал излишний налет гениальности, но потом в нем заговорила профессиональная гордость и он не захотел окончательно умять свои достижения.

И еще одно беспокоило Джима: голос. Чем дольше он к нему прислушивался, тем сильнее убеждался, что слышал его раньше, но не на мельнице двадцать пять лет назад, а совсем при других обстоятельствах. Голос немного отличается от слышанного, но это и естественно: у пришельца нет и подобия голосовых связок, а природа рождения звука не похожа на земную. Невидимое существо подражает голосу человека, которого Джим когда-то знал, но вспомнить не мог, как ни пытался.

«Двадцать шестое августа. Дубьюк, Айова. Кристин и Кейси Дубровек. Кристин родит еще одного ребенка, который станет великим генетиком следующего столетия. Кейси будет замечательным учителем и окажет огромное влияние на жизнь своих учеников. Она никогда не совершит ошибки, которая приведет к самоубийству школьника».

Джим вздрогнул, будто его с размаху ударили молотком в солнечное сплетение. Оскорбительный выпад, намекавший на смерть Ларри Какониса, окончательно разрушил его веру в добрые намерения Друга.

— Удар ниже пояса, — сказала Холли.

Колкие слова пришельца вызвали у Джима настоящий приступ дурноты.

Янтарные лучи проникали сквозь стены, и комната озарялась ярким светом. Похоже, Друг наслаждался эффектом своего удара.

Джима захлестнула волна отчаяния, и ему вдруг пришло в голову, что живущее в пруду существо — олицетворение чистого зла и, может быть, спасенные им люди будут служить не на благо человечества, а, наоборот, приведут к его гибели. Возможно, Николас О'Коннор станет маньяком-убийцей, а Билли Дженкинс вырастет в пилота ядерного бомбардировщика, который перехитрит системы противовоздушной обороны и сбросит на город смертельный груз.

Кто знает, может, Сузи Явольски вместо карьеры великого государственного деятеля выберет путь террора и в споре со своими оппонентами будет использовать бомбы и пулемет.

Но, оказавшись на краю черной бездны, Джим вдруг представил лицо маленькой Сузи Явольски и подумал: ее глаза — сама невинность. Девочка не способна на зло. Его усилия не пропали впустую. Друг, несмотря на видимое безумие и жестокость, действительно делал добро.

— У нас есть к тебе вопросы, — обратилась Холли к светящейся стене.

— Спрашивайте, спрашивайте.

Холли углубилась в свои записи, и Джим с надеждой подумал, что она будет не слишком агрессивной. Он чувствовал, что Друга очень легко вывести из равновесия.

— Почему ты выбрал для своих целей Джима?

— Это было удобно.

— Потому что он жил на ферме?

— Да.

— Ты когда-нибудь обращался к другим людям, кроме Джима?

— Нет.

— Ни разу за десять тысяч лет?

— Пытаешься поймать меня на слове? Думаешь, тебе это удастся? Все еще не веришь, что я говорю правду?

Холли взглянула на Джима, и он покачал головой, показывая, что она выбрала неподходящее время для споров. Осмотрительность — не только лучшая часть мужества, но и их единственная надежда на спасение.

Он спросил себя, умеет ли существо читать его мысли или даже проникать в мозг и вводить свою программу. Скорее всего нет. Если бы пришелец знал, что они все еще считают его сумасшедшим, спокойной беседе давно бы пришел конец.

— Извини, — сказала Холли. — У меня и в мыслях не было ловить тебя на слове.

Просто мы хотим узнать о тебе побольше. Все это так удивительно! Если наши вопросы покажутся тебе обидными, пойми, пожалуйста, что это без злого умысла, по незнанию.

Друг ничего не ответил.

Промежутки между вспышками стали помедленнее, и, хотя Джим понимал: действия инопланетного существа не могут укладываться в обычные рамки человеческого поведения, ему показалось, что настроение пришельца изменилось и в красочном движении пятен света кроется настоящее самодовольство. Похоже, Друг переваривает слова Холли, решая, поверить или не поверить в их искренность.

Наконец они услышали его заметно подобревший голос:

— Задавайте ваши вопросы.

Холли заглянула в блокнот и спросила:

— Ты когда-нибудь освободишь Джима от этой работы?

— Он хочет, чтобы его освободили?

Холли испытующе посмотрела на Джима.

— Нет, если я действительно делаю добро, — сказал Джим и удивился собственному ответу, вспомнив испытания, через которые ему пришлось пройти за последние месяцы.

— Конечно, добро. Как ты можешь в этом сомневаться? Однако неважно, веришь ты в мои добрые намерения или нет, я никогда тебя не отпущу.

Зловещий тон Друга внес новую сумятицу в сердце Джима, который только что с облегчением узнал, что не спасает будущих воров и убийц.

— Но зачем тебе... — начала Холли.

— Есть еще одна причина, почему я выбрал Джима Айренхарта для этой работы.

— Какая? — быстро спросил Джим.

— Ты искал ее.

— Я?

— Тебе была нужна цель.

Джим понял. Страх перед Другом не уменьшился, но желание пришельца помочь ему тронуло до глубины души.

Придать смысл его пустой сломанной жизни — значило то же самое, что спасти Билли Дженкинса или Сузи Явольски, хотя они были избавлены от смерти мгновенной, а ему угрожало медленное и мучительное угасание души. Слова Друга говорили о том, что странному существу знакомо чувство сострадания, а Джим заслужил сочувствие, когда после самоубийства Ларри Какониса впал в тяжелую непроходящую депрессию. Даже если заверения пришельца — сплошная ложь, у него на глаза навернулись слезы благодарности.

— Почему ты ждал десять тысяч лет, чтобы выбрать кого-нибудь вроде Джима для помощи человечеству? — спросила Холли.

— Нужно было изучить ситуацию, собрать информацию, проанализировать и только потом решить, насколько оправдано вмешательство.

— И для этого тебе понадобилось десять тысяч лет? Но зачем? Вся наша письменная история столько не насчитывает!

В ответ — молчание.

Холли повторила вопрос.

Последовала долгая пауза, и наконец Друг сказал:

— Я ухожу.

Затем, видимо, опасаясь, что проявление сочувствия может быть расценено как слабость, голос внушительно добавил:

— Попытайтесь уйти — умрете.

— Когда ты вернешься?

— Не спите.

— Уже два часа ночи!

— Сны — двери.

— Черт возьми! Что же, нам вообще не спать? — взорвалась Холли. Свечение в стенах

погасло.

Друг ушел.

* * *

Где-то смеются. Слушают музыку. Танцуют. Любят.

Круглая комнатка на чердаке мельницы, некогда использовавшаяся под склад, была до потолка заполнена дурными предчувствиями и ожиданиями беды.

Холли ненавидела свою вынужденную беспомощность. Как бы ни складывалась жизнь, она всегда была человеком действия. Если не нравилась работа — бросала и искала новую. Если человек переставал ее интересовать — без колебаний шла на разрыв. Она привыкла убегать от проблем: закрывала глаза на коррупцию в журналистике — трудно быть кристально честной, когда все вокруг продается и покупается, старалась не думать об ответственности за судьбу близких, меняла города, работу, знакомых... Но, по крайней мере, бегство от проблем — тоже способ действия, а теперь ее лишили последней надежды.

Все-таки в знакомстве с Другом есть свои плюсы: крути не крути, а от этой проблемы он убежать не позволит.

Спустя некоторое время они с Джимом занялись обсуждением недавнего визита и стали просматривать оставшиеся вопросы, внося в них изменения и дополнения. Заключительная часть беседы с Другом дала пищу для серьезных размышлений, хотя о конкретных результатах говорить не приходилось — оба они знали, что на слова Друга нельзя полностью положиться.

В четвертом часу не осталось сил ни стоять, ни сидеть. Они сдвинули спальные мешки и, вытянувшись бок о бок, усталились на купол потолка.

Лампу, чтобы не заснуть, установили на самую сильную яркость. Дождаясь возвращения Друга, они лежали, держась за руки, и негромко обменивались ничего не значащими фразами — говорили о чем угодно, лишь бы не молчать. Трудно задремать посреди разговора: собеседник сразу заметит отсутствие ответа и ощутит, как слабеет ладонь засыпающего.

Холли думала, что бессонная ночь для нее — пара пустяков. В студенческие годы, готовясь к экзамену, она легко выдерживала до полутора суток, а в начале карьеры, когда журналистика еще что-то для нее значила, не раз просиживала всю ночь напролет, роясь в книгах, прослушивая магнитофонные записи или подыскивая нужное слово для заголовка статьи. В последнее время у нее случались приступы бессонницы.

Одним словом, по натуре она — настоящая «сова». Как раз то, что нужно.

Однако, хотя после утреннего пробуждения в Лагуна-Нигель не прошло и суток, Холли с трудом боролась с дремотой. Казалось, кто-то невидимый вкрадчиво нашептывает на ухо:

«Спать, спать, спать».

Прошедшие дни потребовали от нее уйму сил и энергии, усталость берет свое. К тому же ей не удавалось выспаться несколько дней подряд: мучили кошмары. «Сны — двери». Сны таят в себе опасность, спать нельзя. Черт возьми, плевать на усталость, спать — нельзя. Холли изо всех сил старалась поддерживать затухающую беседу, хотя порой ловила себя на мысли, что плохо понимает, о чем они говорят. «Сны — двери». Такое впечатление, что ей вкололи наркотик или Друг, предупредив об опасности сна, незаметно давит на усыпляющую кнопку в ее мозгу. «Сны — двери». Холли попыталась справиться с наступающим беспмятством, но поняла, что у нее нет сил даже пошевелиться или открыть глаза. Глаза закрыты. Она только сейчас это заметила. «Сны — двери». Никакой паники. Холли проваливалась в пустоту, хотя слышала, что сердце бьется все громче и быстрее. Ладонь разжалась. Она ждала, что Джим откликнется, разбудит ее, но, почувствовав, как слабеют его пальцы, поняла: он тоже погружается в сон.

Холли окунулась в темноту.

И ощутила на себе чужой взгляд.

В ней всколыхнулись противоречивые чувства — облегчение и страх.

Что-то должно случиться. Она знала: что-то обязательно произойдет.

Но ничего не случилось. Ее окружала непроницаемая тьма.

Вдруг Холли поняла, что должна выполнить задание. Наверное, произошла ошибка. Задания получал Джим, а не она.

Задание. Ее задание. Ей дали задание. Важное. От выполнения которого зависит ее собственная жизнь. И жизнь Джима. Самое существование мира зависит от того, как она выполнит задание.

Кругом темнота.

Холли проваливалась в нее, как в черную воду.

Медленно погружалась в забытие и уже ни о чем не думала.

Ей приснился сон. По сравнению с ним все прошлые кошмары выглядела жалкой тенью. На этот раз Враг и мельница отсутствовали. Но проходящие перед ее мысленным взором картины были нарисованы с поистине иезуитскими подробностями, а ужас и мука, обрушившиеся на ее сознание, оглушили и застали Холли врасплох; по сравнению с ними даже полет на 246-м рейсе казался детской забавой.

Холли открыла глаза и увидела, что лежит под столом на кафельном полу. Рядом — металлический стул с оранжевой пластиковой спинкой. Под ним — горка рассыпанной жареной картошки и гамбургер, из которого вывалилась начинка: мясо и листья салата, политые темно-красным кетчупом. Еще дальше лежит старая леди. Ее лицо обращено к Холли. Немигающий взгляд скользит мимо круглых металлических ножек стула, мимо золотистой картошки и растерзанного гамбургера. Женщина смотрит в одну точку, и в ее глазах застыло удивление. Вдруг Холли замечает, что вместо одного глаза у старушки дыра, и из нее вытекает струйка крови. О Боже! Простите меня, леди, простите. Холли слышит страшный непонятный звук:

— Та-та-та-та-та-та. Кричат люди, много людей.

— Та-та-та-та-та-та.

Вопли понемногу стихают, слышен звон битого стекла, треск ломающегося дерева, чей-то яростный крик, переходящий в медвежий рев.

— Та-та-та-та-та-та.

Это — звуки выстрелов. Теперь Холли ясно различает тяжелый ритмичный треск автоматных очередей. Она хочет выбраться из-под стола и перекатывается на другой бок, потому что не может заставить себя ползти мимо старой женщины с простреленным глазом. Но прямо перед ней лежит девочка лет восьми, и Холли в оцепенении смотрит на ее розовое платье, белые чулки и черные маленькие туфельки. Маленькая белокурая девочка в черных туфельках, маленькая девочка, маленькая девочка, маленькая девочка в белых чулочках, маленькая девочка, маленькая девочка... Маленькая девочка, у которой нет половины лица. Белая окровавленная улыбка. Разбитые зубы, обнаженные в кривой окровавленной улыбке.

Вопли, стоны, всхлипы. И опять:

— Та-та-та-та-та-та. Этот кошмар никогда не кончится. Снова и снова отвратительный страшный звук:

— Та-та-та-та-та-та.

Скорее прочь от мертвой старушки и девочки с половиной лица.

Ладони скользят по теплой картошке, натыкаются на горячий рыбный бутерброд, шлепают по липкой горчице. Холли на четвереньках ползет под столами, пробирается между перевернутыми стульями. Ее рука попадает в ледяную лужицу разлитой на полу кока-колы, и на стенке бумажного стаканчика Холли видит надпись:

«Утенок Дикси». Значит, она в кафе «Дворец Утенка Дикси». Это одно из ее любимых мест. Наверное, они поняли, что кафе не место для криков. Но кто-то всхлипывает и стонет, кто-то жалобно молит о помощи. Холли выбирается из-под стола и в нескольких шагах от себя замечает странно одетого человека. Человек стоит к ней боком и Холли не видит его

лица. Он похож на ряженого во время веселого празднования Хэллоуина. Но это не праздник. Однако на мужчине маскарадный костюм: армейские ботинки и брюки, черная майка и берет вроде тех, что носят «зеленые береты», только черного цвета. Военная форма — явная бутафория: не бывает солдат с такими толстыми животами и недельной щетиной. Солдаты обязаны бриться. Станный человек просто вырядился под десантника. Перед ним на коленях молоденькая официантка. Холли запомнила ее рыжие волосы и улыбку, когда девушка подмигнула ей, принимая заказ. Она склонилась перед человеком в военной форме, опустила голову, словно в молитве. Холли явственно слышит ее умоляющий голос:

— Не надо, пожалуйста, не надо, пожалуйста, пожалуйста...

Мужчина что-то выкрикивает о ЦРУ и шпионах, засевших в подвале кафе. Затем он умолкает и, уставившись на рыжеволосую девушку, приказывает:

— Посмотри мне в глаза.

— Пожалуйста, не надо, — молит та о пощаде.

— Посмотри мне в глаза, — снова требует он. Девушка испуганно поднимает голову, и человек в военной форме спрашивает:

— Ты думаешь, я идиот?

Официантка исступленно мотает головой.

— Пожалуйста, не надо, я ничего не знаю.

— Знаешь, сука! — яростно рычит убийца и целится девушке в лицо. Ствол автомата опускается и застывает в нескольких дюймах от ее щеки. Она невнятно всхлипывает:

— А-а-а-а...

— Цэрэушница! — орет «черный берет». Холли кажется: еще миг — и он расхохочется и отбросит в сторону автомат, все актеры, которые играют мертвых, встанут и тоже засмеются, на сцену выйдет хозяин кафе и раскланяется, как после окончания маскарадного представления. Но это не Хэллоуин. Человек в военной форме давит на курок.

— Та-та-та-та.

Рыжеволосая девушка исчезает. Холли угрем бросается назад и ползет прочь от страшного места. Только бы не попасться ему на глаза. Человек в военной форме — сумасшедший, самый настоящий сумасшедший. Вся измазанная в еде, падая на мокром полу и скользя в луже липкой крови, Холли пробирается мимо девочки в розовом платье.

Только бы он не услышал.

— Та-та-та-та-та.

Должно быть, сумасшедший стреляет в другую сторону. Ни одна пуля не ударяется рядом с ней, и Холли протискивается между стулом и телом мужчины с выпущенными кишками, продолжая двигаться к выходу. На улице завывают полицейские сирены, сейчас подоспеют копы и... Позади нее с грохотом переворачивается стол. Холли с ужасом оглядывается. Убийца заметил ее и бросился в погоню. Он идет по залу и неумолимо приближается, отодвигая столы, пиная подвернувшиеся под ногу стулья. Холли перебирается через ноги мертвой женщины, оказывается в углу и натывается еще на один труп. Она в углу, зажата мертвецами, и ей не выбраться отсюда. Сумасшедший настигает ее. Холли не хочет видеть его страшный оскал, не хочет смотреть на дуло автомата, как смотрела рыжеволосая девушка. Она отворачивается.

Такого пробуждения Холли еще не знала. Она проснулась не от крика или беззвучного стоны, а от того, что стала задыхаться. Свернувшись клубком, Холли корчилась от спазмов в пустом желудке и захлебывалась несуществующей рвотой, которая, точно омерзительный кляп, забила ей горло.

Джим лежал на боку. Его слегка согнутые ноги вызвали у нее в памяти образ зародыша в материнской утробе. Он спал спокойно и дышал ровно.

Холли с трудом отдышалась и села. Ее не просто трясло, казалось, гремят все ее кости, с грохотом ударяясь друг о друга.

Она порадовалась, что с прошлого вечера не ела ничего, кроме пирожных. Иначе бы ее одежда приобрела дополнительные украшения.

Холли наклонилась вперед и некоторое время сидела, сгорбившись, закрыв лицо руками. Мало-помалу она успокоилась: лопатки перестали ходить ходуном, и только внезапная дрожь пробегала по коже.

Когда она наконец подняла голову, то первое, что бросилось в глаза, был свет, пробивавшийся в комнату сквозь узкие окна. Тусклый, грязно-розовый, слабый отсвет будущего ярко-синего неба — и все-таки это был солнечный свет. Неизвестно, удастся ли ей дожить до следующего дня.

Холли посмотрела на часы: десять минут седьмого. Рассвет только что наступил. Она проспала не больше двух — двух с половиной часов. Лучше бы совсем не спать. Она чувствовала себя совершенно разбитой.

Холли заподозрила, что Друг, используя свои телепатические возможности, насильно заставил ее заснуть. Необычайная достоверность ночного кошмара убедила Холли, что пришелец нарочно прокрутил у нее в мозгу ролик с отвратительным фильмом.

Но зачем?

Джим что-то пробормотал во сне, заворочался и снова затих. Его дыхание было глубоким, но ровным. Если ему и снится сон, то явно не тот, что видела она. Иначе бы он корчился и стонал, как мученик на дыбе.

Холли в который раз перебирала в голове детали ночного кошмара, спрашивая себя, не узнала ли она свою судьбу. Возможно, Друг хотел предупредить, что ей суждено умереть от пули безумного маньяка на заляпанном грязью и кровью полу «Дворца Утенка Дикси». Но Холли никогда не слышала о кафе с таким названием и даже представить не могла более нелепого места для смерти.

Она живет в обществе, где улицы переполнены жертвами наркобизнеса. У любого наркомана может «поехать крыша», и, схватив автомат, он бросится в ближайшую закусочную, чтобы отстреливать цэрэушников, плетущих свои шпионские сети. Она достаточно долго проработала в газете и видела не менее ужасные и трагические случаи.

Еще пятнадцать минут таких размышлений, и Холли совершенно расхотелось вспоминать о пережитом кошмаре. Она попыталась все разложить по полочкам, но потерпела неудачу и, чем дольше думала, тем сильнее запутывалась. Однако кровавая сцена убийства не стерлась из памяти, как забываются обычные сны, а стала ярче и отчетливей. Холли собрала всю свою волю, чтобы отвлечься от страшных воспоминаний.

Джим продолжал спать. Она было хотела разбудить его, но потом решила, что ему, как и ей, нужен отдых. Не похоже, чтобы Враг пытался использовать сон Джима в качестве двери. Известняковые стены и дубовые доски пола выглядели вполне обычно, и Холли не стала тревожить спящего.

Когда она осматривала комнату, ей на глаза попался желтый блокнот, лежавший на полу возле дальнего окна. Она швырнула его вчера вечером, когда Друг, вместо того чтобы заговорить, попытался письменно ответить сразу на все вопросы. Она не успела спросить и половины из того, что хотела, и теперь ей пришлось в голову просмотреть блокнот с ответами Друга.

Холли тихонько отодвинулась от Джима, встала и прошла по комнате, осторожно пробуя каждую половицу, чтобы убедиться, что они не заскрипят под тяжестью ее шагов.

Она нагнулась за блокнотом и услышала звук, от которого ее ноги словно вросли в пол, — глухие ритмичные удары, похожие на биение сердца.

Она посмотрела на стены, подняла глаза на сводчатый потолок. Яркое сияние лампы и льющийся из окон дневной свет не оставляли сомнений: известняк — это всего лишь известняк, а дерево — дерево.

— Лаб-даб-ДАБ, лаб-даб-ДАБ...

Звук был глухой, негромкий. Он рождался вне стен мельницы, шел откуда-то издалека. Казалось, кто-то, прячущийся за вершинами коричневых гор, ритмично постукивает по коже барабана:

— Лаб-даб-ДАБ, лаб-даб-ДАБ...

Холли знала, что барабан здесь ни при чем. Так бьется сердце Врага, и тройной звук всегда возвещает появление жуткого монстра. Точно так же, как колокольчики сообщали о приходе Друга.

Она прислушалась — звук почему-то исчез.

Холли вся обратилась в слух.

Тишина.

Она с облегчением взяла блокнот и трясущимися руками стала перелистывать мятые страницы, которые гремели при малейшем прикосновении.

Джим мерно посапывал, и звук его дыхания отдавался в пустой комнате негромким эхом.

Холли прочла первую страницу, затем вторую. Если не считать вопросов, которые возникли у нее по ходу беседы, письменные ответы Друга ничем не отличались от того, что он сказал. Она быстро пролистнула третью и четвертую страницы, узнавая имена спасенных Джимом людей: Кармен Диас, Аманда Каттер, Стивен Эймс, Лора Ленаскиан... За длинным списком следовали описания великих деяний, которые им суждено совершить в будущем.

— Лаб-даб-ДАБ, лаб-даб-ДАБ, лаб-даб-ДАБ...

Холли встрепелась и резко подняла голову. Звук доносился издалека, но был громче, чем в прошлый раз. Джим застонал во сне. Холли отступила от окна, намереваясь его разбудить, но страшный звук снова пропал. Очевидно, Враг где-то поблизости, но ему не удастся проникнуть в сон Джима. Решив, что Джиму нужно во что бы то ни стало отдохнуть, Холли вернулась на прежнее место.

Пристроившись у окна, она продолжала проглядывать блокнот. Перевернула пятую страницу — и почувствовала, как спина покрылась гусиной кожей.

Осторожно, стараясь не шуметь, перелистнула шестую, седьмую страницы. Исписанные неровным почерком Друга, они были похожи как две капли воды. Вместо ответов на свои вопросы Холли увидела две фразы, повторяющиеся на каждой странице по три раза без всяких знаков препинания:

«Он любит тебя Холли
он убьет тебя Холли
он любит тебя Холли
он убьет тебя Холли
он любит тебя Холли
он убьет тебя Холли».

Она с первого взгляда поняла, что «он» может относиться только к Джиму, и сосредоточилась на второй фразе, пытаясь разгадать ее страшный смысл.

Внезапно ее осенило: Друг предупреждает, что ей грозит опасность: Возможно, пришелец возненавидел Холли За, то, что она привезла Джима на мельницу, подталкивает к поиску ответов и тем самым отвлекает от выполнения великой миссии. Если Друг — разумная половина внеземного сознания — проникает в мозг Джима и велит ему спасать людей, разве не может Враг — вторая половина — войти в его мозг и приказать убить? Вместо того чтобы материализовываться в виде монстра, гораздо проще подчинить своему влиянию Джима и превратить его в машину смерти. Сумасшедший ребенок, скрывающийся в личности инопланетянина, придет в восторг от подобной идеи.

Холли встряхнула головой, точно отгоня назойливую муху. Нет. В это невозможно поверить. Джиму приходится убивать, чтобы спасти людей. Но он не способен на убийство невинных. Никакие инопланетные силы не сумеют заставить Джима изменить самому себе. У него доброе сердце, и даже самые могущественные пришельцы бессильны перед их любовью.

Но откуда у нее такая уверенность? Зачем выдавать желаемое за действительность? Телепатические способности Врага настолько чудовищны, что прикажи он ей сейчас броситься в пруд — и она, не раздумывая, прыгнет в воду.

Холли вспомнила Нормана Ринка. Хозяйственный магазин в Атланте. Джим буквально

изрешетил Ринка и не мог остановиться, пока не всадил в окровавленный труп все восемь зарядов.

— Лаб-даб-ДАБ, лаб-даб-ДАБ...

Все еще издалека.

Джим тихонько застонал.

Холли отпрянула от окна и уже было окликнула его, чтобы разбудить, но вдруг остановилась как вкопанная — возможно. Враг уже достиг своей цели. «Сны — двери». Она тогда не поняла, что хотел сказать Друг, и подумала: эти слова для пущего эффекта — нечто вроде театрального звона колокольчиков. Но, похоже, предупреждение Друга означало, что Враг способен проникнуть в мозг спящего. Может быть, на этот раз он не станет прятаться в стене, а, словно желая поглумиться, явится ей в облике Джима, превратив его в орудие убийства.

— Лаб-даб-ДАБ, лаб-даб-ДАБ...

Звук приближается, становится громче...

Холли почувствовала, что сходит с ума. Ей грозит самая настоящая шизофрения. Еще немного — и она будет ничем не лучше Друга и его второй половины. Отчаянные попытки разобраться в поступках внеземного разума наталкивались на бесконечное число вариантов и каждый раз заходили в тупик.

От Вселенной, где все неопределенно, жди любой неожиданности. Что удивительного, если ночной кошмар легко обретает черты реальности. В зыбкой Вселенной реальность — тот же сон, а размышления о подобных вещах в ситуации, когда речь идет о жизни и смерти, могут довести до умоисступления.

— Лаб-даб-ДАБ, лаб-даб-ДАБ...

Холли ждала, не в силах даже пошевелиться.

Глухие удары постепенно затихли.

Судорожно плотая воздух, Холли отступила и прижалась спиной к стене. Известняка она сейчас боялась меньше, чем Джима.

Не лучше ли разбудить его, пока не слышно страшного стука? Может быть, Враг вторгается в спящее сознание только тогда, когда раздаются глухие удары сердца чудовища?

Холли застыла в полнейшей растерянности. Взгляд невольно наткнулся на блокнот, который она держала в руке. Несколько страниц перелистнулось, и вместо страшной литании:

«ОН ЛЮБИТ ТЕБЯ ХОЛЛИ. ОН УБЬЕТ ТЕБЯ ХОЛЛИ» ей на глаза попался список спасенных Джимом людей с красочными доказательствами их гениальности и исключительности.

Холли увидела фамилию Стивена Эймса и сообразила: он единственный, о чьей судьбе отказался поведать Друг. Эймс запомнился ей, потому что оказался самым старым в списке — пятьдесят семь лет. Она прочла идущий ниже текст и ощутила, как в позвоночник вонзается ледяной стержень страха.

Стивена Эймса спасли не потому, что ему суждено стать отцом будущего великого дипломата, художника или целителя, не потому, что его последующая жизнь должна послужить процветанию человечества. Причина спасения раскрывалась в двенадцати коротких словах, и более страшных слов ей читать не приходилось:

«ПОТОМУ ЧТО ОН ПОХОЖ НА МОЕГО ОТЦА, КОТОРОГО Я НЕ СУМЕЛ СПАСТИ». Не «похож на отца Джима», как сказал бы Друг. Не «которого он не сумел спасти», как должен был бы сказать пришелец. А «МОЕГО ОТЦА.

Я НЕ СУМЕЛ. Я».

Под ногами у Холли разверзлась страшная бездна. Зыбкая Вселенная дарит ей совершенно новый и невероятный вариант.

Можно навсегда забыть о звездолете на дне пруда, об астронавтах, прячущихся на ферме десять тысяч лет. Их не существует и никогда не существовало. Но Друг и Враг —

реальность, только они не половины, а трети личности, которая, обладая непостижимыми способностями божества, подобно Холли, заключена в земную оболочку. И злое и светлое начало живет в одном человеке — Джиме Айренхарте. Это он в десятилетнем возрасте столкнулся со страшной бедой, и он — ценой огромных усилий, окрыленный мечтою о звездных богах, — сумел вернуть себя к жизни. Он — смертельно опасный сумасшедший, желающий ее смерти, и одновременно добрый, умный человек, который ее любит.

Не ясно только, откуда взялись удивительные возможности Джима и почему он не знает, что таинственная сила — в нем самом, а не в мифическом пришельце. Открытие того, что в Джиме Айренхарте заключены все концы и начала, не только не упростило дело, а, наоборот, вызвало новый поток вопросов. Холли не могла разгадать природу поразительного явления, хотя и не сомневалась, что наконец докопалась до истины. У нее еще будет время над этим подумать, если, конечно, она останется в живых.

— Лаб-даб-ДАБ, лаб-даб-ДАБ... Доносятся издали глухие удары. Холли, затаив дыхание, слушала, как звук приближается и становится громче.

— Лаб-даб-ДАБ, лаб-даб-ДАБ...

Джим зашевелился во сне и причмокнул губами, совсем как ребенок, которому снится сон.

Но его сознание раздроблено на три части, две из которых наделены огромной силой, и одна из них смертельно опасна. И с каждой секундой опасность растет.

— Лаб-даб-ДАБ...

Холли прижалась к каменной стене. Сердце так сильно прыгало в груди, что, казалось, застревало в гортани, и она все глотала и не могла проглотить застрявший в горле ком.

Удары затихли.

Наступила тишина.

Холли мелкими-мелкими шажками двинулась вдоль стены, направляясь к тяжелой, окованной железом двери. По пути она осторожно протянула руку и, нащупав ремешок от своей сумки, потащила ее к себе.

Расстояние до цели сокращалось. Но с каждым шагом в ней крепла уверенность, что уйти не удастся. Она представила, как дверь с треском захлопывается у нее перед носом, Джим просыпается, садится на полу и озирается по сторонам. Взгляд красивых синих глаз обжигает холодом и яростью.

Холли крадучись достигла порога и, продолжая наблюдать за Джимом, бесшумно выскользнула за дверь. Она боялась повернуться к нему спиной, но угроза скатиться по крутым узким ступенькам заставила ее оторвать взгляд от лица спящего и опрометью броситься вниз по лестнице.

Несмотря на серый утренний свет, наметивший контуры окон, первый этаж встретил ее глухой предательской темнотой. Она не взяла фонарь и пробиралась на ощупь, чувствуя, как вся исходит адреналином. Боясь наткнуться на что-то и с грохотом обрушить гору какого-нибудь хлама, Холли прижалась к стене спиной и боком медленно двинулась туда, где, по ее мнению, должен находиться выход. Оглянувшись назад, она с трудом различила нижние ступеньки лестницы, по которой она только что спустилась.

Вытянув вперед правую руку, Холли нащупала угол, сделала еще несколько шагов в потемках и оказалась в маленькой пристройке.

Вчера вечером в узком тесном коридорчике была темнота, хоть глаз выколи, но сейчас сквозь приоткрытую дверь внутрь просачивался бледно-серый свет.

Утро было хмурым, не по-августовски прохладным.

Ровная поверхность пруда выглядела серой и будничной.

Еле слышно звенели насекомые, их писк напоминал слабые радиопомехи в приемнике, включенном на самую малую громкость.

Холли подбежала к «Форду» и быстро открыла дверь.

Мысль о ключах заставила ее помертветь от ужаса. Она лихорадочно зашарила по карманам, и, на счастье, они оказались в джинсах, куда она их сунула после вчерашнего

похода в уборную. Четыре ключа на медной цепочке: от фермы, от дома в Лагуна-Нигель и два от машины.

Швырнув сумку и блокнот на заднее сиденье, Холли поспешно села за руль, но не решалась захлопнуть дверь из опасения разбудить Джима. Она представила, как он выскочит из двери мельницы и, подчиняясь приказу Врага, в два счета вытащит ее из машины. Трясущимися руками Холли выбрала из связки нужный ключ. После нескольких попыток вставила его в замок зажигания. Повернула. Выжала педаль акселератора и облегченно вздохнула, услышав, как заработал двигатель.

Она захлопнула дверь и задним ходом поехала по узкой дорожке, идущей вокруг пруда. Колеса с ревом прокручивались, щебенка летела во все стороны и с грохотом барабанила по капоту.

Добравшись до участка между домом и сараем, где можно было развернуться, Холли, вместо того чтобы выехать на шоссе, нажала на тормоза и стала смотреть на мельницу, которая осталась на другом берегу пруда.

Бежать некуда. Где бы она ни спряталась, он все равно ее отыщет. Он может видеть будущее, хотя и не так хорошо, как хотелось бы Другу. Может превратить стену в живого монстра, сделать известняк прозрачным и светящимся, может послать за ней дьявольское чудовище. Ему ничего не стоит выследить ее и схватить. Он вовлек Холли в свои безумные помыслы и не позволит оставить предназначенную сценарием роль. Друг и Джим могут разрешить ей уйти, но Враг жаждет крови.

Может быть, ей повезет, и добрые силы остановят смертельный удар, укроют ее и спасут. Вряд ли. К тому же нельзя всю оставшуюся жизнь шараться от стен, опасаясь, что одна из них вдруг вздуется и откусит тебе руку.

И есть еще одна причина, почему она не может его бросить.

Ему нужна ее помощь.

Часть третья

Враг

С детства был я отличен
От соседских ребят.
Мир во странном обличье
Видел странный мой взгляд.

Эдгар Аллан По
«Одиночество»

Из биения меди
Лютой мглы ледяной
Разгорается в сердце
Холодный огонь.
Мыслей черная ярость,
Стали замерший стон,
Приближение к смерти —
Холодный огонь.
От безжалостной жизни
Неприступный заслон,
Путь спасенья от смерти —

29 августа

Глава 1

Сидя в машине, Холли со смешанным чувством страха и радостного возбуждения рассматривала старую мельницу. Она сама поражалась произошедшей в ней перемене настроения. Наверное, душевный подъем вызван тем, что впервые в жизни Холли ощутила ответственность за судьбу другого человека. И это не мимолетный каприз.

Она знала, что посвятит свою жизнь исцелению Джима и сделает все возможное и невозможное, чтобы они всегда были вместе.

Скажи сейчас Джим, что она свободна и вольна поступать, как ей вздумается, и пусть даже у нее не будет сомнения в искренности его слов, — она все равно останется, потому что в нем — ее спасение, а в ней — его.

Мельница, словно часовой, застыла тенью на пепельно-сером небе. Джим так и не вышел. Наверное, еще спит.

В его жизни осталось немало тайн, но многое уже открылось Холли в истинном свете. Иногда, как в случае с отцом Сузи Явольски, ему не удавалось спасти людей, потому что помогали Джиму не могущественные божества или пришельцы, наделенные даром предвидения, а собственные феноменальные, но все-таки несовершенные способности. Джим — не Бог, а даже лучшие из людей сталкиваются с пределом возможного.

Посчитав, что гибель родителей лежит на его совести, Джим решил оправдать себя в собственных глазах, спасая других людей: «ОН ПОХОЖ НА МОЕГО ОТЦА, КОТОРОГО Я НЕ СУМЕЛ СПАСТИ».

Теперь понятно, почему Враг выжидает, когда Джим заснет: Джима самого пугает кипящая в нем ярость, и, пока он бодрствует, ему удается подавлять в себе темные слепые силы. В Лагуна-Нигель монстр возник, когда он спал, а когда проснулся, чудовище пробило в потолке дыру и испарилось, точно сон. «Сны — двери», — предупреждал Друг, а вернее, сам Джим. Сны — действительно двери, но не для страшных и инопланетных паразитов мозга, а двери, открывающиеся в глубины подсознания, которые скрывают человеческие слабости и страдания.

У нее в руках и другие части головоломки. Вот только непонятно, как соединить их в единое целое.

Холли злилась на себя за то, что с самого начала выбрала не правильную тактику. Джим сказал, что он только орудие в руках могущественных сил, и она, вместо того чтобы копнуть поглубже, приняла его слова на веру. Еще обвиняла Джима в неумении брать интервью, а сама оказалась ничуть не лучше.

Холли всегда возмущала его готовность слепо верить всему, что скажет Друг. Теперь она поняла: появление Друга вызвано обычной причиной, порождающей у людей раздвоение личности: желанием уйти от бед и тревог окружающей действительности. Одиноким испуганным ребенком, которому едва исполнилось десять лет, попытался найти убежище в мире собственных фантазий, создав себе Друга — волшебное воплощение детских надежд. Стоило ей надавить на Друга, как Джим сразу воспротивился натиску: логика грозила разрушить мечту, в которой он отчаянно нуждался.

По той же причине — из боязни разрушить мечту — Холли не решалась задать вопросы, подвергающие сомнению самое существование высших сил, управляющих поступками Джима. Он вошел в ее жизнь, как герой из девичьих грез. Сцена удивительного спасения Билли Дженкинса никогда не изгладится у нее из памяти. До встречи с Джимом Холли и представить не могла, как сильно она в нем нуждается. Поэтому и не стала задавать

вопросы, как сделал бы на ее месте любой настоящий репортер, а оставила Джима в покое, боясь оттолкнуть его своей настойчивостью.

Теперь вся надежда на правду. Джима исцелить нельзя, если не разобраться, откуда взялись эти странные фантазии и каким образом ему удалось развить в себе такие сверхъестественные способности.

Пальцы непроизвольно стиснули руль. Нужно действовать, но как — она не знала. И ни-1 кого вокруг, к кому можно обратиться за помощью. Ответы на ее вопросы лежат в прошлом или в подсознании Джима. И то и другое сейчас равно недостижимо.

Но затем Холли осенило: Джим уже дал ей ключ к разгадке оставшейся тайны. В Нью-Свенборге он предложил покатать ее по городу. Тогда она расценила его действия как попытку отсрочить поездку на ферму, но сейчас ситуация выглядит в ином свете: экскурсия по городу, где прошли детские годы Джима, принесла бы Холли ряд важнейших открытий. Ностальгические воспоминания о прошлом позволят проникнуть в тайны, без разгадки которых нельзя помочь Джиму.

Джиму необходима ее помощь. Часть его существа понимает, что он в плену у шизофрении, и хочет избавления от болезненных фантазий. Единственная надежда, что ему удастся выдержать натиск Врага до тех пор, пока они не узнают, что нужно делать. Злое начало в Джиме сделает все, чтобы ей помешать. Понимая, что успех Холли будет означать его смерть. Враг не упустит случая с ней расправиться.

Если им с Джимом суждено выжить и прожить жизнь вместе, их будущее заключено в прошлом, а прошлое надо искать в Нью-Свенборге.

Холли круто повернула руль вправо, собираясь выехать на шоссе, но внезапно остановилась и снова взглянула на мельницу.

Джим должен сам принять участие в своем исцелении. Бесполезно доискиваться до истины, если он потом ей не поверит. Нужно, чтобы он все увидел своими глазами.

Она любит его.

Она боится его.

Она любит и ничего не может с собой поделать. Любовь к Джиму стала ее плотью и кровью. А страхи развеются, стоит только устранить их причину.

Удивляясь собственной смелости, Холли поехала вдоль берега пруда и остановила «форд» у двери мельницы. Она три раза нажала на гудок и снова посигналила.

В дверном проеме появился Джим, щурясь от серого утреннего света.

Холли открыла дверь и вышла из машины.

— Ты проснулся?

— А что, разве я похож на лунатика? — спросил он, приближаясь. — Что случилось?

— Хочу убедиться, что ты проснулся, полностью проснулся.

Джим остановился в нескольких шагах от нее.

— Давай я для верности засуну голову в выхлопную трубу, а ты пару минут погазуешь. Что случилось, Холли?

— Нам есть о чем поговорить. Садись.

Нахмурившийся Джим забрался в машину и устроился рядом с ней на сиденье.

— Похоже, речь пойдет о не слишком приятных вещах.

— Угадал, приятного мало.

Крылья мельницы вздрогнули и, роняя гнилые щепки, с треском и скрежетом начали вращаться.

— Прекрати, — крикнула она Джиму в испуге, что пробуждение старой мельницы — только прелюдия к появлению Врага.

— Я знаю, тебе не понравится то, что я скажу, но, ради Бога, не пытайся меня остановить.

Джим не ответил. Он зачарованно следил за полетом деревянных крыльев и, казалось, ничего не слышал.

Мельница крутилась все быстрее.

— Не надо, Джим!

Он наконец услышал и повернулся к Холли, искренне недоумевая, почему она так волнуется.

— Что ты сказала?

Раз, раз, раз. Все быстрее и быстрее. Словно огромное колесо дьявольской колесницы.

— Черт! — Вне себя от страха Холли завела машину, и та рванулась прочь от мельницы.

— Куда мы едем? — встревожился Джим.

— Не бойся, это рядом.

Для Джима мельница — источник наваждений. Холли решила продолжить разговор в более удобном месте, откуда каменная башня будет не видна. Развернувшись перед домом, она выехала на шоссе и остановилась.

Холли опустила боковое стекло. Он последовал ее примеру. Она заглушила двигатель и повернулась к Джиму. Несмотря на все, что она о нем знала, Холли с трудом удерживалась, чтобы не коснуться его щеки, приласкать, провести ладонью по волнистым каштановым прядям.

Позапрошлой ночью он подарил ей мир ни с чем не сравнимых эротических переживаний, а сегодня его вид вызвал у нее прилив материнских чувств, но общение с ним может довести до самоубийства. «Боже мой, Торн, ведь он сказал, что убьет тебя!» — подумала Холли.

Но он также сказал, что любит ее.

— Почему все так сложно?

— Перед тем как начать... Я хочу, чтобы ты знал: я тебя люблю, Джим.

Более глупой фразы невозможно и представить. Звучит совершенно неискренне. Слова бессильны передать то, что она чувствует, потому что в ее смятенном сердце удивительно смешались любовь, тревога и надежда. Однако она повторила:

— Я действительно очень люблю тебя, Джим.

Он погладил ее по руке и улыбнулся довольной улыбкой:

— Ты замечательная, Холли.

Он не сказал: «Я тоже тебя люблю, Холли», но она и не тешила себя романтическими иллюзиями. Все не так просто. Любить Джима Айренхарта — все равно что одновременно любить мятущегося Супермена и Джека Николсона во всех его ролях. Все не так просто. Но по крайней мере не соскучишься.

— Когда вчера утром в мотеле я подошла к клерку, чтобы оплатить счет, ты сидел в машине и смотрел на меня. Я вдруг подумала: ты не сказал, что любишь меня. Я собиралась ехать с тобой на край света, оказывалась в твоей власти — а ты промолчал. Но потом мне пришло в голову, что я сама не произносила этих слов, боялась стать уязвимой, я хотела себя защитить. Теперь с этим покончено. Я, словно канатоходец, ступаю на тонкий трос, и внизу никакой страховки. Все это потому, что ночью ты сказал, что любишь меня. Смотри, Джим, такими словами не бросаются.

На его лице появилось удивленное выражение.

— Я знаю, ты не помнишь этого, но поверь, я говорю правду. Тебе нелегко дается слово, которое начинается на букву «л». В детстве ты потерял родителей и не хочешь сближаться с людьми, потому что боишься, что не перенесешь еще одной потери. Как тебе мой мгновенный психоанализ? До Фрейда мне, конечно, далеко. Что-то еще хотела тебе сказать... Словом, ты признался, что любишь меня, и немного попозже я тебе это докажу. Но сейчас я хочу, чтобы ты знал: я и представить не могла, что когда-нибудь почувствую к мужчине то, что я чувствую по отношению к тебе. Поэтому, если мои дальнейшие слова станут для тебя ударом, покажутся невероятными, пойми, что они идут от чистого сердца и во мне говорит только любовь к тебе.

— Да, Холли, но это... — растерянно произнес Джим.

— Давай по очереди: сначала я, а потом ты. — Холли наклонилась к нему, поцеловала и

снова выпрямилась на сиденье. — Пожалуйста, помолчи и послушай, что я скажу.

Она поведала Джиму обо всех догадках, рассказала о своем побеге с мельницы и последующем возвращении. Он слушал с растущим недоверием и время от времени пытался ей возразить, но Холли жестом или легким поцелуем всякий раз заставляла его умолкнуть. Блокнот с ответами, который она достала с заднего сиденья, лишил Джима дара речи.

«ПОТОМУ ЧТО ОН ПОХОЖ НА МОЕГО ОТЦА, КОТОРОГО Я НЕ СУМЕЛ СПАСТИ».

Словно не веря собственным глазам, он трясущимися руками взял протянутый Холли блокнот. Перевернул страницу, другую — всюду две фразы: «ОН ЛЮБИТ ТЕБЯ ХОЛЛИ. ОН УБЬЕТ ТЕБЯ ХОЛЛИ». Блокнот в его руках заходил ходуном.

— Я никогда бы не сделал тебе ничего плохого, — сказал он дрожащим голосом, не сводя глаз с черных букв на желтом листке. — Никогда.

— Я знаю, тебе бы и в голову это не пришло. Доктору Джекиллу и в голову бы не пришло превратиться в кровавого убийцу мистера Хайда.

— Думаешь, это я, а не Друг?

— Уверена, что ты, Джим.

— Значит, если в блокноте писал Друг, а Друг — часть меня, ты думаешь, эти слова на самом деле можно прочесть: «Я люблю тебя, Холли»?

— Да, — тихо ответила она.

Он поднял голову, и их взгляды встретились.

— Если ты веришь в «я люблю», то почему не веришь в «я убью»?

— В этом-то все и дело. Я верю, что некая злая сила в тебе желает моей смерти.

Джим отшатнулся, будто она его ударила.

— Враг хочет, чтобы я умерла, очень хочет. Потому что я стала копаться в твоём прошлом, привезла тебя на мельницу и теперь заставляю бороться с источником твоих фантазий.

Он отрицательно затряс головой, но Холли продолжала:

— Для этого тебе и была нужна я. Именно поэтому ты меня позвал.

— Нет!

— Да, Джим. — Холли сознавала опасность, которой она подвергается, подталкивая его навстречу истине, но другого выхода нет.

— Миг, когда ты поверишь в существование Друга и Врага в себе самом, станет началом их конца.

— Враг так просто не уйдет, — покачал головой Джим и заморгал от удивления, заметив в своих словах потаенный смысл.

— Черт, — сказала Холли, чувствуя, как внутри растёт радостное возбуждение. Слова Джима вольно или невольно подтверждают ее теорию и, самое главное, показывают, что он хочет вырваться из мира фантазий, в который сам себя загнал.

Джим побледнел и напоминал больного раком, только что узнавшего диагноз. По сути дела, он действительно поражен болезнью, только душевной, а не физической.

Свежий ветерок, залетевший в открытое окно машины, вдохнул в Холли новую надежду.

Однако радость оказалась недолгой. На странице блокнота, который держал Джим, неожиданно появились слова:

«ТЫ УМРЕШЬ».

— Это не я, — искренне сказал Джим. — Не может быть, чтобы это я.

На странице возникла новая фраза:

«Я ИДУ. ТЫ УМРЕШЬ».

Холли показалось, что весь мир превратился в населенную привидениями и вурдалаками карнавальную пещеру ужасов, где за каждым углом подстерегают страшные опасности. Чуть зазевался — и попал чудовищу в лапы. Вот только здесь не карнавал, и настоящий монстр шутить не станет, пощады от него не жди.

Холли выхватила у Джима блокнот и, надеясь, что Врага, как и Друга, остановит ее решительность, выбросила его в окно.

— К черту! Хватит читать эту галиматью! Послушай, Джим, я говорю правду. Враг — воплощение твоей ярости после смерти родителей. Когда тебе было десять, она стала такой огромной, что ты испугался и запихнул ее в другое «я». Но твоя уникальность в том, что, в отличие от других жертв раздвоения личности, живущие в тебе существа способны появляться в реальном мире.

Слова Холли сильно походили на правду, но верить в нее Джиму не хотелось.

— Ты хочешь сказать, что я сумасшедший? Ведь так надо тебя понимать? Псих с манией переустройства общества.

— Не говори так, — быстро прервала его Холли. — Просто у тебя возникли проблемы. Ты сам загнал себя в тупик и теперь должен найти из него выход.

Джим покачал головой. Его лоб покрылся мелкими капельками пота, в лице появилась смертельная бледность.

— Не обманывай себя, Холли. Если все в твоих словах — правда, я конченный человек и мое место в сумасшедшем доме. Ты ведь и сама это понимаешь.

Она взяла его ладони в свои и крепко сжала.

— Не надо. Не говори так. Ты можешь найти выход. Я знаю, ты можешь. Все будет хорошо.

— Как? Боже мой, Холли, как я...

— Ты не такой, как все, — отрезала она. — В тебе огромные, невероятные силы. Стоит захотеть — и они принесут столько добра! Ты способен сам себя исцелить. Если тебе удастся оживлять стены, предвидеть будущее, спасать людей, то ты наверняка сумеешь сам избавиться от недуга.

Сильнейшее недоверие отразилось на лице Джима.

— Откуда у простого смертного такие способности?

— Не знаю, но у тебя они есть.

— Их давали высшие силы. Пойми, Холли, — никакой не Супермен.

Холли в сердцах ударила кулаком по рулю.

— Ты телепат, телемаг и теле-черт знает что еще! Ну хорошо, летать, гнуть рельсы голыми руками, бегать быстрее пули ты не умеешь. Но кого еще можно сравнить с Суперменом? Кстати, ему следовало бы кое-чему у тебя поучиться. Ты видишь будущее, пусть только фрагментами и не все время, но видишь!

Ее убежденность произвела на Джима впечатление.

— Но как получилось, что я стал таким?

— Не знаю.

— Вот и конец твоей теории.

— Ерунда, — угрюмо сказала Холли. — Желтое все равно останется желтым, даже если я не знаю, почему глаз видит разные цвета. В тебе есть огромные силы, ты сам — сила, и не надо кивать на Господа Бога или пришельцев в пруду.

Джим отпустил ее руки и приник к ветровому стеклу, за которым открывалась унылая панорама сухих полей и изгибалась черная нитка шоссе. Казалось, он испытывает страх при мысли о скрытых в нем гигантских возможностях. Обладание ими накладывает бремя ответственности, а Джим не верил в собственные силы.

Холли заметила, что он прячет глаза, и поняла: Джим стыдится своей болезни. Он, сильный и гордый, не хотел поверить в выпавшее на его долю несчастье. Рушилась жизнь, с таким трудом отстроенная заново, жизнь, где высшей ценностью была уверенность в себе и монашеское одиночество аскета, которому никто не нужен, кроме Бога. Он думал, что, уйдя от людей, принял хорошо обдуманное решение, а ему говорят: этот поступок — отчаянная попытка справиться с бурей воспоминаний, грозивших его погубить. Получается, потребность в самоконтроле вывела Джима за границы разумного.

Холли вспомнила слова в блокноте:

«Я ИДУ. ТЫ УМРЕШЬ».

— Куда мы едем? — удивился Джим. Машина повернула в сторону Нью-Свернборга. Вместо ответа Холли спросила:

— В детстве ты был обычным ребенком?

— Таким же, как все остальные, — быстро ответил Джим, и она отметила резкость и поспешность его ответа.

— Никаких признаков скрытых талантов?

— Никаких.

Внезапная нервозность Джима, угадывавшаяся в дрожании рук и порывистых беспокойных движениях, убедила Холли, что она на верном пути. ОН не был обычным ребенком. Ее вопрос напомнил ему о прошлом и открыл глаза на происхождение его уникальных способностей. Но Джим не хочет примириться с действительностью и пытается укрыться за щитом отрицания.

— Ты что-то вспомнил?

— Ничего.

— Хватит секретничать, Джим.

— Ну правда, ничего.

Ей ничего не оставалось, как сказать:

— Нет, Джим. Ты не такой, как все. И пришельцы здесь ни при чем.

Похоже, воспоминания, которыми он не хотел с нею поделиться, поколебали уверенность Джима, и он неохотно проронил:

— Не знаю.

— Это правда, Джим.

— Может быть.

— Помнишь, как вчера вечером Друг сказал, что, по их меркам, он ребенок? Так вот — он действительно ребенок, вечный ребенок. Ему всегда десять лет, потому что, когда ты его создал, тебе тоже было десять. Теперь ясно, почему он так любит порисоваться, а чуть что — сразу обижается. Друг ведет себя не как ребенок из другой галактики, которому десять тысяч лет, а как обыкновенный десятилетний мальчишка.

Джим опустил веки и откинулся на спинку сиденья, как будто разговор утомил его, но сжатые кулаки, которые он держал на коленях, выдавали его внутреннее напряжение:

— Куда мы едем, Холли?

— Устроим небольшую экскурсию. Дорога шла мимо золотистых холмов и полей. Немного передохнув, Холли возобновила осторожный натиск:

— Враг — воплощение страхов десятилетнего мальчика. Теперь я понимаю, что чудовище, которое проникло в номер мотеля, не было настоящим и не имело никакого отношения к пришельцам. Такой кошмар может родиться только в голове испуганного ребенка.

Джим молчал.

Она заглянула ему в лицо:

— Джим?

Его глаза были по-прежнему закрыты.

Сердце Холли учащенно забилося:

— Джим!

Тревога в ее голосе заставила его выпрямиться и открыть глаза.

— Что?

— Ради Бога, не закрывай глаза, а то заснешь. Как я сразу не сообразила...

— Думаешь, я смогу заснуть, после того что узнал?

— Не знаю. Но я боюсь. Ты ведь не будешь закрывать глаза, правда? Пока ты не спишь, Враг не страшен, но что, если тебя потянет в сон?

На ветровом стекле, точно на экране бортового компьютера истребителя, появилась черная бегущая строка:

«СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ».

Похолодев от ужаса, но не желая выдавать своих чувств, Холли резко включила стеклоочистители, точно вместе с надписью хотела стереть угрозу. Однако слова не исчезли, и Джим сидел, уставившись на них в оцепенении.

Они проехали мимо маленького ранчо. В открытые окна ворвался запах свежескошенного сена.

— Куда ты меня везешь? — снова спросил Джим.

— На разведку.

— Куда?!

— В прошлое.

Джим подавленно замолчал, потом сказал:

— Я все еще не могу прийти в себя. Не могу, и все. Ну скажи, как мы сумеем проверить твои подозрения?

— Мы едем в город, — ответила Холли. — Повторим вчерашнюю экскурсию. Как тебе название: «Романтические тайны Нью-Свенборга»? Чушь. Но что-то здесь есть. Ты не случайно провез меня по местам, где прошло твоё детство. Ответ на нашу головоломку можно найти только в Нью-Свенборге. Давай вместе его поищем.

На ветровом стекле пониже шести черных слов побежала вторая строка:

«СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ».

Холли знала: отпущенное ей время истекает. Враг понял, что она близка к цели, и, не дожидаясь, пока Джим уснет, решил стереть ее с лица земли, превратить в кучу кровавых лохмотьев. Она подталкивает Джима навстречу истине, сама не зная, чем кончится ее затея. Что, если его железная воля не выдержит такой нагрузки и в образовавшийся пролом хлынет черная лава ненависти, которая захлестнет добрые стороны его личности?

— Скажи, Холли, я избавлюсь от этого странного состояния, если ты мне все расскажешь и объяснишь?

— Сначала ты должен мне поверить. Только тогда можно надеяться на выздоровление. Поверить в то, что страдаешь психическими отклонениями, — первый трудный шаг к пониманию, без которого никакое лечение не принесет успеха.

— Не надо строить из себя психиатра. Что ты разговариваешь со мной, как врач с пациентом?

Джим пытался найти убежище в гневе. Взгляд ярко-синих глаз, в котором ясно читалась угроза, обжег Холли арктическим холодом. Совсем как в тот день, когда она приехала к нему в Лагуна-Нигель, а он дал ей понять, чтобы она не лезла к нему в душу. Тогда у Джима ничего не вышло, а сейчас и подавно.

Господи! Порой диву даешься, до чего непонятливыми бывают мужчины!

— Однажды я брала интервью у психиатра.

— Превосходно! Наверное, ты еще и великий терапевт?

— Очень может быть. Кстати, тот психиатр сам был порядочным психом. Так что, я думаю, есть вещи поважнее университетского диплома.

Он глубоко вздохнул.

— О'кей, допустим, ты права, и мы найдем неопровержимые доказательства того, что я псих — Ты не псих, ты...

— Знаю, знаю. Душевное потрясение, психологический тупик. Называй это как хочешь, только, если мы узнаем правду — не представляю как, но узнаем, — что будет со мной? Конечно, я могу улыбнуться и сказать: «Ах да, я напридумывал всяких небылиц и жил себе поживал в мире глупых иллюзий, а теперь со мной все в порядке. Пойдем-ка, Холли, перекусим». Не знаю, может быть, я так и скажу, но только, скорее всего... я лопну по швам и рассыплюсь на кусочки.

— Я не могу обещать, что правда, которую мы найдем, станет для тебя спасением. До сих пор ты искал его только в собственной фантазии. Но так больше продолжаться не может. Враг ненавидит меня и рано или поздно убьет.

Ты сам предупреждал об опасности.

Джим взглянул на надпись в центре ветрового стекла и промолчал. Возразить нечего. К тому же он, похоже, устал от споров.

Черные буквы начали быстро блекнуть и исчезли.

Может, это хороший знак, показывающий, что Джим подсознательно принял ее теорию. Или, наоборот. Враг, поняв, что угрозы не действуют, готовится к последнему броску.

— Когда я умру, ты поймешь, что сам стал причиной моей смерти. И, если твоя любовь ко мне не пустые слова, что ты будешь при этом чувствовать? Что останется от Джима, которого я люблю? Не получится ли, что в тебе победит одна личность — Враг? Гадать можно сколько угодно, но ясно одно: сейчас на карту поставлена не только моя, но и твоя жизнь. Если хочешь, чтобы у нас было будущее, давай копать до самого дна.

— Можно копать целую вечность, а окажется, что дна просто нет.

— Тогда будем копать еще глубже.

* * *

Мертвые коричневые поля внезапно сменились множеством крыш, чья теснота и беспорядок напоминали лагерь первых поселенцев, — они въехали в город. Холли неожиданно повернулась к Джиму и сказала:

— Роберт Вон.

Джим дернулся от удивления. Он мгновенно понял смысл ее реплики.

— Бог ты мой, то-то мне все время мерещилось, что я уже слышал этот голос.

— Друг говорил его голосом, вот почему он казался нам таким знакомым.

Роберт Вон — замечательный актер, с равным успехом игравший роли добрых дядюшек и отъявленных негодяев.

В зависимости от сценария его густой звучный баритон становился то угрожающим, то по-отечески ласковым.

— Роберт Вон, — повторила Холли. — Но почему именно он? Почему не Орсон Уэллс, Пол Ньюмен или Шон Коннери? Тебе не кажется, что это неспроста?

— Не знаю, — задумчиво ответил Джим, хотя какое-то чувство ему подсказывало, что разгадка совсем рядом.

— Ты все еще не расстался с мыслью о пришельцах? Пришелец не стал бы подражать голосу киноактера.

— Мне приходилось видеть Роберта Вона, — произнес Джим, пораженный тем, что в памяти забрезжили смутные обрывочные картины. — Не в фильме, а на самом деле. Это было очень давно.

— Где, когда?

— У меня не получается вспомнить... Пытаюсь, но не получается.

Джим представил, что стоит на узкой кромке земли, разделяющей две пропасти. С одной стороны — прошлая жизнь, полная мучительного отчаяния, которое время от времени овладевало им и влекло к гибели. Например, как в тот раз, когда он предпринял свою паломническую поездку на «харлее», надеясь отыскать выход, даже если выходом окажется смерть.

С другой стороны — предлагаемое Холли неопределенное будущее, в котором она видит надежду, а он — хаос и безумие. Узкая полоска земли вот-вот обрушится под его ногами.

Джим вспомнил разговор в спальне, когда они впервые легли в постель. Он тогда сказал: «Люди всегда сложнее... чем ты думаешь». — «Это как, наблюдение... или предостережение?» — «Предостережение?» — «Может, ты предостерегаешь меня, что и сам не тот, кем я тебя считаю». — «Может быть», — ответил он после долгой паузы. Она тоже долго молчала, потом сказала: «Для меня это не важно».

Теперь Джим не сомневался, что в ту ночь хотел предостеречь Холли. Она права, и

населяющие мельницу существа — различные грани его самого. Но если он действительно страдает раздвоением личности, то для определения этого состояния есть только одно слово — не душевные проблемы или психологический тупик, как пытается представить Холли, а безумие.

Машина выехала на Главную улицу. Город выглядел темным и угрожающим. Возможно, потому, что узкие улочки Нью-Свенборга скрывают тайну, от разгадки которой зависит, в какую пропасть он бросится.

Джим вспомнил, как однажды прочел, что только сумасшедшие абсолютно уверены в том, что здоровы. Он абсолютно ни в чем не уверен, но от этого нелегче. Возможно, безумие — квинтэссенция неопределенности, отчаяния, безуспешная попытка выплыть и ощутить почву под ногами. Разум — обитель определенности, которая находится над хаосом.

Холли остановила машину у аптеки Хандала.

— Начнем с аптеки.

— Почему именно отсюда?

— Мы сделали здесь первую остановку, когда ты показывал мне город и рассказывал о своем детстве.

Джим открыл дверь «Форда» и шагнул в густую тень растущих вдоль тротуара магнолий.

Деревья скрашивали унылый вид улицы, но одновременно усиливали ощущение диссонанса, которое словно витало в воздухе.

Холли толкнула стеклянную дверь, мерцавшую, точно грани бриллианта, над головой звякнул колокольчик, и они вошли.

Сердце Джима учащенно забилося. Он не помнил ни одного необычного случая, связанного с аптекой, но чувствовал, что они идут по верному следу.

В левой части здания находился ресторан. Через открытую дверь Джим увидел с десяток посетителей за столиками. Прямо напротив входа в маленьком киоске продавались утренние газеты, в основном местные, из Санта-Барбары. Рядом с газетами лежали пачки журналов и стопки книг в ярких обложках.

— Я частенько покупал здесь книги. Книги были для меня единственной радостью, я тратил на них все свое время, — задумчиво произнес Джим.

Правая дверь вела в аптеку, в которой, как в тысячах подобных американских аптек, косметики и средств для ухода за волосами было больше, чем лекарств. Однако на этом сходство заканчивалось. Вместо металлических или пластиковых полок вдоль стен тянулись стеллажи из благородного дерева, в глаза сразу бросался красивый прилавок из полированного гранита. В воздухе стоял аромат восковых свечей, конфет и табака, смешанный с запахом этилового спирта и валерианы.

Несмотря на ранний час, аптека уже работала, а ее хозяин возился с кассовым аппаратом. Холли догадалась, что высокий седой старик в накрахмаленном белоснежном халате и есть сам Корбет Хандал.

Аптекарь посмотрел на вошедших и расплылся в улыбке:

— Да неужто ко мне пожаловал Джим Айренхарт собственной персоной? Заходи, заходи, Джим. Почитай, три, а то и все четыре года, как тебя не видели в наших краях.

Они обменялись рукопожатием.

— Четыре года и четыре месяца, — подтвердил Джим. У него едва не вырвалось: «С тех пор как умер дед», но он так не сказал, хотя и сам не знал почему.

Протирая бумажной салфеткой прилавок, Корбет улыбнулся Холли и сказал:

— Я не знаю, кто вы, прекрасная незнакомка, но клянусь, что буду вечно благодарить Бога за то, что вы появились и озарили это серое утро.

Маленький Нью-Свенборг не мог желать лучшего аптекаря, чем Хандал. Он никогда не подчеркивал своей принадлежности к социальной верхушке города, и горожане любили его за доброту и веселый характер. Несмотря на его вечную манеру подтрунивать над посетителями, никто не сомневался, что старый Хандал знает свое дело до тонкостей и в

надежности приготовленных им лекарств можно быть уверенным. Многие заходили, просто чтобы поздороваться и переброситься с ним парой слов. Старый аптекарь любил людей, и все тридцать три года его работы в аптеке они платили ему тем же.

Одним словом, более приятного человека трудно и представить, но Джим вдруг почувствовал в Хандале угрозу. Ему захотелось скорее уйти из аптеки, пока...

Что пока?

Пока Хандал не сказал что-нибудь такое, что он боится услышать. Похоже, в нем заговорил страх разоблачения.

Но чего ему бояться?

— Я невеста Джима, — представилась Холли, не обращая внимания на его удивление.

— Прими мои поздравления, Джим, — весело сказал аптекарь, подмигивая Холли. — Везет же некоторым. Юная леди, надеюсь, вам известно, что настоящая фамилия Айренхартов — Айренхеды.¹ Они взяли себе новую, а жаль — старая лучше отвечала характеру этой семейки. Упрямы, каких свет не видывал.

— Джим решил покатать меня по городу, — сказала Холли. — С годами люди становятся сентиментальными.

— Никогда не думал, что ты можешь соскучиться по Нью-Свенборгу, — нахмурившись, сказал Джиму аптекарь. — Ты не слишком-то его жаловал.

— Вкусы меняются, — пожал плечами Джим.

— Рад это слышать. — Хандал снова повернулся к Холли. — После того как его дед с бабкой переехали в город, он зачастил сюда по вторникам и пятницам. По этим дням из Санта-Барбары привозили новые книги и журналы. — Хандал отложил в сторону салфетку и стал поправлять стенд с жевательной резинкой, одноразовыми зажигалками и расческами. — Джим тогда очень любил книги. А как сейчас, по-прежнему любишь читать?

— Люблю. — Джим с растущим беспокойством ждал, что еще может сказать Хандал. Все попытки объяснить причину возникшего в нем страха ни к чему не привели.

— Припоминаю, что тебя интересовала только фантастика. — Аптекарь пояснил Холли:

— Он тратил все карманные деньги на книжки о пришельцах и прочей чертовщине. Конечно, в те дни на два доллара в неделю можно было разгуляться — книжка-то стоила не дороже пятидесяти центов.

Джим испытал приступ боязни замкнутого пространства. Казалось, комната уменьшилась в размерах и превратилась в тесный склеп с толстыми стенами. Его неудержимо влекло на улицу.

«Он идет, — подумал он с тревогой. — Враг идет».

— Возможно, Джим перенял этот интерес у своих родителей, — продолжал аптекарь.

— У родителей? — нахмурилась Холли.

— Ну да, у родителей. Я не слишком-то хорошо знал Джеми, отца Джима, хотя мы учились в соседних классах. Не обижайся, Джим, но у твоего отца были весьма необычные увлечения. Впрочем, с тех пор столько воды утекло, что они теперь не кажутся такими странными, как в начале пятидесятых.

— Необычные увлечения? — сказала Холли, стараясь не выдать волнения.

Джим огляделся по сторонам, спрашивая себя, откуда может появиться Враг и куда от него бежать. Он все еще находился на перепутье, решая, принять или отвергнуть теорию Холли, но наконец утвердился в мысли, что она ошибается. Враг — не внутри его, он, как и Друг, существует сам по себе. Враг — злой пришелец, который проникает куда захочет, и он идет, чтобы их убить.

— Когда я был еще мальчишкой, Джеми частенько заходил к нам в аптеку — тогда здесь работал мой отец — и покупал старые журналы. Знаете, такие, на дешевой бумаге, с роботами и красотками на обложках. Любил поговорить о том, как однажды люди полетят на Луну. Многие тогда считали, что он чересчур заикнулся на всей этой чертовщине, но, выходит, как раз он-то и оказался прав. Я несколько не удивился, когда узнал, что он ушел из

¹ Железная голова.

бухгалтеров, женился на артистке и подался в экстрасенсы.

— Экстрасенсы? — Холли удивленно взглянула на Джима. — Ты говорил, что твой отец был бухгалтером, а мама — артисткой.

— Они и были — он бухгалтером, а она артисткой до тех пор, пока не стали давать представления, — отозвался Джим.

Он совсем забыл о сеансах, которые устраивали его родители. Удивительно, но факт: все стены его кабинета в Лагуна-Нигель оклеены фотографиями их поездок, он смотрел на них каждый день, но у него совершенно вылетело из головы, что снимки сделаны во время гастролей.

Он стремительно приближается.

Ближе. Еще ближе.

Джим хотел предупредить Холли об опасности, но словно потерял дар речи.

Невидимая сила сковала язык и намертво стиснула челюсти.

Он идет.

Он не хочет, чтобы Холли догадалась о его приближении. Враг стремится захватить ее врасплох.

Покончив с уборкой стенда, Хандал сказал:

— Страшно подумать, что с ними случилось. Когда ты впервые приехал к деду, Джим, то был как бы не в себе. От тебя и двух слов нельзя было добиться.

Холли во все глаза смотрела на Джима. Она чувствовала, что он на грани срыва.

— А потом, через два года, когда умерла Лена, Джим словно воды в рот набрал, я уж думал, он вообще перестанет разговаривать. Помнишь, Джим?

Слова Хандала словно громом поразили Холли.

— Выходит, твоя бабушка умерла через два года после того, как ты сюда приехал, и тебе тогда было только одиннадцать лет?

«Я говорил ей, что пять лет назад, — подумал Джим. — Почему я так сказал, когда на самом деле это случилось двадцать четыре года назад?»

Он идет.

Джим чувствовал, как тот неумолимо приближается.

Ближе, ближе. Враг.

— Извините, пойду глотну свежего воздуха, — сказал Джим и поспешно направился к машине, пытаясь перевести дыхание.

Оглянувшись, он понял, что Холли осталась в аптеке.

Через окно видно, как она разговаривает с Хандалом.

Враг приближается.

Не разговаривай с ним, Холли, не слушай его, скорее беги оттуда.

Враг рядом.

Опершись о капот машины, Джим напряженно думал. Ясно, что он боится Корбета Хандала, потому что аптекарь знает о жизни Джима Айренхарта в Нью-Свенборге больше его самого.

— Лаб-даб-ДАБ...

Враг настиг их.

* * *

Хандал проводил Джима испытующим взглядом.

— Мне кажется, он так и не сумел забыть о том, что случилось с его родителями... и с Леной, — заметила Холли.

Аптекарь понимающе кивнул:

— Разве такое забудешь? А какой славный был паренек! Эх, да что говорить!

И прежде чем Холли успела задать вертевшийся у нее на кончике языка вопрос о Лене Айренхарт, Хандал снова спросил:

— Собираетесь поселиться на ферме?
— Да нет. Поживем пару днейков.
— Конечно, может, я лезу и не в свое дело, но стыд и позор, когда земля пустует.
— У Джима не получится самому заниматься хозяйством, и раз уж ферму нельзя продать...

— Нельзя продать? Побойтесь Бога, юная леди, да стоит только заикнуться — с руками оторвут!

Холли в недоумении уставилась на старика.

— У вас есть настоящий артезианский колодец, а это значит: не страшны никакие засухи. Что бы ни случилось, всегда, деточка, с водой будете. А в наших краях — это великое дело. — Он облокотился о прилавок и скрестил руки на груди. — Система работает безотказно: когда в пруду много воды, ее вес давит на артезианскую скважину и уменьшает напор. А как только начнешь брать воду для поливки, скважина включается, и пруд снова полон до краев. Совсем как в сказке про бездонный колодец. — Хандал наклонил голову и искоса взглянул на Холли. — Значит, Джим сказал вам, что ферму нельзя продать?

— Это я так думала...

— Знаете, что я вам скажу, юная леди... — Хандал посмотрел Холли в глаза. — Похоже, ваш избранник сентиментальное, чем я думал. Может быть, он не хочет продавать ферму, потому что с ней у него связано слишком много воспоминаний.

— Может быть, — кивнула она. — Но среди них есть не самые приятные.

— Верно говорите.

— Например, смерть бабушки. — Холли попыталась вывести собеседника на интересующую ее тему. — Это был...

Слова Холли внезапно прервало бряканье стекла.

Обернувшись, она увидела, что на полках, стучаясь друг о друга, подпрыгивают флаконы шампуней, бутылки с лосьонами, упаковки витаминов и пузырьки с лекарствами.

— Землетрясение, — встревожился Хандал и поглядел на потолок, точно боялся, что он может на них обрушиться.

Склянки задребезжали еще громче. Холли знала, что их звон означает не землетрясение, а нечто похуже. Ее предупреждают, чтобы она оставила Хандала в покое и не задавала новых вопросов.

— Лаб-даб-ДАБ, лаб-даб-ДАБ...

Уютный мирок аптеки стал разваливаться прямо на глазах. На полках начали с треском лопаться бутылки, во все стороны полетели осколки. Холли закрывала лицо руками. Ей на голову градом посыпались коробки с лекарствами. Увлажнитель воздуха свирепо гудел и вибрировал. Подчиняясь внутреннему инстинкту, Холли бросилась на пол, и в тот же миг с грохотом разлетелся стеклянный стенд. Осколки, точно шрапнель, изрешетили воздух в том месте, где она только что стояла. Спотыкаясь на битом стекле, она рванулась к выходу. За спиной обрушился тяжелый кассовый аппарат. Опоздай она на долю секунды — уже лежала бы с переломанным позвоночником. Прежде чем стены успели ожить и запульсировать, Холли опрометью вылетела на улицу, предоставив Хандалу самому разбираться с последствиями разгрома, причиной которого он наверняка считает землетрясение.

Она бежала по выложенному кирпичом тротуару, чувствуя, как бьется земля под ее ногами.

Джима она нашла возле машины. Он стоял, обессиленно опершись на капот, и трясся как в лихорадке. Сейчас он походил на человека, стоящего на краю пропасти и уже решившегося на смертельный прыжок. Джим не ответил на ее зов. Ей показалось, что еще миг — и злобные темные силы, которые он столько лет держал под гнетом, вырвутся на свободу.

Холли рывком оттащила Джима от машины и, крепко прижав к груди и всхлипывая, повторяла его имя. Она ждала, что из тротуара вот-вот забьют кирпичные гейзеры, а в нее вцепятся зазубренные клешни или холодные склизкие щупальца. Однако глухие удары стали

затихать и Джим начал приходить в себя. Он поднял руку и обнял Холли за плечи.

Враг отступил.

Но она знала: затишье — только отсрочка приговора.

* * *

К «Садам Тиволи» примыкал Мемориальный парк, а еще дальше, за остроконечной чугунной оградой, начиналось городское кладбище.

Джим сбросил скорость и остановился.

— Приехали.

Выйдя из машины, он испытал новый приступ боязни замкнутого пространства, хотя в отличие от прошлого раза находился на улице. Казалось, каменное серое небо придавило могильные плиты, и гранитные квадраты и треугольники торчат из земли, как древние обломки потемневших от времени костей. В тусклом мертвенном свете деревья стали серыми и огромными, словно собирались вцепиться в него своими ветвями.

Джим обошел вокруг машины и присоединился к Холли.

— Идем.

Холли взяла его за руку, и он мысленно поблагодарил ее за помощь. Они направились к могиле родителей отца Джима, которая располагалась на небольшом склоне, хотя кладбище в основном было ровное. Их взглядам представилась прямоугольная гранитная плита, одна на две могилы.

Сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Джим с трудом сглотнул застрявший в гортани ком.

На правой стороне памятника было выбито имя: «Лена Луиза Айренхарт».

Джим неохотно прочел дату рождения и смерти. Она умерла в пятьдесят три года, и после ее смерти прошло почти четверть века.

Наверное, испытанное им потрясение можно сравнить с промыванием мозгов. Ложные воспоминания исчезли, и прошлое стало похоже на туманный пейзаж, очертания которого теряются в жутком неверном свете спрятавшейся за тучами луны. Он неожиданно лишился возможности оглянуться на прожитые годы и уже не может доверять своей памяти. Самые ясные картины, стоит только взглянуть на них поближе, могут оказаться хитрой игрой теней.

Сбитый с толку и испуганный, он еще крепче сжал руку Холли.

— Почему ты меня обманул, сказал, что она умерла пять лет назад? — осторожно спросила Холли.

— Я не обманывал. По крайней мере... не понимал, что делаю. — Джим уставился на блестящий гранит, точно могильная плита служила окном в прошлое и он пытался в нем что-то разглядеть. — Я помню, как проснулся однажды утром и понял, что ее больше нет. Это случилось пять лет назад. Я тогда снимал квартиру в Ирвине. — Он прислушался к звуку собственного голоса, будто говорил не он, а кто-то другой, и поежился, словно от холода. — Я оделся... купил цветы и поехал в Нью-Свенборг... Потом пришел сюда.

Он замолчал, и Холли, выждав некоторое время, спросила:

— В тот день больше никого не хоронили?

— Не помню.

— Может быть, ты запомнил кого-нибудь из посетителей?

— Нет.

— На могиле были другие цветы?

— Не знаю. В памяти осталось только, как я опускаюсь на колени, кладу цветы, которые для нее купил... И плачу... Плачу и не могу остановиться.

Немногочисленные посетители кладбища посматривали на него сначала с сочувствием, потом смущенно отворачивались и спешили уйти, поняв, что с ним творится что-то неладное. Джим ясно помнил иступление, которое владело им в тот день, и растерянные взгляды прохожих. Ему хотелось разрыть могилу, лечь рядом с бабушкой и накрыться землей, точно

одеялом. Однако события, предшествовавшие приезду на кладбище, совершенно выпали из памяти.

Джим снова взглянул на дату смерти: «25 сентября» — и его словно пронзило током.

— Что с тобой, Джим? — спросила Холли.

— Это тот самый день, когда я приезжал сюда. Двадцать пятое сентября — день ее смерти. Но я приезжал пять лет назад. Значит, была девятнадцатая годовщина... Но мне тогда казалось, и я стал так думать, что она только что умерла.

Оба молчали.

В темном небе появились две большие черные птицы и с пронзительным клекотом скрылись за верхушками деревьев.

— Может быть, ты не хотел поверить в ее смерть и поверил, что ее не стало, только через девятнадцать лет после того, как это случилось... Поэтому тебе и казалось, что Лена умерла всего пять лет назад. Ты считал датой смерти тот самый день, когда пришел сюда с цветами.

Джим сразу понял, что она попала в самую точку, но разгадка не принесла ему облегчения.

— Но Боже мой, Холли, ведь это безумие.

— Нет, — спокойно ответила она. — Это самозащита. Стена, которой ты окружил детские переживания того времени. — Она помедлила и, глубоко вздохнув, спросила:

— Джим, отчего умерла твоя бабушка?

— Она... — начал он и запнулся, удивленный тем, что не помнит причину смерти Лены Айренхарт. Сплошной туман в голове. — Я не знаю.

— Мне кажется, она умерла на мельнице. Джим оторвал глаза от могилы и взглянул на Холли. Ее слова заставили его внутренне напрячься, но он не понимал, откуда возникла внезапная тревога.

— На мельнице? Почему? Откуда тебе известно?

— Помнишь сон, который я тебе рассказывала? Мне снилось, что я поднимаюсь по ступенькам и из окна мельницы смотрю на пруд. Отражение в стекле принадлежало твоей бабушке.

— Это всего лишь сон. Холли покачала головой.

— Не думаю. Скорее всего проекция твоих воспоминаний на мой мозг.

Сердце Джима бешено прыгало в груди, и он не знал, чем вызвана его паника.

— Какие могут быть у меня воспоминания, если я ничего не помню?

— Ты все помнишь.

— Абсолютно ничего, — нахмурился он.

— Воспоминания спрятаны в твоём подсознании, и до них можно добраться только во сне. Но они есть, можешь не сомневаться.

Скажи она ему, что кладбище стоит на карусели, которая медленно вращается под хмурым небом цвета вороньей стаи, он бы поверил, но в то, что она сказала, поверить было гораздо труднее. Он чувствовал, как несется сквозь свет и темень, сквозь свет и темень, ярость и страх...

— Но в твоём сне... Когда бабушка поднялась наверх, в комнате был я, — произнес он с огромным усилием.

— Да.

— Если она умерла на мельнице...

— Ты был свидетелем ее смерти.

Он покачал головой.

— Нет. Неужели ты думаешь, что я бы этого не помнил?

— Да. Поэтому тебе и потребовалось целых девятнадцать лет, чтобы поверить в ее смерть. Мне кажется, ты видел, как она умерла. Страшное потрясение привело к полной потере памяти, а вместо нее появились фантазии.

Налетел ветерок. Джим услышал шорох под ногами и решил, что костлявые руки

покойницы вылезают из земли и хотят утащить его в могилу. Но, взглянув вниз, он увидел только сухие листья, которые шуршали в траве.

Неистовый стук его сердца походил на удары по боксерской груше. Джим отвернулся от могилы и уже направился к машине, но Холли удержала его:

— Подожди.

Он резко вырвал у нее свою руку. Холли даже покачнулась. Синие глаза сердито сверкнули.

— Я хочу скорее отсюда уехать.

Она не испугалась и снова ухватила его за руку.

— Джим, подожди, скажи, где похоронен твой дед?

Он раздраженно указал на соседнюю могилу.

— Рядом с нею, разве ты не видишь?! И тут его взгляд упал на левую половину гранитной плиты. Его так потрясло открытие, связанное со смертью Лены, что он совсем упустил из виду одну важную деталь. На левой стороне, как и положено, было выбито имя деда: «Генри Джеймс Айренхарт». Очевидно, надпись сделали, когда хоронили Лену. Пониже имени стояла дата рождения. И все. Дата смерти отсутствовала.

Вороненое небо опустилось к земле. Деревья сгрудились и сдвинули над ними свои серые кроны.

— Ты говорил, что он умер через восемь месяцев после нее.

У него пересохло во рту. Язык прилип к гортани, и произнесенные шепотом слова напоминали шорох песка о каменистую поверхность пустыни.

— Что ты от меня хочешь? Я сказал тебе... восемь месяцев спустя... двадцать четвертого мая...

— Отчего он умер?

— Я... не помню... не помню...

— Он умер от болезни?

«Молчи, молчи».

— Не знаю.

— Может быть, какой-то несчастный случай?

— Я... думаю... думаю... он умер от инсульта. Густой плотный туман окутал его жизнь. Он редко задумывался о прошлом. Жил одним днем и даже не подозревал, что огромные провалы в памяти вызваны тем, что раньше он никогда не пытался вспоминать.

— Ты был его ближайшим родственником?

— Да.

— Значит, ты наверняка занимался организацией похорон.

Джим нахмурился и нерешительно кивнул:

— Да... наверное...

— И ты просто забыл указать на камне дату его смерти?

Джим стоял, слепо уставившись на чистый гранит, и мучительно пытался отыскать такое же чистое место в своей памяти. Он не знал, что ответить Холли, и чувствовал страшную слабость. Хотелось свернуться калачиком, закрыть глаза и никогда не просыпаться.

— А может, его похоронили в другом месте? — донесся до него новый вопрос Холли.

Над их головами кружились черные птицы. Их огромные крылья со свистом рассекали воздух, выписывая в пепельном небе каллиграфические знаки, смысл которых казался не яснее серых расплывчатых образов, спрятанных в глубинах подсознания Джима.

* * *

Холли села за руль и они поехали к «Садам Тиволи».

После происшествия в аптеке Джима охватило желание скорее ехать на кладбище, чтобы самому во всем разобраться. Однако последующие события потрясли его и отбили

всякую охоту продолжать расследование.

Он с удовольствием уступил Холли водительское место, и по выражению его лица она без труда догадалась, что он мечтает уехать из города и забыть Нью-Свенборг как страшный сон.

Сквер «Сады Тиволи» был совсем маленький. Им пришлось оставить машину на улице и пойти пешком.

Холли решила, что «Сады» имеют еще менее привлекательный вид, чем ей показалось вчера, когда они проезжали мимо сквера на машине. И виной всему не только серое небо. Ни в одном парке Центральной Калифорнии не встретишь таких сухих, выжженных солнцем газонов. Ползучие побеги кустарника заглушили цветочные клумбы, и из колючих зарослей торчали бутоны роз с наполовину осыпавшимися лепестками. Другие цветы завяли. Унылую картину довершали две деревянные скамейки с облупившейся краской.

Однако стоявшая в сквере мельница не выглядела заброшенной. Она была больше и футов на двадцать выше, чем мельница на ферме Айренхарт.

— Зачем мы сюда пришли? — спросила Холли.

— Ты еще спрашиваешь! Мы здесь только по твоей милости.

— Ну-ну, не надо сердиться, мы же хорошие ребятки, — сказала она, обращаясь к нему как к ребенку.

Давить на Джима — то же самое, что пинать ящик с динамитом. Однако иного выхода нет. Рано или поздно он все равно взорвется, и единственная надежда — на то, что она успеет убедить Джима в своей правоте, прежде чем Враг полностью захватит власть над ним. С каждым мгновением у нее оставалось все меньше времени.

— Вчера ты решил немного побыть в роли гида. Помнится, ты сказал, что на этом месте снимали кино. — Слова Холли подействовали на Джима словно удар тока. — Подожди, подожди... Так вот где ты видел Роберта Вона! Он снимался в этом фильме?

Джим в недоумении, которое быстро сменилось угрюмой задумчивостью, оглядел маленький сквер. Затем двинулся к мельнице. Холли последовала за ним.

По обе стороны от входа были установлены каменные плиты с плексигласовыми информационными стендами. Они подошли к левому стенду и прочли о том, что в долине Санта-Инес на протяжении всего девятнадцатого века и довольно долго в двадцатом мельницы использовались для помола муки, перекачки воды и производства электроэнергии. Далее следовала история возвышающегося перед ними сооружения, которое просто и без затей именовалось Нью-Свенборгской мельницей.

У Холли сводило скулы от скуки, когда она читала эти строки, и ко второму стенду она подошла только благодаря остаткам профессионального любопытства. Однако стоило ей взглянуть на заголовок — и скуки как не бывало. Надпись на правом стенде гласила: «Черная мельница: книга и фильм».

— Смотри, Джим. Он подошел и встал у нее за спиной. На стенде помещалась фотография книги Артура Уиллота «Черная мельница», на обложке которой Холли узнала нью-свенборгскую достопримечательность. С растущим замешательством она углубилась в чтение текста. Уиллот, живший в долине Санта-Инес, но не в Нью-Свенборге, а в соседнем Солванге, прославился многочисленными книгами для подростков. Он умер на девятом десятке в 1982 году, оставив после себя пятьдесят два романа. Наибольший успех принесло писателю научно-фантастическое произведение о мальчике, который узнает, что привидения со старой мельницы на самом деле являются пришельцами из космоса, а на дне соседнего пруда десять тысяч лет покоится инопланетный звездолет.

— Нет, — сказал Джим в сердцах. — Бессмыслица какая-то.

Холли припомнила, как во сне в облике Лены Айренхарт поднялась по ступенькам лестницы и в комнате наверху обнаружила десятилетнего Джима. Мальчик стоял, прижимая кулаки к бокам, а увидев ее, бросился навстречу с криком: «Помоги, мне страшно, стены, стены!» На полу Холли заметила желтую свечу на голубом блюде, но только сейчас вспомнила, что возле блюда лежала книга в яркой суперобложке. В ней она сразу узнала

«Черную мельницу».

— Бессмыслица, — повторил Джим. Он отвернулся от стенда и встревоженно посмотрел на качающиеся ветви деревьев.

Холли продолжила чтение и узнала, что двадцать пять лет назад, в год, когда в Нью-Свенборг приехал десятилетний Джим Айренхарт, в городе снимали «Черную мельницу». Основные съемки проходили на Нью-Свенборгской мельнице. Киношники даже выкопали мелкий, но внушительный пруд, а потом компания заплатила за то, чтобы скверу вернули прежний облик.

Даже дневной свет не мог рассеять мрачный сумрак, окутывавший угрюмые силуэты деревьев и кустов. Загнанно озираясь по сторонам, Джим сказал:

— Что-то должно случиться.

Холли не заметила ничего особенного в окружающем пейзаже и решила, что он хочет отвлечь ее от стенда. Джим не поверил тому, что там написано, и теперь пытается перетянуть ее на свою сторону.

Очевидно, фильм потерпел полный провал. Холли о нем даже не слышала. Скорее всего известность картины никогда не выходила за границы Нью-Свенборга, да и там ее знали только потому, что книгу написал житель соседнего городка. В конце текста шли фамилии пяти наиболее важных членов съемочной группы. Среди первых четырех Холли узнала только своего любимца Эммета Уолша. Последним в списке оказалось имя молодого и никому тогда не известного Роберта Вона.

Холли подняла глаза на темную громаду мельницы.

— Что происходит? — Она посмотрела на серое гнетущее небо и перевела взгляд на фотографию книги Уиллота. — Кто мне скажет, что здесь происходит?

Вздрагивающим от ужаса голосом, в котором одновременно слышались нотки восторженного ожидания, Джим сказал:

— Он идет.

Холли проследила направление его взгляда и увидела, что в дальнем углу сквера зашевелилась земля и к месту, где они стоят, приближается, стремительно вырастая в размерах, страшный черный ком.

Она бросилась к Джиму и повисла у него на шее.

— Остановись!

— Он идет. — Джим посмотрел на нее невидящим взглядом.

— Это ты, ты, Джим!

— Нет... не я... Враг. — Казалось, он разговаривает в трансе.

Холли оглянулась: неподалеку от них треснула и вздыбилась бетонная дорожка.

— Не надо, Джим!

В его взгляде, устремленном на приближающееся чудовище, она прочла страх и надежду, что смерть принесет ему избавление от страданий.

Одна из скамеек упала, и ее бесследно проглотила разверзшаяся в песке трещина.

До Врага осталось сорок футов, и это расстояние быстро сокращалось.

Холли схватила Джима за рубашку и изо всех сил тряхнула, стараясь привести в чувство.

— Я видела этот фильм в детстве. Как он назывался, а? Не «Нашествие марсиан»? Там еще открывались двери в песке и люди туда проваливались.

Она обернулась: тридцать футов.

— Значит, вот так мы и погибнем, да, Джим? Откроется дверь в песке, и мы туда провалимся. Совсем как в кошмаре десятилетнего мальчика?

Двадцать футов.

Джим дрожал, точно от холода. Казалось, он ее не слышит.

Она притянула его к себе и крикнула ему в лицо:

— Ты что, собираешься убить и себя, и меня, как Ларри Каконис? Устал бороться, трусил, да?

Десять футов.

Восемь.

— Джим!

Шесть.

Четыре.

Услышав под собой дьявольский скрежет клыков, Холли пустилась на последнее средство: она подняла каблук и с силой ударила Джима по голени. Он вскрикнул и присел от боли. Холли с ужасом уставилась на зашевелившийся под ногами дерн. Но крик Джима сковал зыбкую поверхность земли, и она так и не разверзлась.

Холли сделала несколько неверных шагов, стараясь не глядеть на развороченный дерн и страшные черные трещины.

Джим ошеломленно смотрел на нее и все повторял:

— Это не я. Не я. Не может быть, чтобы я.

* * *

Джим обессиленно откинулся на спинку сиденья.

Холли положила руки на руль и опустила на них голову.

Джим выглянул из окна: через весь сквер тянулся длинный след гигантского крота. По белой бетонной дорожке расползлись уродливые черные трещины. Посреди кучи песка лежала уцелевшая скамейка.

Невозможно поверить, что подземное чудовище всего лишь дьявольский плод его воображения. Он привык держать себя в руках, вел спартанский образ жизни, признавая только книги и работу. Никаких слабостей (если не считать удобной забывчивости, кисло подумал он). Труднее всего поверить в то, что единственная опасность, которой они подвергаются, кроется в нем самом и ему не справиться со злобным диким зверем, прячущимся в глубинах его собственного мозга.

Испытываемое им чувство выходило за рамки обычного страха. Лихорадочная дрожь прошла, но первозданный ужас стянул грудь с такой силой, что стало больно дышать.

— Это не я, — повторил он потухшим голосом.

— Ты, это был ты. — Если подумать, то он едва не отправил Холли на тот свет, однако она выглядела спокойной и в ее голосе слышались нотки нежности.

— Все еще веришь в свою теорию? Я имею в виду мое так называемое раздвоение личности.

— Да.

— Значит, это было мое злое начало?

— Да.

— Похоже на огромного дождевого червяка, — некстати съязвил Джим. Затем почувствовав, что сарказм не достиг своей цели, перешел в наступление:

— Помнишь свои слова о том, что Враг появляется, только когда я сплю? Тебе не кажется, что твоя теория лопается как мыльный пузырь? Ведь если Враг — я, а я в тот момент не спал, тогда почему ты обвиняешь меня в том, что случилось в «Садах Тиволи»?

— Новые правила игры. Твоим подсознанием овладевает отчаяние, и тебе все труднее сдерживать натиск Врага. Чем ближе истина, тем агрессивнее он становится. Ничего удивительного, он защищается из последних сил.

— Но если это был я, то почему мы не слышали ударов сердца?

— Стук всегда предназначался для пущего эффекта, как звон колокольчиков перед появлением Друга. — Она подняла голову от руля и посмотрела на Джима:

— Но сейчас ты очень спешил, я читала рассказ на стенде, а ты во что бы то ни стало хотел меня остановить. Должна заметить, ты превзошел самого себя.

Он посмотрел в окно, отыскивая взглядом стенд с информацией о «Черной мельнице».

Рука Холли легла ему на плечо.

— Когда умерли твои родители, ты был вне себя от горя, тебе нужно было отвлечься, найти какой-то выход. Таким выходом стали космические фантазии Артура Уиллота.

Ему не хотелось говорить об этом Холли, но в глубине души он чувствовал, что приближается к точке, из которой прошлое выглядит под другим углом зрения. Расплывчатые мистические очертания начинают приобретать определенную форму. Если избирательная потеря памяти, тщательный подбор ложных воспоминаний и даже раздвоение личности не признаки безумия, а, как говорит Холли, крючки, удерживающие его от падения в бездну, то что, если их отбросить? Неужели, узнав о прошлом и столкнувшись лицом к лицу с правдой, которая в детстве вынудила его обратиться к миру фантазий, он опять потеряет рассудок? Что еще скрывает его мозг?

— Знаешь, самое важное, что ты сумел остановить этого червяка прежде, чем он до нас добрался.

— Чертовски болит нога, — поморщился Джим.

— Ну и прекрасно, — улыбнулась Холли.

Она завела машину.

— Куда поедем?

— Как куда? Конечно, в библиотеку.

* * *

Они остановились возле маленького викторианского домика, в котором находилась городская библиотека.

Холли с удовлетворением отметила, что руки не трясутся, голос звучит ровно и по дороге от сквера машину не швыряло в разные стороны. Страх не исчез, дикий, первобытный, он затаился в глубине ее существа, и Холли знала: ей никуда не деться от этого чувства, разве только бросить все к чертям и уехать. Или еще более верный способ — умереть. Но она ни за что на свете не покажет Джиму, что боится. Ему труднее, чем ей. В конце концов, ведь это его жизнь обернулась коллажем из фальшивых картинок на тонкой папиросной бумаге. Он должен чувствовать в ней опору.

Когда они приблизились к крыльцу (Джим прихрамывал), Холли заметила, как он оглядывается по сторонам, точно ждет, что из земли вот-вот появится страшный червяк.

Не дай Бог, а то опять придется прибегнуть к крайнему средству, и он захромает на обе ноги. Впрочем, неизвестно, сработает ли ее уловка во второй раз.

В вестибюле им сразу попала на глаза табличка с надписью: «Документальная литература» и стрелкой, указывающей в сторону лестницы на второй этаж.

Из вестибюля они проследовали в большой зал, в который выходили двери еще двух комнат, заполненных книжными полками. Слева от входа стояли столики для читателей и большой дубовый стол библиотекаря.

Библиотекарша, которую они увидели в зале, могла служить хорошей рекламой деревенского образа жизни: безупречный цвет лица, блестящие каштановые волосы, ясные карие глаза. На вид ей можно было дать не больше тридцати пяти, но скорее всего она была лет на двенадцать постарше.

Перед женщиной на столе стояла табличка:

«Элоиза Глинн».

Вчера, когда Холли собралась познакомиться с доброй миссис Глинн, о которой Джим рассказывал столько хорошего, он остановил ее, сказав, что библиотекарша наверняка на пенсии, так как, по его воспоминаниям, ей и раньше было «довольно много» лет. На самом же деле ясно, что в то время она только что закончила колледж и начала работать.

Однако предыдущие открытия отучили Холли чему-нибудь удивляться. Вчера Джим не хотел, чтобы она заходила в библиотеку, и не нашел ничего лучшего, как солгать. По его лицу видно, что он не слишком удивлен молодостью Элоизы Глинн. Он и вчера знал, что говорит не правду, хотя, возможно, не понимал, почему.

Миссис Глинн не узнала Джима. Наверное, его лицо не отпечаталось у нее в памяти, а скорее всего Джим действительно не появлялся в библиотеке с тех пор, как поступил в колледж.

Неудивительно, что она его забыла: все-таки прошло восемнадцать лет.

Энергичная жизнерадостная Элоиза Глинн напомнила Холли школьного тренера девчоночьей команды.

— Уиллот? — переспросила она в ответ на просьбу Холли. — Да у нас тут целая куча его романов! — Она прыжком вскочила со стула. — Сейчас покажу, где они стоят. — Обойдя вокруг стола, она упругой походкой направилась к двери дальней комнаты. — Он, Уиллот, из наших краев, да вы наверняка сами знаете. Умер год назад. Но больше половины из его книг все еще переиздаются.

Миссис Глинн остановилась перед разделом детской и юношеской литературы и широким взмахом руки указала на две длинные полки с книгами:

— Свет не видывал второго такого трудяги, как Арти Уиллот. Бобы и те со стыдом опускали головы, когда он проходил мимо.

Она заразительно улыбнулась Холли, и та улыбнулась в ответ.

— Мы ищем «Черную мельницу».

— Одна из его лучших книг. Не встречала мальчишки, которому бы она не понравилась. — Библиотекарша почти не глядя достала книгу с полки и протянула Холли. — Сыну берете?

— Да нет, сама хочу прочесть. Я увидела ее на стенде в «Садах Тиволи».

— Я хорошо помню эту книгу, но ей интересно самой посмотреть, — сказал Джим.

Холли и Джим вернулись в читальный зал и расположились за дальним столиком у стены. Они положили книгу посередине стола и, устроившись по обе стороны от нее, прочли две первые главы.

Время от времени Холли дотрагивалась до руки Джима, ласково касалась плеча, гладила ладонью его колено. Нужно приложить все силы, чтобы спасти Джима от гибели, прежде чем он узнает целительную правду и избавится от недуга. И любовь — ее единственное оружие в этой борьбе со злом. Она верила: любые выражения чувств — прикосновение, улыбка, взгляд — помогут удержать Джима от падения в бездну.

Роман читался на одном дыхании. Некоторые находки показались Холли настолько поразительными, что она прервала чтение и стала бегло проглядывать страницы, шепотом пересказывая Джиму самые интересные места.

Главного героя романа тоже звали Джим, но не Айренхарт, а Джемисон. Маленький Джим Джемисон жил на ферме, где возле глубокого пруда стояла старая мельница. Поговаривали, что на мельнице водится нечистая сила, но мальчик узнал, что таинственные привидения — это на самом деле пришельцы из космоса, а на дне пруда находится звездолет. Джим увидел его в мерцающем свете, который шел от стен мельницы. Контакт с инопланетянами удалось установить с помощью двух блокнотов с желтыми линованными страницами. На одном мальчик писал вопросы, на другом, словно по волшебству, появлялись ответы пришельца. Гость из космоса сообщил, что он — порождение чистой энергии и прибыл на Землю, чтобы «НАБЛЮДАТЬ, ИЗУЧАТЬ, ПОМОГАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ». Джиму он представился как «ДРУГ».

Заложив пальцем страницу, Холли быстро пролистала всю книгу до конца, желая узнать, не изменился ли характер общения Джима и Друга. Она скоро убедилась, что в «Черной мельнице» пришелец пользовался только блокнотом и на протяжении всего романа не произнес ни единого слова.

— Вот почему ты не верил, что твой пришелец заговорит, и не хотел отказываться от блокнотов.

Возражать было нечего. Джим точно онемел, изумленно уставившись на книгу. Его реакция вселила в Холли надежду. На кладбище он выглядел совершенно подавленным, и у нее даже закралось подозрение, что он не сумеет обратить себе на пользу свои

феноменальные способности. А когда в сквере стала проваливаться земля, ей показалось: еще мгновение — хрупкая скорлупа его разума лопнет, и во все стороны брызнет ядовитый желток безумия. Но Джим выстоял, и, похоже, сейчас любопытство в нем берет верх над страхом.

Миссис Глинн ушла в соседнюю комнату. Ничто не нарушало тишину в читальном зале.

Холли снова углубилась в книгу и скоро наткнулась на сцену, в которой Джиму Джемисону становится известно, что пришелец живет «В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ, БУДУЩЕМ», обладает способностью предугадывать события и хочет спасти обреченного на смерть человека.

— Ну и дела, — тихо сказал Джим. Внезапно в мозгу Холли вспыхнул огненный шар, библиотека исчезла и живший в ней страх стал единственной реальностью: Холли увидела, что ее, голую, распяли на мерзком подобии креста и из дырявых запястий и ступней течет струйками липкая кровь (невидимый голос шепчет: «Умри, умри, умри».) Она хочет закричать, но изо рта выползают черви, и Холли понимает, что уже мертва («умри, умри, умри») и ее разложившиеся внутренности пожирают отвратительные гадины...

Чудовищная картина пропала так же внезапно, как и возникла. Открыв глаза, она снова очутилась в библиотеке.

— Холли? — На нее смотрели встревоженные глаза Джима.

А ведь это Джим послал ей страшное видение. Не тот Джим, который участливо склонился над ней сейчас, а зловещий ребенок-убийца, живущий у него в подсознании. Враг попытался использовать новое оружие.

— Ничего страшного. Все в порядке, — сказала она.

Однако дела обстояли не лучшим образом. Кошмар привел ее в смятение и оставил в душе отвратительный осадок.

Она с трудом заставила себя вновь взяться за книгу. Человек, которого предстояло спасти Джиму Джемисону, оказался кандидатом в президенты. Он должен был проезжать через родной город мальчика, где, по словам Друга, на него готовилось покушение. Пришелец хотел спасти кандидата в президенты, зная, что тот «СТАНЕТ ВЕЛИКИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДЕЯТЕЛЕМ И СПАСЕТ МИР ОТ СТРАШНОЙ ВОЙНЫ». Не желая обнаруживать свое присутствие. Друг решил действовать с помощью Джима Джемисона и помешать преступникам: «ТЫ ПРОДЛИШЬ ЕМУ ЛИНИЮ ЖИЗНИ, ДЖИМ».

Злой пришелец в романе не упоминался. Враг — воплощение ненависти Джима Айренхарта к самому себе. Понимая, какой опасности подвергается, Джим постарался спрятать эти чувства так глубоко, чтобы они никогда не вырвались из-под контроля.

В голове у Холли щелкнуло, словно включили внутренние радиопомехи, и на экране мозга вспыхнула новая картина: она лежит в гробу, мертвая, но почему-то чувствует, как черви грызут ее изнутри («умри, умри, умри, умри»), ощущает зловонный запах собственного разлагающегося тела и на внутренней стороне крышки гроба как в зеркале видит отражение своего полусгнившего обезображенного лица. Она поднимает костлявые руки, колотит по сырым доскам и слышит, как звучат глухие удары и их эхо замирает в толще тяжелой плотной земли... Снова библиотека.

— Ради Бога, Холли, что с тобой?

— Ничего.

— Холли?

— Ничего. — Нельзя показывать Врагу, что она испугана.

Холли снова уткнулась в книгу.

В конце романа Джим Джемисон спас будущего президента, а Друг снова нырнул в пруд, напоследок приказав мальчику забыть о встрече с чужой цивилизацией: «ЗАПОМНИ МЕНЯ КАК СМУТНЫЙ СОН, КОТОРЫЙ ТЫ КОГДА-ТО ВИДЕЛ». Когда свет в стене погас навсегда, все записи в блокноте бесследно исчезли.

Холли захлопнула книгу.

Некоторое время они с Джимом сидели молча, глядя на яркую обложку «Черной

мельницы».

Вокруг нее тысячи стран, эпох и народов, спрятанных под потрепанными обложками книг, словно яркий свет лампы, укрытый от глаз под тусклым старым абажуром. Холли почти физически чувствовала их напряженное ожидание. Стоит раскрыть любую из книг — и оживет целый мир ослепительных красок и острых запахов, зазвучат смех, рыдания, крики и шепот. Книги — хранилище снов.

— «Сны — двери», — сказала она Джиму. — Любая книга — тоже подобие сна. Сон Артура Уиллота о контакте с пришельцами стал для тебя выходом из тупика, помог забыть страшную мысль о том, что ты не сумел спасти родителей.

С того момента, как она показала Джиму блокнот с ответами Друга и он прочел слова: «ОН ЛЮБИТ ТЕБЯ ХОЛЛИ. ОН УБЬЕТ ТЕБЯ ХОЛЛИ», лицо Джима покрывала смертельная бледность. Сейчас она заметила, что его кожа начала понемногу приобретать прежний оттенок.

В глазах все еще таилась ночная тень тревоги, но в мятущемся загнанном взгляде ей почудился слабый, едва заметный проблеск, заставивший ее поверить, что Джим сумеет принять правду такой, какая она есть.

Именно это и испугало Врага и заставило предпринять новые отчаянные попытки.

Миссис Глинн вернулась в зал и стала что-то писать за столом.

Понизив голос до еле слышного шепота, Холли спросила Джима:

— Почему ты обвинил себя в смерти родителей? Ведь они погибли в автокатастрофе. Откуда появилось такое непосильное чувство ответственности у десятилетнего ребенка?

Джим покачал головой:

— Не знаю.

Вспомнив разговор с Корбетом Хандалом, Холли положила руку на колено Джима и осторожно, но настойчиво сказала:

— Вспомни, малыш. Это случилось во время гастрольной поездки?

Он нахмурился, пытаясь вспомнить, и неуверенно произнес:

— Да... Во время гастрольной поездки.

— Ты ездил вместе с ними, так?

Он кивнул.

Вспомнив фотографию, изображавшую его мать в вечернем платье и Джима с отцом во фраках, Холли уверенно сказала:

— Ты участвовал в представлении. Она наблюдала на его лице неподдельное волнение: воспоминания, точно круги света в пруду, поднимались на поверхность сознания. Он шел к ней из мира вечной тьмы.

Холли и сама испытывала страшное волнение.

— Что ты делал во время сеанса? — задала она новый вопрос.

— Я был... на сцене. Мама собирала у зрителей личные вещи. Отец подходил ко мне, и мы... Я притворялся, что по этим предметам рассказываю об их хозяевах то, чего я просто не мог знать.

— Притворялся?

Он растерянно заморгал.

— Может быть, и нет. Странно... Но я почти ничего не помню.

— Твое ясновидение не было трюком. Все происходило по-настоящему. Твои родители вообще решили заняться этим делом только потому, что открыли в тебе удивительные способности.

Пальцы Джима прикоснулись к обложке «Черной мельницы».

— Но...

— Что — но?

— Во всей этой истории есть столько неприятного...

— Само собой. Но я рада, что мы наконец приближаемся к разгадке.

На лице Джима снова появилась тень.

— Пойдем, Холли.

Не желая видеть, как он опять соскальзывает в пропасть черной меланхолии, Холли порывисто встала и, взяв книгу, направилась к столу библиотекаря.

Веселая миссис Глинн склонилась над большим листом ватмана. Перед ней россыпью лежали цветные карандаши и фломастеры. Библиотекарша рисовала симпатичных мальчишек и девчонок, одетых астронавтами, моряками, акробатами и путешественниками. Поверх листа тянулась сделанная карандашом и еще не раскрашенная надпись: «Ребята и приключения, добро пожаловать в библиотеку. Посторонним вход воспрещен».

— Замечательно, — искренне сказала Холли, указывая на красочный плакат. — Вы настоящая художница.

— Все какая-то отдушина, а то постоянно тянет в бар. — Лицо женщины озарилось улыбкой, которая сразу сказала Холли, почему дети в восторге от Элоизы Глинн.

— Мой жених столько о вас рассказывал. Прошло двадцать пять лет, вы, наверное, его не вспомните.

Миссис Глинн с любопытством посмотрела на Джима.

— Я — Джим Айренхарт, миссис Глинн, — не выдержал он.

— Ну конечно же, конечно, помню! — Она быстро поднялась со своего места и обняла Джима. Затем, отстранившись, обернулась к Холли:

— Значит, вы выходите замуж за нашего Джима? Я так за вас рада! С тех пор как я сюда пришла, много воды утекло и, хотя городок наш небольшой, не стану сочинять, что помню всех мальчишек, которые здесь побывали. Но Джима помню очень хорошо. Он был у нас особенный, не такой, как все.

Холли снова выслушала историю об увлечении Джима фантастикой, о том, каким тихим он был, когда впервые приехал в город, и как совершенно ушел в себя после внезапной смерти бабушки.

Холли сразу ухватила за последнюю фразу.

— Видите ли, миссис Глинн, Джим привез меня сюда, чтобы показать ферму. Возможно, мы решим остаться, по крайней мере на какое-то время...

— Наш городок гораздо лучше, чем можно подумать, — убежденно сказала миссис Глинн. — Уверена, вам у нас понравится. Знаете что, давайте я вам выпишу читательские билеты! — Она села за стол и открыла ящик с чистыми бланками.

Видя, что библиотекаря достала два билета и приготовилась писать, Холли осторожно сказала:

— Понимаете, дело в том, что... с этим местом связано столько тяжелых воспоминаний... и прежде всего смерть Лены...

— Когда она умерла, мне было всего десять, может, около одиннадцати, и я как бы заставил себя забыть о том, что случилось. Так вышло, что я совсем не помню подробностей ее смерти. Может быть, вы сумели бы — Холли подумала, что, пожалуй, недооценила способности Джима и из него еще может выйти вполне приличный репортер.

— Ну, насчет подробностей я и сама мало что могу добавить. Думаю, одному Богу известно, что она делала ночью на старой мельнице. Твой дед говорил, Лена любила там отдыхать. Место тихое, прохладное, есть где повязать, подумать. В то время мельница еще не превратилась в такую развалину, как сегодня. Однако, конечно, странно, что она вздумала вязать в два часа ночи.

Слова библиотекаря полностью подтверждали предположения Холли: ее сон действительно проекция воспоминаний Джима. Она поежилась и, почувствовав, как к горлу подкатывает тошнота, сглотнула слюну. Элоиза Глинн не знает, что на мельнице Лена была не одна.

Там находился Джим.

Холли обернулась и поразились происшедшей в нем перемене: лицо Джима превратилось в безжизненную маску. Его даже нельзя было назвать бледным, оно стало

серым, как небо на улице.

Миссис Глинн попросила у Холли водительское удостоверение, чтобы заполнить карточку читателя, и та, сама не зная зачем, протянула ей права.

— Я думаю, именно книги помогли тебе пережить самое трудное время, Джим. Ты читал их запоем. Глотал одну за другой, точно таблетки от головной боли. — Она вернула Холли права и читательский билет. — Джим был удивительным ребенком. Он полностью погружался в мир фантазий, и вымысел становился для него реальностью.

Чистая правда, подумала Холли.

— Когда он впервые приехал в наш город и я услышала, что Джим никогда не учился в настоящей школе, то подумала: «Бедный ребенок! Чему его могли научить родители, если они только и делали, что ездили по свету да выступали в ночных клубах...»

Холли вспомнила галерею фотографий в Лагуна-Нигель: Майами, Атлантик-Сити, Нью-Йорк, Лондон, Чикаго, Лас-Вегас...

— Но оказалось, дела гораздо лучше, чем я думала. Главное, они привили ему любовь к книгам, и потом это сослужило Джиму хорошую службу. — Библиотекарша повернулась к Джиму:

— Наверное, ты не захотел расспрашивать деда, потому что побоялся его расстроить, но, мне кажется, он крепче, чем ты думаешь, и знает о смерти Лены больше других.

— Что с вами, дорогая? — обратилась она к Холли.

Холли сознавала, что похожа на статую с голубым читательским билетом в руке, которая, подобно фигурам заколдованных людей из сказки, дожидается, когда ее разбудят. Однако она продолжала неподвижно стоять и молчала.

Джим выглядел не менее ошарашенным. Выходит, дед жив. Но где он?

— Ничего. Все в порядке, — наконец вымолвила Холли. — Просто я только сейчас сообразила, что уже довольно поздно.

Опять шорох, напоминающий звук радиопомех, и новая кошмарная сцена перед глазами: в луже крови на полу ее отрубленная голова и руки, обезображенное тело бьется и корчится в агонии. Ее рассекли на части, но она еще жива и дико кричит от боли...

Холли откашлялась и, перехватив любопытный взгляд миссис Глинн, повторила:

— Да, довольно поздно, а нам еще нужно к Генри. Мы с Джимом собирались заехать к нему пораньше, а сейчас уже десять часов. Это наша первая встреча, и я очень волнуюсь. — Она как будто не могла остановиться и болтала первое, что приходило в голову. — Мне так хочется поскорее его увидеть.

Если только он действительно не умер четыре года назад, как рассказывал Джим. В таком случае она берет свои последние слова обратно. Впрочем, миссис Глинн не похожа на медиума, который небрежно предлагает вызвать дух умершего для светской беседы.

— Генри — замечательный старик, — сказала библиотекарша. — Знаю, ему не хотелось уезжать с фермы, но с инсультом шутки плохи. Моя мать, упокой Господь ее душу, после инсульта не могла ни ходить, ни разговаривать, да еще ослепла на один глаз. И, что хуже всего, стала как бы не в себе, даже собственных детей путала. По крайней мере, у Генри с головой все в порядке, и я слышала, он там капитан команды инвалидов-колясочников.

— Да, — сказал Джим деревянным голосом, — я слышал то же самое.

— Хорошо, что ты поместил деда именно в «Светлый Приют», Джим. Чудесное место. А то знаешь, многие дома для престарелых — самые настоящие гадюшники.

* * *

Из телефонного справочника они узнали, что «Светлый Приют» находится на окраине Солванга, и, покрутившись по узким улочкам, выехали из города.

— Я помню, как у него случился инсульт, — нарушил молчание Джим. — Я приехал к нему в больницу, но он лежал в реанимации... и мы так и не встретились... Я не видел его больше тринадцати лет.

Пораженный взгляд Холли заставил Джима покраснеть до корней волос.

— Ты тринадцать лет не приезжал к деду?

— Я не мог, потому что...

— Почему?

Джим долго смотрел на дорогу, затем поморщился и ответил:

— Не знаю. Была какая-то причина, но не могу вспомнить, какая именно. В любом случае я приехал к нему в больницу, куда Генри привезли после инсульта, и узнал о его смерти.

— Ты в этом уверен?

— Да.

— Ты помнишь, что видел его мертвым на больничной койке?

— Нет, — хмуро признался Джим.

— Помнишь, как врач сказал тебе, что он умер?

— Нет.

— Помнишь, как занимался похоронами?

— Нет.

— Тогда почему ты так уверен в его смерти? Джим погрузился в грустные размышления. Холли вела машину, удивляясь, насколько окружающий пейзаж напоминает районы Кентукки. Дорога петляла между пологими холмами, усеянными маленькими домиками, а вдоль обочины тянулись белые изгороди для скота. Сухие бурые окрестности Нью-Свенборга сменились яркой зеленью, но небо потемнело еще сильнее, и на горизонте сгустились иссиня-черные тучи.

Наконец Джим сказал:

— Я попытался что-нибудь вспомнить, но не смог. Сплошной туман в голове...

— Ты платишь за содержание Генри в «Светлом Приюте»?

— Нет.

— Ферма перешла к тебе по наследству?

— О каком наследстве ты говоришь? Ведь он жив!

— Тогда, может быть, опека?

С языка почти сорвался еще один отрицательный ответ, но Джим внезапно вспомнил комнату в здании суда, свидетельство врача и речь адвоката деда, подтверждающего, что Генри Айренхарт, находясь в здравом уме и полной памяти, передает своему внуку право распоряжаться принадлежащей ему собственностью.

— Боже мой, так оно и есть, — ответил Джим, потрясенный мыслью, что забыл события, случившиеся всего четыре года назад. Холли обогнала медленно ползущий грузовик и прибавила скорость. Джим путано поведал ей о том, что ему удалось вспомнить. — Как я мог? Как вышло, что я заново переписал прошлое, потому что правда меня не устраивала?

— Самозащита? — повторила Холли произнесенные ранее слова. Она снова пошла на обгон. — Могу поспорить, у тебя в памяти сохранилась масса воспоминаний о работе в школе, об учениках и учителях...

Холли не ошиблась. Стоило ему захотеть — и перед его мысленным взором проходили картины школьной жизни, такие четкие и живые, что казалось, он только вчера вышел из двери класса.

— ...та жизнь не таила в себе угрозы, была спокойной, осмысленной. Единственное, что ты стараешься забыть, спрятать в самые дальние закоулки памяти, — это воспоминания о смерти родителей и бабушки, о годах, проведенных в Нью-Свенборге. По этой же причине ты не хочешь помнить что-либо связанное с Генри Айренхартом.

Небо прижалось к земле.

Из-за туч вынырнула стая черных птиц. Теперь их стало больше, чем он видел на кладбище. Они летели вслед за машиной, точно мрачный эскорт, сопровождающий их в

Солванг.

Джим вспомнил кошмарный сон, который ему привиделся перед поездкой в Портленд, где он спас Билли Дженкинса и встретил Холли: стая гигантских черных птиц кружилась над ним с пронзительным клекотом и неистовым хлопанием крыльев, а он бежал, пытаясь спастись от кривых, острых, как скальпель, клювов.

— Самое худшее впереди, — сказал он Холли.

— Почему ты так решил?

— Не знаю.

— Хочешь сказать, что самое худшее нас ждет в «Светлом Приюте»?

В холодных волнах хмурого неба, распластав огромные крылья, парили черные птицы.

Сам не зная, что он имеет в виду, Джим ответил:

— Приближается что-то очень страшное.

Глава 2

«Светлый Приют» оказался большим одноэтажным зданием, расположенным на окраине Солванга. В архитектуре приюта не прослеживалось никаких следов датского влияния. Обычный типовый проект: бетонная кровля, оштукатуренные стены. Все просто, без излишеств, но в прекрасном состоянии. Живые изгороди и лужок тщательно подстрижены, на бетонных дорожках ни единой соринки.

Место понравилось Холли с первого взгляда. Она живо представила, как поселится здесь, когда ей стукнет восемьдесят, станет целые дни просиживать перед телевизором и играть в шашки с другими старушенциями. Тихо, спокойно, никаких проблем. Разве что вспомнить утром, куда перед сном засунула вставную челюсть.

Они вошли в просторный чистый коридор, покрытый желтым линолеумом. В отличие от множества других домов престарелых в воздухе не чувствовалось ни тяжелого запаха немытого тела, ни густого аромата аэрозоля, призванного его замаскировать. Они проходили мимо больших светлых комнат с видом на сад. Некоторые пациенты лежали в кроватях или сидели в креслах с отсутствующим видом, но это были тяжелобольные, для которых окружающий мир уже перестал существовать. Все остальные обитатели «Светлого Приюта» выглядели вполне счастливыми, и из глубины комнат то и дело доносился смех, который нечасто услышишь в подобных местах.

По словам дежурной медсестры, Генри Айренхарт находился в доме престарелых более четырех лет.

Они зашли в административный отдел и познакомились с местным администратором миссис Дэнфорт. Та оказалась полной, чуточку самодовольной женщиной, напомнившей Холли жену преуспевающего священника. Она не совсем поняла, зачем посетители хотят проверить то, что им и без того известно, но, покопавшись в своих записях, сообщила: ежемесячные счета за содержание Генри Айренхарта регулярно оплачиваются Джеймсом Айренхартом из Лагуна-Нигель.

— Я рада, что вы наконец приехали. Надеюсь, вам у нас понравится, — сказала миссис Дэнфорт Джиму. В ее словах угадывался мягкий укор, и в то же время чувствовалось, что она не хочет обидеть невнимательного внука.

Выйдя из кабинета миссис Дэнфорт, они остановились в вестибюле в стороне от инвалидных колясок и снующих по коридору сиделок.

— Послушай, давай зайдем к нему в другой раз, — упрямо сказал Джим. — Не сегодня.

У меня все внутри переворачивается, как подумаю, что он... Я боюсь его, Холли.

— Почему?

— Не знаю.

Взгляд Джима выражал такое отчаяние и панический страх, что она не выдержала и опустила глаза.

— Когда ты был маленький, он к тебе плохо относился?

— Нет, не думаю. — Он напряг память, но безуспешно. — Не знаю.

Боясь оставлять Джима одного, Холли предложила идти к деду вместе, но он настоял, чтобы она пошла первой.

— Постарайся разузнать побольше. Чтобы, когда я приду, мы могли не задерживаться дольше чем нужно... если беседа окажется не слишком приятной. Пожалуйста, подготовь его к встрече со мной, Холли.

Поняв, что спорить с Джимом бесполезно, она неохотно согласилась. Однако не прошло и нескольких секунд, как Холли пожалела о своей уступчивости: если Джим снова потеряет контроль над собой, а ее не будет рядом, неизвестно, сумеет ли он устоять в схватке с Врагом.

Палата Генри Айренхарта оказалась пустой, но дружелюбная сиделка провела Холли в комнату отдыха, где за столом шла азартная игра в карты, а в другом углу смотрели телевизор.

Генри играл в покер со своими приятелями. Все четверо сидели за столом, специально предназначенным для инвалидов в колясках. Компания состояла из седой, похожей на птицу старушки в ярко-розовом костюме и двух старичков весьма хрупкого вида. Один из них был одет в красную майку, другой носил белую рубашку с галстуком-бабочкой. Заметив, что игра в полном разгаре и на кону возвышается целая гора голубых пластмассовых фишек, Холли решила не мешать участникам и отошла в сторонку, наблюдая за концом захватывающей партии.

Игроки, продемонстрировав незаурядную склонность к драматическим эффектам, один за другим открыли карты, и седая женщина, которую звали Тельма, с торжествующим возгласом сгребла со стола выигрыш. Мужчины добродушно посмеивались и выражали сомнения в том, что победа досталась ей честным путем.

Улучив момент, Холли вмешалась в их забавную перепалку и представилась Генри Айренхарту, не упоминая, что она невеста Джима.

— Вы не могли бы уделить мне несколько минут? Я хотела бы кое о чем с вами поговорить.

— Боже правый, Генри! — вскричал старичок в красной майке. — Да ты ей в отцы годишься!

— Можно подумать, ты не знаешь этого старого развратника, — ввернул его приятель с бабочкой.

— Лучше помолчи, Стюарт, — вступилась за Айренхарта Тельма. — Генри — истинный джентльмен, не то что некоторые.

— Да, Генри, на этот раз тебе не уйти от женитьбы.

— Зато тебе бояться нечего, Джордж, — отпаривала Тельма. — Впрочем, насколько я помню, — она подмигнула приятелям, — Генри в таких делах обходится без формальностей.

Раздался взрыв хохота. Холли улыбнулась:

— Похоже, у меня нет никаких шансов.

— С Тельмой играть бесполезно. У нее всегда все козыри на руках, — сообщил Джордж.

Заметив, что Стюарт собрал карты и тасует колоду, Холли сказала:

— Извините, я не хотела прерывать вашу игру.

— Ничего страшного, — ответил Генри. Он говорил немного невнятно, очевидно, после перенесенного инсульта. — Мы все равно делаем перерывы, чтобы сходить в уборную.

— В нашем возрасте, — добавил Джордж, — если не следить за подобными вещами, нам никогда не удалось бы всем вместе собраться за столом.

Они разъехались на своих колясках, а Холли пододвинула стул и села возле Генри.

Она с большим трудом узнала в нем сильного мужчину с квадратным подбородком, которого видела на фотографии в гостиной. От инсульта больше всего пострадала правая сторона тела, и, хотя Генри не парализовало, Холли обратила внимание, что он, точно раненый медведь, бережно прижимает к груди свою большую руку. Он сильно похудел и, несмотря на здоровый загар, выглядел истощенным. Мышцы правой щеки казались

неестественно расслабленными, и лицо несколько вытянулось.

Грустное зрелище старческой немощи могло бы повергнуть Холли в тоскливые размышления о неизбежности конца каждой человеческой жизни, но в глазах старого Айренхарта она увидела негибемую волю и нежелание покориться судьбе. Говорил Генри медленно, запинаясь, но его речь выдавала в нем умного, веселого человека, не склонного впадать в отчаяние. Такие люди если клянут свою слабость, то так, чтобы их не слышали.

— Я друг Джима, — произнесла она заранее приготовленную фразу.

Лицо старика изобразило сильное удивление. Похоже, он не знал, что ответить. Наконец сказал:

— Ну и как дела у Джима?

— Не слишком хорошо. Генри. — Она решила говорить только правду. — Он очень несчастный человек.

Старик отвел взгляд и уставился на гору голубых фишек для покера.

— Да, — тихо произнес он.

Раньше Холли не исключала возможности, что именно на Генри лежит доля ответственности за то, что Джим предпочел жить в мире фантазий. Однако сидящий перед нею человек совсем не походил на жестокого истязателя малолетних.

— Генри, я хотела с вами поговорить, потому что мы с Джимом больше чем друзья, я люблю его, и он тоже признался, что любит меня. Я надеюсь, мы будем вместе очень, очень долго.

К ее изумлению, глаза старика наполнились влагой и по морщинистым щекам побежали крупные слезы.

— Простите, я не хотела вас расстраивать, — смутилась Холли.

— Ну что вы, что вы. — Он левой рукой вытер глаза. — Это вы простите меня, старого дурака.

— Зачем вы так!

— Видите ли, я никогда не думал... мне казалось, что Джим так и останется один-одинешенек.

— Но почему?

— Видите ли...

Нежелание Генри говорить плохо о внуке полностью рассеяло ее подозрения.

— Он привык держать людей на расстоянии. Вы это имеете в виду? — попыталась ему помочь Холли.

Генри горестно кивнул.

— Джим всегда был такой неласковый, даже со мной. Я люблю его всем сердцем, но он никогда не показывал своих чувств, никогда не говорил, что любит меня, хотя я-то знаю, как он ко мне относится.

Холли открыла рот, чтобы задать новый вопрос, но старик вдруг потрянул головой, и его лицо искажилось страданием. Она даже решила, что у него начинается приступ.

— Но это не его вина, видит Бог, он здесь ни при чем. — Генри начал заикаться от сильного волнения. — Я сам виноват в том, что наши отношения стали такими. Я не имел права тогда его обвинять.

— Обвинять?

— Я обвинил его в смерти Лены.

Страх закрался в сердце Холли и уколол противной болезненной дрожью.

Она выглянула в окно. Джима не видно. Он остался во дворе по другую сторону здания. Где он сейчас... что с ним... кто он...

— Но что случилось с Леной? Не пойму, о чем вы говорите, — спросила она, боясь, что уже не нуждается в объяснениях.

— Не могу себе простить того, как я тогда поступил, что подумал. — Генри замолчал и посмотрел на Холли, но она видела, что мысленно он весь в прошлом. — Джим казался таким странным, в нем ничего не осталось от мальчишки, которого я знал раньше. Таким его

сделала Атланта.

Холли сразу пришли на ум имена Сэма и Эмили Ньюсомов, чьи жизни Джим спас в хозяйственном магазине Атланты, расстреляв из дробовика грабителя Ринка. Однако Генри явно имел в виду совершенно другой случай, произошедший гораздо раньше.

— Так вы ничего не знаете об Атланте? — спросил он Холли, заметив ее недоумение.

С улицы донесся странный шум, заставивший Холли насторожиться. Она не сразу сообразила, что непонятные звуки напоминают пронзительный клекот птиц, защищающих свои гнезда. Холли подумала, что птицы выются над крышей и их крики отражаются эхом в дымоходе камина. Ничего страшного. Птичьи голоса постепенно отдалились и затихли. Она вернулась к прерванному разговору.

— Вы говорите, Атланта? Боюсь, что мне ничего не известно.

— Ничего удивительного, что он не рассказывал даже вам. Он никогда не станет об этом говорить.

— Что произошло в Атланте?

— Это случилось в маленьком ресторанчике, который назывался «Дворец Утенка Дикси»...

— Боже мой, — прошептала Холли. То самое место, которое она видела во сне.

— Наверное, вам приходилось об этом слышать. — Старик поглядел на нее печальными глазами.

Холли почувствовала, как ее лицо исказилось гримасой горя. В этот миг она думала не о родителях Джима, не о Генри, который их любил, а о Джиме.

— Боже мой... — Она умолкла, не в силах вымолвить ни слова, и слезы застлали ей глаза.

Генри погладил ее по руке, и Холли благодарно сжала его большую ладонь. Некоторое время она сидела молча, пытаясь прийти в себя.

На другом конце комнаты, где смотрели телевизор, то и дело слышался звон колокольчиков и рев медных труб — там вовсю разворачивалась захватывающая телевикторина.

Родители Джима погибли не так, как он рассказывал. Вымышленная автокатастрофа была одним из способов ухода от кошмарной действительности.

Она знала правду. Знала, но отказывалась в нее верить. Последнее сновидение оказалось не предостережением, а еще одним воспоминанием Джима, которое он бессознательно спроецировал на ее мозг. Во сне она превратилась в другого человека: она стала Джимом. Точно так же, как две ночи назад побывала в облике Лены Айренхарт. Окажись у нее под рукой зеркало, она бы узнала в нем не себя, а десятилетнего Джима; точно так же в окне мельницы Холли увидела отражение лица Лены. Страшное зрелище залитого кровью ресторана ожило в памяти с новой силой, а по спине пробежала дрожь.

Она поглядела в окно. Вид пустого двора наполнил ее страхом.

— Они выступали в клубе, — заговорил старик. — А обедать любили в ресторанчике, который запомнился Джиму еще по прошлому приезду в Атланту.

— Кто был убийца? — дрогнувшим голосом спросила Холли.

— Сумасшедший. Представляете, ни за что ни про что умереть из-за какого-то психа!

— Сколько погибло людей?

— Много.

— Сколько, Генри?

— Двадцать четыре.

Холли представила ад, в котором оказался маленький Джим. Представила, как он ползет по развороченным трупам. В воздухе стоит тяжелый запах крови и рвоты. Отовсюду слышатся крики ужаса и предсмертные хрипы. Она услышала сухой треск автоматных очередей:

«Та-та-та-та-та-та...» — и плач молоденькой официантки. Зрелище было невыносимым. Весь ужас существования, вся жестокость человечества воплотились в одном

диком кошмаре. Даже взрослому потребовалась бы целая жизнь, чтобы оправиться от страшного потрясения. Для ребенка исцеление вообще могло оказаться невозможным. Единственным способом не потерять рассудок оставался мир фантазий, несовместимый с отвратительной действительностью.

— Джим был единственный, кому удалось спастись, — сказал Генри. — Опоздай полиция на пару секунд — и все. Они успели пристрелить психа в самый последний момент. — Рука старика слегка сжала ладонь Холли. — Джима нашли в углу на теле Джеми, его отца... он был весь в отцовской крови.

Холли вспомнила конец сна: убийца неотвратимо приближается к ней, пиная стулья, отодвигая столы. Она забивается в угол и оказывается прижатой к мертвому мужчине. Сумасшедший подходит ближе, еще ближе, целится ей в лицо. Она не хочет видеть свою смерть и отворачивается...

Холли вспомнила, как проснулась, захлебываясь несуществующей рвотой.

Если бы она успела взглянуть в лицо убитому, она бы узнала отца Джима.

Комната отдыха снова огласилась птичьими криками. Двое стариков подошли к камину, им показалось, что одна из птиц залетела в дымоход и теперь бьется там с пронзительным клекотом.

— В отцовской крови... — тихо повторила Холли. Понятно, что даже спустя много лет гибель родителей остается незатянувшейся раной на сердце Джима.

Мальчик знал не только то, что лежит на теле убитого отца, но и то, что его мать тоже среди мертвых. В один миг он потерял обоих родителей, остался сиротой.

* * *

Джим сидел на скамейке во дворе приюта. Поблизости никого не было.

Конец августа — обычно время засухи, но день выдался на удивление хмурый. Темное небо нависало над головой, точно перевернутая пепельница. Цветы на клумбах поблекли, утратили живость красок. Дул слабый ветерок, и верхушки деревьев покачивались, словно ежились от холода.

Что-то должно случиться. Какое-то несчастье.

Джим вспомнил, как Холли говорила, что ничего не произойдет, если он сумеет держать себя в руках. Нужно только держать себя в руках — и они в безопасности.

Однако он чувствовал, что беда приближается.

Беда.

До его слуха доносились пронзительные крики птиц.

* * *

Крики стихли.

Холли отпустила руку Генри и, достав из сумочки носовой платок, высморкалась и вытерла глаза. К ней вернулась способность говорить, и она сказала:

— Он винит себя в том, что случилось с его родителями?

— Я знаю. Джим никогда об этом не говорил, но я видел, что он винит себя за то, что не сумел их спасти.

— Но почему? Ведь ему было всего десять лет. Что он мог сделать против взрослого мужчины с автоматом?

Яркие глаза Генри на мгновение потухли. Асимметрия в лице стала еще заметнее. Он печально сказал:

— Я много раз говорил ему то же самое. Сажал к себе на колени, убеждал, что нельзя так себя казнить. Лена тоже с ним разговаривала. Но все без толку. Он просто возненавидел себя.

Холли украдкой посмотрела на часы. Одиночество Джима слишком затянулось. Однако

нельзя прервать рассказ Генри как раз в тот момент, когда она вплотную приблизилась к разгадке.

— Все эти годы я не переставал об этом думать, и похоже, мне кое-что удалось понять, — продолжил Генри, — но когда понял, было слишком поздно: Джим вырос, и мы много лет не говорили об Атланте. Честно сказать, к тому времени мы вообще перестали разговаривать.

— И что вам удалось понять?

Генри взял в ладонь здоровой левой руки слабую кисть правой и стал молча разглядывать шишковатые костяшки пальцев, обтянутые тонкой морщинистой кожей. Холли поняла: старик колеблется, рассказывать или нет ей о своих догадках.

— Я люблю его, Генри.

Он поднял голову и взглянул Холли в глаза.

— Помните, вы сказали: Джим никогда не станет говорить о том, что случилось в Атланте. Вы правы, не станет. Я знаю, он любит меня, но многое в его жизни остается для меня тайной. Он точно стиснутый кулак, который не хочет разжаться. Если так получится, что я выйду за него замуж... Мне необходимо знать всю правду. На тайнах семейную жизнь не построишь.

— Понимаю, конечно, вы правы.

— Скажите, Генри, почему Джим обвиняет себя в смерти родителей? Ведь он просто убивает себя. Если есть хоть малейшая надежда ему помочь, вы должны мне рассказать то, что вам известно.

Старик вздохнул и наконец решился:

— Возможно, после того, как я сейчас скажу, вы решите: Генри Айренхарт совсем выжил из ума, но поверьте, я говорю чистую правду. Не стану разводить канитель, скажу только: у моей жены Лены была очень сильно развита способность к предчувствию. Не то, чтобы она могла видеть будущее. Нет, она не сумела бы угадать, кто выиграет скачки или где ты окажешься через год. Но иногда... например, ее за неделю вперед приглашают на воскресный пикник, а она возьми да и скажи: в воскресенье будет дождь. И точно, как она и говорила, с самого утра соберутся тучки и льет как из ведра до самого вечера. Или возьмите другой случай: забеременеет соседка, а Лена сразу скажет, парень у нее будет или девчонка. И ни разу не ошибалась.

Холли чувствовала, как соединяются последние части головоломки. Перехватив смущенный взгляд Генри, она ободряюще погладила его по больной руке.

Окинув ее долгим взглядом, старик спросил:

— Вам приходилось видеть, как Джим делал удивительные вещи, похожие на колдовство?

— Да.

— Тогда вам, наверное, ясно, к чему я клоню.

— Наверное.

Тишину комнаты опять нарушили резкие, пронзительные крики. Сидевшие перед телевизором убрали звук и стали оглядываться по сторонам, пытаясь определить, откуда раздаются странные звуки.

Холли повернулась к окну. В небе ни одной птицы. Волосы у нее зашевелились от ужаса. Она знала причину своего страха: появление птиц связано с Джимом. Она вспомнила, как он озибался по сторонам на кладбище и беспокойно следил за полетом черной стаи по пути из Нью-Свенборга в Солванг.

— Джеми, наш сын, пошел в свою мать, — начал рассказывать Генри, будто не слыша птичьих криков. — Можно сказать, такие фокусы выходили у него даже лучше, чем у Лены. Когда он женился и Кара забеременела, Лена сказала:

«Ребенок будет необыкновенным. Из него выйдет настоящий колдун».

— Колдун?

— Обычные деревенские разговоры. У нас так зовут людей, которые отличаются от

других. Лена и Джеми тоже были не такие, как все, но Джиму предсказывали просто необыкновенное будущее. Парню и четырех не исполнилось, а он уже такое выделял! Однажды взял расческу, которую я купил в нашей парикмахерской, и ну рассказывать, кого я там видел и с кем беседовал. Представляете? Сам-то он у нас там ни разу не стригся. Джеми и Кара тогда жили в Лос-Анджелесе.

Он умолк и глубоко вздохнул. Холли заметила, что каждое слово дается ему с большим трудом. Веко на правом глазу опустилось. Разговор заметно утомил старого Айренхарта.

К камину подошел санитар. Вытянув руку с фонарем, он попытался заглянуть в дымоход, предполагая, что в трубу попала птица.

Крики не смолкли, но их заглушило жуткое хлопанье крыльев.

— Стоило Джиму взглянуть на вещь, как он мог сразу сказать, откуда она и кто ее хозяин. Всего-то он, конечно, не знал. Например, брал вещь и называл имена ваших родителей, а другому говорил, в какой школе тот учился и как зовут его детей. Каждый раз что-нибудь новое. Джим не умел управлять своим даром, но никогда и не ошибался.

Санитар и трое добровольных советчиков отошли от камина и, нахмурившись, изучали вентиляционные отверстия. Комната по-прежнему оглашалась душераздирающим птичьим клетотом.

— Пойдемте во двор. — Холли поднялась со стула.

— Подождите, — подавленно сказал Генри, — мне осталось сказать всего несколько слов.

Ради Бога, держись, Джим. Выдержи хотя бы одну-две минуты.

Она неохотно села.

— Способности Джима были нашей семейной тайной. Мы не хотели, чтобы пошли глупые слухи и к нам зачастили всякие непрошенные гости. Однако Кара мечтала стать эстрадной звездой. Джеми встретил ее, когда работал в «Уорнер бразерс». Он не захотел ей перечить, и они придумали давать представления. Джима называли «Чудо-ребенком», и парень был у них за главного участника. Все выглядело как трюк:

Джеми и Кара нарочно предлагали зрителям попробовать разгадать их фокусы. Тем и в голову не приходило, что все по-настоящему, без подделки. Они зарабатывали на выступлениях хорошие деньги. К тому же им нравилось, что семья всегда в сборе. Джеми и Кара и раньше-то дня не могли прожить друг без друга, а работа еще сильнее их сблизил. Ни одни родители так не любили своих детей, как они любили Джима. Все трое были всегда такие счастливые, неразлучные...

* * *

По темному небу пронеслась стая черных птиц.

Джим поднял голову и проводил их взглядом.

Птицы нырнули в тучи на западе и, казалось, исчезли, но через некоторое время вернулись и стали кружиться над скамейкой.

Черные зазубренные линии, мечущиеся в тусклом мертвенном небе, напомнили ему образы, созданные фантазией Эдгара По. Мальчишкой Джим любил стихи По и выучил наизусть наиболее мрачные строки. Ужасное по-своему привлекательно.

* * *

Крики внезапно смолкли. Казалось, можно спокойно вздохнуть, но наступившая тишина испугала Холли не меньше жутких звуков.

— Джим подрастал, и одновременно росли его способности, — продолжал рассказывать Генри. Он с трудом переменял позу, и впервые за время их беседы Холли заметила, что Айренхарт раздражен своей беспомощностью. — К шести годам он усилием воли двигал по столу монетки, к восьми — подбрасывал и держал их в воздухе, а когда ему

стукнуло десять, Джим запросто проделывал этот трюк с грампластинкой или коробкой печенья. Таких чудес я в жизни не видывал.

«Вы бы посмотрели, какие фокусы выкидывает ваш внук сейчас», — подумала Холли.

— Они никогда не пользовались этим в своих представлениях, — сказал Генри, — предпочитали работать с вещами зрителей. У тех просто глаза на лоб лезли: не могли понять, как Джиму удастся угадывать их имена и все остальное. Хотя в конце концов Джеми и Кара начали подумывать о том, чтобы включить в программу кое-какие трюки с подниманием предметов, но не знали, каким образом это сделать, не раскрывая истинной правды. Потом они заехали пообедать во «Дворец Утенка Дикси», и... все было кончено.

Нет, не все, кончилась одна жизнь, но началась другая, темная и страшная.

Она поняла, почему внезапное затишье испугало ее сильнее жутких голосов птиц. Крики — то же самое, что шипение бикфордова шнура. Пока его слышишь, взрыв еще не поздно остановить.

— Вот почему Джим считал, что должен был спасти родителей. Мне кажется, он думал, что мог помешать убийце, например заклинить затвор, поставить автомат на предохранитель...

— Он мог это сделать?

— Наверное, да. Но ему тогда было всего десять лет. Представьте, маленький испуганный мальчишка. Для того чтобы двигать монетки и подбрасывать в воздух пластинки, ему требовалось сосредоточиться, а как сосредоточишься, если со всех сторон летят пули?

Холли вспомнила чудовищные звуки выстрелов:

— Та-та-та-та...

— Когда Джима привезли из Атланты, он почти не разговаривал. Скажет слово и замолкнет на целый день. Что-то умерло в нем вместе с Джеми и Карой, и нам так и не удалось ему помочь, хотя, видит Бог, мы очень любили мальчика. Его способности тоже умерли. По крайней мере, так казалось. Он совсем забросил свои трюки, и через несколько лет даже не верилось, что он когда-то умел делать такие чудеса.

Несмотря на бодрый вид. Генри Айренхарту можно было с первого взгляда дать его восемьдесят лет. Сейчас же он выглядел намного старше, походил на древнюю статую.

— С ним было так тяжело после Атланты. Казалось, ярость в нем кипит... Я и любил его, и немного боялся. Потом я заподозрил Джима в...

— Я знаю, — сказала Холли. Вялые мышцы старческого лица напряглись. Генри настороженно посмотрел на собеседницу.

— Вы говорите о своей жене. О том, как умерла Лена.

— Вы много знаете, — произнес Айренхарт еле слышным голосом.

— Слишком много, — ответила Холли. — Парадокс, но это из-за того, что всю мою жизнь я знала слишком мало.

Генри снова уставился на свои руки.

— Ну как мне пришло в голову, что десятилетний ребенок, даже такой больной, мог столкнуть ее с лестницы? Ведь я знал, как Джим любил Лену. Слишком много лет прошло, прежде чем я понял, каким жестоким и глупым я тогда был. Понял, да только поздно. Джим уже не стал слушать моих извинений. Как поступил в колледж, так больше и не возвращался. За тринадцать лет ни разу не приехал меня навестить.

«Однажды он приезжал, — подумала Холли, — девятнадцать лет спустя после гибели Лены. Приехал, чтобы поверить в ее смерть».

— Если бы он только захотел меня выслушать... — Голос Генри дрогнул.

— Он здесь. Джим приехал, чтобы вас увидеть.

Страх, отразившийся на лице Айренхарта, казалось, состарил его еще больше.

— Джим здесь?

— Он приехал, чтобы выслушать вас, — только и могла сказать Холли. — Хотите, я сейчас его позову?

* * *

В небе по-прежнему кружилась страшная стая. Восемь черных птиц с дьявольскими криками пронеслись над головой Джима.

Как-то в полночь, в час угрюмый, полный тягостною думой, Над старинными томами я склонялся в полусне, Грезам странным отдавался, вдруг неясный звук раздался, Будто кто-то постучался — постучался в дверь ко мне.

Джим шепнул черным птицам в небе:

— «Молвил Ворон: „Никогда“».

Он услышал тихое ритмичное поскрипывание, как будто рядом вращалось колесо, и различил еле слышные за скрипом шаги. Оглянувшись, Джим увидел Холли, которая шла к скамейке, толкая перед собой коляску Генри.

Восемнадцать лет прошло, как он уехал из дому, и за эти годы они виделись с дедом толь-Перевод К. Бальмонта. ко один раз. Поначалу было несколько телефонных разговоров, но потом Джим прекратил звонить сам и не стал отвечать на звонки Генри. Письма деда он выбрасывал не читая. Все это пронеслось в его мозгу, и он начал припоминать, что послужило причиной их разрыва.

Попытался встать, но ноги не послушались его, и он так и остался сидеть.

* * *

Холли подвезла коляску к скамейке и присела рядом с Джимом.

— Как ты тут без меня?

Он молча кивнул и, избегая смотреть на деда, стал рассматривать птиц, выписывающих круги на грязном пепельном небе.

Старик тоже не мог смотреть на Джима. Он с таким видом уставился на цветочную клумбу, что казалось, спешил на улицу только за тем, чтобы увидеть растущие на ней цветы.

Холли понимала, что на ее долю выпала нелегкая задача. Она жалела этих несчастных мужчин и хотела сделать все возможное, чтобы соединить разорванную нить, которая когда-то связывала деда и внука.

Но прежде всего нужно сжечь семена последней лжи Джима, в которую он сознательно или бессознательно верит.

— Послушай, малыш. Никакой автокатастрофы не было. — Она положила руку ему на колено. — Это случилось не так.

Джим перестал следить за полетом черных птиц, и в его взгляде вспыхнуло нервное ожидание. Он хотел знать правду и в то же время смертельно боялся ее услышать.

— Это случилось в ресторане...

Джим отрицательно покачал головой.

— ...в Атланте...

Его зрачки расширились от ужаса.

— ...ты был с ними...

Джим словно окаменел, и страшная тень легла на его лицо.

— ...в ресторане „Дворец Утенка Дикси“. Воспоминания обрушились на него как удар бетонной сваи. Он пошатнулся и скорчился, сжал кулаки. Лицо исказилось гримасой боли. Широкая спина затряслась в беззвучных рыданиях.

Холли обняла его за плечи.

— Боже правый... — Генри Айренхарт с ужасом смотрел на внука, начиная понимать, в какую бездну отрицания тот себя загнал. — Боже правый.

Старик снова уставился на цветочную клумбу. Потом стал разглядывать свои руки, перевел взгляд на землю. Казалось, он всячески избегает смотреть на Холли, но она все-таки поймала его взгляд.

— Мы лечили Джима, — обреченно произнес Генри, точно пытаюсь искупить свою вину. — Мы поняли, что потребуется лечение, и показали его психиатру в Санта-Барбаре. Ездили к нему на прием несколько раз. Делали все, что от нас зависело, но врач — его звали Хемфилл — сказал: „У Джима все в порядке“... После шестого раза он так и сказал: „У Джима все в порядке“.

— Да что они знают, эти врачи! Что мог сделать ваш Хемфилл? Ведь он совсем не знал мальчика, не любил его.

Генри вздрогнул, точно она его ударила, хотя Холли и не думала, что он воспримет ее слова как обвинение в свой адрес.

— Нет, что вы, — быстро заговорила она, надеясь, что Генри ей поверит, — я вовсе не вас имела в виду. Я хотела сказать, нет ничего удивительного в том, что мне удалось то, чего не смог Хемфилл. Я люблю его, а любовь — единственное средство ему помочь.

Она ласково погладила Джима по голове.

— Ты не мог их спасти, малыш. Ты был еще тогда слишком мал. Счастье, что тебе вообще удалось остаться в живых. Послушай меня, солнышко, ты должен мне поверить.

Стало тихо. Все трое сидели, потрясенные обрушившимся на них горем.

Холли заметила, что птиц в небе прибавилось. Наверное, их уже больше десятка. Черные бестии — порождение фантазии Джима. Холли видела, с каким ужасом он смотрит на небо.

Она дотронулась до руки Джима. Он перестал всхлипывать, но намертво сжатые кулаки казались вырубленными из мрамора.

— Скорее расскажите ему все. Объясните, почему вы... так с ним поступили, — попросила она Генри.

Старый Айренхарт нервно откашлялся и, не отрывая глаз от носков своих ботинок, сказал:

— Значит так... вам нужно знать... как все случилось. Через несколько месяцев после того как он вернулся из Атланты, к нам в город приехали киношники, решили, значит, снимать у нас кино...

— „Черная мельница“, — подсказала Холли.

— Джим тогда читал, не отрываясь... — Генри умолк и, будто собираясь с силами, устало прикрыл глаза. Затем снова открыл и посмотрел на склоненную голову внука. — Ты глотал одну книгу за другой, а когда начали снимать фильм, прочел роман Уиллота. С него-то все и началось... Это стало настоящим наваждением. Кроме пришельцев, ты ни о чем и думать не мог. А мы, дураки, обрадовались, что нашли способ тебя разговорить. Даже специально свозили в Нью-Свенборг посмотреть на съемки. Помнишь? А некоторое время спустя ты возьми да и скажи: в пруду, значит, на нашей ферме сидят пришельцы. Ну прямо как в кино или в книге. Поначалу нам казалось, что ты придумал себе такую игру.

Генри остановился. Наступило долгое молчание. Холли посмотрела вверх: птиц стало вдвое больше. Они парили над землей, описывая широкие бесшумные круги.

— Но потом вы начали беспокоиться, — сказала Холли, обращаясь к Генри.

Старый Айренхарт провел рукой по изборожденному морщинами лицу, точно хотел убрать с глаз налет времени, мешающий заглянуть в прошлое.

— Ты часами пропадал на мельнице. Иногда с утра и до вечера. Несколько раз я просыпался по ночам и видел свет в верхнем окне. Представляешь, два или три часа ночи, а тебя нет дома.

Генри говорил очень медленно и подолгу молчал, прежде чем начать следующую фразу. И дело даже не в усталости — слишком мучительно было вспоминать давно забытое прошлое.

— Я или Лена шли на мельницу и забирали тебя оттуда. Ты каждый раз рассказывал

нам о Друге, который живет на мельнице. Мы испугались за тебя, но не знали, что делать... и получилось, ничего не делали... В ту ночь... когда Лены не стало... началась настоящая буря... Холли вспомнила виденный ею сон:

...подгоняемая порывами ветра, она быстро идет по гравиевой дорожке...

— Лена не стала меня будить. Пошла за Джимом на мельницу одна...

...поднимается по крутым каменным ступенькам...

— За окном гроза, гром гремит, а я сплю себе. Бывало устану за день — пушкой не разбудишь...

...проходит мимо узкого окна, которое то и дело озаряется вспышками молний. Она смотрит на улицу и замечает в пруду очертания странного предмета...

— Наверное, Джим, как обычно, взял свечу, забрался наверх и устроился с книжкой...

...сверху доносятся дьявольские крики, визги и шепоты, в сердце закрадывается тревога за Джима, она поднимается по лестнице, входит в распахнутую железную дверь...

— Наконец так гроыхнуло, что я все-таки проснулся...

...и видит испуганного мальчика, который стоит в центре комнаты, прижав к бокам маленькие кулачки. У его ног горит толстая желтая свеча на голубом блюде, рядом на полу лежит книжка в яркой обложке...

— Гляжу, Лены нет, а в окошке мельницы тусклый такой свет виднеется...

...мальчик бросается к ней с криком: „Помоги, мне страшно, стены, стены!..“

— Потом смотрю и не верю: мельница крутится, а ведь уже в то время она лет пятнадцать как не работала...

...она видит в стене янтарный свет, мутные пятна желчи; стена вздувается и она замечает, что в камне скрывается живое существо...

— Крылья вертятся, как пропеллеры. Я быстро оделся...

...он идет, — говорит мальчик. В его голосе слышится испуг, но одновременно и странное лихорадочное возбуждение. — Его никто не сможет остановить!

— Прихватил внизу фонарь — и на улицу. А там дождь как из ведра...

...огромные каменные блоки лопаются, точно хрупкая мембрана яйца насекомого, и из зловонной жижи, возникшей на месте известняка, появляется дьявольское олицетворение черной ярости несчастного ребенка, возненавидевшего весь мир за его жестокость и несправедливость, страшная лютая ненависть и стремление к смерти, воплощенные в образе отвратительного чудовища...

— Подбегаю к мельнице — крылья и в самом деле вращаются...

На этом ее сон заканчивался, но воображение легко нарисовало то, что могло случиться дальше. При виде Врага Лена в ужасе попятилась и, оступившись, упала с лестницы. Перил там нет, и ей не за что было уцепиться, чтобы задержать падение, которое оказалось для нее смертельным.

— Захожу внутрь... она лежит возле лестницы на полу... мертвая.

Генри замолчал и проглотил комок в горле. Его взгляд был прикован к опущенной голове Джима. На протяжении всего рассказа он ни разу не посмотрел на Холли.

После долгой паузы старик снова заговорил, стараясь выделять каждое слово, точно то, что он хотел рассказать, означало для него вопрос жизни и смерти.

— Я поднялся наверх и нашел тебя в комнате. Помнишь, как это было? Ты сидел возле свечи и держал книгу. Ты так крепко зажал книгу в руке, что даже несколько часов спустя я не смог ее у тебя отнять. Я пытался узнать, что произошло, но ты словно воды в рот набрал. — Голос Генри дрогнул. — Видит Бог, я тогда ни о чем, кроме Лены, думать не мог. Куда ни пойду — а перед глазами ее лицо, как она лежит на полу мертвая. Ты всегда был странным ребенком, Джим, а в тот момент вообще повел себя странно: вцепился в свою книжку, не хотел разговаривать. Наверное... наверное, я от горя совсем потерял голову. Подумал, что ты мог столкнуть Лену с лестницы... что она пришла, а на тебя... что-то нашло, и ты ее толкнул...

И, словно не в силах больше смотреть на внука. Генри обратил свой взгляд на Холли.

— Меня всегда удивляло, как сильно переменился Джим после смерти родителей... стал совсем чужой, незнакомый. С виду был тихий, но я чувствовал, что в нем кипит ярость, какой не должно быть в десятилетнем мальчишке. Джим прятал свои чувства, и они прорывались, только когда он спал. Услышав крик, мы шли к нему в комнату... он катался по кровати, бешено колотил подушки, рвал одеяло... вымещал на них злость на того, кто тревожил его во сне.

Генри остановился и посмотрел на свою правую руку, лежащую на колене бессильным грузом.

Кулак Джима под ладонью Холли по-прежнему оставался каменным.

— Ты был хорошим парнем, Джим, и никогда не причинял зла ни мне, ни Лене. Однако в ту ночь я точно спятил. Схватил тебя, стал трясти, требовал, чтобы ты сознался, что столкнул Лену с лестницы. Не должен был я так себя вести... но мой рассудок совсем помутился от несчастья. Сначала Джеми и Кара, потом Лена. Все умерли. У меня никого не осталось, кроме тебя, а ты был такой чужой, холодный... И я, вместо того чтобы обнять, пожалеть, выместил на тебе свое горе... Только много лет спустя понял я, что натворил... да было слишком поздно.

Черная стая собралась над скамейкой и кружилась прямо над их головами.

— Не надо, — тихо попросила она Джима. — Пожалуйста, не надо.

Джим молчал.

Ему вернули память о прошлом, но еще неизвестно, чем все это закончится. Если он винил себя в смерти бабушки только из-за тех давних слов Генри, у нее нет повода для беспокойства, если Лена действительно оступилась, испугавшись монстра, дело тоже поправимое — время залечит раны, но что, если Враг вырвался из стены и сам столкнул ее с лестницы...

— Шесть лет я относился к тебе как к убийце, — вздохнул старый Айренхарт, — лишь когда ты поступил в колледж и уехал... понял, какую чудовищную ошибку я совершил. Ты тогда остался один-одинешенек. Ни матери, ни отца, ни бабушки. Даже с другими ребятами тебе не удавалось поиграть из-за мерзавца Неда Закки. Он был сущий дьявол, да к тому же в два раза больше тебя. Ничего удивительного, что ты так полюбил читать, книги стали твоим единственным другом, заменили семью. Когда я наконец понял свою ошибку, то попытался поговорить с тобой по телефону, но ты не отвечал на звонки. Написал несколько писем, но, думаю, ты их даже не читал.

Джим сидел точно неподвижная статуя.

Генри взглянул на Холли.

— Когда со мной случился удар, Джим все-таки приехал. Он сел возле моей кровати. Я хотел сказать ему о своей ошибке, но язык не слушался, и получилось совсем не так, как я хотел...

— Потеря речи, — сказала Холли, — последствие инсульта.

Генри кивнул.

— Я наконец-то решился поведать Джиму то, что томило меня целых тринадцать лет: хотел попросить прощения за то, что считал его убийцей. — В глазах Генри стояли слезы. — Но вышло все наоборот: он подумал, я опять обвиняю его в убийстве, и уехал. Сегодня я увидел Джима впервые за четыре года.

Джим молчал, опустив голову, положив на колени каменные кулаки.

Что вспомнилось ему о той ночи на мельнице? Ведь кроме него никто не знает всей правды.

Не выдержав мучительного ожидания, Холли поднялась со скамейки. Постояла в нерешительности. Снова села. Положила ладонь на кулак Джима.

Подняла голову.

Птиц стало еще больше. Не меньше тридцати.

— Я боюсь, — прошептал Джим и умолк.

— После той ночи он ни разу не был на мельнице, никогда не упоминал о Друге или

книге Уиллота. Я грешным делом подумал, что дела пошли на поправку... он стал не таким странным. Но позже мне пришло в голову, что Джим лишился единственной отдушины, которая у него была.

— Я боюсь вспоминать, — снова прошептал Джим.

Холли знала причину его страха: осталось узнать только одну последнюю тайну — была ли смерть Лены Айренхарт случайностью или ее убил Враг. Если последнее окажется правдой, Джим действительно убийца.

Не в силах видеть опущенную голову Джима и горькое раскаяние на лице старика, Холли снова посмотрела вверх и заметила, что птицы снижаются. Три десятка черных ножей со свистом резали серое небо, неотвратимо приближаясь к месту, где они сидели.

— Не надо, Джим.

Генри посмотрел на небо.

Джим поднял голову, но не для того, чтобы увидеть опасность. Он знал, что его ждет, и поднял голову, подставляя свои глаза под страшные клювы и острые когти.

Холли вскочила на ноги, сразу превратившись в самую заметную мишень.

— Вспомни, Джим! Ради Бога, вспомни!

В ушах у нее звенели пронзительные крики быстро приближающихся птиц.

— Даже если это сделал Враг, — она прижала голову Джима к груди, закрыла его точно щитом, — ты должен с этим справиться.

Генри вскрикнул от ужаса. Птицы с шумом пронеслись над Холли, вытягивая длинные шеи, пытаясь из-за ее спины дотянуться до лица Джима.

Они не причинили ей вреда, но одному Богу известно, что произойдет в следующую секунду. Черная стая — воплощение Врага, а он ненавидит Холли не меньше, чем Джима. Птицы взмыли в серую высоту и исчезли из виду.

Она заметила испуг на лице Генри, но, к счастью, он не пострадал.

— Скорее уезжайте отсюда, — крикнула она ему.

— Нет. — Рука старика беспомощно потянулась к Джиму, который продолжал сидеть точно каменное изваяние.

Одного взгляда на небо оказалось достаточно, чтобы понять: птицы еще вернутся. Они только скрылись за серыми бородастыми тучами, и в следующий раз их будет больше: пятьдесят или шестьдесят черных прожорливых тварей.

Она заметила людей, выглядывающих из окон приюта, и услышала шорох отодвигаемых стеклянных дверей.

На улицу вышли две сиделки.

— Назад! — крикнула им Холли. Она не знала, угрожает ли женщинам опасность.

Ярость Джима, направленная против самого себя и, возможно, против Бога, которого он винит в существовании смерти, может выплеснуться на невинных. Должно быть, ее крик испугал сиделок, и они вернулись в здание.

Она подняла глаза: черная стая снова зависла над двором.

— Джим! — Ее пальцы сжали его виски. Она заглянула в синие глаза и увидела в них холодный огонь ненависти к самому себе. — Тебе осталось сделать всего один шаг. Пожалуйста, вспомни.

Он смотрел на нее в упор, но, казалось, не видел. Такой же отсутствующий взгляд был у него в «Садах Тиволи», когда к ним ползло подземное чудовище.

Двор огласился дьявольскими воплями летящей к земле стаи.

— Джим, нельзя убивать себя из-за смерти Лены!

Воздух наполнился ржавым скрежетом крыльев. Холли спрятала голову Джима у себя на груди. Он не сопротивился, и его покорность вселила в нее надежду. Сама она, как могла, пригнулась и изо всех сил зажмурила глаза.

Стая обрушилась на нее с яростным клекотом. Она чувствовала холодные прикосновения гладких клювов, сначала осторожные, потом все более настойчивые. Птицы кружились вокруг нее, словно стая обезумевших от голода крыс. Они тянули к Холли острые

когти, разевали хищные челюсти, пытаюсь протиснуться между ее грудью и лицом Джима. Казалось, еще миг — и ей в лицо брызнут кровавые лохмотья. Шелковистые перья птиц щекотали кожу. Она содрогалась от отвращения, пошатываясь под оглушительными ударами крыльев. В ушах стоял душераздирающий вопль, точно рядом визжала буйно помешанная. Проклятые твари жаждали крови, крови, крови... Одно из чудовищ разорвало рукав ее блузки и оставило на теле болезненную ссадину.

— Нет!

Птицы одна за другой взмыли вверх и исчезли. Холли не сразу поняла, что они улетели, потому что приняла за шум крыльев громовые удары сердца и хрип собственного дыхания. Когда она осмелилась открыть глаза, то увидела, как стая выписывает черную спираль на фоне свинцового неба, сливается с другой, еще большей стаей, и вся эта дьявольская масса крыльев и тел со страшной скоростью несется к земле.

Она взглянула на Генри Айренхарта и заметила, что рука у него в крови. Наклонившись вперед, он пытался дотянуться до Джима, снова и снова повторяя имя внука.

Взгляд Джима сказал Холли, что его мысли далеко от нее. Скорее всего он сейчас на мельнице в ту безумную ночь. Перед ним бабушка с искаженным от ужаса лицом. Через мгновение ее не станет, но в памяти, точно на остановившейся пленке, застыл один и тот же стоп-кадр.

Черная стая закрыла полнеба.

Казалось, они еще далеко, но их было так много, что от страшного скрежета крыльев закладывало уши. Птичьи крики звучали как вопли из ада.

— Ты сам вправе выбирать между жизнью и смертью. И, если ты задумал убить себя, как Ларри Каконис, не в моих силах тебе помешать. Но запомни одно. Даже если Враг захочет убить только тебя, я все равно умру. Зачем мне жить, если тебя не станет? Я убью себя, как Ларри Каконис, и провалюсь ко всем чертям, если ад — единственное место, где мы сможем быть вместе.

Враг обрушился на Холли с удесятеренной силой. Она в третий раз прижала к груди лицо Джима, но сама осталась стоять с поднятой головой, отыскивая в неистовом водовороте крыльев, клювов и когтей блестящие бусины птичьих глаз. Они казались черными, как безлунная ночь, отраженная в морской бездне, и безжалостными, как сама Вселенная, как ненависть, кипящая в сердце человечества. Холли знала, что заглянула в черные глубины души Джима, до которых ей раньше не удавалось докричаться. Не сводя глаз с мечущихся бусин, она тихонько окликнула его по имени. В ее голосе не прозвучало ни мольбы, ни страха, ни гнева. Холли вложила в короткое слово всю нежность, всю любовь, которую к нему испытывала. Птицы били ее крыльями, разевали длинные клювы, оглушительно кричали. Они угрожающе цеплялись за одежду и волосы, но медлили разорвать Холли в клочья, точно давали последний шанс убежать и спастись. Их холодные немигающие взгляды буравили ее насквозь, но Холли не испугалась. Она звала Джима по имени и повторяла, что любит его, повторяла до тех пор... пока птицы не исчезли.

Они не улетели, как раньше. Они точно испарились. Только что воздух сотрясался от их пронзительных воплей, и вдруг наступила мертвая тишина. Как будто ничего и не было.

Холли продолжала прижимать к себе Джима еще несколько секунд, потом отпустила. Он по-прежнему смотрел сквозь нее невидящим взглядом, точно находился в глубоком трансе.

— Джим, — умоляюще позвал Генри, протягивая к нему руку.

После короткого колебания Джим соскользнул со скамейки и опустился на колени перед дедом. Взял руку старика и поцеловал.

Потом сказал, не поднимая глаз от земли:

— Бабушка увидела, как Враг вылезает из стены. Раньше такого никогда не случалось. — Голос Джима звучал отстраненно, будто часть его существа все еще жила в прошлом. — Она испугалась, попятилась и сорвалась с лестницы...

Он помолчал, потом прижал ладонь деда к своей щеке и тихо произнес:

— Я не убивал ее.

— Я знаю, Джим, — дрожащим голосом ответил старик, — я знаю, что ты этого не делал.

Он вопрошающе взглянул на Холли, и она поняла, что у Генри накопилась тысяча вопросов о птицах, врагах и стенах. Но ему придется подождать ответов, как пришлось ждать ей и Джиму.

Глава 3

Всю дорогу до Санта-Барбары Джим сидел, откинувшись на сиденье и закрыв глаза. Казалось, он спит глубоким сном. Холли подумала, что за двадцать пять лет ему ни разу не удалось по-настоящему отдохнуть.

Она не стала его будить: Враг ушел, а вместе с ним исчез и Друг. Теперь в теле Джима живет только одна личность — он сам. Сны больше не двери.

Холли решила пока не возвращаться на мельницу, хотя там остались их вещи. Она сыта по горло Нью-Свенборгом и всем, что с ним связано. Лучше всего отыскать место, где они раньше не были, и начать новую жизнь, не омраченную тенями прошлого.

По обе стороны шоссе расстилалась бурая от солнца земля. Она вела машину и думала, глядя на пепельно-серый небосклон. Постепенно в голове из мелких частиц сложилась четкая картина.

...Необычайно одаренному мальчику, который даже не подозревает о скрытых в нем гигантских возможностях, удастся выжить в бойне, произошедшей во «Дворце Утенка Дикси», однако испытанные им ужасы не проходят для него бесследно. Желая оправдаться в собственных глазах, он с помощью фантазии Артура Уиллота создает Друга — воплощение своих самых благородных устремлений — и узнает от него, что ему суждена особая миссия. Но одному Другу не под силу исцелить ребенка, чье сердце переполнено гневом и отчаянием. Ему необходима третья личность, чтобы спрятать отрицательные эмоции, черную ярость, которая пугает его самого. Тогда он создает Врага, изменяя сюжет романа Уиллота. Оставшись один на мельнице, мальчик ведет увлекательные беседы с Другом и дает выход ярости в образе ужасного Врага.

Это продолжается до тех пор, пока однажды ночью не погибает Лена Айренхарт. Испугавшись вида Врага, она оступает и падает...

Потрясенный ее смертью, Джим заставляет себя забыть созданных его фантазией Друга и Врага точно так же, как в книге Джим Джемисон забывает о встрече с пришельцем. Почти двадцать пять лет он живет тихо и незаметно, боясь сильных чувств, подавляя в себе и хорошие, и дурные стороны своей личности.

Работа в школе дает ему надежду на возрождение, но самоубийство Ларри Какониса приводит его в смятение. Лишившись цели в жизни, мучимый угрызениями совести, он начинает винить себя в гибели родителей и смерти бабушки. Скрытый в подсознании образ Джима Джемисона рождает в нем тягу к приключениям и тем самым дает выход энергии Друга.

Но, освободив Друга, он также освобождает Врага. За годы бездействия скрытая в нем ярость становится еще более черной и страшной. В ней нет ничего человеческого.

За двадцать пять лет Враг вырос и превратился в немыслимое чудовище, алчущее крови...

* * *

Джим во всем походил бы на других жертв раздвоения личности, если бы не одно маленькое отличие: созданные им существа не были людьми, и, самое главное, ему удавалось оживлять порождение своей фантазии. Если в нашумевшем случае с Салли Филд в облике больной жили шестнадцать личностей, то Джим мог воплощать себя в трех разных обликах,

и одно из них было маской кровожадного убийцы.

Несмотря на уличную жару, ей стало зябко. Холли включила в машине печку, но так и не смогла согреться.

* * *

Часы за регистрационной стойкой показывали одиннадцать минут второго. Приехав в Санта-Барбару, Холли оставила машину возле небольшой уютной гостиницы. Заполнила анкету и протянула клерку кредитную карточку. Джим по-прежнему спал на переднем сиденье «Форда».

Получив ключи от номера, она сумела извлечь его из машины и довести до комнаты. Он шел словно в полусне, а оказавшись возле кровати, повалился на нее без чувств, свернулся калачиком и мгновенно уснул.

В автомате напротив бассейна Холли купила две банки содовой, кубики льда и пару плиток шоколада.

Вернувшись в комнату, она опустила шторы. Включила настольную лампу и накрыла абажур полотенцем, чтобы свет не падал на лицо спящего Джима.

Пододвинула стул к кровати и села у изголовья. Он спал, а она медленно потягивала содовую и откусывала от шоколадки.

Самое страшное осталось позади. Черные фантазии сгорели дотла, и Джим с головой окунулся в холодную реальность.

Но что дальше? Она не знала. Каким он станет, лишившись иллюзорного мира, в котором прошла большая часть его жизни? Будет ли жизнерадостным оптимистом или, наоборот, превратится в унылого скептика? Останутся ли у него прежние способности? Он черпал их внутри себя только для того, чтобы сдерживать безумные фантазии и сохранить рассудок. Возможно, теперь он, как в детстве, сумеет в лучшем случае поднять сковородку или подбросить в воздух монету. Но самое страшное — она не знает, будет ли он ее по-прежнему любить.

Пришло время обедать, а Джим спал непробудным сном.

Холли спустилась вниз, накупила еще шоколаду. Гулять так гулять. Судя по всему, через несколько лет она станет такой же толстой, как мать. Если, конечно, не будет следить за собой.

Десять часов. Джим все еще спал.

Одиннадцать.

Полночь.

Холли собралась его разбудить. Но остановилась, внезапно поняв, что сон — своего рода кокон, в котором рождается новая жизнь. Гусенице нужно время, чтобы превратиться в бабочку. По крайней мере, ей хотелось верить в найденное объяснение.

Примерно в первом часу Холли заснула, сидя на стуле. Снов она не видела.

Ее разбудил Джим.

Она взглянула ему в глаза и не заметила в них холода. Они загадочно мерцали в неярком свете затемненной лампы.

Склонившись над ней, Джим осторожно потряс ее за плечо.

— Просыпайся, Холли. Пора ехать. Сна как не бывало.

— Куда?

— Скрантон, штат Пенсильвания.

— Зачем?

Джим схватил одну из оставшихся шоколадок, разорвал обертку и, откусив сразу полплитки, сказал:

— Завтра в полчетвертого пополудни бесшабашный водитель школьного автобуса попытается протаранить поезд на железнодорожном переезде. Если мы не успеем, погибнет двадцать шесть детей.

— И ты знаешь все, не только отдельные детали? — Она поднялась со стула.

— Конечно. — Он дожевывал шоколад и хитро улыбнулся. — Кому же знать, как не мне. Ты сама говорила, что я — экстрасенс.

Губы Холли расплылись в широкой улыбке.

— Представляешь, каких дел мы с тобой наделаем, — восторженно говорил Джим. — Что там Супермен! Спрашивается, зачем он столько времени торчал в газете, вместо того чтобы заняться чем-нибудь полезным?

— Никогда не могла этого понять, — ответила Холли, и голое у нее сорвался от нахлынувших чувств.

Джим поцеловал ее, оставив на губах сладкий вкус шоколада.

— Мы еще покажем, на что способны. Конечно, тебе придется подзаняться боевыми искусствами, научиться управляться с пистолетом и еще кое-чему. Ну да это для тебя пара пустяков, я-то знаю.

Холли обняла Джима за шею и, вне себя от радости, прижалась к его груди.

Наконец-то жизнь обретает смысл.